

ЛЮБОВЬ ЧЕРНИКОВА

СИЛА
ЗАЩИТНИЦЫ

Киру считают приемышем и бунтаркой. Ну кто же ещё может носить штаны и охотиться наравне с мужиками? И все бы ничего, вот только девки посмеиваются, а парни свататься не спешат. То ли коса у Киры недостаточно длинная, то ли кулаки слишком крепкие? Вроде и был один смельчак, да и тот сбежал, стоило в деревне появиться новому Защитнику. А тут еще невидаль — проявил себя дар. И что же делать, когда взгляд стальных глаз страшнее волчьих клыков, а одни сны на двоих с Паситой тин Хорвейгом сводят с ума истомившееся по любви сердце?

Внимание!

Данный роман НЕ славянское фэнтези. Он НЕ про Древнюю Русь. События романа происходят НЕ «примерно в 7-10 веках».

Это роман в славянском антураже про альтернативную реальность, в которую когда-то еще до описанных событий попали люди из нашей реальности, оставив неизгладимый след (те самые слова, которые НЕ вяжутся с Древней Русью 7-10 века).

Ну вот, настрой верный, теперь можно и читать:)

Каррон с тревогой всматривался в горизонт, откуда жёлтой змеей выползала струящаяся по холмам дорога. Весна выдалась дружной. Хотя снег со склонов сошёл не так давно, но необычайно жаркое в этом году весеннее солнце щедро делилось теплом и уже успело просушить землю, покрытую нежной зеленью молодой поросли.

Защитник ждал. Посланники Ордена должны были появиться точно в срок, об этом предупредила полученная с почтовым голубем записка. С тех пор пролетело ровно пять седмиц — достаточно, чтобы небольшой отряд проделал путь по «летнему» тракту от Ордена до самых приграничных земель.

Наконец, на верхушке дальнего холма показалось четверо всадников. Каррон сопровождал их внимательным взглядом чуть прищуренных глаз, пока те не спустились, ненадолго скрывшись из виду, а потом снова показались уже ближе и, обогнув малый холм и преодолев оставшееся расстояние, остановились в нескольких шагах, обдав запахом конского пота.

Каррон склонил голову в традиционном приветствии.

Настоятель Махаррон, желчного вида старик с зачёсанными назад седыми волосами и крючковатым носом неожиданно ловко спешился, естественным, почти изящным движением руки оправив тяжёлый чёрный плащ, и подошёл ближе. Худой, но жилистый и крепкий, он утёсом возвысился над склонившимся Защитником, взгляд которого упёрся в громовик — символ Ордена, висящий на толстой золотой цепи.

— Здрав будь, Защитник Каррон! Хорошо ли живёт люд в Золотых Орешках?

— И тебе долгих лет, Настоятель, — Каррон поднял голову и тепло улыбнулся. — Чем я заслужил честь лицезреть твой умудрённый годами лик?

— У моего любимого ученика родился сын — будущий Защитник! — Настоятель воздел палец к небу. — Уж не думал ли ты, что я отправлю сюда Затолана? — Махаррон усмехнулся, отчего суровые черты чуть смягчились, и не глядя кинул повод одному из сопровождающих. — Ну, веди нас в свои хоромы. Хотя, зная тебя, это будет скорее волчье логово.

Настоятель обвёл взглядом просторную комнату. Обшитые свежим тёсом стены наполняют пространство запахом древесины. По правую руку двустворчатое окно, прохладный ветерок поигрывает расшитыми васильками занавесками. Под окном — длинная лавка, рядом дубовый стол заставленный ароматно пахнущей снедью, да два стула — это Каррон на досуге балуется. Слева от входа белёная печь, дальше за ней у противоположной от окна стены аккуратно заправленное широкое ложе, рядом покрытый сукном большой сундук. Тут и там мелькает вышивка: петухи, кони, разнотравье. Напротив двери — украшенные резьбой полки. На верхней, как водится, фигурки богов — Керун-воин, да Киалана Заступница.

— Скромно, как я и ожидал, — Настоятель, скрипнув половицей, прошёл в просторную горницу, — но добротню. — он хитро прищурился, уставившись на затейливо расшитый ворот рубахи Защитника, и погрозил пальцем. — А ведь тут явно чувствуется женская рука!

Каррон покраснел как мальчишка. Правильно истолковав его смущение, Махаррон успокоил:

— Не переживай, все это условности. Нравится девка и ладно. Конечно, ежели не

супротив воли.

— Не супротив! — горячо воскликнул Каррон.

— О-о-о! — внимательно присмотрелся к нему Настоятель. — Защитник, — тон Настоятеля посуровел, напомнив времена ученичества, — надеюсь, ты руководишься Кодексом и разумом в своих действиях?

От этих его слов Каррону припомнился первый день в Золотых Орешках:

По древней традиции новому Защитнику привели самую красивую девку в деревне. Тонкий стан, белая кожа, высокая грудь и шёлковые русые волосы до самых пят. Она дрожала не то от холода, не то от страха, кутаясь в кисейную прозрачную накидку. Каррон, заворожённый необычайной красотой и невинностью, которой сквозила вся её фигурка, подошёл, осторожно приподнял голову за подбородок. Девушка оказалась страсть как хороша. Неизвестно то ли это на него так повлияло, то ли уважение к Орденским обычаям, пускай и забытым, но он не удержался. Повинуясь какому-то порыву, наклонился и нежно поцеловал приоткрытые полные губы.

Бездонные синие глаза заблестели, из них тут же выкатились две слезинки, оставляя мокрые дорожки на фарфоровых щеках. Защитник, тяжело вздохнув, усилием воли сбросил наваждение, отступил назад и вышел из горницы на мороз, чтобы привести в порядок мысли и взбунтовавшуюся силу. Скоро он вернулся. Сняв с крючка подбитый волчьим мехом плащ, укутал девушку — та, похоже, так и простояла всё это время посреди комнаты, не сходя с места.

— Зовут как, красавица? — спросил он, плотней запахивая края плаща.

— ...А... Анасташа. Люди Ташкой или Тасей кличут, — девчонка робко подняла взор, на лице читалось неподдельное удивление.

— Ладно. Заступница с тобой Анасташа. Иди. Не трону я тебя, не бойся.

Девушка растерянно медлила, и Каррон, отворив дверь, за плечи вывел её в сени.

На улице в ожидании переминались с ноги на ногу мать с отцом. Пожилая, красивая статная пара: «Так вот в кого пошла дочь».

Решившись, родители кинулись к крыльцу. Бросив тревожный взгляд на девушку, сразу всё поняли.

— Ах ты! Я вот тебе! — замахнулась мать.

Каррон без труда преодолел короткое расстояние, перехватив занесённую для удара руку.

— Не тронь! Ни сейчас, ни впредь, — спокойно произнёс он, а затем повернулся к народу. Вокруг на площади для собраний прямо перед домом Защитника, несмотря на поздний час, шатались зеваки. — И больше девчонок не водите! — у самой двери Каррон обернулся и добавил: — Не бойтесь, не осерчал я.

Защитник вскинул голову и хмуро уставился прямо в холодные светло-голубые глаза, такие же, как у него самого:

— Настоятель Махаррон, ни разу ни в чём я не отступил от Кодекса и совести! — в глазах Защитника пылала вера в произнесённые слова.

— Ну-ну. Не горячись, сын. — сухая жилистая рука похлопала по плечу, и Каррон удивился, узрев на лице старика печаль. Тот, глядя сквозь бревенчатые стены далеко в прошлое, продолжил: — Любовь к женщине мне знакома не понаслышке, — он усмехнулся, и суровые его черты неожиданно смягчились. — Будь разумным и сможешь позволить себе быть счастливым. Но! Сам понимаешь, ребёнка твоего я все равно заберу. Он — будущий

Защитник и должен воспитываться в духе Ордена, как полагается.

Каррон покорно кивнул, всё ещё не веря в то, что услышал. Отец впервые за всё время упомянул о матери, пускай и вскользь.

Анасташа не стала изгоем, но порой чувствовала себя не принадлежащей этому миру. На вечерних гуляньях парни сторонились её, более не норовя чмокнуть украдкой, как часто бывало. Не выкрикивали в горелках. Не ловили, играя в «Ящера». Да и ей было не до веселья сердце железными оковами сжимала непроходящая тоска. Она по привычке продолжала приходить вечерами на берег Широкой, туда, где у подножья Керунова холма издавна было принято веселился народ, но всё больше просиживала в сторонке. К ней не спешили засылать сватов, даже из соседних деревень, хотя это-то как раз было на руку. Подруги больше не делились сокровенным, а сама Ташка ходила все время словно в воду опущенная. Встречая Каррона, густо краснела и спешила поскорее скрыться, не поднимая на Защитника глаз.

Так пролетело две зимы, и Анасташе миновало девятнадцать. Мать частенько ворчала, а порой и откровенно злилась:

— Отвергла Защитника, дура! Да если бы ты нрав свой поумерила, сейчас от женихов бы не было отбою.

— Мама, он сам меня не захотел!

— Не захотел, он! Рассказывай. Каррон ведь после тебя на других-то и не смотрит. По деревне и слухи уже ходят. Говорят, сглазила Защитника Ташка. Да и какой он Защитник, ежели не дал клятву?

— Мама, он настоящий Защитник! Лучший!

Анасташа нервно схватила ушат с бельём, замоченным в мыльном корне ещё с вечера, прихватила резной валёк и выскочила наружу. Разговор продолжать не хотелось — без того Защитник Каррон из головы не выходит, а она и мысли допустить боится кому-то про то рассказать, ночами мечтая, как бы всё сложилось, поступи она тогда по-другому.

Добрый, сильный, справедливый — лучшего мужа вовек не сыскать.

Да только невозможно это. Таким, как Каррон, запрещено заводить семьи. Недаром в песне о Раггальде Защитнике поётся, как ради любимой покинул он деревню, да тем самым обрёк её жителей на погибель. Когда влюблённые сбежали, пришла Стая и вырезала всех до единого. Ферита — возлюбленная Раггальда, узнав о том, утопилась в реке. Защитник три дня и три ночи горевал, обнимая холодное тело. А потом, развеяв её прах над обрывом, бросился на собственный меч.

Каждый раз Анасташа, слышав протяжный, исполненный тоски напев, не могла сдержать слёз. Может, оно и к лучшему! Так хоть доживёт век старой девой, зато никто руку не поднимет, да постель с немилым делить не придётся.

Ташка дошла до реки и поставила ушат на деревянные мостки. Принялась раскладывать белье. Губы сами зашевелились, над водой полилась тихая «Песнь о Раггальде». Изредка утирая плечом слёзы, девушка старательно работала, постепенно успокаиваясь. В Последнее время то и дело не давала покоя мысль: не поддаться ль на уговоры матери, не уйти ли в Вороньи Гнёзда или ещё куда? Желана думала, что в другом месте дочери не побоятся выказывать знаки внимания, и та постепенно оттаёт, а там уж до сватов дело дойдёт. Сама

же Анасташа надеялась, станет легче, если она не будет больше видеть Каррона. Не зря же говорится: с глаз долой — из сердца вон.

Солнце стояло в зените, когда выполоскав в проточной воде и развесив выстиранное бельё на верёвках, растянутых между ветками, растущих по берегу кустов, Анасташа устало выпрямилась. Поясница затекла, пот струился по спине, подол просторной льняной рубахи расшитый обережным узором вымок и лип к ногам.

Никого вокруг не было, только птицы вяло переговаривались, попрятавшись от жары в ветвях. Домой возвращаться не хотелось, и Анасташа, оставив ушат и валёк тут же под кустом — прихватит на обратном пути — решила подняться выше по течению к тихой заводи. В деревне место это называли Девичьими купальнями. По негласному уговору женщинам там можно было плескаться без опаски. Мужики заявлялись, только если шутить, да подглядывать, но такое редко случалось. Пойманного охальника били всем миром, чтобы неповадно было. А не много удали — сначала получить на орехи от голых баб, а потом ещё подставить рёбра под мозолистые кулаки их заступников.

У купален Анасташа распустила шнурок на вороте и скинула с себя рубаху, прополоскала её тут же. Крепко выжав, встряхнула и повесила на куст с той стороны, где сильнее припекало солнце. В прохладную воду окунулась сразу не медля. Рыбкой ушла на глубину. На середине заводи вынырнула на поверхность и поплыла на спине.

Крепкие девичьи груди дерзко смотрели в синее небо. Так доплыла до противоположного берега, там вода стала теплее — сюда дотягивались солнечные лучи.

На мелководье резвились мальки, испуганно разлетаясь в стороны, они приятно щекотали кожу. Натруженное за день тело блаженствовало, заново наливаясь энергией.

Отступили тяжёлые думы, смытые целительной влагой.

Вдоволь наплескавшись, девушка поплыла обратно, выбралась из воды и распустила косу. Разбирая мокрые волосы руками, направилась к месту, где оставила рубаху, но та куда-то исчезла. Анасташа внимательно осмотрелась. Она не волновалась.

Случалось подружки шутили, пряча одежду и требуя пустяковый выкуп: «Вот, уж, она оттаскает шельму за косу!». Ташка наклонилась, высматривая не спрятана ли рубаха под кустами.

— Смотри-ка, а с этой стороны она ещё лучше!

Анасташа подпрыгнула от неожиданности и обернулась. Позади стояли четыре незнакомых мужика. Она и не заметила, когда те появились. Все заросшие, одетые абы как, но вооружённые. У одного на поясе короткий меч, у остальных — дубины. Не то беглые каторжники, не то разбойники. Сразу видно — пришлый люд.

Каррон, одетый в простую льняную рубаху, подпоясанную бечевой, хоронился в теньке и неспешно правил косу, когда издали послышался крик:

— Каррон! Каррон Защитник, беда!

Босоногая, рыжая Аглашка, придерживая подол одной рукой и заполошно размахивая другой, что есть духу неслась через лесок по тропинке. Не добежав нескольких шагов, споткнулась и чуть было не распласталась во весь свой долговязый рост. Защитник, верно, чудом, успел отложить инструмент и поймать её за плечи.

Аккуратно поставив девушку на ноги, спросил:

— Что стряслось, Аглая? Говори, не медли.

— Я к купальням пошла, а там Ташка. Я подшутить над ней решила — спрятала рубаху,

а сама в кустах затаилась. Едва дождалась, пока наплещется, вот ведь русалка!

— Аглая! — поторопил болтливую девку Защитник.

— Так вот, вылезла Ташка и стала одёжу искать, а тут откуда-то эти пришлые взялись!

По виду — чистые разбойники. Стархолюдные!

— Много их? — Каррон нахмурил брови.

— Трое или четверо. Я не запомнила...

— Дуй в деревню, собирай мужиков, — прервал поток слов Каррон.

Аглашка, хлопнув густыми рыжими ресницами, подалась всем телом вслед.

Крикнула, сложив руки у рта:

— Рубаха-то там — за куст-о-о-ом!

Девичьи купальни находились неподалёку. Всего-то и дороги, что пересечь рощу, да подняться наверх по тропе. Каррон бегом бросился напрямки через лес. Тревога овладела им вопреки всем канонам.

Разбойники нагло рассматривали Анасташу, та, стусевавшись под сальными взглядами, как смогла, прикрылась мокрыми волосами, благо длина позволяла.

— Убирайтесь! Вам тут нечем поживиться! — храбро ответила она, вздёрнув подбородок, не подавая виду, что сердце ушло в пятки.

Один из разбойников оскалил в похабной улыбке жёлтые зубы и сплюнул травинку, которую пожёвывал все это время.

— Да ну? Не может быть! — его товарищи глумно загоготали.

— Вам Каррон Защитник головы поотрывает вместе со всем остальным из ненужного! — Анасташа шагнула вперёд, пытаясь обогнуть их, но ей преградили дорогу.

Двое предусмотрительно зашли за спину, отрезав путь к воде раньше, чем она сообразила переплыть на другую сторону.

— О-о, да у неё острый язычок! Проверим, на что ещё он годен. А ежели только, чтобы болтать — такотрежем. Не люблю болтливых. — он, поигрывая невесть откуда взявшимся в руке ножом, многозначительно посмотрел на одного из подельников, остальные снова заржали.

— Каррон? Не слыхивал про такого, — просипел толстяк с большой сучковатой дубиной подстать.

— А раз не слыхивали, знамо, дерьмо ваш Защитник, — писклявым голосом добавил третий. Он был настолько худ, что верно был чем-то болен: «Из всех — этот самый отвратный» — подумалось Ташке не к месту.

— Да он... Он вас убьёт! Он отличный Защитник! Самый лучший! — выкрикнув эти слова, Анасташа отчаянно бросилась прочь по дороге, но её тут же схватили грубые руки, прижали к себе, царапая нежную кожу о заскорузлую дерюгу. Из рта пахнуло кислым.

— Горячая девка, сама на меня прыгнула! — обрадовался тот, что с мечом. Ташка дёрнулась, взвизгнув, когда её больно ущипнули за зад.

— Кричи громче. Люблю, когда кричат, — раздался над ухом писклявый голос худощего. Зловоние их тел заставило Анасташу содрогнуться, рвануться, непроизвольно прижавшись крепче к вящему удовольствию державшего её главаря.

— Ага, ори. Может, и Защитник твой услышит. Придёт, мы и его поимеем, — они снова заржали такой славной шутке.

— Услыхал. Отпусти девчонку!

На тропе возник Каррон. Никто не заметил, как он подошёл. Незваные гости повернулись. Окинули фигуру Защитника оценивающими взглядами. Отметили, что противник безоружен. Вперёд вышел толстяк и, не спеша, потянул из-за пояса дубину.

— Ну, ты, тут Защитник? — просипел он. — Что-то непохож, даром что здоровый.

— Да и одет, как простой мужик. Защитники так не ходят, — добавил худой, — и медальона на шее нет.

— Да у тебя и оружия нет, — криво усмехнулся тот, что с мечом.

— У тебя одолжу, — ухмыльнулся в ответ Каррон, — и то, чтобы руки не пачкать, — в его голосе прозвучало явное пренебрежение.

— Попробуй! — толстяк заревел и неуклюже бросился вперёд.

Никто из бандитов не понял, как все произошло. Вот жирдяй оказывается возле Защитника, а мгновением позже уже барахтается посреди заводи, пыхтя и надувая красные, побитые оспой щёки. Анасташа тоже не поняла. Главарь выхватил из ножен меч и шагнул Каррону навстречу, толкнув её в руки молчуна, как про себя окрестила она четвёртого, за всё время он и слова не вымолвил, только сверлил нехорошим взглядом, от которого было совсем не по себе. Тот тут же крепко обхватил её талию.

Никогда раньше Ташка не видела, чтобы дрались вот так. Худющий и главарь с двух сторон набросились на Защитника. Каррон отбил трофейной дубинкой первый удар меча, тут же увернулся от кинжала, метившего в бок. Перехватив запястье, резко повернул. Кинжал упал на землю. Продолжая движение, толкнул худющего на главаря, сделав стремительный шаг следом. Отбил неуклюжий удар в сторону и пнул худющего в грудь, отчего оба бандита разом повалились на землю. Не медля Каррон ногой выбил меч из рук главаря и огрел его дубинкой. Тот обмяк. Защитник обернулся. Толстяк принял мудрое решение и уже выбирался на берег с противоположной стороны, то и дело оглядываясь. Молчун, ухмыляясь беззубым ртом, отступил к тропе, приставив к горлу Анасташе клинок.

— Брось нож. Пусти девчонку! — Каррон шагнул вперёд.

Бандит, невнятно замычав, мотнул головой. Анасташа тихо ахнула, когда лезвие оцарапало кожу.

— Брось нож, сказал! — повторил Защитник, но вдруг что-то усмотрел в пустых водянистых глазах.

Ташка зажмурилась от страха, и вдруг почувствовала, как разбойник обмяк. Его рука разжалась, и нож вывалился на землю. Вторая бессильно сползла с её талии, судорожно пытаясь уцепиться, скользнула по бедру, больно дёрнув волосы, и, наконец, замерла, продолжая держаться за щиколотку. Брезгливо выдернув ногу, Анасташа отскочила в сторону. Обернувшись, остолбенела, прижав руки ко рту и глядя на труп, из глазницы которого торчал кинжал.

Каррон вмиг оказался рядом. Повернул к себе, спасая от страшного зрелища.

Обхватил лицо руками, с тревогой заглянул в синие глаза. На белой коже протянулась красная нитка длинной царапины — от горла к правому плечу. Защитник тронул кончиками пальцев выступившие бисеринки крови и, сглотнув, спросил неожиданно хриплым голосом:

— Говоришь, самый лучший?

Не дожидаясь ответа, крепко прижал к себе, и Анасташа позабыла о пережитом. О том, что стоит здесь совершенно голая, да ещё и в мужских объятьях. Так хорошо и спокойно ей стало, так бы всю жизнь провести...

Но все когда-нибудь кончается. С заметным усилием Каррон выпустил её из рук.

Отвёл чуть в сторону от убитого разбойника, нырнул в кусты и тут же вернулся с её рубахой в руках. Проходя мимо очухавшегося было главаря, походя вырубил того коротким движением, всё это время глядя прямо в глаза Анасташе:

— Вот, надень, — протянул рубаху и отвернулся.

Ташка не пошевелилась. Так и стояла, зажав ткань в кулаке. По лицу не переставая струились слёзы. Ей не хотелось верить, что чудо так быстро кончилось. Насколько были отвратительны прикосновения разбойников, настолько волшебными показались ей объятья любимого. Сейчас они вернутся в деревню, и всё пойдёт по-прежнему. Уж лучше с обрыва!

Каррон, испустив горестный вздох, подошёл забрал из рук рубаху и сам натянул на неё, завязал ворот. Нагнулся, оправляя подол. Анасташа же, только пуще плакала от этой заботы.

— Вот что мне с тобой делать?

В этот момент появились хмурые деревенские. Сперва мужики — у Ташки мелькнула мысль: «Небось за кустами выждали, пока она не оденется». Следом поспевали и девки, да кое-кто из баб — вести быстро разлетаются.

— Эти что ли хулиганят? — один из подошедших пнул зашевелившегося худощего в бок.

Каррон кивнул:

— Свяжите.

Аглая и другие девчата, наконец, подбежали. Окружили Анасташу, оттеснив в сторону Каррона. А тот, будто позабыв о ней, занялся разбойниками.

— Ташка, ты уж прости меня! — скороговоркой залопотала Аглая. — Я не ведала про этих душегубов, а то ни за что рубаху бы прятать не стала.

Другие тоже задавали вопросы наперебой, кто-то пытался её ощупать. Анасташа молча кивнула Аглае, вывернулась из рук и поспешила к дому. У околицы увидела родителей. Навстречу, причитая, бежала перепуганная мать. Следом, стараясь держать себя в руках, топал взволнованный отец. Тревожно всматриваясь дочери в лицо, Огин призывал богов и грозил обидчикам всеми карами. Желана суетилась, во что-то укутывая, ощупывала. Анасташа не выдержав, вырвалась. Пробежав несколько шагов, обернулась и рявкнула:

— Одна хочу побыть!

— Куда? А ну стой! — преградила путь мужу Желана.

— Отойди, дочку спрошу!

— Спросит он. Спросит он! Вот я уж тебе так спрошу! — она сунула маленький кулачок мужу под нос.

Огин строго посмотрел на жену, но, как обычно, не выдержав её твёрдого взгляда, махнул рукой.

Дома Анасташа заскочила в хлев. Здесь привычно пахло навозом и свежим сеном.

Фыркнула и качнула головой Бурёнка, приветственно заблеяли козы. Из яслей, мурлыча, выпрыгнула полосатая кошка. Выгибая спинку, потёрлась об ногу. Ташка подняла её на руки, чмокнув прямо в мокрый нос, обняла тёплое тельце, не взирая на протесты, и свернулась калачиком на сене. Горючие слёзы хлынули из глаз. Мурка высвободилась из ослабших вдруг рук, но не ушла. Уселась рядом, стала шершавым язычком вылизывать мокрую щёку.

Наплакавшись, Анасташа незаметно задремала. Потому и не знала, как прошёл суд.

Не знала, что хотели жители разбойников тех повесить, да отпустил их Каррон. Заставив предварительно похоронить мёртвого подельника. Да пригрозил, чтобы и духу их не было поблизости. А если ещё раз увидит — пускай на себя пеняют. Жителям же сказал:

каждый имеет право на жизнь.

Скрипнула дверь.

Ташка подняла голову.

Вошла Желана с краюхой тёплого хлеба, завёрнутого в чистую тряпицу, молча опустилась рядом. Анасташа взяла хлеб из рук матери. Аппетитный запах перебил все остальные, и в животе заурчало. Ташка, откусив маленький кусочек, принялась медленно жевать.

— Тася, дочка, — мягко начала Желана, — знай, коли обидели тебя изуверы...

— Мам, они меня не тронули. Каррон подоспел вовремя, — она украдкой поправила ворот, чтобы мать не заметила оставленную ножом на шее царапину.

— Ох, дочка! — Желана порывисто обняла Анасташу. Затем отстранилась и внимательно осмотрела. — Так чего же ты тогда тут редела?

Ташка вновь хлюпнула носом, Желана сжала губы, снова подумав худое.

— Не могу я без Каррона, мама! — наконец выпалила она то, что душило, не давая покоя. Слезы хлынули ручьем. — С того самого дня только про него и думаю. Я тогда так испугалась, а он-то такой хороши-и-ий! Кабы о том сразу знать...

Желана обняла дочь и тихо рассмеялась.

— Ох, дочка! Ох, Ташка! Мы же как думали? Принесёт Защитник клятву, и от сватов отбоя не будет, да и нам почёт. А ты, оказывается, вздумала влюбиться. Он же — Защитник! Ты даже жить в одном доме с ним не сможешь. Да как же нам теперь быть-то?

— И пусть! Все равно больше никто мне не мил!

— Замуж тебе пора. Давай сосватаем тебя поближе к городу, а то и в сам Птичий Терем? Ты же красавица. Найдём в пригороде хорошего жениха. Может даже купца какого, а? Будешь в повозке кататься, платья красивые носить. А что любовь? Стерпится — слюбится, — завела Желана прежний разговор.

Анасташа подскочила.

— Не смейте! Лучше с обрыва!

— Дочка-дочка, ну что ты такое говоришь?

Ташка перестала плакать и насупилась. В голове созрело решение.

— Я вечером к нему пойду.

Желана ахнула, прикрыв руками рот:

— Ташка! Ты это что удумала? Позор-то какой!

— А когда вы меня сами отвели, это называлось честью великою, — парировала дочь, — в чём разница? Он ведь так и не поклялся. Сама говоришь, что уже и слухи пошли.

Желана хлопнула глазами, наверное, впервые в жизни не найдя что ответить.

— Ташка, да пойми, Каррон не обычный Защитник. Большинство живут, как трутни в улье. Деревня их кормит, поит, одевает и развлекает. Вон в Красном Яру — всех девок Защитнику приводят. Ни одной не пропускает, и куда только их Орден смотрит? А поди ж ты с ним поспорь? Покалечил так одного молодца, который решил за невесту вступиться. А наш Защитник, как отец родной. Даром что клятву не принёс. Третий год горя не знаем, уже и кланяться в пояс отвыкли. Каррон и на покос, и в жатву, и починить, и смастерить горазд. Ни одного мужика не обидел, ни одну девку пальцем не тронул, а они-то и сами не прочь — выбирай любую! Так на гулянках по вечерам вокруг и выются — тебе ли не знать?. А он пошутит, позубоскалит, да и на том делу конец. А может у него вовсе недуг какой? Или обет?

— Вот и поговорю. Поблагодарю за спасение. Прощения испрошу за то, как тогда поступила. Негоже было Защитника встречать так нерадушно.

Защитник Каррон, сидя за столом, изучал один из старых Орденских учебников.

Прохладный ветерок шевелил занавески, заставляя тени плясать на пожелтевших страницах, освещенных неверным огоньком масляной лампы. Чтение давалось нелегко. Древние руны способны открыть великое знание, тому, кто сможет их осилить...

На дворе заворчал было, но тут же умолк Волчок. Тихонько стукнула ставня.

Защитник поднял голову прислушиваясь. Стук повторился. Отложив книгу, Каррон вышел на крыльцо.

От стены тут же отделилась тень, на крыльцо взбежала Анасташа.

— Таша, что случилось?

— Каррон Защитник, может, войдём внутрь? — едва слышно шепнула девушка и боязливо огляделась. — Негоже ночью на улице объясняться.

— Входи, — Каррон подвинулся, пропуская её внутрь.

В сенях пахло кожей, травами и ещё чем-то терпким, но приятным. Дверь была открыта, и девушка вошла в горницу. С тех пор как она тут побывала, мало что изменилось. Защитник не стремился к излишествам и не обзавёлся никакими богатствами, разве что у стола красовался резной стул — любил Каррон дать рукам занятие. Пытаясь унять бьющееся птицей в клетке сердце, Анасташа собрала всю волю в кулак и повернулась:

— Поблагодарить тебя пришла, Каррон Защитник, — отвесила поклон в пояс. Длинная коса подмела пол. — Дозволь исправить давнюю ошибку, — голос девушки едва заметно дрогнул. Каррон удивлённо приподнял брови, та же, не останавливаясь, продолжила уже совсем неожиданно:

— От имени жителей подвластных тебе земель приветствую тебя, Защитник.

Поклянись хранить и защищать нас на совесть, а не ради славы, и боги приумножат твои силы. Я, избранная дева, явилась, чтобы скрепить клятву.

Анасташа сбросила большой цветастый платок, в который всё это время куталась, и осталась в одной исподней рубаше, затейливо расшитой по подолу, обшлагам и вороту девичьим узором. Замерла, ожидая ответа.

Каррон так и остался стоять с открытым ртом. Слова ритуального приветствия! Не может быть, он слышал собственными ушами, то о чём лишь читал в учебниках по истории. Не говоря о том, что сам ритуал давно устарел и был признан необязательным ещё добрую сотню лет назад. Да и в те времена большинство этих девушек от страха не могла вспомнить своё имя, не то что произнести без запинки ритуальную фразу.

Конечно! Кто бы позаботился оповестить об этом все деревни приграничья? Защитник перевёл взгляд на Анасташу. Та, затаив дыхание, ждала. По влажному блеску в глазах было заметно, как решимость по капле покидает её.

— Кхм, Анасташа... Может, не стоит? То, что сегодня случилось, потрясло тебя и...

— Дурак! — девушка, всхлипнув, бросилась к двери.

Каррон опередил. Заключил в объятья. Осторожно приподнял лицо и вытер слёзы.

Глядя в бездонные, синие как летняя ночь глаза, отметил, как в их влаге отразилось пламя его собственных. Удивившись, почувствовал, как внутри ласковым котёнком заворчалась *сила*, и вдруг осознал, что это правильно, что так и надо. Коснувшись мягких податливых губ своими, едва смог прошептать ритуальный ответ, прежде чем жадно впитаться долгим поцелуем:

— Клянусь быть Защитником сего места до самой смерти!

Каррон выглянул в окно из-за занавески и усмехнулся.

На площади перед домом, прямо под старым раскидистым дубом в три объёма, собрались жители во главе со старостой Опорафием. Неподалеку обнаружили и Огин с Желаной.

— Все в сборе, — усмехнулся Защитник, повернувшись к Анасташе.

— Ох! Это все мама! Она обо всем знала. Что же теперь делать? — соболиные брови сошлись к переносице, щеки заалели. Девушка схватила волчью шкуру и натянула до самых глаз.

— Раз уж ты решила сделать все правильно, то так и закончим. — Каррон подошёл, и Анасташа сама к нему потянулась, не желая прерывать сказку. Глаза Защитника затуманились, и в глубине блеснул огонь силы:

— Ох, что ты со мной делаешь, Таша!

Через час дверь дома Защитника отворилась. Каррон вывел Анасташу за руку на крыльцо.

— Жители деревни! Я Каррон Защитник, поклялся на крови этой девы защищать сию землю до самой смерти.

Толпа возликовала, а сама Ташка залилась краской.

— Ну все, таперича можно не пужаться проклятия, — проскрипела бабка Гынна, пихнув подругу острым локтем в бок. — Теперь все как положеноть.

— Ога, а то третий год, яко грешники, — откликнулась глуховатая Матана.

— Ыть, сплетницы! Все бы вам лясы-то точить, пока молоко не прокиснет, — встрял в разговор дед Вирен. — У, ведьмы!

— Иди ужо! — замахнулась на него клюкой хромая Гынна.

Чередой пролетели сырая осень, снежная зима и наступила звонкая весна. Весело журча ручьями, она растопила сугробы и унесла зимнюю тоску. Пробудились ото сна деревья, вернулись перелётные птицы, набухли почки — наступило преддверие лета.

Анасташа, тяжело переваливаясь, вышла на крыльцо и вдохнула полной грудью чистый прохладный воздух. Одной рукой придерживаясь за поясицу, а другой за резные перила осторожно спустилась, опасаясь поскользнуться на влажных ступенях.

Доковыляла до лавки и грузно присела. Рядом тут же вспрыгнула Мурка и, прищурив изумрудные глаза, подлезла головой под руку. Круглый животик делал кошку похожей на сказочного колобка, она тоже была на сносях. Некоторое время они так и сидели, нежась на весеннем, всю пригревающим солнышке.

Внезапно нутро скрутило болью.

— Мама! — вскрикнула Анасташа, вскочив и испуганно округлив глаза. — Мама-а-а!

Каррон, как мог, готовил Анасташу к расставанию с ребёнком. Его сердце то и дело сжимала безотчётная тоска, но он с самого начала был к этому готов. Он — Защитник, и сам вырос в Ордене.

Момент настал. Молодой отец, необычайно бледный, наблюдал, как его любимая крепит материнское сердце, с трудом сдерживаясь.

Анасташа стояла с высоко поднятой головой, не опуская взора. Даром что глаза блестят от непролитых слёз, а ногти впиваются в ладони — боль отрезвляет, придавая сил вести себя

достойно. Не опозориться и не опозорить.

Открылась дверь, и проём на миг заслонила высокая фигура. Настоятель Махаррон шагнул внутрь. Скрипучий голос произнёс:

— Великая честь этому дому! Здесь был рождён новый Защитник. Хвала и почёт женщине, чьё чрево взрастило его, — он степенно поклонился в знак уважения. Приняв ответный поклон, осмотрелся и прошёл прямо к обвешанной оберегами колыбели.

Осторожно вынул голенького розовопопого карапуза. Заглянул в мутноватые, подёрнутые младенческой поволокой, глаза.

— Нарекаю сие дитя именем Нааррон. Пусть сердце его впредь останется чистым, как и в миг рождения!

Младенец вдруг сморщился и огласил избу неожиданно громким криком. Анасташа едва заметно дёрнулась, подавив порыв броситься к ребёнку, но Огин с Желаной, доселе теньями застывшие рядом, синхронно придержали дочь за руки. Каррон подал лоскутное одеяльце и старый Защитник завернул в него внука.

Сопровождающие Защитники ждали за порогом, Махаррон передал им младенца, и те направились к лошадям. Повернувшись к хмурому семейству, Настоятель хотел было попрощаться, как вдруг из-за тряпичной перегородки раздался подозрительный звук.

— Что это?

Махаррон прикрыл дверь, вернулся в горницу и отдёрнул занавеску.

В закутке возле печки обнаружилась вторая детская люлька. В ней кряхтел и попискивал ещё один ребёнок. Он вдруг широко улыбнулся беззубым ртом, и Настоятелю почудилось, что светлые, неестественного цвета глаза смотрят на него с неподдельным любопытством. Подумалось: «Такие же были и у Каррона, когда он родился». Настоятель, бросил короткий взгляд на сына, извлекая младенца наружу.

— Девчонка?! — от изумления старик чуть не выронил драгоценную ношу.

Лицо Анасташы исказилось страхом. Защитник побледнел ещё сильнее, чем прежде.

Махаррон не успел сделать и шага, как Каррон с мрачной решимостью на лице, преградил ему путь. Грудь Защитника часто вздымалась, кулаки сжались. В комнате заметно похолодало, деревянные поверхности заблестели изморозью.

Тихо всхлипнула Анасташа.

— Уйди с дороги, сын, — устало произнёс Настоятель и по-старчески поёжился. — Зачем избу выстудил? Дитё заморозишь.

Он рукой отодвинул Защитника в сторону и подошёл к Ташке. Та, ни жива ни мертва, в ужасе переводила взгляд со старика на ребёнка в его руках, на Каррона и обратно.

Настоятель вздохнул, но поднял девочку вверх соблюдая традицию:

— Нарекаю сие дитя именем Киррана! Пусть сердце её впредь останется чистым, как и в миг рождения!

Он осторожно передал дочь матери и тяжело опустился на лавку. Немного посидел, погружённый в свои мысли, затем посмотрел на Каррона:

— Да сядь ты уже!

По избе пронёсся общий вздох облегчения.

— Ох, и загадал ты мне загадку, сын.

— Отец...

— Не перебивай! — Махаррон утёр ладонями осунувшееся, изборождённое глубокими морщинами лицо. — Понимаю, кто ж знал? — он коротко развёл руками. — Уже несколько

веков у Защитников не рождалось более одного ребёнка, да и то, почитай, великая удача. А уж чтобы такое... — он неопределённо повёл рукой в сторону закутка, где уже мирно сопела неожиданность. — Ведаю точно: больше ни одна душа не должна об этом знать. По крайней мере, пока. В Орден я её забрать не могу, сам понимаешь, ей там не место. Но и здесь оставлять боязно. Что делать, если *сила* проявится? Вон как глазищи сияют...

Анасташа бросилась к ногам Настоятеля. Слов не было, но в бездонных синих очах светилась мольба.

— Да охолони, дева! Куда ж я её дену, родную кровь-то? Чай не изверг! — Желана с Огином спешно подняли дочь, отвели в сторонку.

— Отец, я пригляжу за девочкой. Пускай я здесь и останусь Защитником до конца своих дней, это мне только в радость. Мы будем осторожны, клянусь мечом Керуна! А глаза... Они скоро изменятся.

— Что знают деревенские? — Махаррон повернулся к родителям Анасташа.

— Только то, что Ташка уже родила. Мы никому не показывали детей, не говорили, что их двое.

— Что повитуха?

— Не было повитухи. С помощью Киаланы, я самолично перерезала пуповину, — ответила Желана.

— Будем растить её, как обычного ребёнка при отце, при матери. С нами она будет в безопасности. Всё время на глазах.

— Да будет так! Но помни, сын, она не должна знать, кто ты. Для неё ты Каррон Защитник, и только. Так безопасней. Защитницы не рождались слишком давно, люди уже и позабыть успели, какова их *сила*. Я и сам мало знаю. Деревенским скажете, мол, по пути мой отряд подобрал девочку, чью мать убили разбойники. Анасташа отдала сына, но согласилась оставить себе малышку, — Настоятель выразительно взглянул на Ташку, и та поспешно кивнула, не веря своему счастью. — Да. И без особой нужды никогда не называйте её настоящее имя. Сам понимаешь, чем это грозит.

— Мы будем звать её просто Кирой. — раздался дрожащий от волнения голос Анасташа.

— Отец, но что если *сила* в ней и правда есть, как быть тогда?

Махаррон тин Даррен, Настоятель Северной башни Ордена Защитников выглядел весьма растерянно. Он пожевал губами, помолчал, глядя в пол, а затем встретился взглядом с сыном:

— Каррон, мне нужно кое-что сделать. Я и так слишком долго тянул, а тут, вижу, сами боги меня торопят. Есть одна книга, там есть все ответы... Я пороюсь в архивах Южной башни, попрошу Агилона помочь, но на это потребуется время. Если *сила* себя проявит — шши весточку, но будь осторожен. Всегда найдется кто-нибудь, кто захочет заполучить твою дочь.

Десять лет спустя

Дело шло к вечеру. Незлое солнце мягко согревало кожу, лаская золотыми лучами.

В траве стрекотали кузнечики, мерно жужжали оводы, тихо шумела листвой крона раскидистого дуба, время от времени тоненько блеяли ягнята, да мекали козлята во главе с

двумя козами, отару которых Кира пасла с самого утра. Сама она лежала на пригорке, пожёвывая прутик и наблюдая, как в небе носятся резвые ласточки.

Три лучших ягнёнка в отаре предназначались Каррону Защитнику.

В Золотых Орешках самый лучший Защитник, так говорила мама. Каррона любили и уважали в деревне. Кире же он казался самым добрым и сильным человеком во всём Княжестве, а то и в мире. И пускай голова его начала седеть, но борода все ещё оставалась темна, а светлые голубые, будто подёрнутые зимней стужей глаза, внимательными и зоркими.

Каррон никогда не чурался работы, помогая селянам по собственной воле и в жатву, и в покос. Для каждого находил совет и доброе слово. А уже если лихо какое придёт, так тут и боги велели.

Кира слыхала, что в других деревнях совсем не так. Что Защитнику должно кланяться не только из уважения, но и в обязательном порядке. Хотя она, Кира, и подумать не могла, как это не поклониться, встретив Каррона на улице?

Девочка улыбнулась, вспоминая большую мозолистую ладонь, цепляющую волосы, когда Защитник ласково трепал её по голове.

Сколь добр был Каррон, столь же и грозен в ярости. Сила Керуна жила в нём и пробуждалась, когда приходило время.

Деревня Золотые Орешки, затерявшаяся в холмах, поросших березняком, кое-где дубравой, а дальше на севере могучими елями, расположилась прямо у излучины реки Широкой. Живописнейшее место на самой границе Великого Княжества Яррос. За рекой до самого горизонта раскинулись степные просторы, принадлежащие ордам кочевников-сартогов, поклоняющихся кровавому богу Хынг-Нурру.

Далеко на севере, за лесами, вдоль самой границы Княжества уродливым шрамом протянулась до края земли гниющая рана — Излом. Сейчас он спал. Спал полтора столетия. Спали и твари — его порождения. Лишь редкая одинокая сущность, выбиралась на свет под покровом ночи, да и та не отходила дальше Дальней заставы.

Так что никто, кроме диких зверей, да глупых кочевников, чьим именем достойно лишь браниться, не отваживался напасть на их деревню. Велика слава Каррона Могучего.

Лишь однажды за свой короткий век всего в десяток зим, Кира видела, как стоял Каррон Защитник на порубежном холме. Глаза его тогда побелели и, казалось, метали молнии. Воздух трещал и искрился вокруг, взмётывая вверх сонмища колючих снежинок посреди лета. Здрожали и отступили враги, когда потянул он из ножен заколдованный меч. Принялся разить проклятых сартогов направо и налево, и покатались их головы...

Как катились головы кочевников, Кира не видела, но, слушая рассказы деревенских мужиков из числа тех, кто выходил обороняться вслед за Защитником, ярко представляла себе, как это было. Жаль, что мать её тогда на порубежный холм не пустила. Унесла, да упрятала в погреб от греха подальше. Кира тогда в голос ревела, а та успокаивала, говорила, что в погребе не страшно, и что Каррон их защитит. А она, Кира, ревела-то совсем не потому, что испугалась темноты или пауков, а из-за обиды. Не увидит ведь, как сражается Каррон Защитник.

Зимой угрожала другая беда — набеги Стаи. Обезумевшие от лютого холода и голода волки из проклятых лесов, что растут недалеко от Излома, сбиваются каждую зиму в одну огромную стаю. Несметное их количество саранчой проходит по приграничным деревням, случалось, до единого вырезая всех жителей, если не повезло в недобрый час оказаться без

Защитника.

В Золотых Орешках набеги Стаи больше проблемой не были. Стоило Каррону Защитнику выйти на холм — вон тот соседний с этим, где сейчас лежит на мягкой травке она, Кира. Звериный поток замедлит бег, повернёт мохнатою рекою, по широкой дуге огибая деревню. Она даже перестала моргать, погрузившись в воспоминания.

Они с Микоркой тогда уже были большие. По восемь зим обоим миновало — поди удержи в тёплой избе. Пробрались они в овин, что на выселках, и спрятались, глядя через щель наружу. Ох и отходила за это обоих тётка Олёна, Микоркина мать, когда все раскрылось — неделю сесть не могли. Но Кира знала, что никогда не забудет увиденное.

Каррон стоял, спокойно опустив руки, и смотрел на стремительно приближающуюся Стаю. Спины огромных волков заполнили все пространство у подножья холма и весь берег Широкой, а из леса прибывали все новые и новые. Задние напирали на передних, повизгивая и взывая от нетерпения. Мелькали клыки размером с добрый нож, мотались красные языки.

Вдруг Каррон рявкнул. Да так, что Кира с Микоркой вздрогнули от неожиданности, покрылись мурашками, несмотря на тёплые тулупчики из овечьей шкуры. Слово это они не разобрали, но прозвучало оно громче грома. Передние взвизгнули и охолонули, взрывая снег и кашляя красным на белое. Задние топтали их, не успевая остановиться. Возникла сумятица. Звери глухо рычали, скаля острые клыки, влаивая от нетерпения. Кружили и подскакивали от возбуждения, подзадоривая друг друга, но не смели двинуться дальше.

Внезапно море спин раздалось в стороны. По образовавшемуся коридору, не спеша, шёл огромный седой волк. Остальные, поджав хвосты, стремились убраться с его пути как можно быстрее.

Вот какой-то бедолага зазевался, и тут же мощные челюсти хватанули за плечо. Жалобно взвизгнув, отброшенный в сторону принялся зализывать свежую рану, огрызаясь на голодных сотоварищей — жестоки порядки в Стае.

По мере приближения вожак текуче выпрямился, поднимаясь на задние лапы.

Несмотря на сгорбленную спину и звериное тело, его походка не казалась неуклюжей. Напротив, сквозила грацией и мощью опытного воина. Не останавливаясь, он подошёл к Каррону в упор. Наклонился, чтобы их глаза оказались на одном уровне.

Защитник деревенским казался богатырём. Его плечи были шире, чем у любого мужчины, и не было никого выше ростом, но рядом с вожакон, он смотрелся, как пострел рядом с баткой. Словно Микорка, или она сама, Кира, по сравнению со старшими ребятами.

Каррон не испугался и не отвёл взгляда. В свою очередь, подвинулся ближе к волчьей морде, едва не коснувшись мокрого носа. Ноздрями втянул морозный воздух.

Вожак глухо зарычал.

Каррон приосанился и заговорил. Голос его звучал спокойно и твёрдо, будто деревенским советы давал:

— Уходи, Могута, иначе поляжет твоя Стая от моей руки.

Зверь громко фыркнул, тряхнул седой гривой, показав гигантские клыки.

— Уходи, Могута, иначе я уничтожу тебя и весь твой род до последнего щенка!

Воздух стал, будто гуще, маленькие вихри закрутились по всему холму. Вожак рыкнул и подался вперёд. В его горло тут же упёрлось острие клинка.

— Последний раз говорю, Могута. Уходи сам и уводи Стаю. Обещаю, ни один твой потомок не погибнет безнаказанно на моей земле, пока в силе наш уговор. Иди с богом,

вожак, сбереги свою Стаю.

А дальше, может, Кире почудилось, а, может, и нет, да только Микорка этого не слышал, но она-то точно разобрала, как прорычал старый волк в ответ, напрягая звериную глотку.

— Харррррошооо, Карррон. Уговорррррр!

Старый перекидень развернулся и величаво направился обратно. Кира даже не поняла, в какой именно момент он незаметно растворился среди прочих.

Стая ушла.

Не раз потом дети и взрослые спрашивали Каррона, почему он не убил вожака и волков. На что Каррон отвечал: «Все имеют право на жизнь, зачем сеять смерть? Её и так хватает».

— Сартоги! Сартоги идут! — крик выдернул Киру из воспоминаний. Вздогнув от неожиданности, она села, а потом и вовсе вскочила на ноги. Из-за рожи во весь опор бежала тройца мальчишек с заводилой Микором во главе.

— Сартоги! Там — у излучины! Переправились и рыщут. Похоже, передовой отряд!

Ягнята встревоженно шарахнулись в стороны, когда парнишка упал на колени подле Киры и закашлялся, выпалив все это на одном дыхании. Остальные поотстали и теперь медленно подходили, морщась и держась за бока.

— Я в деревню! — Кира было сорвалась с места, но Микор ухватил её за руку.

— Нет! Гони отару, мы уж сами, — он махнул рукой, и ребята поназдали.

Кира подняла прутик, тревожно вглядываясь в кустарник на противоположном берегу, но никаких кочевников разглядеть не сумела. Ягнята и козлята жалобно заблеяли, не ко времени согнанные с уютного выпаса, но послушно потопали за парочкой жующих жвачку коз.

В деревне царило оживление. Вслед за мальчишками, обогнав маленькую отару, проскакали дозорные на взмыленных лошадях. Эти — от восточной сторожевой заставы, что располагалась выше по течению. Они также привезли тревожную весть о большом отряде сартогов, замеченном за Широкой. В отличие от мальчишек, дозорные не знали про разведчиков, переправившихся у самой деревни.

Селяне засуетились, готовясь отразить набег. Кадки и бочки, раскиданные повсюду, были всегда наполнены водой на случай пожара. Быки стягивали заградительные возы — их придумал Каррон. Такой воз позволял укрыться лучникам хоть бы и посреди площади, безнаказанно пуская стрелы. Кроме того, каждый накрепко упирался в землю, был достаточно тяжёл и утыкан острыми кольями, чтобы не дать разгуляться вражеской коннице.

В свободное время Каррон учил всех желающих боевому искусству. Так что в Золотых Орешках каждый сызмальства знал, с какой стороны держать меч. Вот и теперь при одном упоминании о сартогах мужики натянули доморощенные доспехи, а кое-кто даже бряцал настоящей кольчугой, привезённой из Птичьего Терема, а то и самого Стольна-града. Селяне храбрились да хорохорились, готовясь дать отпор извечному врагу.

— Чего замерла?! Гони отару на двор! Сама — в погреб! — соседка тётка Марфа пронеслась мимо с коромыслом, поторопив засмотревшуюся на приготовления девочку.

— Вот что за привычка, с пустыми вёдрами ходить? — пробормотала ей вслед Кира и, встрепенувшись, взмахнула прутиком.

Животина покорно топала, посматривая на снующих туда-сюда людей. Кира твёрдо

решила: на этот раз никакого погребца. Пойдёт смотреть, как сражается Каррон, вот только Микора сначала найдёт, а то когда ещё такая возможность выдастся? Рассказы о подвигах могучих Защитников она всегда слушала с жадностью. Но то — рассказы.

Совсем другое дело увидеть все своими глазами. Рука непроизвольно потёрла зачесавшийся в предвкушении доброй взбучки зад. Ничего! Не впервой.

Мимо отары с лаем промчалась пара псов. Ягнята, перепугавшись, прыснули в разные стороны.

— Ну же, глупые! — Кира, размахивая прутиком, принялась собирать беглецов.

Растеряв друг друга, те трусливо блеяли. Она быстро сбила их в кучу, дружной ватагой направляя в узкий проход загона. По привычке — считала.

Все ребята в Золотых орешках умели считать. Кто был мал — до десяти. Кто постарше — до ста, ну а совсем взрослые — до тысячи. Кира тоже умела считать до тысячи, хоть иногда и путалась. Её научил Каррон, и она считала все подряд: ягнят, шаги от крылечка и до окраины, прутики в плетне, облака.

— Звёздочка! — Кира не обнаружила козлёнка. Самого шустрого — чёрного с белым хвостом. Козочка была как раз из тех, что предназначались Каррону. — Ах, Киалана Заступница! — она всплеснула руками и побежала обратно по дороге. Стукнув себя по лбу, вернулась и как следует заперла калитку загона, прежде чем броситься на поиски.

— Звёздочка, Звёздочка! — громко звала козлёнка, который обнаружился только в самом конце улицы. И когда только так далеко удрать успела?

Стоило приблизиться, как козочка шустро отбегала на несколько шагов, а потом снова и снова, будто нарочно дразнила. Так, мало-помалу, Кира очутилась в огородах, что у выселок. Она тихо ругалась, и никак не могла догнать шуструю скотинку. Та успевала скрыться за очередным поворотом, мекая и ловко перебирая тоненькими ножками.

Вот впереди снова мелькнул белый хвостик и скрылся в кустарнике, живой изгородью отделявшем поле от дороги. По эту сторону деревни располагались овины и другие общие хозяйственные постройки — места свиданий, сплетен и потайных разговоров.

Микор из-под самой крыши овина наблюдал, как на опушке леса появились три сартогских всадника. Осмотревшись, они осторожно двинулись к выселкам.

— Ишь, гады, чего удумали! Наверное, тайный конец поджечь хотят, чтобы деревенские тушить сбежались, — предположил он, хотя и не придумал, зачем тем это могло понадобиться.

Маленький Федунька, хлопнув носом, затянул:

— Мамка-нака-а-а-а-жет!

— Тише ты! — Микор, больно пихнул его в бок.

Федунька насупился, но нудить перестал.

— Ох и выдерут нас, — философски вздохнул Егорша.

— Подумаешь, выдерут! — Микор презрительно сплюнул, подражая взрослым. Среди друзей он был самым старшим — ему уже исполнилось двенадцать. Егорше на одну зиму меньше, а Федунька видел лишь восемь.

Внезапно сартоги принялись нахлёстывать злых косматых лошадей, стремительно преодолевая открытое пространство, разделяющее опушку леса и деревню.

— Надо бы народ предупредить, — заволновался Егорша.

— Там Кирка! — вскрикнул Федунька.

Микор и Егорша одновременно посмотрели, куда он указывал.

— Ой-е-е-е! — всплеснул Егорша руками. — Она же прямо на них сейчас выскочит!

Кира, ни о чём не подозревая, выбралась из кустов и остолбенела. Навстречу на приземистых косматых лошадках неслись всадники. Сартоги! Трое! Завидев её, они радостно заулюлюкали. Козочка от страха рухнула набок, вытянув ножки. Недолго думая, Кира поволчы закинула Звездочку себе на закорки и рванула по дороге в сторону деревни. Козлёнок был тяжёлой ношей для девочки её возраста, но страх придал сил. У Киры и в мыслях не было её бросить.

Похоже, это те самые разведчики, но как они оказались по эту сторону деревни?

Глухой топот обмотанных шкурами копыт раздавался все ближе. Кира бегала лучше сверстников, особенно на короткие расстояния, Микор даже на неё злился, когда оказывался всего лишь вторым, но с козлёнком на шее ей не тягаться против выносливых сартогских лошадей.

Сердце уже колотилось у самого горла, в груди горело, но она, мелькая босыми пятками, продолжала бежать дальше.

— Ты, — Микор повернулся к Егорше, — бери Федуньку и дуйте на площадь.

Предупредите наших, — закусив губу, он крепко сжал в руке самодельный лук.

Ребята беспрекословно послушались. Поторапливаясь и помогая друг другу, спустились и, что есть духу, припустили за помощью. Микор повернулся к дороге. Кира неслась, унося на плечах остолбеневшего козлёнка.

— Брось! Брось его, глупая! — от бессилия Микор даже притопнул.

Всадники медленно, но верно настигали свою жертву. Забыв об осторожности и не таясь более, нахлёстывали лошадей, с гиканьем преследуя добычу.

Овин, где прятался Микорка, располагался чуть поодаль от дороги. Его детскому, почти игрушечному луку отсюда не дотянуться. Подхватив колчан, он ловко спрыгнул вниз. Крадучись, двинулся к дороге.

Когда Микор осторожно выглянул из кустов, преследователи уже настигли Киру.

Один из узкоглазых всадников взмахнул рукой. Оглушительно щёлкнул бич. Кира, споткнувшись, покатила кубарем с пригорка, чуть было не придавив бедную козочку.

Перевернувшись на спину, попыталась отползти к обочине, остерегаясь оказаться под конскими копытами.

— Убивать не станут. Кира растёт девка красивая, — повторил Микор слова взрослых.

— В полон уведут, как пить дать. Или принесут в жертву, — пригибаясь, он двинулся вдоль изгороди.

Снова раздался щелчок, совсем рядом в воздух взвился фонтанчик пыли. Кира испуганно взвизгнула. Один из всадников спешил и направился к ней ковыляющей походкой привычного более к седлу, чем к твёрдой земле, человека. Он потянул из-за пояса, кривой нож и, гадко ухмыльнувшись, залопотал на гортанном наречии. Кира, смотрела на него, и не могла двинуться с места парализованная страхом.

Сартог было протянул руку, чтобы схватить её, как вдруг ему в грудь ударила стрела, отскочив от клёпаного нагрудника. Забыв о девчонке, кочевник удивлённо поднял голову.

Посреди дороги, шагах в тридцати, стоял худой темноволосый паренёк с луком в руках. На лице мальчишки читалась отчаянная решимость. Сжав губы, он снова натянул тетиву, и следующая стрела беспомощно отскочила. Бьёт метко, да только с таким оружием разве что на воробьёв да полёвок охотиться? Сартог ощерил в улыбке кривые жёлтые зубы.

— Храбрый ребёнок, — пролаял он, жутко коверкая слова, — умрёшь следующим.

Добрая дань Хынг-Нурру! — он подал едва заметный знак и всадники сорвались с места в галоп. Больше мальчишка ему был неинтересен.

Микор упрямо натянул тетиву.

Тетива тренькнула.

Время будто замедлило бег.

Кира увидела, как со свистом разорвав воздух над её головой, в грудь сартога ударила третья стрела. Стальной наконечник с лёгкостью прошёл насквозь и доспехи, и плоть. Кочевник вскинул полный удивления взгляд и завалился навзничь.

Микор обескуражено взглянул на свой лук и зажмурился, ожидая неминуемой смерти. С двух сторон обдало густым запахом лошадиного пота и горячим ветром, взметнувшим короткие вихры, но больше ничего не происходило.

«Жив!»

Микор обернулся.

По дороге навстречу всадникам бежал Каррон Защитник. Мечом он встретил удар кривой сабли. Не останавливаясь, свободной рукой перехватил запястье и дёрнул сартога вниз. Тот, рождённый в седле, крепко сжимал кривыми ногами крутые бока лошади. Сбившись с ритма, животное изменило траекторию и, с протяжным ржанием, врезалось во второго всадника. Микор едва успел моргнуть дважды, когда все уже закончилось.

Кира поднялась из дорожной пыли, машинально отряхивая долгополую рубаху, и, не отводя взгляда от мёртвого сартога, чуть прихрамывая, побрела в сторону деревни.

— Парень, ты цел? — подоспевший Защитник быстро осмотрел Микорку. Убедившись, что тот не пострадал, поспешил навстречу девочке.

— Кира, дочка, ты не ранена?

— Нет, Каррон Защитник, я цела. Немного ушиблась, — пролепетала Кира, обомлев от удивления, когда мозолистые руки подхватили её и прижали к груди.

От частокола навстречу бежала Анасташа, исполненная тревоги. Увидев дочь на руках у отца, она не сдержала слёз. Крепко обняла обоих. Кира вдруг увидела, как встретились глаза матери и Защитника. Было в их выражении что-то странное.

Необъяснимое.

— Уведи дочь, Анасташа, время не ждёт.

Каррон поставил Киру на землю, и мать тут же схватила её за руку, прижала к подолу, чуть помедлила, провожая широкую спину взглядом — Защитник на ходу раздавал деревенским указания.

— Идем, — она, поспешая, потянула дочку домой.

Стрела ударила рядом с жертвой. Не убила — вспугнула.

Косой встрепенулся и дал дёру, петляя, что есть мочи.

Кира, перекинув лук за спину, стремглав рванула следом — чуть ли не с детства привычная игра. Наслаждаясь чувством свободы, гибкостью и скоростью собственного тела, она, что лисица, преследовала зайца, непременно стараясь коснуться рукой мягкой шёрстки. Неслась, огибая оранжевые стволы сосен, перепрыгивая через коряги, пригибаясь под ветками. Охотница преследовала зверя, с каждым шагом сокращая расстояние. Загоняя. Не давая роздыху.

Мощный прыжок. Нога находит опору на зелёном ото мха поваленном дереве. Ненадёжная опора трескается, но лёгкая как лань девушка уже рысью распласталась в воздухе. Кувыркком приземлилась на укрытую хвоей землю, одновременно дёрнув косога за длинное ухо. Тот, весьма удивлённый таким поворотом событий, закладывает новую петлю, убегая прочь.

Игра окончена. В этот раз она победила. Кира, смеясь и тяжело дыша, осталась сидеть на месте.

Вдруг что-то послышалось, и охотница мгновенно напряжилась, одним движением поднимаясь на ноги. Осмотрелась. На лице расплылась хищная улыбка.

Едва слышно хрустнула ветка.

Кира тут же обернулась на звук.

Чуть дальше вспорхнула птица.

Она, пригибаясь, бесшумными шагами двинулась в том направлении. Теперь ничто не напоминало безумную гонку. Неслышно ни шагов, ни дыхания. Движения стали текучими, как у лесной кошки. Кира даже втянула ноздрями воздух, вмиг изменив направление поисков, нырнула в заросли лещины, что в обилии росла у самой опушки.

И все же момент нападения она едва не пропустила.

Микор налетел ураганом.

Удар. Ещё один. Ещё. Все заблокировала. Отскочила назад, разрывая дистанцию.

Снова вперёд — в атаку. Подсечка. Не прошла. Кира повелась на обманное движение и оказалась на лопатках.

— Девчонка, — шутливо протянул друг, подавая руку.

Кира приняла помощь, но не смогла удержаться от шалости:

— Сам такой, — она резко дёрнула на себя, одновременно извернувшись.

Теперь уже парень оказался на устланной хвоей земле. Несколько иголок застряло в тёмных, непокорно торчащих ошестинившимся ежом волосах. Кира упёрлась коленом в мужскую спину и потянула выворачивая руку сильнее.

— Ай! Я вот тебе! — Микор извернулся ужом, высвобождаясь из захвата.

Кира не успела отскочить и полетела, зацепившись ногой за торчащий корень. Парень тут же оказался сверху:

— Вот я и говорю — девчонка, — друг продолжил привычно подтрунивать, — Тебе бы репу сеять, коров доить, да за вышивкой вечера просиживать.

Кира дёрнулась, но он крепко держал её руки. Не то чтобы она не знала, как освободиться, но не использовать же против друга запрещённый приём?

Тот же рассматривал её находящееся так близко лицо.

Кровь гуляет, украшая щёки румянцем. Русые волосы заплетены в две косы, из которых во время драки выбились мелкие прядки. Грудь часто вздымается, приоткрытый рот жадно втягивает воздух...

Неожиданно для себя Микор решил. Резко наклонившись, прижался к губам подруги, срывая поцелуй, на который не давали разрешения.

Кира, захваченная врасплох, на секунду застыла. Потом дёрнулась молодой кобылкой, скинув с себя парня.

— Эй! Ты чего?!

— Ты мне нравишься, Кир, ужели не знаешь? — Микор лёг на спину, мечтательно вперившись тёмными глазами в бегущие по небу облака.

— А если и знаю, — Кира топнула ногой, — чай не Киаланы Заступницы ночь! Целоваться он вздумал!

— Ой, и чего? Вон посмотри на Люту с Ламитой. Что ни вечер — крадутся в овин Почитай вся деревня про то знает, да посмеивается.

— У них сызмальства уговор. Никому и дела нет, что они там обжимаются, — Кира, надувшись, отвернулась. Отчего-то было тревожно, и её взгляд уже который раз обратился к тропе. Каррон Защитник так и не появился. Это странно.

— Да и мыс детства вместе. Опорафий одобряет. Твоя мать не против. Моя тоже... была за, — мать Микора умерла прошлой зимой от лихорадки.

— Вижу, ты у всех спросил, кроме меня!

Кира резко повернулась. Её лицо горело от негодования, глаза гневно сверкали.

Микор невольно залюбовался подругой. Какая краса выросла из долговязой девчонки. От деревенских красавиц Киру отличала особая стать: тонкая талия, гибкий, будто у кошки, стан. А кулаки на что сильные! И пусть её грудь не столь пышна, и округлости пока угловаты, сейчас никого, кроме неё, не существовало для Микора. Даром что парни, обсуждая девок, говорили за глаза: не родит, уж больно худая. Странная, что с девкой делать, когда она мужские портки предпочитает? Охотится, что добрый мужик, а мне за неё козу доить? Микор-то знал: злословили те, кто успел получить тумачков на гуляньях. Так обычно и заканчивались все попытки строптивую Кирку потискать.

Мало кто понимал, зачем Каррон взялся учить девчонку боевому искусству, да Защитник никому не отказывал в обучении. Но рано или поздно парни прекращали занятия. Кто-то решал, что с него довольно. Кто-то женился, и не до того стало. У кого-то дел хватало по хозяйству.

Опять же — жатва, покос, другие заботы, а без повторений тело забывает науку быстро. Вот и вспоминают потом былую удаль лишь на посиделках.

Ни одной же девке вообще не приходила такая глупость в голову, но Кира упрямо таскалась на пластанья, которые Защитник Каррон называл умным словом: «тренировка». Да не просто подсматривала, как девчонки часто делают, а прилежно повторяла. Это прилежание и ощутили на себе незадачливые женихи, когда Кира достаточно выросла, чтобы на неё стали обращать внимание.

Микор вскочил и схватил Киру за плечи.

— Ну чего ты? Обиделась? Не люб разве? — он лучезарно улыбнулся, заглядывая ей в глаза. Ни одна другая давно б не устояла под его чарами, это Микор знал точно.

Кира пристально вгляделась в знакомое с детства лицо. Узкие скулы, смуглая кожа,

жѣсткие волосы цвета воронова крыла и темно-карие, почти чѣрные, глаза. Высокий, на голову выше.

Жилистый. Злой в драке. Да по нему половина девок в деревне сохнет, и чего только он в ней нашѣл?

Себя Кира к красавицам не относила. Живот, что доска, волосы не до пят — едва дсталии достают. Фигура не пышная. Разве что достоинство — глаза синие, почти как у матери? Даром что в деревне приѣмшем считают.

Она мягко высвободилась.

— Ты бы лучше на Глафире женился. Ей сколько сватов не засылают, она всем от ворот поворот даѣт. А девка ладная, и волосы чѣрные — тебе под стать, что за детки бы родились! Чудо!

Кстати, сестрѣнка еѣ малая как-то трепалась, что Глашка ночами слѣзы льѣт, да шепчет: «Микор-Микор!». Да она бы ради тебя целое поле репой засеяла и всех коров передоила в деревне. И своих и чужих, — Кира не удержалась от хулиганства. Резко шагнула вперед, одновременно уводя в сторону руку парня.

Микор задумался, потому снова полетел на землю, не ожидая внезапной атаки. Однако, успел схватить еѣ за руку, увлекая следом. В результате небольшой свалки Кира оказалась на нѣм верхом.

— Не думаю, что я проиграл, — самодовольно выдал парень и демонстративно оглядел еѣ фигуру, отчего Кира зарделась. Схватил за обе косички и, приподнявшись, чмокнул в нос.

— Микор, отстань! — девушка упѣрлась ему грудь руками, не позволяя повторить шалость. — Если Каррон увидит, со стыда сгорю!

— А я-то думал, ты и на тренировки ходишь только ради того, чтобы со мной вот так повалиться, — Микор потянул за одну косичку.

— Вот дурак. Всѣ равно что маленький! — Кира высвободила волосы и поднялась на ноги.

Микор следом.

— И правда, что-то Защитника долго нет. Может, случилось чего в деревне?

Кира постучала в дверь, но никто не открыл. Обернувшись, она вопросительно взглянула на друга, переминающегося с ноги на ногу. Тот пожал плечами.

— Защитник Каррон? Вы дома?

Никто не ответил.

Кира толкнула незапертую дверь. Миновала сени, забытые инструментом и утварью, пахнущие кожей и травами, пучки которых были развешаны под потолком. Для порядка стукнула по косяку, перед тем как войти в горницу — по случаю тѣплой погоды дверь и так была отворена.

Мало ли? Негоже Защитнику мешать.

— Защитник Каррон, это Кира. Можно?

Ответом была тишина. Решив, что отца нет дома, она уже было хотела уйти, как вдруг обратила внимание, что полотно, занавешивавшее вход от мух и комаров, чуть сбилось, образовалась щель. Кира потянулась, чтобы поправить, когда увидела край постели.

На постели без движения лежал отец. Не было похоже, что он сегодня вставал и выходил из дома. «Неужто ещѣ спит?», — удивилась Кира.

— Защитник Каррон, вы случаем не занедужили? — она вошла в горницу.

Отец не пошевелился. Закрытыми остались и его глаза.

— Защитник Каррон? — Кира подошла ближе и тронула за руку, та соскользнула с груди и безвольно свесилась.

Кира отшатнулась, зажав себе рот, чтобы не закричать. Снова осторожно приблизилась, не желая верить. В ногах образовалась предательская слабость. Медленно опустившись на колени рядом с постелью, Кира осторожно трясущимися пальцами взяла мозолистую руку в свою.

Приложила к щеке, не чувствуя больше привычного родного тепла. Будто что-то, что она всегда незримо чувствовала теперь попросту исчезло, оставив взамен пустоту. Сердце щемило, оно то принималось трепыхаться раненой птицей у самого горла, то внезапно пропускало удар.

— Отец... отец, — едва слышно прошептали губы.

Голубые глаза наполнились слезами. Прodelав мокрую дорожку, одна скатилась по щеке и упала на дощатый пол. За ней вторая, третья...

Усилием взяв себя в руки, Кира заставила себя взглянуть на отца. Нежно погладила седой висок, поцеловала в лоб, чуть было вновь не изойдя на слёзы. Осторожно устроила руку на широкой груди, которая больше не вздымалась и попятилась назад. Опрометью выскочив наружу, закричала с крыльца:

— Защитник Каррон умер! — на этом её самообладание закончилось. Она сползла вниз по перилам на ступеньку и разрыдалась.

На крик обернулся возившийся в огороде староста Опорафий. Глубочайшее удивление застыло на его лице:

— К-как умер? Каррон Защитник?! Не может быть!

Каррона похоронили спустя три дня. Провожали всем миром.

Хмурые дюжие мужики перед закатом вынесли в лодке обряженное в золотую рубаху тело.

Следом шли голосащие на все лады бабы. Процессия медленно двинулась к Керунову холму, что у дубовой рощи. Там загодя выложили высокую кряду. По обычаю тело Защитника сжигали, пепел развеивали над подвластной ему землёй, дабы и далее охранял его дух жителей. Присматривал за ними из чертогов Керуна до тех пор, пока не явится новый Защитник.

Анасташа, вопреки обыкновению, не пролила ни слезинки с тех самых пор, как взяла холодную руку Каррона в свою. Не выпускала ни на миг, пока языки пламени не лизнули и её запястье, оставив навечно красный след. Она молчала и будто не видела никого вокруг, даже когда ревушая в голос Кира утащила её в сторону подальше от погребального костра.

Староста Опорафий отправил в Орден чёрного голубя, приложив к записке с печальной вестью громовик Защитника.

Месяцы после смерти Каррона пролетели незаметно. Жизнь пошла чередом, и жители Золотых Орешков постепенно перестали задаваться вопросом: как такое случилось? Что послужило причиной смерти Защитника? Тщательно скрываемый недуг? Так, Защитники почти не болеют. Может, проклятье? Но кто бы отважился на такое безумство, ведь всем известно что боги хранят Защитников пуще других? Решили в итоге, что такова воля Керуна, и стали ждать нового Защитника.

Несмотря ни на что, следующая зима прошла спокойно. Стая вновь обошла деревню стороной, следуя давнему уговору. Отгремели весенние ручьи, дороги стали проходимы, и вот прискакал долгожданный гонец с вестью: Светлый Князь Богомил назначил Золотым

Орешкам нового Защитника, мол, готовьтесь. Начали судачить, да за весенними заботами стало не до того.

Староста Опорафий заранее позаботился, чтобы дом Защитника приготовили для нового жильца, но перед этим самолично пришёл к Кире и, стоя у калитки, тихо сказал сходить и взять в память об отце любую вещь. Оказалось, он давно знал, что Кира его дочь, но из уважения к Каррону хранил его тайну свято.

Снаружи на цепи мёл хвостом Волчок, радостно поскуливая. Кира подошла и погладила пса по мохнатой голове.

— Что дружище? — пёс понуро опустил лобастую голову.

С тех пор как умер Каррон, Волчок то принимался выть, то днями лежал не двигаясь, и никого к себе не подпускал. Извести его деревенские не решались, чтобы не прогневить дух Защитника, но отпускать побаивались — совсем лютый стал, да и донимал он порой своим воем. Кормили его Кира и Микор по очереди, да ещё староста Опорафий. Пёс уважал старика.

У крыльца Кира помедлила, набираясь смелости — не заходила внутрь с тех пор, как обнаружила тело отца. Стоя на пороге вспомнила, как впервые, робея, вошла в горницу. Ей тогда было восемь. Отец посадил её на колени и рассказал сказку о далёком Стольном Граде и княжеском дворце.

Кира прошла дальше. Провела рукой по вощёному столу. Вдохнула грудью насыщенный знакомыми запахами воздух. Села на лавку и разревелась.

Но слёзы быстро высохли, как, впрочем, и всегда. Она стала осматриваться, размышляя, чтобы взять такое, что особенно дорого сердцу. На глаза попала книга, которую по вечерам читал Каррон. Небольшая, но толстая, в потёртой кожаной обложке, испещрённой странными символами. Она и теперь стояла на полке, на прежнем месте.

Кира подошла, благоговейно взяла книгу в руки и осторожно, с почтением, положила на стол.

Расстегнула застёжки кожаного переплёта и открыла где-то посередине. От страниц веяло если не древностью, то прошедшими многими годами. Пожелтевшие страницы были усеяны ровными строчками. Ни одного знака и ни одной закорючки Кира не смогла разобрать. Отец учил её драться, охотиться, выживать в лесу, примечать важное, грамотно таиться, сливаясь с тенями. Учил и азбуке — у неё дома была целая полка со сказками. Но рассказать про руны, которыми написана эта книга, наотрез отказался.

«Не надобно тебе это знание, — говорил он, — лишь девичий ум смущать».

Охотница закрыла загадочную книгу и, погладив шероховатую обложку, аккуратно поставила обратно. В конце концов, это — книга Защитников, вдруг неправильно будет забрать её себе? Она обернулась вновь осматривая горницу.

На стене в ножнах висел охотничий нож. Кира взяла его, подбросила в руке и сделала пару заученных движений. Пожалуй, то что нужно. Резная костяная рукоять, отполированная за годы рукой отца. Добротная сталь. Такого не найти ни у кого в деревне. Нож верой и правдой служил Защитнику, пускай теперь и ей послужит: и как нож, и как добрая память. Она сунула клинок обратно в ножны, приладила к поясу и улыбнулась, представив, как мать в очередной раз закатит глаза, на эту её выходку.

— Адепт Нааррон, Адепт Нааррон! — в келью без стука ворвался запыхавшийся служка.

Совсем юный — на вид не больше тринадцати зим — долговязый, нескладный. Ученическая хламида на нём болталась и явно была велика, будто с чужого плеча. Он остановился и шмыгнул густо усеянным веснушками носом, вдруг оробев под строгим взглядом Нааррона.

— Ну? — адепт скопировал суровый взгляд Агилона, пытаясь всем видом показать, что недоволен. Разве можно отрывать помощника Настоятеля Южной башни от важных дел? Правда, в силу собственной молодости, а также из-за стёкол окуляров, которые использовал при чтении, на деле выглядел Нааррон не настолько сурово, как ему бы того хотелось.

— Вас, это... Настоятель Агилон зовёт. Говорит срочно явиться.

Нааррон заполошно подскочил с грубой деревянной скамьи, запутавшись в собственной хламиде, чуть не упал, смахнув со стола рукописи и опрокинув чернильницу. Настоятель назначил встречу для беседы по его научной работе, а он и запамятовал, погрузившись в изучение материала!

Адепт бросился к окну.

Часы на Центральной башне Ордена Защитников показывали четыре пополудни.

— Опоздал! — он было кинулся поднимать рукописи с пола, но, махнув рукой, привычным движением поправил стекла на носу и вихрем вылетел наружу, едва не сбив с ног незадачливого паренька. Впрочем, тот уже осмелел, и, с трудом сдержав смешок, крикнул вслед:

— Адепт Нааррон! — звонкий, ещё не начавший ломаться голос настиг, когда адепт почти завернул за угол.

— Чего ещё?! — раздражённо рявкнул он, негодуя из-за задержки.

— Адепт Нааррон, Настоятель Агилон учит нас смирению и терпению, ибо без этих двух добродетелей...

— Уши оторву!

— Я хотел сказать, что Настоятель ждёт во внутреннем дворе у входа в башню дуболомов. — заметив сошедшиеся к переносице брови помощник Настоятеля, мальчишка тут же исправился: — У входа в башню Защитников.

— Северную башню? — удивлённо переспросил Нааррон, сиюсь припомнить, было ли ему наказано явиться именно туда.

Адепт мог поклясться, что ничего подобного не слышал. Чего грешить? Порой он с головой погружался в науку, не помня о времени, но никогда не забывал ничего действительно важного.

Потому-то он и стал лучшим учеником на курсе, а ныне и личным помощником Агилона.

— Настоятель Агилон сказал, чтобы вы не медлили, — ещё раз повторил служка и поклонился.

— Ну смотри, если ты надо мной подшутил!..

— Нет, что вы! Я только передал приказ Настоятеля, — парнишка отвесил новый поклон.

Нааррон поспешил к выходу из жилых келий. Стремительно преодолев крутую

винтовую лестницу, пронёсся по коридору обгоняя идущих с занятий адептов, его чёрная хламида развевалась, подобно крыльям ворона. В фойе кивнул на ходу, здороваясь со знакомцами, и, стуча башмаками по каменному полу, выскочил на улицу.

Северная башня, или «башня дуболомов», как называли её адепты — будущие Хранители знаний, находилась в противоположном конце обширных владений Ордена и являлась резиденцией Защитников. Последняя часть пути Нааррона пролегал мимо тренировочных полей и площадок. Сейчас как раз было время уроков, и курсанты занимались на свежем воздухе.

Нааррон с лёгкой завистью покосился на совсем юных ребят, которые изучали основы единоборств, повторяя за своим Настоятелем движения и приёмы.

Адепт давно смирился со своей участью. Что поделать? Недостаточно быть сыном Защитника, чтобы получить дар *силы*. Но и дар мудрости не менее ценен. А порой и более — история знает немало тому примеров.

Нааррон отогнал от себя сиюминутную хандру, вспомнив о своей нелюбви к физическим упражнениям.

На последней по счету площадке для спаррингов, защищённой куполом и располагавшейся в отдалении от остальных, сошлись в схватке выпускники. Воздух внутри гудел от напряжения, то взрываясь пламенем, то остывая в одно мгновение. Нааррон закатил глаза и сдёрнул с носа сначала запотевшие, а затем покрывшиеся изморозью окуляры, спрятав их в один из многочисленных внутренних карманов форменной чёрной хламиды. Купол не позволял навредить окружающим снаружи, но от остаточных проявлений старые артефакты не защищали.

В Южной башне Хранители Знаний усердно работали над новыми технологиями, даже намечился прорыв.

Через пару минут Нааррон низко поклонился, представ пред очи сразу двух глав Ордена. — Нааррон, — Агилон тепло улыбнулся в седую бороду, — ты вовремя.

Махаррон с достоинством кивнул, отвечая на приветствие внука. Настоятель Северной башни и глава Ордена Защитников по обычаю ничем не выдал родство. Адепт давно привык к такому порядку и не расстраивался, ведь раз в месяц он ужинал с дедом, сидя в его личных покоях у камина и подолгу болтая за чашкой ароматного травяного отвара.

В такие моменты они разговаривали о чём угодно, и эти беседы были всегда исполнены теплоты, мудрости и смысла. Черты сурового Махаррона смягчались: на его жизненном счету имелся не только великолепный Защитник, но и рос весьма перспективный Хранитель Знаний, вполне способный занять высокий пост Настоятеля Южной башни.

Высокий желчный Махаррон широкими шагами направился к воротам. Рядом засеменял сухонький миниатюрный Агилон в бессменной белоснежной хламиде с золотым кантом. Нааррон поспешил следом, радуясь, что в многочисленных карманах имеется и дорожная чернильница-непроливайка, и пенал с остро заточенными перьями, и печать с оттиском Ордена — громовиком, и запас листов чистой бумаги, аккуратно свёрнутых в рулончик и спрятанных в посеребренный тубус. Словом, все необходимое, чтобы должным образом исполнять обязанности помощника.

Не взял он только кинжал.

В отличие от курсантов, которым дозволялось использовать любое оружие, при условии, что оно изготовлено самостоятельно, мудрецы — как курсанты звали адептов — поголовно носили одинаковые выданные Орденом кинжалы. Адепты, посвятив себя науке,

попросту игнорировали другую сторону обучения, злостно пропуская занятия по физической подготовке и рукопашному бою, справедливо полагая, что им всё равно не тягаться Защитниками.

— Учитель, прошу прощения, — обратился Нааррон к Настоятелю Агилону, когда они достигли ворот, — я запамятовал, что вы перенесли нашу научную беседу и едва не опоздал.

— Тебе не за что извиняться, Нааррон. Тем более что я и не говорил об этом. Для тебя есть новое поручение. Забирайся в седло, я по пути все объясню.

У ворот переминались с ноги на ногу осёдланные лошади. Нааррон едва заметно сглотнул.

Ему предназначалась мышасто-серая кобылка с длинной чёлкой. Похоже, со всей конюшни постарались выбрать самую смирную. Нааррон, наверное, был бы благодарен, если бы так не боялся.

Кобылка фыркнула и качнула головой, будто насмехаясь.

— Может... Может, я пойду пешком? Вы же знаете, я неплохо бегаю... — не постеснялся слукавить Нааррон.

— Ну же, смелее! — не выдержал глава Северной башни. — У нас мало времени.

Нааррон сглотнул, подошёл ближе и схватился за лук. Лошадка тихо заржала и топнула ногой.

— Хорошая, хорошая, — пробормотал адепт, неуклюже взбираясь в седло.

В какой-то момент на его лице отразилась паника. Махаррон демонстративно смотрел в другую сторону, а Агилон, наоборот, сочувствуя, с затаённой улыбкой в уголках глаз.

— Я готов, — буркнул Нааррон выпрямляясь. Впереди ожидало нелёгкое испытание.

Маленький отряд выехал за ворота и направился по горной тропе на север — туда, где ничего не было, кроме девственного леса, да дороги к перевалу.

Первым скакал Настоятель Махаррон, несмотря на возраст, отличающийся от остальных спутников грациозной посадкой. Казалось, он сливался со своим караковым в единое целое.

Довольно уверенно чувствовал себя в седле и седовласый Агилон. Нааррон же болтался в седле, время от времени хватаясь за лук, когда тропа делала особенно крутой изгиб вверх или вниз. Он даже немного завидовал Настоятелям: «Не гляди, что старички, а меня-то за пояс заткнули...».

Настоятель натянул поводья и подождал, пока помощник поравняется.

— Нааррон, не будем терять времени, я на ходу расскажу суть задания.

— Слушаю внимательно, учитель.

— Это не просто очередная научная работа. Это настоящее поручение, от успеха которого зависит дальнейшая судьба Ордена. Нааррон, внимая, вперился в глаза Настоятеля, покрасневшие от многих часов проведённых за чтением. — К сожалению, даже в стенах альма-матер мы не защищены от недобрых ушей. Подковерная борьба не затихает. Никто не должен знать, куда ты отправишься и какова конечная цель путешествия. Для вящей безопасности в Ордене будут знать, что я отправил тебя к моим дальним родственникам на Северные перевалы якобы лично передать послание с инструкциями о том, как разрешить давний спор о наследстве.

Наш род весьма состоятельный, — Агилон хихикнул, будто стесняясь сего факта.

Нааррон хмуро смотрел в спину деду, с головой погрузившись в размышления. Он пытался осознать все то, что ему поведал учитель. За этим занятием сам не почувствовал, как его посадка приобрела естественность, адепт даже забыл придерживаться за лук.

Маленькая лошадка шла иноходью, да и дорога стала не в пример ровнее.

Пока вопросов было больше, чем ответов. Махаррон не верил в естественную кончину сына, но туманно намекнул, что многие знания несут многие печали. Нааррон понял, ответы он добудет самостоятельно, когда достигнет цели путешествия.

Год назад Нааррон был ошарашен вестью о внезапной гибели отца не меньше прочих и согласился с дедом, что все это весьма подозрительно. Сам он нечасто виделся с Карроном Защитником. Только когда тот изредка приезжал в Орден. Нааррон планировал навестить его и мать, как только закончит обучение и получит ранг Хранителя Знаний. Но судьба распорядилась иначе.

Теперь же Нааррон решил воспользоваться выдавшейся возможностью и непременно посетить родную деревню, как только с заданием будет покончено. Да и теплилась надежда, что на месте получится узнать больше.

— Настоятель Махаррон, можно спросить?

— Спрашивай, — отозвался тот, придержав лошадь.

— Но как я найду этот храм? Я ведь никогда не выбирался дальше столицы, а вы мне даже не дали карту.

— У тебя будет провожатый, один из Защитников.

Нааррон заёрзал в седле, ощущая, как груз непосильной ответственности ложится на его чуть сутулые от сидения за книгами плечи.

— И кто же он?

— Скоро сам увидишь, — Агилон усмехнулся в седые усы.

— Я никуда не поеду с этим! С этим!.. — заорал Нааррон, неуклюже спрыгнув с кобылки, и решительно направился по тропе обратно.

На бревне у развилки сидел молодой курсант, ещё не получивший ранга Защитника. Он криво улыбался, снисходительно наблюдая за истерикой адепта.

Агилон и Махаррон переглянулись. В глазах Настоятеля Северной башни мелькнула улыбка.

Впрочем, он её тут же спрятал.

— Нааррон! — прогремел строгий окрик.

Адепт остановился и покраснел до кончиков ушей. Круто развернувшись, он исподлобья с протестом зыркнул на деда, но через мгновение, понуриив голову, молча поплёлся назад.

Вскоре Настоятель Агилон примирительно давал ученикам последние наставления:

— В седельных сумках минимум необходимых в дороге вещей и запас провизии. Совсем немного — собирали на одного, чтобы не возникло подозрений. Но на день-два должно хватить.

Вот возьми, — он передал Нааррону небольшой кожаный кошель, — здесь деньги на дорогу. Только серебро и медь. Для всех — вы обычные путники неимеющие отношения к Ордену.

— Это-то как раз несложно, — горько усмехнулся Нааррон, демонстративно взглянув на попутчика. Тот многообещающе оскалился и показал кулак в ответ.

— Нааррон, Крэг! Закончили ребячиться! — рывкнул Настоятель Махаррон, которого начала утомлять эта неприкрытая вражда. — В детали миссии вы посвящены, должны понимать всю ответственность, так что засуньте подальше личные разногласия. Для них сейчас не место и не время! Если вы оба здесь, на то есть причины. У каждого — своя задача, и каждый из вас обязан способствовать другому в её исполнении. Сделайте так,

чтобы я об этом не пожалел. Когда я принимал нелёгкое решение, то видел перед собой Защитника и Хранителя, а не желторотых юнцов, которые даже не научились себя вести как следует!

Парни присмирели:

— Простите, Настоятель! — одновременно пробормотали Нааррон и Крэг, проявив редкое единодушие, отчего тут же зло покосились друг на друга.

— Отправляйтесь как можно скорее. Промедление чревато последствиями. В Орден не возвращайтесь. В столицу и Великоград тоже ни ногой. Это понятно?

Оба кивнули.

— Крэг, по возможности придерживайся первого варианта плана. Ориентируйся по ситуации.

Нааррон, ты можешь полностью положиться на курсанта Крэга. Он отвечает за твою безопасность в дороге. Какими бы нелепыми тебе ни казались его решения, помни — он знает, что делает и действует в соответствии с моими инструкциями. ещё раз напоминаю, будьте осторожны — не используйте настоящие имена.

— Но и не стоит излишне фантазировать, чтобы случайно не оговориться, — вклинился в разговор Настоятель Агилон, — например, ты Нааррон представляйся всем — Нарю.

Нааррон скорчил разочарованную гримасу — «нари» по-акиански значило «мышонок». Крэг прыснул в кулак. Агилон продолжил, неодобрительно нахмутив кустистые брови:

— Ты, Крэг, зовись Рэном.

Крэг пожал плечами, всем видом показывая, что ему всё равно, как его будут называть.

Лоб Агилона разгладился. Он с грустью, по-отечески посмотрел на обоих и добавил:

— Будьте осторожны.

Нааррон с трудом вскарабкался в седло. Крэг одним движением взлетел на крупного, но не блистающего статью мерина. Жестом показал следовать за ним и пустился трусцой по тропе, следуя в обратном направлении.

Необходимо было вернуться до ближайшей развилки, чтобы потом снова повернуть на север и пройти по дороге ведущей к мосту через ущелье. Настоятели за ними не последовали, они некоторое время наблюдали за удаляющимися учениками. Наконец, Агилон нарушил молчание:

— Как думаешь, у них получится?

— Не сомневаюсь, мой друг. Ни капли не сомневаюсь, — Махаррон тихо засмеялся, к нему присоединился и Агилон.

Нааррон молча трусил вслед за Крэгом. Его сутулая фигура внешне выражала покорность, но в душе кипела буря.

Какое разочарование! Лишь на секундочку стоило представить, что вот он — тот самый миг, когда в повседневной рутине, наконец, появилось место приключениям, как тут же судьба опустила с небес на землю. Пожалуй, это превращается в неприятную традицию. Да. Важное поручение определенно льстило, говорило о степени доверия к его мудрости и знаниям, но при этом ему в помощники определили того, кого он ненавидел, сколько себя помнил. Это ли не насмешка судьбы?

— Я, великий Защитник Нааррон! Ты будешь повержен!

— Как бы не так! Я — великий Защитник Крэг, и это ты будешь повержен, слизняк!

Детская игра внезапно переросла в нешуточную потасовку. Итог — закономерный: оба наказаны.

Вместо отдыха перед Церемонией Определения незадачливые вояки вынужденно драили котлы на кухне до самого позднего вечера, недовольно сопя и косясь друг на друга, под окрики толстой краснорожей поварихи Марты.

На следующий день состоялась Церемония Определения.

Сияя: один — подбитым глазом, а второй — знатной шишкой на лбу, Крэг и Нааррон стояли среди прочих сверстников, выросших так же при Ордене. Здесь хватало отпрысков знатных родов. Точнее их было абсолютное большинство, но попадались и парни из простых, не имеющие приставки рода к имени. Такие как Крэг.

Затаив дыхание будущие курсанты и адепты ожидали, когда двери Большого зала испытаний распахнутся, и войдут Настоятели, одетые по такому случаю в традиционные торжественные мантии: белоснежные у Хранителей Знаний и золотые у Защитников.

Наконец, ожидание закончилось.

Настоятели Махаррон и Агилон по традиции вошли первыми. Следом потянулась разномастная свита, состоящая из совсем юных служек, студюзовсов обеих башен, а так же некоторого количества Хранителей Знаний и даже Защитников. Этим было меньше, так как имеющие ранг не часто имели счастье пребывать в альма-матер.

Главы Северной и Южной башен заняли почетные места на возвышении, в противоположном от дверей конце зала сразу за контуром Круга Определения — старинного артефакта, который помогал определить наличие и направленность силы.

Нааррон сильно волновался, а потому слова деда пролетали мимо его сознания, не задерживаясь. Торжественная речь не несла никакой особо важной информации. Настоятели просто поздравили присутствующих с этим важным и ключевым в их жизни событием и дали традиционные напутствия, как следует себя вести во время церемонии. Это он и так помнил назубок. Да и было бы что запоминать? Назвали имя — идешь в круг. Ждешь. По результатам идешь к своему наставнику. Все просто на первый взгляд, если бы не это волнение, от которого ладошки стали потными, а воздуха не хватало, не смотря на то, что в зале было прохладно.

Церемония Определения началась.

Одно за другим называли имена. Пятнадцатилетние мальчишки, выходили вперед и вступали в Круг Определения. Если контур круга вспыхивал красным или белым пламенем,

то кандидата препровождали на сторону будущих Защитников, где их ошалевших и растерянных встречали и подбадривали традиционным бокалом молодого вина наставники и курсанты Северной башни. Если же круг ровно светился теплым жёлтым светом, будущий Хранитель Знаний направлялся в стан мудрецов, который станет его домом на ближайшие годы.

Но бывало, что круг оставался безмолвным. Тогда кандидату полагалось выслушать короткую сочувственную речь, смысл которой сводился к одному: «Не судьба». После чего бедолагу выпроваживали за дверь. Отныне его судьба более не была связана с Орденом. Каждый из них, был волен сразу покинуть стены Ордена или же остаться, но только в статусе обслуживающего персонала. Таких находилось не много, учитывая что большинство кандидатов все же принадлежали к знатным родам.

Наконец, пришла очередь Нааррона. Робея, он прошёл в центр круга и остановился. Несколько мгновений ничего не происходило, и его едва не захлестнула паника, как вдруг по всей коже разлилось успокаивающее ласковое тепло. Шею и затылок нежно закололи тысячи иголок, отдаваясь легкой щекоткой в кончиках пальцев. Ощущение было настолько приятным, что он не выдержал и широко улыбнулся, вызвав блаженным выражением своего лица понимающие смешки у наставников. Но улыбка вмиг слетела с губ, когда внезапно Нааррон осознал, что Круг Определения горит ровным жёлтым светом, который образовал стену выше его роста. Одобрительный кивок Агилона вернул на землю и напомнил, что пора освободить место для следующего кандидата.

— О, нет! — обречённо прошептал Нааррон, понимая, что Защитником ему уже не стать.

Опустошенный он едва волоча ноги направился к мудрецам, боясь поднять глаза на деда. Опасаясь, что такого разочарования тот ему не простит. Вяло поприветствовав радостных сокурсников, не замечая одобрительного хлопка по плечу от наставника, он едва сдерживался, чтобы позорно не расплакаться по своей так и не сбывшейся мечте.

Когда очередь дошла до Крэга, Нааррон, наконец, смог собраться. Стиснув зубы, новоиспеченный адепт смотрел теперь уже на врага.

Крэг, сжав кулаки, храбро вошёл в Круг Определения. Светло-карие глаза смотрели прямо на Нааррона, а на губах играла кривоватая усмешка. Шли мгновения, а ничего не происходило — Круг оставался безмолвным. Улыбка бывшего друга постепенно угасла, а сам он заметно побледнел. Нааррон даже слегка обрадовался в тот момент, но тут же испугался недостойных мыслей. Прошла целая минута, когда контур Круга все же слегка полыхнул красным и погас. Крэг выдохнул с облегчением и снова засверкал ровными зубами, хотя улыбка его теперь была растерянной. Будто пытаясь взять реванш за пережитые неприятные мгновения он повернулся и одними губами шепнул, обращаясь к Нааррону: «Я — Защитник».

Нааррон восторженно скидывая с себя липкую сеть тягостных воспоминаний.

На самом деле он давно ни о чем не жалел. Спустя годы обучения пришло четкое понимание, что судьба ученого мужа ему подходит как нельзя более. Для этого он обладает всеми необходимыми качествами: «А как бы я смог стать Защитником, если до дрожи боюсь змей и пауков? Да и драться, и ездить верхом совершенно не люблю и не умею?»

Как и многие адепты-старшекурсники, Нааррон пренебрегал всеми занятиями по физической подготовке, считая их пустой тратой времени и ограничиваясь утренней разминкой: «Лучше за это время проштудировать лишний научный труд. Зато мне отлично

дается обработка информации. Я читаю и говорю на семи современных наречиях и знаю три древних языка на уровне, достаточном, чтобы разбирать старинные рукописи. Я способен быстро усваивать новый материал и рад трудиться на благо науки, коей в Ордене к счастью уделяется немалое внимание. Я готов посвятить жизнь новым открытиям. Так что, не кривя душой, могу сказать, что нахожусь на своем месте и посвящаю свою жизнь достойному делу». На этой мысли к Нааррону вернулось былое присутствие духа. Впрочем, ненадолго.

Крэг внезапно развернул коня и приблизился.

— А теперь послушай меня, заучка. Не важно, что там тебе наговорили Настоятели, но имей ввиду — главный здесь я. И если я приказываю упасть в грязь, то ты берешь и падаешь, не тратя времени на вопросы, или даже на то, чтобы снять свои окуляры. Ты меня понял?

Нааррон обиженно засопел:

— Я ношу окуляры, только когда чита... — грубая рука сцапала за грудки и приподняла над седлом.

— Я ещё не закончил. Мне поручено привезти тебя к цели живым и невредимым.

Первое — я пообещал, а по поводу второго — скрестил за спиной пальцы, так что если не хочешь провести всю дорогу связанным и с кляпом во рту, советую прислушаться, — Крэг выпустил Нааррона и погнал коня вперёд по тропе.

Нааррон встряхнулся, одернул хламиду и зло скрипнул зубами. Помолчал некоторое время, решаясь, но все же отважился:

— Я, смотрю, ты за стенами Ордена забыл, для чего нужны Защитники. Ах да, это и не мудрено...

Это был тонкий и выверенный удар. *Сила* Крэга была настолько слаба, нестабильна, что тот вынужден на каждый курс обучения тратить в два раза больше времени и по этой причине он до сих пор не смог получить ранг и числился всего лишь курсантом.

Крэг резко натянул поводья, заставив мерина тоненько обиженно заржать. — ещё раз, ты, келейная крыса, вякнешь что-либо подобное, и я изобью тебя до беспомыслия!

— Смотри, не перестарайся! — не мог уже остановиться Нааррон. — Моя память должна быть в полном порядке, когда прибудем на место. Иначе ты провалишь задание за нас обоих.

Защитник вскинулся было, но осадил себя, зло дал шенкелей мерину и галопом направился по дороге, заставив Нааррона переживать не лучшие моменты. Душа адепта едва не распрощалась с телом, несмотря на всю иноходь кобылки, когда он пытался нагнать попутчика.

Наконец, Крэг натянул поводья, и Нааррон, с облегчением, последовал его примеру. Провожатый обернулся и махнул рукой, подзывая его ближе. Как бы Нааррон не противился, он понимал, что придётся бок о бок провести ни один день, а значит необходимо налаживать мосты. В конце концов, если хорошо подумать, то вся их многолетняя вражда — не более чем детские обиды, переросшие во взаимную неприязнь.

— Тс-с-с, — Крэг прижал палец к губам, когда Нааррон приблизился, — слышишь?

— Ничего я, — начал было Нааррон, но увидев грозное выражение лица, продолжил шепотом, — не слышу.

— Кто-то поднимается по тропе. Там. — Крэг указал наверх, где параллельно дороге, по которой сейчас топали их лошади, пробегала широкая каменистая тропа, которую они недавно покинули, свернув на развилке в сторону тракта.

Дорогу и тропу разделяла широкая полоса густого кустарника и искусственно

посаженных деревьев — пешему не составило бы труда пройти напрямик, сильно сократив путь, но лошадям здесь было не пройти.

— Давай за мной, — Крэг спешился и потянул было мерина с дороги, затем обернулся и схватил кобылку мешкающего Нааррона за повод.

Они углубились в посадку, и остановились, обогнув заросли колючего кустарника. — слезай, — шепнул Крэг и закатил глаза, наблюдая, как Нааррон неловко сползает с лошади. — Держи, — он сунул ему поводья своего мерина. — Жди меня тут.

Таясь за кустам, курсант бесшумно двинулся вверх по склону в сторону тропы. — ещё и параноик. Никого там нет, — развел руками Нааррон, обращаясь к кобылке и мерину, но тут и сам услышал размеренный цокот копыт — ехали шагом.

Сначала Нааррон решил не ввязываться, но вскоре любопытство взяло верх. Он намотал оба поводя на толстую ветку и двинулся вслед за провожатым, инстинктивно стараясь не шуметь.

Крэг обнаружился в десятке шагов впереди. Пригнувшись он осторожно выглядывал из-за ствола дерева. Услышав шаги Защитник обернулся и зашипел:

— Я тебе что сказал? Ломишься, как стадо коров! — сграбастал Нааррона за рукав и грубо дернул, вынуждая пригнуться.

— Поосторожней!

— Т-с-с! — требование подкрепилось легким подзатыльником, и Нааррон замолчал не столько выполняя приказ, сколько от возмущения.

В этот миг на из-за поворота показались всадники. Двое. С виду — ничем не примечательные путники, коих во множестве можно встретить на просторах Великого Княжества. И все же, их что-то неуловимо отличало от прочих. Что-то, что заставило Крэга насторожиться и привести в готовность все боевые рефлексy. Нааррон кожей почувствовал исходящую от него энергию.

Внезапно с другой стороны тоже послышалось цоканье подков — кто-то ехал этим двоим навстречу.

Всадники насторожились и переглянулись. Один тут же сдвинулся к самой обочине, а второй прижался ближе к отвесному на этом участке склону, будто они занимали позиции.

— Там же... — начал было адепт, но Крэг положил руку на плечо Нааррона и крепко сжал, призывая к тишине.

Всадники замедлили шаг, но продолжили ехать, как ни в чем не бывало, а Нааррон вдруг понял, что не так. Невзрачная одежда на поверку оказалась накинутой сверху дерюгой, и плохо сочеталась со статью лошадей, да и посадка с головой выдавала умелых наездников. Вся маскировка была настолько поверхностной, что обманула бы разве что деревенскую старуху.

В этот миг на тропе показались оба Настоятеля. Похоже, всё это время они оставались на том самом месте, где их ждал Крэг в самом начале, и только теперь решили вернуться в Орден.

Кони Настоятелей шли бок о бок, Махаррон и Агилон мирно беседовали вполголоса, чуть наклонившись друг к другу. Нааррон было пошевелился, но рука Крэга крепче сжала плечо, удерживая на месте.

Путники поравнялись с Настоятелями. Проехали мимо. Нааррон расслабился.

Крэг, напротив, выпустив его плечо, схватился за меч.

В этот момент тот, который ехал ближе к склону резко развернулся выбросил вперед

обе руки. Веером в сторону Настоятелей полетели метательные ножи.

Нааррон вскочил, но его тут же дёрнуло обратно с такой силой, что он с размаха уселся на пятую точку.

Настоятель Махаррон, успел. Обернувшись, он вскинул руку на мгновение раньше ассасина, и между Настоятелями и нападавшими выросла огненная стена, перегородив дорогу. Другой рукой он наклонил голову Агилона к холке лошади. Ствол дерева на обочине позади них ошетинился дюжиной метательных ножей — к счастью, ни один не достиг цели.

— Скорее! Надо им помочь! — Нааррон предпринял новую попытку.

— Ты, что ли, поможешь? — Крэг внезапно расслабился, и адепт, негодуя, уставился на него.

Тем временем бой продолжался. Агилон спешил и принял боевую стойку, держа наперевес посох, с которым почти никогда не расставался. Сквозь огненную стену пролетели лошади. Увернувшись от ледяных залпов Махаррона, их всадники оказались на земле. В полном молчании они обрушились на Настоятелей.

Нааррон затаив дыхание наблюдал, как седобородый Агилон, ловко парируя удары кривых клинков, едва ли уступает в скорости бойцу лет на сорок моложе.

— Смотри и учись, — усмехнулся Крэг, заметив упавшую челюсть адепта.

В это время Махаррон, глаза которого пылали белым огнем, уже расправился со своим противником, засыпав все вокруг льдом и снегом, и пришёл на помощь начавшему сдавать позиции другу. далее бой не продлился и пяти секунд. ещё некоторое время Настоятели стояли спина к спине, напряженно всматриваясь в окрестности. Внезапно глаза Махаррона обратились к тому месту, где прятались Нааррон и Крэг, и он одобрительно усмехнулся.

— Можешь расслабиться, мой друг. Здесь больше никого нет, — Нааррону показалось, что голос деда прозвучал нарочито громко.

Агилон внезапно весь как-то обмяк, ссутулившись, и оперся на посох, превратившийся из грозного оружия в средство поддержки для старика.

— Стар я уже для таких развлечений, — он виновато улыбнулся.

— Ничего-ничего! Не прибедняйся, — ободрил друга Махаррон, — выстоять в одиночку против сагалийского ассасина! Неплохо, для мудреца-заучки, а? — он пихнул друга в бок так, что тот едва не упал, на миг потеряв равновесие. Оба дружно рассмеялись, опустившись на большой камень у обочины.

— Эх. Это всего лишь ассасины начального круга — асс-хэпт. Тебе не кажется что это глупо?

Махаррон кивнул.

— Пора возвращаться в Орден, пока его не оставили без Настоятелей, — он поднялся и свистом подзвал лошадей. Те, прекрасно вышколенные, тут же вернулись к своим хозяевам.

Настоятель Махаррон подошёл и осмотрел тела. Сначала аккуратно тронул каждое носком тяжелого ботинка. Наклонился. Его глаза снова вспыхнули белым пламенем, которое постепенно сменилось красным. Осторожно, кончиком кинжала он убрал с лиц мертвецов повязки, обнаружив что один из наемных убийц юная и весьма привлекательная девушка. Махаррон нахмурился и неодобрительно покачал головой.

Затем выпрямился и резким скупым движением, будто ловил муху, вскинул, согнутые в локтях руки ладонями вверх. В них ровным светом заплескалось оранжевое пламя.

Непроизвольно вздохнул Крэг, и этот вздох был исполнен вселенской тоски.

Нааррон украдкой взглянул на бывшего друга. Жидкий огонь — прием высшего круга, о

таким не до Защитнику разве что только мечтать.

Две огненные капли скатились на трупы поверженных противников, те тут же занялись, как сухой хворост. Жидкое пламя пожирало тела абсолютно беззвучно и с такой скоростью, на которую не был способен обычный огонь. Через несколько минут от мертвецов не осталось ничего, кроме кучки белого пепла. Сгорела даже амуниция, включая ножи, мечи и кинжалы. Махаррон, дождавшийся этого момента ногой раскидал пепел по тропе и пожал плечами, как бы говоря: «А что ещё остается делать?».

Агилон одобрительно кивнул и осмотрелся:

— Эх, жаль лошади ушли...

— К сожалению, — легкое разочарование мелькнуло на лице главы Северной башни.

— Теперь они не останутся, пока не вернутся в родную конюшню. Особая выучка...

Оба Настоятеля забрались в седла и рысью направились в сторону Ордена.

Выждав ещё некоторое время Крэг поднялся.

— Идем.

Нааррон, спотыкаясь, молча двинулся следом, его знобило, хламида цеплялась за кусты и мешала передвигаться. Крэг отвязал лошадей и повёл обоих в поводу. Они двигались вдоль кромки леса. Через некоторое время Защитник остановился, осмотрелся, затем развернулся, пересек дорогу и пошёл обратно по другой стороне.

Нааррон удивился, но от вопросов воздержался. впереди показалась развилка и Крэг снова застыл. Он долго и внимательно прислушивался и всматривался в крутой поворот тропы, которая в этом месте поднималась гораздо выше и была хорошо видна из-за деревьев. Видимо, удовлетворившись увиденным, Защитник вывел лошадей на дорогу.

Дальше они поехали верхом. Снова вернувшись на тропу, миновали место расправы. Здесь они придержали коней и внимательно все рассмотрели. Удивительно, но никаких следов почти не осталось. Дальше поехали окружным путем. Тропа, виляя, сначала спустилась, затем снова взобралась наверх и, наконец, вывела к старому деревянному мосту через провал. Спешно преодолев препятствие, они снова сошли с дороги на обочину.

— И к чему все это? — не выдержал Нааррон спустя полтора часа пешей прогулки.

— За нами могли наблюдать, — буркнул провожатый, заставив Нааррона непроизвольно обернуться:

— Они? — он махнул головой назад, имея ввиду давешних противников.

Крэг кивнул.

— Настоятель Махаррон дал знак, чтобы я следовал второму варианту маршрута.

Плохо. Слишком рано.

Нааррон старался не отставать, только сейчас в полной мере ощутив всю сложность и опасность обрушившегося на них задания.

* * *

Лошадка мерно перебирала ногами, Нааррон размышлял вслух:

— «Асс-хэпт» — сила, — Крэг заинтересованно покосился. — имеется ввиду, именно физическая сила. Мастера духовной силы зовутся «асс-хо-хэпт». Они одинаково владеют, как боевыми искусствами, так и особыми умениями. Есть ещё «асс-пта» — это так называемые узкие специалисты, виртуозно владеющие какой-либо техникой: отравители,

мастера одного удара и им подобные умельцы. На вершине иерархии сагалийских ассасинов стоят «хэпт-тан» — великие мастера и главы кланов. Эти великолепные бойцы и мастера силы духовной. Читал, у них есть подобие ваших приемов. Всего кланов пятнадцать. Но пятнадцатый появился относительно недавно.

Каких-то лет шесть назад или около того. Да и информация не проверенная, сдается мне большая часть того, что мне удалось узнать, небылицы.

Крэг слушал его и, в кои-то веки, не перебивал. Дождавшись паузы он задал вопрос:

— А ты откуда все это знаешь?

— Искал информацию для Настоятелей. Так вот чего я никак не могу понять: почему они послали против Настоятелей Ордена всего лишь двух ассасинов в ранге асс-хэпт? Это же попросту нелогично! Получается, они изначально были обречены.

— Все здесь проще, чем палка, — лениво, потянувшись, отозвался Крэг.

Нааррон с удивлением на него посмотрел.

— Может, разъяснишь, раз ты такой умный?

— Хорошо. А к каким же выводам ты пришёл, теоретик?

— Не надо ерничать! — обиделся Нааррон, но любопытство взяло свое. — Ну и?

— Уверен, это была проверка.

— Проверка? Ради проверки, они пожертвовали учениками?!

— Они надеялись, выйти на исполнителей поручения. Это важнее.

— На нас?

Крэг кивнул.

— А зачем им мы?

— Поймать и пытаться, чтобы вызнаться подробности о нашем задании.

— Поймать и пытаться?.. — изумленно прошептал Нааррон, дрожащими руками вынимая окуляры из внутреннего кармана хламиды. Затем, пришёл в себя, недоуменно уставившись на них, и сунул обратно.

— К слову сказать, у них почти получилось, — поддел Крэг, припоминая настойчивое рвение Нааррона помочь Настоятелям.

Адепт непроизвольно заозирался по сторонам. Вечерний тракт, который за последнюю пару часов неторопливой езды начал казаться уютным и спокойным, как будто пропитался враждебностью.

— Да не суетись, — поморщился Крэг.

— Вдруг нас кто-нибудь увидит?

— А кто знает, что мы — это мы? Особенно, если поменьше болтать? Теперь мы просто путники — Нари и Рэн. Я уволился из городской стражи в столице и возвращаюсь на родину в поисках работы поспокойнее. Не мое это — улицы охранять. Я мечтаю сеять рожь и жениться, — Крэг осклабился. — За небольшую плату я согласился сопроводить тебя в Верхние Поля, тем более, что нам по пути.

Нааррон скорчил гримасу: «Да неужели?», подняв одну бровь. Некоторое время они ехали молча. Затем Нааррон снова не выдержал:

— Но, тогда мне все равно не понятно, что это было за представление?

— Хорошо, так и быть посвящу тебя в детали. Ночью в Северной башне перехватили шпиона, от которого удалось узнать, что на посланцев готовится нападение. Махаррон переиграл план и вместо настоящих Хранителя Знаний и Защитника в ранге, отправил нас с тобой.

— Шпион в Ордене?! Но это невозможно!

— Ему кто-то помог изнутри. Этот кто-то вполне мог разведать о планах Махаррона, и тот ни в чем более не уверенный, постарался опередить врагов на шаг, отправив нас в другую сторону. Верные люди тем временем распускают слухи, правдоподобно объясняющие наше отсутствие. Кроме нас с мелкими поручениями уже отправили, и думаю ещё отправят и других курсантов и адептов, чтобы ещё больше запутать возможных преследователей. Для тебя Агилон сочинил легенду, а я вообще уже неделю как нахожусь вне стен Ордена. Так что формально мы не вместе.

— Хорошо. Звучит убедительно. Но я так и не понял, — тихо повторил Нааррон, — кто же наши враги?

— Акианский союз, но к сожалению, пока доподлинно не известно, кто из наших играет на их стороне. Следует учитывать, что они обладают достаточной властью и богатством, чтобы послать на верную смерть двух сагалийских ассасинов и внедрить шпиона в самое сердце Ордена.

— Скоро стемнеет, — Нааррон взгляделся в наступившие сумерки.

Вдоль дороги стеной вздымались мощные стволы вековых деревьев.

— Ну и что?

— Пожалуй, пора устроиться на ночлег, пока ещё что-то видно. Сам знаешь, как в горах темнеет.

— Может, ты ещё и поужинать желаешь? — съязвил Крэг, но потянул повод, заставляя мерина свернуть с дороги.

— Давненько я не ночевал на свежем воздухе, — пробормотал себе под нос Нааррон без особой радости и поёжился.

— Еду-у-т! Едут!

Загодя высланных гонцов опередила стайка вездесущих мальчишек. Они бежали по улице, разнося весть.

Деревенские высыпали из изб, собираясь на площади. Все, как один надели лучшие одежды из беленого льна. У девушек на шее разноцветьем играли бусы, а вышивка на сарафанах сверкала бисером. Парни похвалялись удалью, балагурили, шутили и заигрывали с девками. Те хихикали, особенно бойкие острили в ответ. Приезд нового Защитника — чем не повод для праздника?

Но радовались далеко не все. Старшее поколение, всматриваясь в околицу, вполголоса делилось тревожными мыслями.

Наконец, у горизонта за клубилась пыль, а спустя несколько мгновений показалась кавалькада всадников.

Староста Опорафий махнул рукой, и вперед вынесли традиционный каравай.

Защитник, входя в свои владения, должен преломить хлеб, что символизирует статус доброго гостя в доме, прибывшего с миром. Позже Защитник должен будет принести клятву, обещая верой и правдой защищать вверенную ему землю и людей. По древнему обычаю клятва эта скреплялась кровью, для этого предлагалась избранная невинная девушка.

Каравай на белом, расшитом петухами, рушнике держала в руках Апраксия мать Глафиры. Сама Глафира, белокожая, ладная, с длинной темной косой толщиной в руку — первая красавица в Золотых Орешках, была бледна и, вопреки обыкновению, не шутила вместе со всеми. Приструнив свой острый язычок, она скромно стояла рядом с матерью, потупив взор. Лишь изредка черные очи сверкали, когда она украдкой смотрела на дорогу из под белой кисеи, прикрывающей лицо. Глафира накануне шепнула подружкам, что удостоилась великой чести, и теперь те бросали на счастливицу завистливые взгляды. А ей все равно было до жути страшно. Это тебе не в ночь Киаланы-заступницы с любимым миловаться.

Всадники на статных породистых лошадях въехали в деревню. Не останавливаясь, во весь опор пролетели Большую улицу и осадили лошадей, обдав пылью Апраксию вместе со злосчастливым караваем.

— Ой, не нравится мне это, — прошептала Анасташа, крепче сжимая руку Киры. — Не так Каррон в деревню прибыл, совсем не так! Был один. Коня вел в поводу.

Поздоровался с людьми честь по чести, — она покосилась на дрожащую, как осиновый лист на ветру, Глафиру.

Всадник во главе кавалькады выглядел внушительно, если не сказать больше. Он был наделен той самой мужской красотой, в которой безошибочно угадывается сильная воля и привычка повелевать. Глаза смотрят поверх голов холодно и чуть презрительно, цвет не разобрать, как это часто бывает у Защитников, но видно, что светлые. Одет богато. Дорожный кафтан расшит бисером и подрублен собольим мехом, на ногах сапоги тонкой выделки, на поясе — украшенные камнями ножны.

Сам статен, широкоплеч, да иных Защитников и отродясь не водилось. ещё никто не встречал косоного, хромого или сутулого. Из под шапки виднелись короткие светлые, как пшеничный колос, волосы. На вид — уже не юн, но ещё не шагнул в сторону старости. Зим

эдак тридцать — тридцать пять. Защитник был гладко выбрит, ни бороды ни усов не носил. К вычурному седлу, под стать сбруе, приторочен свернутый кольцами бич, кои часто бывают у знатных сартогов. Да и буланый под ним просто загляденье: вона как прыдет ушами и бьет копытом, будто и не отмахал стольких верст.

Ни у кого не возникло сомнения, что это и есть — Пасита Защитник. Пасита молча окинул народ светлыми холодными глазами и презрительно скривился.

Вперёд шагнул Опорафий и, низко поклонившись, произнёс:

— Приветствуем тебя в Золотых Орешках, Пасита Защитник. пришелец брезгливо хмыкнул и заговорил:

— Вы, черви, или не знаете, как следует встречать своего господина?

По толпе прокатился вздох. Удивленно вскинув брови, Опорафий пожевал губами, обернулся, обвёл потяжелевшим взглядом народ. Затем слегка развел руками, как бы говоря: «новая метла по новому метет» и тяжело опустился на колени, показав всем следовать его примеру.

Народ зароптал. Мужики хмурились и переглядывались. Не привык тутошний люд гнуть спину перед пришлыми.

Пасита испустил тяжелый вздох:

— Вижу, вас многому придётся учиться.

Он спрыгнул с коня, бросив поводья одному из слуг, и направился к толпе, оттолкнув в сторону оказавшуюся на пути Апраксию, отчего та чуть не выронила каравай. Следом цепными псами верхом двинулись хмурые проводители — по виду чистые разбойники. Под колючим взглядом нового Защитника жители медленно опускались на колени, пачкая праздничные одежды в пыли. С лиц сбежали улыбки, и на площади воцарилась гробовая тишина.

— Ох, быть беде! — прошептала Анасташа, усердно потянув Киру вниз. Та, нехотя, поддалась, исподтишка зыркнув на Микора. Упрямец продолжал стоять, гордо вздёрнув подбородок — теперь уже один из всех. Пасита осмотрел склонившую головы толпу.

Заметил бунтаря:

— А я смотрю в деревне и дурачок имеется? — он тихо засмеялся и обернулся к своей свите, те поддержали его, дружно ослабившись. — Парень, ты глухой?

— Я — Микор, с рождения свободный человек и не перед кем шею не гну. Разве что Светлому Князю готов кланяться.

— Значит все-таки дурачок, — протянул Пасита, — а какой с убогих спрос? — он картинно обернулся к прихвостням. — Но вот в чем дело — я в своих владениях дураков не терплю!

Улыбка в миг сошла с его лица. Без замаха он ударил Микора в челюсть. От неожиданности парень не устоял на ногах и упал, но тут же начал подниматься, вытирая бегущую из рассаженной губы юшку. Черные глаза метали молнии.

— Микор, не надо!

Кира схватила друга за штанину, но тот зло стряхнул её руку и встал, глядя прямо в глаза Защитнику.

— Я смотрю ты, парень, совсем непонятливый? — голос Защитника звучал по прежнему тихо и ровно. Пасита тяжело вздохнул и могучим ударом в подвздошь вышиб из Микора дух. Отходя от корчащегося парня, он развел руками. — придётся начать первый день моего правления с порки. И, да. Я жду извинений.

Микор поднял голову. Ноздри его раздувались, желваки ходили ходуном. Сжав зубы, он смотрел на мучителя и молчал. Пасита, подошедший к своему коню и ласково потрепал по шее. Обернувшись через плечо продолжил:

— Кстати, я разве не сказал? Чтобы наука была крепче, а взаимоотношения честней, у меня есть правило, от которого я редко отступаю, он повернулся: за непокорность расплачивается тот, кто рядом. Тот — кто дорог. Взять девчонку! — он небрежно махнул рукой в сторону Киры, безошибочно определив самого близкого человека.

— Да что же это такое делается, люди добрые?! — заголосила Анасташа.

Бугаи вальяжно спешили, и, не торопясь, направились к Кире.

Она же вскочила на ноги, оттесняя мать в сторону. Микор испуганно оглянулся и прочитал на лице избранницы отчаянную решимость. Во её взгляде промелькнуло недоброе выражение: Кира готовилась дать отпор. Микор едва заметно мотнул головой и повернулся к Пасите. Слова не шли, застревая в глотке, он еле смог выдать:

— Прости меня, Пасита Защитник.

Пасита замер и вопросительно приподнял бровь. Микор мешком упал на колени, буравя взглядом перед собой землю. Кажется, было слышно, как скрежещут от злости его зубы.

Пасита подошёл и ласково, почти по отечески положил руку парню на голову. Так он стоял некоторое время и, в раздумьях, смотрел куда-то вдаль. Сжатые губы слегка шевелились, будто стараясь сдержать улыбку. На миг деревенским даже показалось, что все не так уж плохо.

— Пожалуй, мне придётся сменить гнев на милость, — Защитник сделал жест рукой и прихвостни остановились. — Ты сам понесешь ответ за свою дерзость.

Тяжелым ударом ноги он опрокинул Микора навзничь. Толпа ахнула. Кира ринулась было к другу, но мать поймала её за подол сарафана.

— Куда, глупая! Хочешь, чтобы ему ещё сильнее досталось?

* * *

«Фьють!» — просвистела плеть, в очередной раз опускаясь на окровавленную спину.

Наблюдая за экзекуцией широко открытыми глазами, Кира невольно прокручивала случившееся в голове и никак не могла остановиться. Отдельными картинками всплывало все произошедшее:

Вот бугаи Паситы приближаются и Микор вскакивает на ноги. Вот он дерется, с легкостью раскидывая их в стороны — наука Каррона не прошла даром.

Свистит длинный бич и обвивается вокруг шеи. Микор падает, и на него горой наваливаются разозленные негоданным отпором прихвостни Паситы.

Мужики было хотели вступить, не выдержав такого произвола, но Защитник показал свою мощь. Похолодел воздух, зазвенел морозом, заставив легко одетых по случаю теплой весенней погоды сельчан поежиться. Побелели холодные глаза Паситы, и вдруг с неба упали острые, как ножи, осколки льда. Те, кто находился ближе, вскрикнули и отскочили с обмороженными руками и лицами. Но и на этом не остановился Защитник. Покраснели глаза его, мороз сменился жаром, и на ладонях вспыхнуло пламя. С дрожью Кира вспомнила огненный шар, который взорвался почти у самых её ног, опалив подол праздничного сарафана. Жители, как один, рухнули ниц, хором моля о пощаде, но под

тяжелым взглядом постепенно смолкли.

В повисшей над площадью тишине взбешенный собачий лай показался особенно резким. Волчок даже не лаял — он низко булькал, брызгая слюной. Скалил по-волчьи длинные клыки. Тяжелая цепь звенела, будка сотрясалась от мощных рывков.

— Усмирите тварь! — рывкнул Пасита и один из его прислужников направился к собаке, на ходу вытягивая из ножен широкий палаши.

— Волчок! — дёрнулась было Кира, но Анасташа стальной хваткой ухватила за запястье.

Пес прыгнул.

Свистнула сталь.

Раздался короткий взвизг. Тяжелое тело с глухим звуком упало на землю.

Вокруг медленно расплывалась лужа крови.

Солнце клонилось к горизонту, когда избитого Микора привязали за руки к двум столбам. Их только что вкопали смурные мужики, понукаемые бойцами Паситы тут же — на площади — прямо перед домом Защитника. Людям был наказ: оставаться и смотреть.

Кира, широко открытыми глазами смотрела на небывалое и рыдала в кулак, под свист гуляющей по спине друга плети.

«Фьють!» — последний удар разрезал воздух, и все, наконец, закончилось.

Пасита покосился на труп собаки и процедил ни к кому конкретно не обращаясь:

— Убрать падаль! — он развернулся и вошёл на крыльцо. Брезгливо окинув взглядом избу, отворил дверь и вошёл внутрь. Приказ можно было понимать двояко и мужики, робея и косясь на Защитниковых прислужников, бочком-бочком подобралась к столбам. Осмелев, срезали ремни, удерживающие руки Микора. Парень застонал, когда его в полусознательном состоянии, уложили лицом вниз на носилки. Прикрыв кровящую перепачканную спину чистой тряпичей, чтобы лишняя грязь не попала, бабка Матрена, сокрушаясь, засемила рядом. Убедившись, что никто их останавливать не собирается, потащили бедолагу к знахарке в избу.

Кира было направилась с ними следом, но Анасташа снова придержала её за руку, незаметно увлекла в задние ряды, так чтобы спины деревенских прикрыли их от высокомерных сальных взглядов, которые пришлые, покончив с заботами, принялись бросать на местных девок.

— И куда собралась? — ругалась она в полголоса. — Матрена и без тебя сдюжит.

Нечего вокруг толчею создавать, только внимание к себе привлечешь, глупая! Да идем же! — тащила она одуревшую Киру, перед глазами которой снова и снова свистела плеть, затмив в памяти даже взрыв огненного шара. — Идем, нечего больше тут делать.

Встретили уже Защитничка! — она не сдержалась и сплюнула на землю. — Чует моя душа, это только начало...

Истошный визг раздался, когда Анасташа с дочерью уже сворачивали за угол дома, стоящего на перекрестке Большой и Новой улиц. Обернувшись, Кира увидела, как проводители Защитника подхватили под руки яростно сопротивляющуюся Глафиру и, приподняв над землей, с гоготом потащили в избу. Та сучила ногами и пыталась вырваться, но её жалкие попытки вызывали у мучителей только смех. Отец девушки, дядька Прохан, не то обнимал, не то удерживал рыдающую Апраксию. Отсюда было видно лишь его напряженную спину.

Защитник Пасита, расслабленно опершись на перила, наблюдал за происходящим с довольной улыбкой. Кира внутренне возмутилась: «Да как только он может?!». Будто что-то почувствовав, Защитник поднял голову и, на мгновение охотнице показалось, что он смотрит прямо в её сторону, но тот, хвала богине, тут же потерял интерес к беглянкам, которые без позволения покинули площадь. Впрочем они уже не были одиноки. Остальные тоже стали потихоньку разбредаться по избам, ускоряя шаг по мере удаления от площади.

Вскоре только ветер сиротливо трепал края белой, расшитой узорами по краю, скатерти на длинном столе, накрытом у дома. Праздник закончился тризной.

* * *

Пасита открыл глаза и сладко потянулся. Накануне он пил мало, и теперь в мозгах было на редкость ясно. Медовуха не лезла в горло, но и без того хватило впечатлений. Вчера славно развлеклись, показали этим мужланам, что такое настоящий Защитник.

Спустив ноги на дощатый пол, он, как был нагой, проследовал к окошку.

Снаружи пахло травами и навозом. Светлое небо обещало погожий солнечный денек.

Вдоль дороги, квохча, бродили во множестве куры, они что-то клевали, разгребая лапами землю. Среди них, горделиво задрав гребень, князем выступал зеленохвостый красавец-кочет. Пасита хмыкнул: «А ничего тут девки оказались». Он успел рассмотреть в толпе деревенщин несколько ладных фигурок, которые не могли скрыть нелепые одежды.

Пасита обернулся. С постели на него боязливо таращились бездонные черные глаза. А девчонка оказалась на редкость бойкой. Как там её зовут? Глафира? Все говорила, что нельзя без клятвы. Дура! Отбивалась, что есть мочи, руками и ногами. Тем интереснее было её сломать. Когда же она обмякла безвольной куклой, от его далеко не нежных ласк, перестала кричать и драться, лишь дергалась в такт жестоким ударам, глядя в потолок, он почти испытал разочарование. Но потом девчонка неожиданно для обоих достигла вершины. Искреннее удивление, отразившееся в её глазах, вернуло осмысленность взору, что позабавило и раззадорило. Глупая даже не понимала, что творится с её телом. Похоже про это никто ей не удосужился рассказать, вот она и решила, что Киалана ниспослала ей особую миссию.

Защитник невольно улыбнулся. Девка зарделась и сильнее натянула одеяло на нос. Он медленно приблизился, чувствуя, как восстает плоть от предвкушения. Вырвал из рук и бросил на землю мнимую преграду. Оставляя синяки на белых икрах, за ноги подтащил к себе, разворачивая задом. На миг залюбовался открывшейся картиной.

Затем намотал на кулак часть растрепанных черных волос, что попала в руку. Дернул на себя, заставив девчонку с тихим всхлипом прогнуться.

Через четверть часа, Пасита натянул штаны и рубаху. Отворил дверь в сени.

— Пошла отсюда! — девчонка затряслась всем телом, захлюпала носом глотая слёзы, заозиралась в поисках одежды. — Живее! — рявкнул он. Глафира, как ужаленная, сорвалась и выскочила наружу. Как была — нагишом. Защитник, не торопясь, направился следом.

Во дворе, притулив голову промеж обглоданных костей и чарок с недопитой медовухой, громко храпел Харила. Следом обнаружился и Мордан, он вышел из нужника, завязывая тесемки на штанах, и легким кивком поприветствовал Паситу.

— Уроды, — едва слышно прошипел Пасита брезгливо морщась.

Эх, если бы у него был выбор. Двоюродные братья тин Шноббер единственные, кто согласился отправиться с ним в эту ссылку. Остальные отказались от сомнительной чести, предпочитая остаться в столице, чем следовать с опальным Защитником в дыру на краю света, и Пасита не мог их в этом винить. Он и сам бы поступил так же с любым, кто оказался на его месте. А эти идиоты, похоже, просто не сообразили, что направляются не в очередную увеселительную прогулку.

Пасита подошёл к накрытому столу, окинул его взглядом.

«Надо срочно обзавестись слугами, — подумал он, недовольно морщась, — и найти хорошую кухарку». Сграбастал с дальнего края более-менее прилично выглядящее блюдо с пирогами, до которого не смог дотянуться своими грязными ручищами Харила, и не успели разорить местные птицы и кошки. Поставив пироги на стол в избе, взял один, повертев в руках, принялся. Пахло вкусно, и желудок тут же отозвался голодным спазмом. Пасита откусил сразу половину и принялся неспешно жевать. Надо было подумать.

Когда дядя Затолан отправлял его сюда, то обещал, что это не продлится долго.

Со стороны Ордена небывалая роскошь отправить представителя рода тин Хорвейг в такое захолустье. Это только тин Даррены шлют своих налево и направо.

«Книга. Где-то здесь должна быть та самая книга, которую так жаждет заполучить дядя. Надеюсь, этому идиоту Каррону не достало ума прятать её вне дома?». Пасита осмотрелся. На полке у окна рядом с резной статуэткой Керуна-воина стоял один единственный пухлый том в потрепанном кожаном переплете с застёжкой.

— Не может быть! — воскликнул радостно Пасита и закашлялся, поперхнувшись.

Пару раз стукнул себя кулаком в грудь, пытаясь пропихнуть кусок дальше. Если поиски увенчались успехом, ему не придётся киснуть в этой дыре слишком долго.

Защитник точно не собирался оставаться в Золотых Орешках. Не мечтал он служить верой и правдой толпе лапотников, защищая оных от гипотетических невзгод.

Для этого существуют менее знатные Защитники. «Или тин Даррены», — он усмехнулся.

Отер руки о занавеску — какие уж тут могут быть хорошие манеры? Схватил книгу и вернулся к столу. Простой кожаный переплет — никакого украшения или драгоценностями оклада, кроме почти стершегося тиснения, изображающего переплетенные руны богов: Керун и Киалана.

Нааррон проснулся от стука собственных зубов. Ночью сон долго не шёл.

Мешали мысли, взбудораженные нервы и натруженное, непривычное к верховой езде тело. Но ближе к утру Киалана все же даровала блаженное забытие. Растянувшись на попоне во весь свой долговязый рост, он не почувствовал небольшой сучек, который уперся прямо в копчик, вдобавок пропустил момент, когда исчезло одеяло.

Костер давно погас, и утренняя сырость сартогским разведчиком пробралась под одежду. Нааррон с трудом сел, не открывая глаз пошарил вокруг, но одеяло так и не обнаружилось. Ничего не изменилось и с открытыми глазами. Не иначе идиот Крэг подшутил.

Здесь на высокогорье воздух был особенно чист и прохладен, на сухой прошлогодней траве блестели капельки росы, изо рта шёл легкий парок. К дискомфорту от холода добавились боль в копчике и физиологические позывы. Нааррон, постанывая — ныли натруженные мышцы, неловко по старчески поднялся. Да, пожалуй, не самая лучшая выдалась ночка. Хоть бы не заболеть. Машинально пригладив рукой темные беспорядочно торчащие волосы, адепт огляделся вокруг. Недо Защитника нигде не было видно, лишь неподалёку фыркали и переминались стреноженные лошади.

Поеживаясь и слегка прихрамывая, Нааррон двинул в сторону от лагеря, на ходу тщетно пытаясь распустить завязки на штанах. Те никак не хотели поддаваться замерзшим пальцам. Увлечшись этим занятием, он не заметил торчащий из земли корень, споткнулся и едва не упал. Наконец, удалось справиться с треклятыми завязками, да отвернется Киалана на три дня от того, кто их придумал! Постанывая от облегчения, адепт принялся справлять малую нужду, как вдруг осознал: что-то не так.

Струя разбивалась на мелкие брызги о нос черного тяжелого, знакомый до боли — как в прямом, так и в переносном смысле — ботинка. Нааррон медленно поднял взгляд и встретился с глазами Защитника. Крэг свисал с толстой ветки головой вниз, его лицо находилось всего на расстоянии дух ладоней. Нааррон сделал шаг назад. Руки попутчика были сложены на груди, а в глазах плескалось потемневшее от ярости золото.

Шумно сглотнув, Нааррон шевельнув острым кадыком на тощей шее. Похоже, своими необдуманными действиями он прервал комплекс утренних упражнений, которые провожатый проделывал по привычке босиком.

— Я тебя убью, — спокойно произнёс Крэг.

Спустя двадцать минут угрюмый Нааррон помешивал ложкой в котелке, время от времени косясь на попутчика. Тот разлегся неподалёку и, пожевывая травинку, глядел в небо. Над головой приветливо синела высь, обещая погожий весенний денек.

Нааррон подул на похлебку. Аккуратно, чтобы не обжечься, попробовал и обнаружил, что получилось весьма недурно.

— Готово, — буркнул он.

Крэг с воодушевлением подхватился и, оттолкнув Нааррона в сторону, большой ложкой принялся накладывать похлебку себе в миску.

— Не забудь мне оставить, — недовольно пробормотал Нааррон.

— Не забудь ещё раз вымыть мне обувь, — парировал Крэг.

Он отсел в сторону и стал с аппетитом уплетать варево, прикусывая добрым ломтем

хлеба:

— А ты недурно готовишь, заучка, — пробубнил он с набитым ртом, — хоть какая-то от тебя польза. Будешь заниматься стряпней, раз больше ни на что не годен.

— Да уж лучше так, чем отравиться твоей, — не остался в долгу Нааррон и потер ушибленный бок.

Будто бы было мало ему было ноющих мышц, после дня в седле. Придурок Крэг гонялся за ним по округе, раздавая обидные тумачи и оплеухи. Пришлось спасаться, прыгая через поваленные за зиму тут и там деревья, и петлять, как зайцу, пугая лошадей своей развевающейся и цепляющейся за ветки хламидой. Потом его заставили вымыть в ручье оскверненные ботинки. Трижды! Какое унижение! После всего случившегося натаскать хвороста труда не составило. А вот разделявая тушку кролика, которого Крэг умудрился подстрелить ещё с утра, Нааррон чуть позорно не свалился в обморок. Из-за всех этих событий теперь он пребывал в дурном настроении.

Защитник же, наоборот, после завтрака исполнился благодушия. Как добрая гончая, он держал нос по ветру и прямо-таки рыл землю от нетерпения.

— Закончил? Вымой котелок, и в седло.

— Раскомандовался! — возмутился Нааррон. — Да я из-за тебя уже готов лечь и помереть, а не то что провести ещё один день верхом!

— Зато согрелся, — посмеялся Крэг, — гляди-ка: даже зубами клацать на всю округу перестал, доходяга.

Взгромоздившись на кобылку, Нааррон с удивлением обнаружил, что чувствует себя не настолько плохо, как ему только что казалось. Даже вполне сносно. Мышцы уже почти не болели, а с неба во всю пригревая светило яркое солнце, весело чирикали птахи, и мир стал казаться чуть прекраснее. Особенно после сытной порции кроличьей похлебки со свежими и сухими травами, корешками и ломтем ещё не успевшего зачерстветь хлеба, которым великодушно поделился с ним Крэг.

— Я готов. Куда направимся?

— Пока — прямо, — насмешливо ответил провожатый, но Нааррон не успел обидеться, как тот добавил, — выйдем на тракт и двинем по нему на север. К полудню, если всё пойдет хорошо, доберемся до Быстрой. Река разливается широко, и люди строятся на противоположном обрывистом берегу. Если повезет, то никого не встретим.

Там и свернем, если дорогу не подтопило. Поедем вдоль русла на восток до самых Красных Горок — нам надо вернуться обратно на большой тракт.

— Это же огромный крюк! — удивился Нааррон, припоминая карту. К Красным Горкам вела наезженная дорога, по которой из Ордена можно было добраться дня за два, если ехать не торопясь. Поспешая — так вообще за день.

— Конечно. Но, надеюсь, этот маневр собьет с толку преследователей, если таковые случатся.

— У нас хватит припасов?

— Будем охотиться и рыбачить по возможности. Я планировал пополнить запас в Красных Горках. Да и лошадей неплохо бы сменить. Мой мерин едва ноги передвигает, чую скоро начнет хромать.

Нааррон хотел пошутить, что Крэг просто слишком здоровый, вот животина и надрывается. Но, решив не портить первую нормальную беседу за сутки, кивнул.

Внезапно и он ощутил азарт сродни тому, когда важное открытие или новая идея

брезжит совсем рядом и вот-вот родится на свет.

Они ехали не спеша, лишь раз остановившись, чтобы перекусить и дать отдых животным. Тракт в это время года был пуст — народ по большей части занят подготовкой к посевной, лишь изредка попадались пешие путники из местных. Пройдет ещё пара недель, прежде чем потянутся подводы, развозя прибывшие на заморских кораблях товары по торговым городам. Крэг за всё время не заметил ничего подозрительного.

Лишь раз их нагнал дородный детина на крепком коньке, похоже, из торговой семьи парень. Спросил о дороге, о том куда направляются. Некоторое время ехал рядом, но вскоре, посетовав что уж больно медлительные они попутчики — мерин и правда захромал — обогнал и последовал своей дорогой.

Река Быстрая показалась гораздо позже полудня, Крэг ошибся в своих предположениях. У излучины они, как и собирались, свернули с тракта на утопанную тропу, вьющуюся лентой по равнине на приличном отдалении от воды. Если сюда и доходил паводок, то сейчас уже все просохло. Не смотря на близость реки, здесь было гораздо теплее, чем на высокогорье. По правую руку у самого горизонта виднелась кромка леса, которая изгибалась, то приближаясь то отдаляясь, а на юго-западе плавно забирался на гору, откуда они пришли.

Слева на противоположном берегу жили люди. Из труб поднимался дымок, доносился собачий лай, мычание коров и едва ощутимый запах гари от сожженной на полях соломы. На этом берегу чуть дальше заросших камышом заводей раскинулись сети, но рыбаков не было видно. С криканьем взмыли в воздух несколько потревоженных неведомо кем уток. Видимо, где-то там в зарослях рогоза у них были спрятаны гнезда.

— Вот и ужин полетел. Чего не выстрелил? — спросил Нааррон.

— Не знал, что в тебе есть скрытые таланты, — ответил Крэг.

— Какие такие таланты?

— Какие? — удивился Защитник. — Подбитых уток из воды вылавливать, конечно.

А ты что подумал?

Нааррон насупился и некоторое время ехал молча. Кобылка мерно перебирала ногами не доставляя ему никакого дискомфорта своей плавной походкой. Солнце позади них садилось за горизонт, удлиняя тени. В животе громко заурчало. Наконец, адепт не выдержал.

— Где мы будем ночевать? — вокруг не было ничего подходящего, и лес в этом месте отступил особенно далеко превратившись в темную линию.

— Да хотя бы и здесь, — ответил Крэг натянул поводья и спрыгнул с понурого мерина.

— Как здесь? — растерялся Нааррон. — Вот прямо здесь?!

— А что? Тебе что-то не нравится? — осклабился Крэг.

Нааррон осмотрелся вокруг. Ночевка в лесу импонировала ему больше.

— Да все мне не нравится! — он чуть не топнул ногой от досады. — Здесь же ветер гуляет! Нет хвороста, чтобы развести костер, и ещё эти проклятые лягушки! Они сведут меня с ума своим кваканьем.

— Я пойду поищу нам что-нибудь на ужин, а ты займись лагерем, — не обращая внимания на его недовольство бросил Крэг и ушёл, оставив Нааррона одного с двумя лошадьми, можно сказать, посреди чистого поля.

Когда спустя час он вернулся, то был приятно удивлен. Расседланные лошади были привязаны в зарослях ивняка на длинный повод — так что и до воды легко дотянуться, и со стороны особо не видно. Маленький лагерь разбит чуть выше — в естественном углублении. Если сидеть или лежать, то можно пройти рядом в десятке шагов и не заметить. С дороги

точно не видно, Крэг проверил. Теплился небольшой костерок — заучка догадался-таки набрать приличный запас сухого плавника. Над костерком бурлил, закипая, котелок с водой, а уставший, но весьма довольный Нааррон сидел рядом, закутавшись в одеяло.

— А ты молодец, заучка. Я от тебя и не ожидал. Честно. Думал, вот сейчас вернусь, придётся ещё и лагерь разбивать, — он протянул уже ошипанную тушку дикой утки.

Нааррон довольно зардевшись, взял птицу и начал смолить, поворачивая к огню то одним, то другим боком.

— Я припомнил то, что когда-то читал в книгах о путешественниках.

— Это хорошо. Главное, чтобы дождь не пошёл.

— А что если и дождь? — придётся намять тебе бока снова. Не хочу проснуться в этой яме по шею в воде.

Нааррон с укоризной посмотрел на Защитника, тревожно зыркнул на небо, но успокоился:

— Не будет ночью дождя.

— Почему знаешь?

— Не будет и все тут.

* * *

Утро началось с крика: «Подъём!».

Здесь у реки было влажно, но далеко не так холодно, как на высокогорье.

Поэтому, не смотря на сводящее с ума лягушачье кваканье, уставший Нааррон быстро уснул и сладко проспал до самого утра. Он дрых бы и дальше, если бы Крэг бесцеремонно не сорвал с него одеяло. Затем заставил стянуть хламиду и все, что было под ней. Нааррон дрожал, стоя обхватив себя руками в одних холщовых штанах и босой. Крэг скептически его осмотрел и остался весьма недоволен увиденным, о чем не преминул сообщить Нааррону в нелестных выражениях, самыми безобидными из которых были: дрищ и доходяга. Загнал его пинками и тычками в холодную утреннюю воду, посетовав на «девчачьи визги» недостойные мужчины. Окунул пару раз с головой и милостиво разрешил выбраться берег, где заставил бегать туда-сюда по тропе до тех пор, пока Нааррон не перестал трястись. Все действие сопровождалось вскриками, охами, ахами и жалкими попытками отбиться, пока Крэг не обессилил от смеха. Уж больно комично со стороны смотрелся долговязый худосочный заучка. А как хламиду свою напялит, так вообще чисто пугало огородное.

— Зачем ты это сделал?! — негодовал Нааррон, держась за ноющий бок и пытаясь отдышаться.

— Так будет каждый раз. Готовься.

— А если я заболею?!

— Ты заболеешь, если останешься такой же квашней, как сейчас! Я тебе даже помогу. Даже не верится, что когда-то ты тоже хотел стать Защитником!

Нааррон оторопел. Он выпрямился, забыв про боль в боку.

— Ты ещё помнишь?..

— Нааррон Великий Защитник? Конечно, помню, Нааррон великий заучка-вонючка. Повторяй за мной, или я тебе устрою!

Адепт из чувства протеста ещё немного постоял на месте, не желая подчиняться, но

поймав грозный взгляд, обещающий немедленную кару, как умел принялся повторять несложные движения утренней зарядки.

* * *

Шел четвертый день путешествия.

Перекусив и дав отдохнуть лошадям, Нааррон и Крэг продолжали двигаться вдоль берега реки, которая теперь стала намного уже и, оправдывая свое название, значительно быстрее. Тропа влилась в проторенную дорогу, которая выворачивала из-за подступившего ельника и дальше вела вдоль кромки леса, хотя и не подходила к деревьям слишком близко. Нааррон мысленно радовался, что закончились бескрайние просторы без намека на кустик. Три дня ночевки на берегу для него — типичного келейного затворника стали серьезным испытанием. Вчера они даже нормально не поужинали. Кроме уток охотится здесь было не на кого, а те со своими гнездами остались далеко позади — в зарослях камыша и рогоза. Пришлось доедать оставшиеся сухари, запивая травяным отваром. Примерно таким же оказался и завтрак, не смотря на то, что Крэг честно попытался поймать рыбу импровизированной удочкой. Нааррон сделал вывод, что рыбалка не его конек.

Потому выехали раньше, чем обычно и двигались чуточку быстрее. Неспешное путешествие по мягкой земле дало отдых бедному мерину и он почти перестал хромать. Нааррон ещё робел, взбираясь в седло, но с каждым разом у него это выходило все будничнее. Большая доля заслуги принадлежала в этом смиренной кобылке, которая проявляла свободы воли не больше, чем деревянная скамья. Она лишь изредка снисходительно фыркала, но перебирала ногами, повинуюсь всаднику.

— Скажи, как случилось, что ты так себя запустил? — внезапно спросил Крэг.

— Что? Ты о чем? — погруженный в собственные мысли Нааррон, не сразу сообразил о чем говорит Защитник.

— Я, говорю, как ты до такого докатился, заучка? Ведь вроде нормальный парень.

Руки-ноги на месте. Здоровенный — весь в деда. Да и физические упражнения для мудрецов никто не отменял.

— Не твое дело! — рывкнул обиженно Нааррон. — Ты мне что, специально настроение портишь?

— А вот ещё как — мое! Чем лучше ты подготовлен, тем больше у нас шансов.

— Твое дело меня охранять! Я мозг, а ты — всего лишь мускулы.

— С таким же успехом я могу везти с собой мешок капусты. Если мне прилетит стрела в горло или отравленный нож в сердце, то ты сможешь сделать не больше, чтобы спастись и завершить задание.

Как ни странно при этом в голосе Крэга не было насмешки, скорее легкая досада. Под таким углом Нааррон не рассматривал проблему и не нашёлся, что ответить. Если хорошо подумать, то он, и правда, себя запустил. Тем временем Крэг продолжал свои рассуждения:

— ещё остается открытым женский вопрос. Девчонки любят сильных парней, а не умников. Им не столь важно, кто ты, если у тебя приличное тело и ты достаточно вынослив. Я вот был уверен, что Мудрецы размножаются обычным способом, но глядя на тебя... — в глазах Крэга заиграли черти. Похоже, он снова оседлал привычного конька.

— Ну это уже слишком! — взорвался Нааррон. — Прекрати немедленно! — его уши

пылали.

— Хотя, если так подумать, не все мудрецы такие рохли, как ты. Взять к примеру, Настоятеля Агилона...

— Помогите! — раздался тоненький крик. Из леса выскочил и направился напрямик к дороге ребёнок.

— Помогите!

— А ну стоять! — рявкнул Крэг. — Что случилось? Ты как тут оказался?

— Дя-яденька, только не бе-ейте, — затынул парнишка плаксивым голосом. — Я грибы собира-ал, заблуди-ился! Три дня-я плутаю — е-есть хочется!

— Экий, ты, шустрый! — Крэг тем временем внимательно всматривался в кромку леса, то и дело поглядывая на место, где дорога поворачивала за деревья, но так ничего подозрительного и не усмотрел. — Говоришь, грибы собирал?

— Собира-ал, — согласно кивнул косматой головой мальчишка.

— А где же твое лукошко?

— Так это... Потерял же в лесу.

— Не врешь?

— Не вру-у-у! Тятка дома уши надере-е-ет за лукошко-то! — снова заголосил мальчишка, кулаком размазывая сопли по грязному лицу.

— Слышь, малой, а ты откуда будешь?

— Дык, деревенский ж я! Из Заячьей Пади, что у Красных Горок.

— Вот она — дорога-то. Топай прямо, там и до Красных Горок недалече, — махнул рукой Крэг старательно имитируя говор простого люда.

— Ы-ы-и-и-и-и, дя-я-деньк-а-а-а, — снова завел свое парнишк, — я три дня ничего, кроме ягод не е-е-ел! Живот боли-и-ит! Люди на дороге лихи-и-ие, оби-и-идят сироту-у-у!

— Так сироту, или же тятка уши надерет? Ты уж определись.

— К... Рэн, да пусть парнишка идет следом. Сколько ещё до Красных Горок? — миролюбиво спросил Нааррон.

— Завтра к вечеру там должны быть, ежели как и сейчас пойдём. — Крэг пристально посмотрел на Нааррона, пытаясь взглядом выразить свое неодобрение.

— Не переживай, малец, мой охранитель получает плату за свою работу, — будто нарочно проигнорировал его адепт, — вот и старается. Ты нам не помешаешь. Иди следом до самых Красных Горок. Найдешь оттуда путь к своей деревне?

— Найду! — мальчонка радостно кивнул, тут же осушив поток слёз.

— Меня зовут господин Нари.

— Спасибо, господин Нари! — он тут же признал в более утонченном Наарроне важную птицу.

Крэг недовольно сузил глаза, но не стал спорить, поддержав легенду.

— Значит, господин настаивает, чтобы мальчишка следовал за нами?

— Господин настаивает, чтобы ты уступил ему своего мерина.

— За это ты мне не платишь, — Защитник одарил Нааррона таким многообещающим взглядом, что тот тут же добавил:

— Я пошутил.

Крэг поравнялся с Наарроном и тихо сказал:

— Будешь выпендриваться, заучка, сильно пожалеешь. Мне все это не по душе.

Нааррон скорчил в ответ гримасу:

— С каких пор ты стал таким мнительным? Это же просто мальчишка.

Подозрительнее было бы бросить его в беде.

Они не сговариваясь обернулись. Парень вприпрыжку поспешал следом, совершенно не выказывая признаков усталости и истощения после трехдневного скитания по лесам.

Солнце наполовину скрылось за верхушками деревьев, накрыв дорогу густой тенью. Там дальше на полях его лучи окрасили туман в розовый цвет — должно быть неподалёку имеется какой-то пруд или озеро. Потихоньку опускались сумерки. За всю дорогу они снова так никого больше не встретили — путники предпочитали более короткий и оживленный тракт, что и к лучшему. Пришла пора остановиться на ночлег.

По дороге Крэг удалось подстрелить парочку куропаток из своего арбалета, чудом высмотрев их в сухой прошлогодней траве.

— Рэн, разведи костер и займись ужином, — распорядился Нааррон с благородным видом, на что провожатый одарил его тяжелым взглядом. — А я, так и быть, помогу тебе с лошадьми, — поспешно добавил адепт.

На самом деле Крэг возложил на него эту обязанность, чтобы он потихоньку избавлялся от своих страхов, а может и просто, ради досады.

— Конечно, господин, вы так добры, — глаза Защитника обещали скорую расплату.

— Как тебя зовут, парень? — обратился Нааррон к мальчишке.

— Сей... Сайкер, господин.

— Необычное имя для деревенского парнишки, — отметил Крэг.

— Моя мать была из городских, — пожал плечами тот, — у них иные порядки. В деревне раньше смеялись, потом привыкли, даже дразниться перестали, — он многозначительно ударил кулаком по ладони, как бы говоря: «У меня сильно не забалуешь!»

— Вот что, Сайкер, помоги-ка собрать хворост для костра. Да не ленись.

— Да, господин Нари! — мальчишка тут же сорвался в лес.

— Только не отходи далеко, а то снова заблудишься на ночь глядя, — напутствовал ему вслед Крэг и добавил тихо, обращаясь к Нааррону: — Во-первых, заучка, не зарывайся. А во-вторых, я уже сказал, не нравится мне этот мальчишка. Что-то с ним не чисто.

Он сунул птиц в руки Нааррону и, мягко поднявшись, тенью скользнул вслед.

Через четверть часа объявился Сайкер с большущей охапкой хвороста, которую еле волок, чудом удерживая тонкими рученками. Вскоре весело заплясал огонь, затрещал сучьями. Для разнообразия было решено запечь куропаток в глине — это Крэг, убедившись, что мальчонка занят именно тем, о чем его просили, не поленился сделать крюк и добрался до скрывающегося за полями озера. Нааррон к тому времени оципал и выпотрошил птицу, начинив её припасенными травами, и теперь занимался лошадьми. Ныне в лагере не было бездельников.

Стемнело.

За пределами небольшого круга, освещаемого огнем костра, царил крошечный мрак. Сытый Нааррон осоловело развалился на одеяле и то таращился на огонь, то разглядывал своих попутчиков. Крэг сидел напротив и точил свой охотничий нож. В неверном свете языков пламени его лицо выглядело несколько зловецё. Мальчишка, довольно лыбясь, жадно впивался в мясо белыми крепкими зубами. Покончив со своей порцией, он свернулся клубочком под выделенной ему лошадиной попоной и теперь всю сопел. Мелькнула мысль, что парень был голодный, но за всю дорогу так и не попросил еды, только попил, когда ему предложили. Мелькнула и тут же пропала.

— Завтра меня не буди, — распорядился Нааррон, удобнее устраиваясь на своем импровизированном ложе.

Крэг ничего не ответил, только криво ухмыльнулся в темноту.

* * *

К удивлению Нааррона, это утро мало чем отличалось от вчерашнего и предыдущих, разве что изменилась форма подачи:

— Подъём, господин, Нари! — одеяло по традиции улетело прочь. — Вы забыли, что сказал доктор? Вам необходимо для здоровья рано вставать! — незаметный пинок, заставил Нааррона подскочить.

— Кр... Рэн! Я же просил меня не будить!

— Не забываете, как полезно для организма принимать закаливающие ванны.

Таков наказ вашего доктора. Вы же не хотите его нарушать? — лицо Крэга выражало крайнюю учтивость, а в золотистых зрачках плясали черти. — Сымайте все лишнее и бегом умываться к озеру. Извольте, я помогу.

Не взирая на слабые протесты, Крэг содрал с Нааррона хламиду, успев незаметно отвесить ещё пару тумачков.

— Отстань! Я сам! — недовольный адепт, в основном из чувства самосохранения, стащил с себя все лишнее, оставшись, в холщовых портах.

— Вот и славненько. А теперь бегом! Бегом к озеру! — Крэг обернулся на сонно лупающего глазами мальчишку, — Эй, а ты чего расселся? Давай-ка следом! Я тебя одного в лагере не оставлю, даже не думай! — он направился было к Сайкеру, но то, взвизгну, вскочил и, мелькая босыми пятками, бросился за Наарроном.

— Господин Нари, господин Нари! Чой-та он?

— С ума он сошёл! — отозвался Нааррон на бегу. — Топить будет.

— Как топить? — мальчонка от удивления даже остановился, но, опомнившись, припустил вновь.

Достигнув берега, Нааррон самостоятельно вошёл в воду. Вздыхая и охая поплескал на худосочный торс, привыкая к холоду. Вода показалась такой ледяной, что сводило кишки, но он заставил себя умыться, искоса поглядывая на Защитника. Тот, ехидно ухмыляясь, пронёсся мимо, щедро обрызгав Нааррона, и уплыл туда, где было глубже. Сайкер, ежась и поджимая то одну, то другую ногу, терся на берегу и беспомощно озирался по сторонам. Убедившись, что на него никто особого внимания не обращает, потихоньку бочком перебрался за камыши.

— Эй, малец, — тут же выкрикнул из воды Крэг, — а ну давай сюда! Тебе следует вымыться!

— Дяденька Рэн, вода сильно холодная! Я плохо плаваю, — раздалось из зарослей.

— А вот как я тебе сейчас помогу?

— Не надо, дяденька Рэн! Я сам умоюсь, только не тащите в воду, пожа-алуйста! — стал канючить мальчишка и тотчас вернулся. Присел у воды на корточки и, мокая в воду два пальца, начал старательно тереть лицо и даже шею, то и дело поглядывая с опаской на Защитника.

— Пойду бегать, — сообщил Нааррон, посчитав, что на сегодня с него водных процедур достаточно — вон уже зуб на зуб не попадает.

Крэг направился к берегу, заметив, что Сайкер сразу опасливо отодвинулся подальше.

Нааррон, тем временем, весьма бодро чесал по тропинке к лесу. Малец, немного поразмыслив, здраво решил, что с господином Нарю будет куда как безопасней. Он припустил следом, громко крича:

— Господин Нарю, подождите!

* * *

Перекусив, трюица свернула лагерь.

— К вечеру должны показаться Красные Горки. Хорошо бы успеть до темноты, пока ворота открыты, — Крэг придиричиво осматривал оседланного Наарроном мерина.

— Не хочется ночевать снаружи. А ежели опоздаем на постой пустишь? — он подмигнул мальчонке, отметив, как тот слегка побледнел, но тем не менее бойко ответил:

— Отчего не пустить? Пущу. Да и тятка против не будет, ежели за постой заплатите.

— Коли не брешешь, господин Нарю щедро заплатит. Твой батюшка останется доволен, — продолжил зубоскальство Защитник.

В Красных горках он планировал задержаться на день-другой. Пополнить припасы и сменить лошадей. Мерин и кобылка для длительного путешествия не годились, разве что в качестве вьючных. Скудный запас провизии, захваченный из Ордена, подошел к концу. Да и требовались не только припасы.

Храм Киаланы у Излома так и назывался, потому как находится именно у Излома. Климат в тех местах суровый. Не такой, как везде. Там и сейчас царит вечная осень, знаменуя ночи легким морозцем, а дни — холодными дождями и пронизывающим ветром. Редкий случай, когда выглянет солнце. По крайней мере в учебниках так писали. А потому неплохо бы было обзавестись подходящей одеждой.

Сам Крэг снарядился по походному: простая куртка и штаны, в сумках с собой теплая поддевка. Да и привычен он к прохладе. Им, Защитникам, до определенной степени нипочем жара и холод — это в крови, да еще и тренировки обращения с силой. Только вот обувь... Обувь может выдать. А вот заучка — долго не протянет. Да еще эта его хламида. Конечно, вряд ли кто-то признает в нем мудреца из Ордена, скорее примут за студиозуса какого-нибудь университета, коих тьма в столице. Но тех, кто бережется, берегут сами боги.

— Сайкер, а ты часто бываешь в городе? — спросил Нааррон.

— Порой случается, — ответил парнишка.

— А что, есть там приличные места для ночлега?

— Приличные-то? А то как же! От северных ворот ведет улица, вы на ней не останавливайтесь. Там самые дорогие заведения. Хозяева — ворюги!

— Все как один? — уточнил Крэг.

— Ага, — с готовностью подтвердил мальчишка.

— Так, где же лучше остановиться?

— Поверните к западным, через Калашную улицу. Увидите вывеску — огромный колос пшеницы. Это постоялый двор «Полный колос» — туда не заходите. Там дорого и хозяин...

— Ворюга? — приподнял брови Крэг.

— Не такой, как у северных, но тоже ворюга и скупердяй. И пиво кислое наливает, — Сайкер скривился с видом знатока, — дай волю и три шкуры сдерет.

— А ты то почему знаешь?

— Так это... Батяка же сказывал, — развел руками парнишка.

— Где же нам лучше ночевать-то? — Нааррон заерзал в седле.

Ему уже мерещились льняные, пахнущие лавандой, простыни. Ноздри почти улавливали запах свежего хлеба. Грезилась, тонущие в масле, клубни молодого картофеля, и нежный барашек вращался не спеша на вертеле... В животе громко заурчало.

— Напротив «Полного колоса» увидите другой постоянный двор «Четыре кошки».

Там ещё вывеска такая... Ну, забавная. Вот туда и идите. То что с виду невзрачно — не обращайтесь внимания. Зато еда свежая и берут по-честному.

— Спасибо за напутствие, — поблагодарил Крэг, решив, что не так уж плох мальчонка, и спросил: — А рынок где?

— Так у западных ворот же ж и находится. Сейчас как раз, должно быть, ярмарка.

Купцы с заморскими товарами понаехали...

Нааррон, в свою очередь проникшись, кинул пареньку мелкую монету. Тот её ловко поймал и, засияв, тут же спрятал под одежду.

Солнце клонилось к горизонту, но до заката ещё несколько часов — хватит, чтобы почистить и выгулять Полночь. Кира остановилась и взглянула на небо. После обильных дождей, пришедшихся на свежие посевы, стояла прохлада. Березняки щедро украсились веселыми шляпками подберезовиков, от них не отставали и подосиновики, а в дубовых рощах не редкость в это время были и крепенькие белые — собирай не хочу! Плечи оттянул тяжелый короб с грибами. На поясе болталась пара куропаток и небольшая увязка целебных трав — несколько пучков завернутых в тряпицу. Их надо бы занести бабке Матрене — обещалась, да в придачу грибов отсыпать. Самой-то знахарке недосуг по лесу шататься, особенно сейчас.

Кира днями пропадала в лесу, возвращаясь лишь под вечер. На ней была мужская одежда, кою она носила почти постоянно с тех самых пор, как в деревне объявился новый Защитник. Мать вопреки обыкновению не ворчала, наоборот, одобрительно кивала, провожая её взглядом. Русые волосы, ещё влажные после купания, двумя косами привычно ложились на к счастью не слишком пышную грудь.

Рядом, не отставая и не обгоняя, бежал Туман — верный Защитник от всякого зверья.

Розовый язык пса мотался из стороны в сторону. ещё щенком-несмышленишем его подарил ей Каррон, он был сыном убитого Волчка.

Кира задумалась и внезапно осознала, что идет напрямиком к площади, как делала сотни раз в своей прежней жизни. Она сбавила шаг. Домик Матрены расположился на другой стороне деревни в тупичке, окруженном огородами. Самый короткий путь отсюда пролегал как раз через площадь, у которой высился дом Защитника. Раньше деревенские, не задумываясь, ходили мимо, но теперь все изменилось. Никому не хотелось лишний раз попасть под горячую руку. Сиротливо понурил ветви и старый дедушка-дуб — молчаливый свидетель творившихся бесчинств.

Кира решила обойти, сделав крюк по тихому переулку, пролегающему между задними дворами двух улиц.

Женский вопль раздался в тот момент, когда она направлялась обратно и уже было повернула. Кира остановилась и горько вздохнула — опять Пасита. Когда же уймется, гад, наконец? Что ни день, то девку мучит, то парня сечет ни за что ни про что.

Как будто другого дела нету! Похоже, этой ночью будет работа.

Находчивые не стали ждать, сразу отправили дочерей к родне по соседним деревням. Некоторые даже спешно замуж выдали, лишь бы подальше. Вон в Вороньих Гнездах Защитник хоть и вредный, зато старый. Не до девок ему давно.

Анасташа тоже Киру отослать пыталась к тетке, даже грозилась, да охотница наотрез отказалась, не желая оставлять мать одну. Те, кто долго раздумывал, теперь только разводили руками да сетовали на собственную недалекость и глупость.

Раскусил Защитничек эту хитрость, да видимо испугался, что так в деревне одни старухи да вдовы останутся. Остановили его бугаи очередную подводку с прошлогодним сеном.

Дядька Брюл под тем сеном дочку Аханнку запрятал.

«А ну стой! Что под сеном?» — вопрошал Мордан. Дядька Брюл струхнул, но отвечает: «Дык, сено везу». Те: «А под сеном?». Дядька им: «Ничего под сеном нету!». А они уж и

вилы притащили. Говорят: «Сейчас тыкать станем, коли ничего нету». Ну Аханна-то перепугалась и выскочила. Побежала по дороге. Бугаи за ней, догнали и к Защитнику в хату. Так и насильничали девку. И вот, похоже, снова...

Кира вздохнула и остановилась, стянув с плеч лямки короба, опустила его на землю возле изгороди. Туман, настороженно принюхался, глядя в лицо хозяйке.

— Туман, стереги. Тебе там делать нечего, — пес тихо заскулил и наклонил голову, — Не спорь! — погрозила Кира ему пальцем, памятуя незавидную судьбу Волчка.

Она зашагала в обратную сторону. Пес, продолжая тихо поскуливать, переминался с ноги на ногу, но не смел послушаться.

Крики на площади сменились протяжным плачем. Там собралась немногочисленная толпа хмурых мужиков и несколько перепуганных женщин. У крыльца стоял разодетый в парчу Защитник Пасита, рядом заливалась слезами красавица Ламита. Черная, как смоль коса туго намотана на кулак «благодетеля».

Руками девушка пыталась, придержать волосы, чтобы не было так больно отчего вся её поза казалась какой-то неловкой.

От греха Кира не стала подходить ближе — все равно сейчас помочь не сможет.

Наблюдала из-за палисадника крайнего дома, ставни которого были аккуратно прикрыты, выдавая отсутствие жильцов. Пожилые и уважаемые хозяева не так давно перебрались на окраину к детям, не в силах более терпеть беспокойное соседство. А ведь, когда-то считалось, лучшего места и не найти — у Защитника под боком, что у Киаланы в подоле...

— Пасита, отпустил бы девку. Негоже Защитнику насильничать! — робко увещевал староста Опорафий.

— Я — Пасита Защитник! Когда же вы, черви, научитесь обращаться ко мне, как подобает? — он горделиво вздёрнул голову, обжигая народ взглядом, и зло рванул косу.

Ламита, вскрикнув, упала на колени, чтобы не сломать себе шею. На искажённом от боли и покрасневшем от слёз лице застыли страх и мольба о пощаде.

— Так вот и вспомни, что ты Защитник, а не лиходей! — выпалил статный белокурый молодец, которого удерживали несколько деревенских. Лютобор — жених Ламиты, первый парень на деревне: и в работе мастак, и побалагурить, разве что уступал злему в драке Микору.

— На кого твякаешь, щенок?! — прошипел Пасита, озверев от такой наглости.

— А я посмотрю, ты только со щенками да бабами — воин! — подался вперёд Лютобор и мужики повисли у него на плечах.

Покраснели глаза Защитника. Закипел воздух вокруг. Протяжно завывла от страха и боли Ламита. Брезгливо взглянув на неё, Пасита за косу вздёрнул девушку с колен и отшвырнул в сторону. Та неловко упала, налетев на поленницу. Кира охнула и закрыла лицо. Опорафий бросился к ногам Защитника, умоляюще протягивая руки.

— Прости его, господин Защитник, — примирительно начал он, — юн ещё. Глуп.

Кровь играет. Не ведает, что творит.

Не страшась гнева, подбежала к дочери тётка Парасья. Спешно подняла девушку с земли, отряхнула сарафан и, поддерживая, тихонько отвела в сторону.

Хмурые мужики, играя желваками, медленно опустились на колени, потянув за собой Лютобора. Тот глядел зверем, но последовал их примеру. Эх, ежели бы не был Пасита Защитником, несдобровать бы ему. В Золотых Орешках отродясь слабаков не водилось. За

дубравой бы и прикопали, даром, что знатный. Тут и Излом рядом — ежели чего, так местные и не при делах. Суровы нравы в Приграничье. Суровы, но справедливы.

Защитник, сменил гнев на относительную милость и унял лютый огонь в глазах.

— Плетей ему для науки! Девку — в избу! — скомандовал он.

Прихвостни направились к дрожащей, как осиновый лист, Ламите. Оттолкнули в сторону Парасью. Та, не удержавшись на ногах, так и села на землю. Пасита взошёл на крыльцо и замер в ожидании, стоя в пол-оборота. Ламита плакала, но теперь держалась гордо и прямо. Защитник же что-то надумал, вернулся к ней и поднял лицо за подбородок. На высоком лбу кровоточила ссадина. Пасита брезгливо скривился.

— Пусть идет, — скомандовал он, — кликните Глашку.

Ламита, ещё не веря своему счастью, бросилась к матери, помогла подняться и уткнулась в плечо, заливаясь горячими слезами. Пасита повернулся к Лютобору:

— Червь, повинись. Тогда я девку, может и оставлю в покое, а будешь противиться... —

Пасита не договорил, лишь зло многообещающе ухмыльнулся.

Лютобор, не ответил, только сжал крепче зубы.

— Избавляться надо от этого змея! Не то всю деревню изживёт.

Кира подпрыгнула от злого шепота над ухом.

— Микор! Ты меня напугал!

Друг был одет так же, как и она сама: кожаная куртка, крепкие штаны, высокие мягкие сапоги. В ножнах на поясе — охотничий нож с широким лезвием, за спиной — короткий лук и колчан со стрелами. Кира не видела Микора уже почитай две седмицы.

За это время на лице друга отросла непривычная густая щетина, сделав его облик суровым. Уже не деревенский мальчишка — приятель по проказам, но мужчина. Вход в деревню днем Микору был заказан. Он, как оклемался после порки, так и ушёл в леса.

Обитал там в охотничьей избушке, скрывшись подальше от лихих глаз, по ночам иногда навещал деревенских и Киру.

— Житья нет с таким Защитником, — друг презрительно сплюнул наземь, — никаких сартогов не надо — всех изживёт. В пору всей деревней в лес перебираться.

На мгновение Кира представила, как все жители Золотых Орешков — и стар и млад, шикая друг на друга и стараясь не шуметь, на цыпочках ночью уходят из деревни, унося на себе скарб и уводя скотину. Скотина в её фантазии, так же во всю старалась не шуметь. Вот бы Пасита удивился, никого не обнаружив. Наверное, своих прихвостней со злобы бы пришиб. Она горько улыбнулась.

Мимо прошла Ламита. Торопясь домой, мать тянула её за руку. Девушку крупно бил озноб, невидящие широко распахнутые глаза были полны слёз, безупречный лоб портила кровавая ссадина.

На площади Харила и Мордан растягивали Лютобора между двух столбов.

Вскоре засвистели плети. Парень некоторое время терпел, не проронив ни звука, но потом не выдержал и застонал. Кира вздрогнула, вспомнив, как на его месте побывал и Микор, и другие ребята. Трудно и непривычно молодежи было сдерживать острые языки. На Паситу, конечно, без дела не задирались, но вот оборонить девку от Мордана и Харилы — святое дело. Впрочем и те повадились народ сечь, то ли с попустительства, то ли с прямого дозволения Защитника. Кира отвернулась, пытаясь удержать подступившие к горлу слёзы. На плечо легла рука и сжала до боли.

— Ночью заберем.

Кивнув, Кира повела плечом, стряхивая руку, и быстро зашагала прочь. Когда она, наконец, обернулась, позади уже никого не было. Микор, по обычаю, растворился в ночи. Туман ждал возле короба. Завидев хозяйку, пес рванул вперёд и, поставив ей на плечи мощные лапы, стал вылизывать соленое от слёз лицо. Отмахнувшись, Кира вытерлась рукавом и потрепала пса по лохматой холке.

— Эх, Туман. Злые времена настали. Как же теперь нам жить дальше?

*** Далеко за полночь Кира в *потайном наряде* притаилась на краю площади.

Темная холстина полностью закрывала лицо, плотно, но не туго облекая остальное тело.

Скрытные *потайные наряды* их с Микором научил шить отец. Они тогда ещё удивлялись — зачем им такая странная наука. Они что, тати? А Каррон только посмеивался, говорил: «Хотели учиться? Учитесь».

Места, где кожа оставалась открытой, Кира вымазала сажей. Если закрыть глаза, то хоть посреди дороги валяйся — в сумерках, а тем паче в темноте, простому глазу и не видно.

В доме Защитника давно погас огонек. Небо затянули облака и ни звезды, ни луна не наблюдали за Кирой. Микор пока не появился. Впрочем, она не сомневалась, что он уже где-то рядом. Может даже с той стороны площади всматривается в темень, пытаясь по едва заметному шевелению разглядеть её саму.

Скрипнула дверь, на крыльцо вывалилась Глашка, прикрываясь изорванной одеждой. То и дело оглядываясь по сторонам, она неверной походкой поспешила прочь.

— Глашка снова кого-то спасла.

— Микор! — в который уже раз сегодня вздрогнула Кира.

Друзья не стали спешить и выждали ещё некоторое время, потом двумя тенями скользнули к столбам и затаились.

Лютотор болтался на ремнях — ноги его не держали. Похоже сознание покинуло парня, или же он просто уснул, как бывает с измученными болью. Вдруг из-за опустевшей собачьей конуры поднялся один из прихвостней Паситы. Кира по силуэту признала Харилу — более крупный, чем брат, тупой и злой детина. Скрытники распластались на земле, затаив дыхание. Перепивший хмельного меда бугай, шатаясь, подошёл к привязанному между столбов Лютотору. Пасита с некоторых пор запретил забирать провинившихся сразу. Сказал: «Для пущей науки». Жители поперек пойти боялись, хотя и роптали. Харила невнятно выругался, борясь с завязками на штанах.

Наконец совладал и начал мочиться прямо на парня.

Вонючие брызги то и дело попадали на одежду Киры, но она не шевелилась и даже перестала дышать, пытаясь слиться с землей, как учил Каррон. Сжимая в руке отцовский нож, она успокаивала себя мыслью, что могла бы одним движением перерезать ублюдку глотку, но тогда никому в деревне не будет спуска. Ничего, даст Керун, они встретятся как-нибудь на лесной тропинке. На самом деле Кире никогда не приходилось убивать людей, но отчего-то пришла уверенность — рука не дрогнет.

Закончив свои дела, Харила довольно крикнул. Натянул штаны и потащился в сени, топя коваными сапожищами. Когда за ним закрылась деревянная дверь, скрытники выждали ещё несколько минут. Убедившись, что все тихо, начали действовать. Микор аккуратно приподнял обмякшее тело Лютотора, а Кира ловко перерезала кожаные ремни на запястьях. Спина парня напоминала перепаханное поле — не было живого места. Стараясь не шуметь, они подхватили его под руки.

Лютотор тихо застонал в беспамятстве. Кира отпустила ноги и вынула из потайного

кармана пузырек с настоем, который для неё сделала Матрена. Влила содержимое в рот парню. Настой белладонны со зверобоем и ещё какой-то хитрой травкой мгновенно унимал боль и позволял уснуть без сновидений. Это сильно облегчало скрытникам работу — спасаемый не выдаст их невольным вскриком. А то ведь не долго оказаться на его месте.

Выждали немного, чтобы зелье подействовало. Кира прислушалась. Дыхание Лютобора выровнялось, теперь он точно спал. Охотница кивнула подельнику. Без опаски с они подняли увесистое тело — здоров же парень. Тяжеленный! Вон как Микор присел от натуги. Быстро, как могли, покинули площадь, направляясь напрямиком к бабке Матрене. Эх, и прибавилось же у знахарки работы!

Ни Кира ни Микор не видели, как дрогнула в окне дома Защитника занавеска...

* * *

Киру разбудил тихий стук в ставню. Она, толком не проснувшись, села на постели. Сердце забухало в груди тяжелым молотом, накатило какое-то нехорошее предчувствие.

Стук повторился, став настойчивее.

Накинув шаль, Кира выглянула наружу. На дворе едва брезжил рассвет, окрасив небо на востоке розовым всполохом. Под окном никого не было видно. Кира высунулась сильнее и тихо позвала:

— Микор?

От угла отделилась темная фигура. Друг так и не снял *потайной наряд*, только башлык и повязка, скрывающая лицо, были стянуты, открывая хищные черты его лица.

Сажу он тоже стер, но не тщательно, отчего его лицо приобрело землистый оттенок.

— Микор, ты что здесь делаешь? Неумытый! Ну вылитый мертвяк из сказок!

Тот не ответил. Ловко запрыгнул в окно, Кира едва успела убраться с дороги.

Шагнул вслед за ней и остановился вплотную, обдав запахом леса, дорожной пыли и своим собственным. У Киры закружилась голова, в ногах образовалась слабость. Через тонкую ткань ночной рубахи она ощутила тепло его тела. Кира подняла голову, собираясь спросить, чего это он удумал, но, наткнувшись на непроницаемый взгляд темных глаз, осеклась. Не иначе у Микора в предках были колдуны. Вона как глазищи сверкают! Микор сгрел её в охапку, прижал к себе. Не спрашивая впился в губы поцелуем. Крепко почти до боли. Кира уперлась руками в его грудь, попыталась оттолкнуть, но он будто бы и не заметил. Голова кружилась все сильнее, стало трудно дышать. Внезапно Кира решила, что умирает и тихо пискнула от испуга. Микор чуть ослабил хватку, но этого оказалось достаточно, чтобы наваждение спало. Кира отстранилась от него, часто дыша, её лицо пылало.

— Ты чего это творишь?! Вот я тебе сейчас! — она как-то совсем по-девичьи замахнулась.

— Ухожу я, Кира. Пойду в столицу.

Кира с размаху так и села на лавку.

— Ты это чего удумал?!

— Меня староста Опорафий послал с прошением к Великому Князю, чтобы назначил Золотым Орешкам другого Защитника.

— Да небывалое же дело!

— Идем вместе? — Микор шагнул к ней и порывисто схватил за плечи. Кира инстинктивно отпрянула, под впечатлением поцелуя.

— А как же я оставлю девочек? Кто останется присматривать за деревенскими? — она обошла Микора и выглянула в окно, где заметно посветлело.

— Боюсь я, Кира, что и до тебя змей доберется!

— Уж я то сумею за себя постоять.

— Положим, сумеешь одолеть Мордана и Харилу, а дальше-то что? С Защитником тебе все равно не совладать. Спалит и весь разговор!

— Брось, Микор! Я почитаю, что парень. Другой раз и не отличить вовсе.

Особенно, как косы под шапку уберу.

— Да лето ж на дворе. Скоро станет совсем жарко. Да и как ты будешь по улице-то ходить в шапке? А платков парни не носят, — Микор развеселился и сверкнул ровными зубами, представив её в таком обличье.

— Ну так обрежу вовсе! — стояла на своем Кира. — Вон уже и сарафан-то забыла, с какой стороны надевать! — она отвернулась и добавила тише: — Да и не красавица я, как Ламита, или там Прасковья. Или Глашка...

— Это ты-то не красавица?! — возмутился Микор и снова шагнул ближе, схватил за руку: — Не знаешь ты себя, Кира!

— Да коли бы красавица была, от женихов бы отбоя не было! А так, вон — только ты, — смущенная улыбка сделала её лицо совсем юным.

— А тебя меня мало? Боятся тебя парни-то, а я — не боюсь. А все потому, что я один могу с тобой в драке совладать. Нас Каррон одинаково учил.

— Ой, да не говори гоп, пока не перепрыгнешь! Бывало и я тебе бока мяла.

— Да я же поддавался, а то ещё обидишься и не пойдешь со мной в ночь Киаланы-заступницы.

Кира его толкнула в грудь, покраснев до кончиков волос. Микор посерьезнел, прервав давний шуточный спор.

— Ну и потом, а вдруг он узнает, что ты — Каррона Защитника дочь?

— Тихо ты! — шикнула Кира. — Откуда прознал?

— Так ты же сама мне и сказала.

— Когда это?

— Да тогда, ещё в овине.

— Ты же не поверил.

— Тогда не поверил — мал был. А вот потом...

Кира медленно опустилась на лавку, пытаясь совладать с мыслями. Микор помолчал, не мешая ей думать, затем повернулся к разговору:

— Кира, не знаю вернусь ли? Раз со мной пойти не хочешь, так давай сейчас станем мужем и женой, — он опустился перед нею на колени, обнял за талию.

Попытался притянуть к себе и вознамерился поцеловать снова.

Кира внезапно разозлилась. Вывернулась и вскочила с лавки. Перед глазами встали образы бегущей тайком по улице Глафиры. Кричащей от ужаса Аханнки.

Рыдающей Ламиты...

— И ты туда же! Уходи, Микор, пока со двора не погнала! — прошипела Кира.

Лицо её пылало — на этот раз от гнева.

Микор усмехнулся и поднялся с пола. Голос его зазвучал жестко:

— Дело твое. Но знай, коли приду и случится что, я его самолично убью. Стрела в горло или нож в ребро — и готов Защитничек. Даром, что не честно. Авось за такого Керун не накажет!

— Прекрати! Худое замыслил!

Микор не ответил, сел на подоконник и резким движением опрокинулся наружу.

Кира, мгновение помедлив, бросилась следом. За окном никого не было. Отчего-то тоскливо заныло сердце.

Прикрыв ставни — за окном совсем рассвело — Кира легла на лавку. Вставать было рано, да и после ночных дел необходимо выспаться. Мать все знает, потому и будить не станет хоть и до полудня — даст дочке отдохнуть. А соседям, ежели чего, скажет — ушла в лес спозаранку. Обычное дело.

В дверь поскреблись. Кира поднялась и отворила. В колени ткнулся мокрый нос.

Туман протиснулся внутрь и улегся под окном, рыча и поглядывая наружу. Собакам в хату ходу не было, но Туман — на особом счету, да и как-то с ним спокойней. Кира снова легла, с улыбкой наблюдая, как пес, не поднимаясь на ноги, старательно ползет к ней.

— Ах, ты, хитрая морда! — она опустила руку и погладила пса. Мохнатый наглец осмелел, положил голову рядом и зажмурился. В ноздри ударил густой запах псины.

Впрочем, Кира ничего не имела против. Она пальцами перебирала жестковатую шерсть и пыталась заснуть, но как ни странно перебитый сон не хотел возвращаться.

— Что же нам теперь делать, Туман? Что мне делать?

Солнце, будто вторя тяжелым думам жителей Золотых Орешков, не спешило баловать деревенских. Мрачный люд, засеяв поля, с большим рвением старался заниматься обыденными делами. Защитник- Защитником, а голодная смерть и того не лучше. Садилась огороды, заготовливались грибы и пряные травы, которым пришла пора. Починялись плетни и домашняя утварь. Да и вообще заметили: ежели попусту не болтаться, то и меньше шансов напороться на неприятности. Загодя шли приготовления к летней ярмарке, что через седмицу после праздника Киаланы.

Готовились, да перешептывались — пустит ли Пасита? А то может и зря все. Ярмарка проводилась в ближайшем городе, коим был Птичий Терем, что на реке Кривице. Это приток Широкой, прозванный так за извилистость и непостоянство.

Кира, от других не отставала. Дома в клетях были припрятаны вязки звериных шкурок, что припасены за зиму: лисица, соболь, белка, а главное — голубая куница.

Авось удастся скоро сторговаться. Сбыть все разом городскому купцу, и пускай потом продает в три дорога. Ей то что? Главное, будет время побродить, да на диковинки поглазеть. Она на ярмарке ранее не бывала. А дома ей деньги и не к чему, даром, что мать все талдычит о приданном. ещё тех же соболей набьет, если понадобится.

Оставив лохматого Тумана у охотничьей избышки, где теперь в небольшом загоне обитала Полночь, Кира направилась домой. Волков она не опасалась — умный пес уберезет и от этой, и от иной напасти. Да сейчас зверью не до того — ещё весна в крови играет. Солнце пригревало сегодня так жарко, как после зимы ни разу. Вот и Матрена вещала, что настала лету пора — все сбылось. Девчонки, скинув опостылевшие телогрейки, нацепили новые, справленные за зиму, сарафаны, с любовью вышитые цветами. Впрочем, украшались теперь с некоторой опаскою — не приведи Киалана лишний раз попасться на глаза Паситиным прихвостням. Ну да где удержать молодежь, радующуюся жизни после всех потрясений?

— Кира, здоровенько!

Маришка, дочь Аглаи и Зыкана превратилась за зиму в ладную смешливую девку. Курчавые огненные волосы так и выбиваются из косы и, казалось, пылают чистым пламенем. Не портят её и многочисленные конопушки. Наоборот, оттеняют голубые глазищи, озорно сверкающие из-под непослушной челки. В её сторону уже с интересом поглядывали и те парни, которые в том году замечать не хотели малявку. Эх, хороши девки в Золотых Орешках. Какую не возьми — краса неземная. Только, похоже, она, Кира, и правда найденьш...

— Давненько тебя не видала. Все охотишься? — узкая ладошка девушки указала на куртку и штаны, надетые не по погоде.

Кира кивнула в ответ, здороваясь, и невольно улыбнулась. Один вид огнегройвой Маришки, такой летней в своем чистеньком расшитом сарафанчике, поднял настроение.

— Да какая же сейчас охота, глупышка? Зверье — множится, да и шкурка будет никудышная. Разве что на птицу?

— Погляди, теплынь-то! Сымай уж мужские портки, да айда с нами купаться.

Кира сначала хотела отказаться, но что-то не позволило этого сделать. У неё из девчонок-то и подруг сердечных нету. Вместо них всегда с самого детства рядом был Микор:

«Микор... С тех пор, как он ушёл, прошёл уже почти месяц...»

— Я подумаю, — охотница было пошла дальше, но остановилась и обернулась: — Маришка, только одна не ходи.

— Я с Соланкой. Встретимся у купален! — рыжей белкой, девчушка поскакала дальше.

Дома Кира впервые за долгое время сменила лесной охотничий наряд на ненашенный, слегка трущий кожу, льняной сарафан, вышитый по подолу весенними цветами. Перед тем, как у баб водится, основательно посомневалась. Невмоготу уже париться в штанищах! Впрочем, отцовский нож взяла с собою. Мало ли. Да и без него совсем не привычно. Ножны с сарафаном смотрелись странно, да и мать — засмеяла.

Юродивой обзывалась. Так что теперь клинок, засунутый под самодельную подвязку из холстины, непривычно холодил кожу бедра.

Наконец, собравшись, Кира потопала к Девичьим купальням. Оные располагались на северо-востоке от деревни. Там, где почва становилась каменистой, а холмы постепенно превращались в невысокие, окруженные соснами, скалы. Купальни представляли собой две эдакие чаши, каждая с небольшое озерцо размером. С одного края купальни примыкали вплотную к отвесной скале, откуда под водой били холодные ключи, с другого ручьями стекали в Широкую. По остальным — густо рос малинник и ежевичник, прикрывая узкий бережок от досужих глаз, и радуя спелой ягодой.

Вдобавок любую жару вода здесь была чистая и прохладная.

Ветерок, как ловкий любовник надушенный цветочными ароматами, приятно ласкал ноги, самоуверенно пробираясь под длинный подол. Нежно гладил и перебирал русые волосы — Кира расплела привычные косы. Улыбка потихоньку завладела её губами и больше их не отпускала. Позабыв обо всех свалившихся невзгодах, охотница была рада снова превратиться в беззаботную девчонку. Рада скинуть опостылевшие куртку и портки. Рада лету, зелени, солнцу: «Хорошо-то как! Душа поет».

* * *

Харила и Мордан праздно шатались по окрестностям. Пасита запретил шалить, чтобы не отвлекать деревенских от работы, так что заняться было нечем. Приелись и потешные скачки, на горбах мужиков. Просто так народ задирать да колотить без повода — тоже. А девок трогать — не можно. Хотя именно это занятие, пришлось бы как нельзя по душе. Выпивка ещё лезла, но порядком осточертела медовуха. Желалось доброго вина из отцовских погребов, да где же его сейчас взять-то? У Паситы имелась заначка, да то — не про их честь, понятное дело. Вот и валандались братья неприкаянные по всей округе, высматривая, вынюхивая, примечая, да мотая на ус.

Харила выглянул из-за плетня позади дома старосты Опорафия, где, не спрашивая позволения, они с братом укрылись под старой тенистой яблоней, спасаясь от злого сегодня солнца. Вдовая дочь старосты, худая и некрасивая женщина со скорбным выражением лица, молча поднесла им блюдо пирогов, ковш кваса и две чарки и скрылась в избе.

Мимо по главной улице то и дело кто-то проходил, не минуя пары любопытных носов.

— Глянь, а эта — курчавенькая-то, рыжая. Огонь-девка!

— Маришка что ль?

— Ага — она самая. Да и её подруга тоже.

Девчушки, весело щебеча, проскакали мимо. Они громко болтали, никого не замечая.

— Я б её-то на сеновал бы...

— Которую? Маришку? Или вторую? Как её?

— Не помню. А на сеновал — обоих.

— Да чего маяться? До овинов ещё дойти надо. Можно было бы и на площади, — Харила гнусно заржал, почесав вспотевшую промежность. — Ну и жара сегодня, — отхлебнул прямо из ковша, не замечая чарки. Мордан неодобрительно покосился на брата и снова повернул голову, провожая взглядом девчонок.

— Жарко. Зато бабы в сарафанах — одна радость.

— Ты к Аханнке по пути не заглядывала? — рыжая громко спросила товарку. — её отец теперь никуда не пускает.

— Ну и что же с того? Она же наша подруга!

— Да я то что? Давай и Аханнку кликнем, да только бестолку это, вот увидишь.

Девчонки уже отошли на приличное расстояние, и их разговор до братьев больше не доносился.

— Надо спросить Паситу, когда уже можно будет устроить настоящие развлечения, а то совсем тоска заела, скоро волком завою, — Харила зевнул и потянулся.

— Ага, спроси его, попробуй. Вона какой злющий! С тех пор как письмо из Ордена получил, так и лютует. Настучал видать кто-то. Только вот кто? — Мордан недовольно скривился и выплюнул травинку.

— Лютует. Только теперь больше на нас зло срывает, никакого веселья! Того и гляди медовуху, и ту пить запретит! Тогда какого сартога мы сюда вообще приперлись?

— Харила смачно сплюнул. — Погодь! А это что за птица? — он снова привстал, выглядывая из-за плетня. Мордан посмотрел, куда указывал брат. По дороге легкой походкой топала стройная высокая девка. Её волосы, свободно спускались чуть ниже талии, отсвечивая темным золотом на солнце, это сильно выделяло её среди почти поголовно темноволосых местных. Такой оттенок сделал бы честь и любой столичной барышне, которые по последней моде безжалостно жгут волосы алхимией, добиваясь светлого цвета. Девчонка повернула голову, кивнув бабке входящей в калитку соседнего дома. Блеснули в улыбке ровные белые зубы, хлопнули густые ресницы. Даже отсюда было заметно, что глаза у девчонки необычного светлого цвета.

— Хм. Вроде я этой девки здесь раньше не видел, хотя она и кажется мне смутно знакомой, — задумчиво почесал бороду Мордан.

Харила наморщил лоб, силясь разгадать загадку. Наконец его осенило:

— Ужель пришлая?

— Да не. Мы бы знали. Они, как грибы после дождя — девки-то. Как из одежек повыскакивали, да платки снимали, сразу другой разговор пошёл. Вроде и те же, а вроде как и новые! — Мордан радостно пихнул в бок брата и заржал. — Будет, чем в ночь Киаланы поживиться.

— А ты что Киалане поклоняешься?

— Не больше, чем обычно, — Мордан тяжело вздохнул, наблюдая на лице Харины выразительное непонимание: «Вот же тупица уродился!». — Керуну, брат, Керуну я поклоняюсь, как и раньше. Я про то, что в таких дырах, как Орешки, все ещё празднуют ночь Киаланы по старым обычаям, а значит девок будет полный лес. Сначала попляшут, потом побегут нагишом купаться, вот тогда-то в лесу их и можно будет ловить.

Смекаешь?

Харила это сообразил. Довольно ослабился, потирая руки.

— Мордан.

— Ась?

— А может — того? — в глазах тупого увальня зажегся недобрый огонь.

— Ты чего! А ну, как Пасита узнает?

— Давай хоть за ней проследим, все развлечение? Ну, просто посмотрим, а там, будь что будет. Ежели чего — пригрозим.

Мордан пожал плечами, кивнул, соглашаясь, и, лихо перемахнув плетень, первым двинулся за незнакомкой.

Не смотря на свои габариты, злость и недалекость, прихвостни Паситы все же были опытными бойцами, хоть и заплыли жирком от безделья, так что Кира, погрузившись в свои мысли, незаметно повернувшись к Микору, как никогда была беззащитна и совершенно не заметила слезки.

— Мордан, она-ж к купальням идет! — обрадованно пихнул подельника в бок Харила, когда девка свернула к леску на развилке. — Ну хоть какая-то потеха!

— Тихо ты! Спугнем — в деревню вернется, а там Пасита. Плакало веселье, — зашипел в ответ Мордан. Его тоже охватил азарт, возобладав над здравым смыслом.

* * *

Микор. В Последнее время друг не выходил из головы. Интересно, как он там сейчас? Удалось ли ему добраться до Стольна-града и рассказать Князю о Пасите?

Выслушали ли его или выгнали с порога? Кира каждый день молила Киалану ниспослать храбрецу удачу, и, похоже, богиня услышала.

Седмицу назад Защитничку пришло послание, от которого тот стал мрачнее тучи.

В гневе опалил огнем старый дуб на площади, а затем так хлопнул дверью, что треснула притолока, но все же стали меньше тиранить деревенских. Кира надеялась, что в том заслуга Микора. В мыслях он представлял отважным героем. С каждым днем она все сильнее жалела, что не согласилась на ту его последнюю просьбу: «Да что это со мной творится?». Непривычное чувство одновременно тянуло душу и приносило потаенную радость, которая щемила где-то у солнечного сплетения.

Бережок Девичьей купальни порос мягкой зеленой травкой. Полуденное солнце жарко грело, но прозрачная вода даже на вид казалась холодной. Последний снег в лесу сошёл совсем недавно, но такие мелочи закаленную Киру совершенно не беспокоили — она никогда особо не боялась холода. Купалась тайком даже, когда мамка не разрешала: с ранней весны и до поздней осени. И никакая хворь её не брала. Ни жар, ни трясуха. Микор всегда завидовал, особенно, когда сам простывал, и ему приходилось пить молоко с пахучим барсучьим салом.

Харила неосторожно ступил и хрустнула ветка. Кира резко обернулась.

Прислушиваясь, внимательно осмотрела окрестности. Братья затаили дыхание, спрятавшись в зарослях. Мордану показалось, что вот-вот и она их заметит, уж больно острым казался взгляд девки.

Раздался залиvistый смех, и послышались шаги на тропинке. Кира расслабилась — это

же девчонки идут. Одичала уже, пропадая днями в лесу, все шорохи мерещатся.

Внезапно одолело жгучее желание прихвастнуть. Незаметно вынув нож, она быстро спрятала его среди камней, чтобы не утопить ненароком. Скинула через голову сарафан. Свернула и прибрала чуть в стороне. Простая предосторожность. Оставшись нагой, одним прыжком, не раздумывая долго, вошла в холодную воду, от чего на миг перехватило дыхание. Мощными гребками выплыла на середину, разогревая кровь.

— Что-то она больно сухая. Вона — живот, что доска, да руки мускулистые. Мне нравятся девки сдобные. Попышнее, да помягче, — разочарованно прошептал Харила.

— Как раз на мой вкус. Такие, обычно, сопротивляются сильнее. Ты понял? Она исподней рубахи не носит! — воодушевился вдруг Мордан и радостно дернул Харила за рукав.

— Ой смотри, Кира уже тут! — Маришка с подругой появились из-за кустов.

— Говорила я тебе, не стоит её в деревне искать, раз у купален встретится уговор был, — откликнулась темненькая большеглазая подруга.

— Да ладно тебе, Соланка! Аханнку не зови, Кирку не ищи. Твоя бы воля — одна бы побежала. Ки-и-р-а-а! — Маришка запрыгала, солнечным зайчиком и замахала руками. — Кира, мы здесь!

Кира радостно махнула в ответ.

— Айда купаться!

Маришка вприпрыжку рванула к воде. На ходу чудесным образом она умудрилась стянуть сарафан, оставшись в одной простой исподней рубахе, и забежать по колено в воду, прежде чем с визгом выскочила обратно. За это время рассудительная Солана задумчиво подошла к кромке воды и осторожно попробовала ту большим пальцем.

Кира заливисто рассмеялась, от чего ушла с головой в воду, но тут же вынырнула, фыркая и отплевываясь. Соланка хихикнула, немного робея перед старшей товаркой.

— Кирка! — возмущенно топнула ногой Маришка. Ты чего не сказала, что вода ледяная?!

— Отчего же ей быть теплой? Лето едва настало, — охотница развернулась и поплыла на середину. Глубоко нырнула, по давней привычке пытаюсь дотронуться до большого камня на дне.

— Мордан, нету терпежа больше!

— Уймись! Пасита тебя на ремни порвет.

— Морда-ан, ну давай их просто раздеться заставим, а? Припугнем немного, все развлечение? — продолжил канючить Харила.

— Хочешь — иди, пугай. Я и отсюда посмотрю, — не поддержал брат.

— Ой! Там кто-то есть! — возмущенно взвизгнула Солана. — Вот я вам, охальники!

— Эк ты грозная, — осклабился Мордан более не таясь. За ним на берег вышел и Харила.

— Ой, мамочки! — девчонки аж слегка присели от испуга.

Маришка было схватила сарафан и попыталась его натянуть, но тот грубо вырвали из рук, и он полетел прямо в ледяную воду.

— Ну-ка, лезь доставай! — глумился, Харила, разглядывая, как мокрый подол рубахи облепил девичьи ноги. Воображение уже нарисовало эту рыжую бестию полностью мокрой.

— Я тя-ятьке скажу... — неуверенно протянула Маришка и осеклась, осознав, что против этих обидчиков тятька вряд ли поможет.

— Тя-я-ятыке скажет! — передразнил Харила. — Уже боюсь, — он заржал.

— Дуй в воду за сарафаном. Тогда мы твоему тятке ничего не скажем, — издевался Мордан, — Скидавай рубаху и вперёд. Ну!

Кира вынырнула, отфыркиваясь, и увидела на берегу рядом с девчонками две ненавистные хари.

— Стая вас раздери! — выругалась она, и быстро поплыла обратно.

— О! Вот и третья, пожаловала. — обрадованно воскликнул Харила — А я было решил, что потонула, уж больно тощая.

Кира, походя, прихватила притонувший сарафан и, не скрываясь вышла на берег.

Нарочито медленно выжала мокрую одежду и протянула всхлипывающей девчонке.

— Девки, вам бы пример с неё брать. Уже в воде и в подобающем виде.

Мордан затуманенным взором жадно шарил по стройной фигурке, то и дело останавливаясь на наиболее привлекательных местах. Кто бы знал, чего стоило Кире показное спокойствие, с которым она выдержала эти взгляды.

— Чего встали? Быстро в деревню! — грозно рыкнула она на замерших, до смерти перепуганных девчонок и подумала: «Вот только их теперь тут не хватало. Давно бежать пора, а они стоят, вот же глупые!».

Отвлекая внимание на себя отжала волосы и стала ловко плести косы. Не ошиблась. Озадаченные дуболомы, было снова переключившиеся на девчонок, повернулись к ней.

— А ты это чего раскомандовалась? Чьих будешь? Что-то я тебя никак не припомню. — не выдержал первым Харила.

— Вот и хорошо, — спокойно ответила Кира, закончив плести одну косу и принявшись за вторую. Её пальцы так и мелькали, — оно тебе и не надо.

Но Харила молча стоял и завороченно таращился на покачивающуюся, в такт мерным движениям рук, грудь с торчащими от холода сосками.

«Все, братишка околдован. С него теперь мало толку», — подумал Мордан и схватил замешкавшуюся Соланку за ворот:

— Кто она? Отвечай!

— Это же Ки-и-ира-а-а! — заревела та.

— Кира-Кира! Вот ведь заладила! Какая ещё Кира?! — имя ни о чем ему не говорило, и он тряхнул девчонку.

— Кира охотница! — хлюпала Солана.

— Слыхал, Харила! Это же та самая девка, которая с собакой и в мужском платье по деревне шастает. А в сарафане-то и не признать!

— Так значит, это ты всякого зверя промышляешь? — не нашёл ничего лучше спросить бугай, продолжая пускать слюни.

Его пальцы слегка подрагивали. Казалось он вот-вот набросится и Кира внутренне была готова дать отпор. Керун! Да она давно об этом мечтала. Ярость наполнила кровь жгучим огнем, одновременно сковывая льдом её нервы.

— Всякого, — неоднозначно ответила, Кира, и удивилась, как странно прозвучал её голос. Подняла руки, перевивая две мокрых косы и скрепляя их узлом за головой, — большого и малого. Лютого и беззащитного.

Она покончила с прической и со вздохом опустила руки. Жаль, что девчонки ещё не удрали.

Её манера отвечать. Холодный взгляд голубых глаз. То, что не смущалась своей наготы.

Не ломилась в кусты, в попытках прикрыться. Не дрожала на прохладном здесь в тени, ветерке, не смотря на то, что кожа покрылась мурашками — всё смущало дюжих молодцев, казалось неправильным. Они неосознанно медлили, не предпринимая никаких действий, вместо того, чтобы приступить к привычному делу.

— Пусть девчонки к мамкам бегут. Рано им ещё женихаться.

Скользящей походкой Кира приблизилась к Мордану. Глядя прямо в глаза медленно и мягко взяла за руку. Бережно, почти что нежно, освободила ткань соланкиного сарафана из его кулака, а затем тихо сказала:

— Девчонки, брысь по избам!

Больше книг на сайте — Knigolub.net

На этот раз дважды уговаривать не пришлось. Обе припустили по тропе, только босые пятки засверкали. Завороженные Мордан и Харила, наконец, смогли стряхнуть оцепенение.

— Да она же ведьма! — заорал Харила. — Она нас заколдовала!

— Никакая она не ведьма. А даже если и так, мы её сейчас проучим!

Мордан было обрадовался, что находится так близко, когда легкая рука на его предплечье внезапно затвердела, как камень. Он вдруг побежал по берегу, сам того не желая. Обо что-то споткнулся и, получив увесистый тычок в спину, полетел прямо в ледяную воду купальни. Отфыркиваясь и отплевываясь, вскочил и увидел, как Харила поднимается с земли. С рычанием разъяренного быка, брат понесся к хрупкой на вид, но крепкой, как тетива сартогского лука, девчонке.

Но что удивительно! Та не бросилась с визгом прочь, как сделала бы на её месте любая. Шагнула навстречу. Поднырнула под его ручищу и чрезвычайно ловким захватом проводила того, прямо чугуном лбом о каменную стену.

Раздался сухой треск. Мордан поморщился. Харила осел на землю, как пыльный мешок.

— Что б тебя вся Стая выдрала! — пробормотал в сердцах Мордан и, сбросив оцепенение, бросился к девчонке с намерением её как следует проучить. Он всегда был более ловким бойцом, чем Харила и никогда не полагался целиком только на силу.

Девчонка молниеносно развернулась. Её глаза полыхали белым светом.

— Остановись! Стой! — крикнул потрясенный Мордан, тормозя и едва не падая.

Трава вокруг на глазах покрывалась инеем. Вода у берега уже подёрнулась тонким ледком. Пахло морозом среди лета. Девчонка застыла в боевой стойке.

Мордан вытянул руки перед собой в защитном жесте:

— Прекрати, ради Киаланы! — он опешил, хоть и видел подобное множество раз.

Такого просто не может быть, чтобы обыкновенная деревенская девка непостижимым образом вошла в боевой транс. «Как?!» — эта мысль казалась настолько абсурдной, что никак не хотела задерживаться в голове.

— Я только заберу брата и мы уйдем, — то что Харила так и не поднялся тревожило.

Мордан медленно и осторожно начал обходить девчонку. Та не шевелилась. Её зрачков не было видно, но он знал, что она следит, потому двигался предельно аккуратно.

Харила был жив, но без сознания: «Хорошо же она его приложила!». Довелось однажды видеть, как об его толоконный лоб разбили напололам лавку, а Харила и не поморщился. Но то может и лавка была гнилая? Крякнув, Мордан водрузил неПодъёмную тушу брата на загривок и, пошатываясь, медленно побрел по тропе в сторону деревни, боясь обернуться. Воистину: битый небитого везет. Девчонка так и не пошевелилась, провожая их взглядом..

Когда недруги скрылись за поворотом, белый огонь в глазах Киры постепенно угас. Она

впервые моргнула. Нервная дрожь сотрясла тело. Зубы заклацали так сильно, что стало страшно: как бы не сломались. В ногах образовалась предательская слабость, и они подкосились. Кира рухнула на траву и свернулась калачиком, обняв себя руками.

Темнота.

Глава 11

Кира открыла глаза и обнаружила, что лежит в собственной постели. Счастливо вздохнув, она откинулась на подушку. Хвала Киалане! Это все просто дурной сон — вон, даже голова ещё побаливает. Выпростав руку опустила её вниз, привычно ожидая тычка мокрым носом в ладонь. Вспомнила, что пес уже неделю как в охотничьей хижине охраняет Полночь, и снова вздохнула — не все можно списать на сны. Маясь от недостатка развлечений, бугаи Паситы затеяли устраивать лошадиные бега, порой до пены загоняя деревенских кобылок. всё это время ей удавалось скрывать свою красавицу-лошадку — отцовский подарок — в хлеву. Но когда негодяи стали шарить по дворам, Кира решила от греха подальше увести кобылку в лес. Тоже риск, но она предпочитала, чтобы Полночь загрызли звери, или увели треклятые сартоги, чем грязный сапог Харилы пинал бы её горячие беспокойные бока.

Внезапно Кира осознала, что укутана в волчью шкуру и накрыта пуховым одеялом: «И зачем все это? Странно». Последние воспоминания сводились к тому, что на улице теплынь. Она раскрылась и вздохнула свободней.

Размышления были прерваны откинувшейся занавеской. Вошла мать, тревожно всматриваясь в лицо дочери.

— Мама?

— Как ты себя чувствуешь, доченька? — Анасташа тихо присела рядом, но вдруг не выдержала и, повинувшись порыву, сжала Киру в объятьях. — Проклятый Пасита! — рыкнула она так, что позавидовал бы и Могута. — Стая раздери его самого и этих лиходеев!

— Мам, ты чего? — Кира мягко отстранилась.

— Что эти дети сартогской шлюхи с тобой сделали? — Анасташа никогда не позволяла себе так грязно ругаться, и Кира удивленно выпучила глаза. — Я прихватила зелье у знахарки, — тем временем продолжала мать, — тревожно всматриваясь в лицо дочери.

Кира вдруг осознала, что не помнит, как оказалась дома. Последние воспоминания обрывались на мыслях о Микоре — она думала о друге по дороге к купальням. И совсем не помнила, что же было потом.

— Кто сделал? Какое зелье? — переспросила Кира, спуская ноги на теплый дощатый пол, застеленный узким домотканым половичком.

— Зелье, чтобы плод вытравить. ещё не хватало нам дурной крови.

Кира только открыла рот, но не успела ничего сказать, как из-за занавески вынырнули две мордашки.

— Кирочка!

— Кирочка, прости нас!

К охотнице бросились Маришка и Солана. Схватили за руки, стали гладить.

Затараторили, перебивая друг друга:

— Кирочка, мы так испугались! Побежали в деревню, — Маришка выпучила свои огромные, как у матери, глазищи.

— Люту с Ламитой встретили по дороге, — перебила её подруга.

— Это Люта тебя домой принес.

— Ты была в беспамятстве!

— И холодная! Прямо ледяная, — наперебой трещали девчонки.

— Помедленней, я за вами не поспеваю! — осадила их Кира.

— Кирочка, простишь ли меня? Мордан и Харила — страшные! Я испугалась и не сумела промолчать, — Солана виновато опустила глаза и залилась краской.

— Ты, Соланка — дура, нет бы соврала чего! — пихнула подругу в бок огнегривая Маришка.

— Цыц, балаболки! — прикрикнула на шумных подружек Анасташа, — Кира дочка, беда-то какая! Пасита велел, чтобы ты к нему в избу явилась, как очнешься.

В мозгах немного прояснилось. Кира резко вскочила, в ужасе схватившись за голову:

— Я убила Харилу!

— Киалана Заступница! Кира-а... — Анасташа так и опустилась на лавку, приложила ладони к щекам.

— Кирочка, что ты такое говоришь? — Маришка удивленно наморщила лоб. — Харила вернулся вместе с Морданом. Живой он. Мы сами видели. Правда сильно хромал. Мордан его до избы Защитника довел.

— Да! И на лбу у него красовалась огромная шишка! — радостно добавила Солана. — Но он уж точно не помер, а жаль, — она робко улыбнулась.

— Ох и напугала же ты меня, дочь! Я и запомню, о чем люди судачили. Мол, прихлебатели Защитничка передрались промеж собой, когда тебя насильничали.

— Что?! — тут уж пришла пора Киры впасть в ступор, но в голове окончательно прояснилось, и она вспомнила произошедшее ровно до того самого момента, когда горе-воины убралась восвояси. И уже уверенным тоном сказала: — Никто меня не насильничал! Мы подрались, и я... Я вырубил Харилу, а Мордан его унес. А потом...

— Ой ли?! — воскликнула Анасташа и в синих глазах отразилось недоверие.

— Мама! Тебе ли не знать, кто меня учил? Хотя, конечно, ты-то всегда считала, что это так — баловство. Любимое дитяtko тешится. А я в драке и Микору не уступаю!

Анасташа все ещё с долей сомнения смотрела на дочь.

— Тетя Таша, Кира не обманывает!

— Да, мы все видели! И как Мордан в воде искупался с Кириной помощью, — Маришка хихикнула.

— Да-да. Видели! Он так и полетел. С головой окунулся, — с восторгом добавила Соланка.

— Я тоже хочу также научиться, — продолжила Маришка.

— А тятка сказал, что нас тогда никто замуж не возьмет, как Киру! — выпалила Соланка и осеклась, покраснев под грозным взглядом Маришки.

— Да ну вас! — отмахнулась Кира. — Мама, зачем я понадобилась Пасите?

Наверное, хочет наказать за то, что я его прихвостней отлупила.

Анасташа снова схватилась за сердце.

— Ладно. Чему быть, того не миновать. Негоже заставлять Защитника ждать, — хмурая, как грозная туча, охотница решительно выпрямилась и оглянулась в поисках одежды. Отбросив сарафан, попавшийся на пути первым, в угол, она споро натянула свой привычный наряд, состоящий из штанов и куртки, заботливо вычищенный матерью. Пристроила на поясе ножны и вдруг поняла, что они пусты.

— Где мой нож?!

Девчонки переглянулись и повернули головы к Анасташе. Та пожала плечами:

— Кира, ты же его с собой брала. Может в воду упал?

— Точно! Я нож под камень положила, прежде чем раздеться. Это даже хорошо, что про него в драке не вспомнила. Тогда бы точно за Излом пора настала бежать.

Анасташа сделала защитный знак рукой, призывая Киалану смилостивится и отвести беду.

— Ки-ир, — Соланка подергала за рукав. Может Лютобор прихватил?

— Нож Каррона Защитника — приметный. Тебя же без него за двором и не видели. Люта догадался бы забрать, — рассудительно добавила бойкая Маришка.

— Спасибо, девочки! Мама, — Кира крепко обняла Анасташу, — помни, я всегда с тобой, — она быстро выскочила на двор, чтобы не продолжать разговора.

Вдохнула вечерний воздух, напоенный запахами трав. Взглянула на родное небо и на дорогу: «Будто прощаюсь...», — мелькнула мысль и стало немного страшно. Эх! Как же сейчас не хватало легконогой Полночи. Сесть бы верхом и нестись через поля, ни о чем не думая, далеко-далеко... «Полночь!» — кто-то должен позаботиться о лошадке, если она вдруг не вернется.

Отчего-то пошла дальней дорогой вокруг деревни. На счастье у околицы встретился Лютобор, он нес вязанку молодой лозы. Люта мастак плести. Из его рук выходили не только отличные туеса и корзинки, но и вообще, что угодно. Деревенским мальчишкам он как-то сплел коньков, да поставил на кривые салазки. А уж прочей утвари и не счесть.

— Кира, здоровенько! Говорят...

— Здрав будь, Люта! Никак к ярмарке готовишься?

— Да вот, имею пару задумок, а так-то уже все почитай и собрано.

— Поблагодарить тебя хочу. Маришка сказала, это ты меня от купален принес...

Тут Кира зарделась, припомнив в каком виде Лютобор её там мог застать. И парень, похоже, всё понял, поспешив успокоить:

— Мы с Ламитой были. Она на тебя сарафан надела, а я уже нес.

— Передай и Ламите низкий поклон. Ежели доведется, лично её отблагодарю. Ан нет, сходите к моей матери и выберите лучших соболей, какие только есть в клетях.

— Кира, странно говоришь, будто прощаешься?

— А может оно так и выйдет, кто знает? — Кира тяжело вздохнула, неопределенно махнув рукой. — Люта, ты мой нож, случаем, не видел?

— Тот, который от Каррона тебе остался?

— Он самый. Я его под камень прятала. Приметный такой.

— Нет, Кира. Да мы тогда за тебя испугались. Ламита сарафан нашла и скорее домой. Там Матрена уже ожидала — девчонки позвали. А ты холодная, что не живая...

Знахарка удивилась сильно. Сказала особое истощение у тебя, но толком ничего не пояснила, лишь дала отвар какой-то и закутать велела потеплее, а потом всех выгнали из избы, чтобы ты отдыхала.

— Понятно, тогда схожу сама поищу. Люта, у меня ещё просьба будет. Полночь и Туман — в охотничьей избушке. Позаботься о них, если сама не смогу.

— Какой разговор, — Лютобор кивнул, посмурнев, — я их и так уже два дня кормлю.

— Как два дня?! — Кира опешила, с ужасом осознавая, что провалялась в постели два дня, а никто ничего не сказал. А Пасита то ждет... Надежда на благодушие Защитника растаяла.

— Ну так оно и выходит, — подтвердил Лютобор.

— Ох... Ладно, Люта, пойду я.

— Береги тебя Киалана! — Люта перехватила поудобнее вязанку.

Кира бегом бросилась к купальням. Обыскав весь берег, с легкостью признала тот самый камень, но ножа под ним не обнаружилось — видать кто-то забрал. От досады охотница даже ногой притопнула. Обидно. Нож отца был ей очень дорог.

Как не таились Каррон и Анасташа, Кира с детства знала о том, что Защитник её отец. Однажды она случайно подслушала их с матерью разговор. Это случилось сразу после памятного набега сартогов. Оказалось, что в деревне про то никто не ведал, кроме самого Защитника, Анасташа, бабки Желаны, деда Огина, который к тому времени уже помер, да старосты Опорафия. По малолетней глупости, она попыталась поделиться радостью с Микором. Захлебываясь от счастья, шепотом сообщила, что никакой она не приемьша, а дочь Каррона! Самая, что ни на есть настоящая, но друг только поднял на смех: «Кира, глупая девчонка! У Защитников вообще дочери не рождаются». Сказал, что все она себе придумала, а Каррон Защитник просто добр к ней и её приемной матери. Кира сильно на него тогда обиделась, целую седмицу не разговаривала. Но словам его не поверила, а хорошо все обдумав, решила больше ни одной душе не рассказывать свою тайну. Да и с Микором о том более не заговаривать.

Не торопясь, Кира вернулась в деревню. Первоначальный запал уже сошёл на нет, и теперь требовалось собраться с мыслями, прежде чем заявиться к Защитнику. В голове не укладывалось, почему он столько ждал, пока она не очнется? Ведь мог приказать попросту вытащить её из постели силой и бросить к своим ногам? Вот это было бы в его духе. От этой мысли на душе стало ещё тревожнее.

* * *

Пасита выжидательно смотрел в окно, на губах змеилась довольная улыбка.

Время от времени нетерпение одерживало верх, и тогда он начинал притопывать ногой. Затем, ловил себя на этом и усилием воли останавливал дробь. Он — Защитник.

Он должен быть терпеливым. Он умеет быть терпеливым.

Пасита погладил отполированную временем рукоять охотничьего ножа. Это, без сомнений, тот самый нож. Пасита хорошо помнил каждый изгиб лезвия, каждый костяной завиток. Разве что время наложило свой отпечаток, но клинок... Клинок из закаленной в магическом пламени стали совсем не изменился. Вопрос: как же нож Защитника оказался у деревенской девчонки-приемьши? Ответ он узнает очень скоро.

Когда прилетел почтовый голубь с запиской от Затолана, Пасита поначалу впал в бешенство. Разгромил собачью будку, чуть не спалил дуб под окном и едва не вынес дверь в избу. Чудом удалось сдержать рвущуюся наружу силу. Правда для этого пришлось несколько часов упорно медитировать, восстанавливая сорванные эмоциями узлы и блоки потоков. Это далось не легко. Но и сожженную деревню, которую его направили защищать, Светлый князь Великого княжества Яррос ему бы точно не простил. Уж очень нежная любовь к Приграничью пылает в благородном сердце Богомила.

Пасита презрительно скривился. Конечно, ведь именно здешние жители не дают сартогам, Стае и чудовищам из Излома добраться до Стольного-града, и вогнать клыки прямо в его белый изнеженный зад.

Пасита покривил душой. Не таким уж неженкой был Светлый Князь Богомил, как

осерчавшему Защитнику хотелось бы думать.

Записка. В ней было два коротких, но наполненных глубоким смыслом предложения: «Не забывайся! Постарайся найти дочь». Если кто-то и смог бы перехватить послание, то вряд ли понял бы истинный смысл сказанного. В первой части говорилось о том, что Затолан непостижимым образом узнал о его маленьких шалостях и остался недоволен. Конечно, он, Пасита, позор на дядины седины, пятно на сияющем гербе Ордена и все такое прочее. Слышал неоднократно во время многочисленных выволочек. Но он-то знает, такой поразительной *силы* нет ни у кого из ныне живущих рода тин Хорвейг, вот дядя и терпит все его выходки. Затолану выгодно иметь на своей стороны одного из сильнейших Защитников Ордена.

Вторая часть послания и вовсе показалась шуткой: «Постарайся найти дочь». Да Затолан просто издевается! Но медитация помогла не только обуздать *силу*, но и прочистить мозги. Он вспомнил один подслушанный разговор. Получается дядя не шутит. Много лет назад у Каррона, помимо никчемного мудреца, действительно родилась ещё и дочь. Невероятно! Дочь у Защитника! Выходит, случилось невозможное. Но главное, это подтверждение того, что пророчество — не предсмертный бред полоумной старухи.

Пасита прекрасно понимал, что назначение в Золотые Орешки по сути — ссылка.

Такое место хорошо, для отжившего свое Защитника. Взять хотя бы этот старинный ритуал с клятвой и девственной красавицей — да его отменили лет сто пятьдесят назад.

Он об этом только и знал, что из уроков истории Ордена. Да и Защитники теперь не обязаны сидеть как привязанные на одном месте до конца своих дней. Орден запросто мог отозвать одного и назначить другого, если имелась на то причина.

Хотя, если подумать, лично он, Пасита, совершенно не против некоторых старинных ритуалов. Даже наоборот! Взять, к примеру, Глашку. Девка свято верила, что исполняет священный долг и старалась, как могла. При этом не вела себя, как изнеженные вниманием столичные аристократки, а он не спешил её разубеждать.

Пасита заставил ушедшие в сторону мысли вернуться в рабочее русло. Стоп! А ведь дядя неспроста уговорил Махаррона отправить нерадивого племянничка именно в эту дыру. Ведь в Орешках прожил свои последние годы Каррон. Выходит дядя обо всем знал заранее, и слова старухи для него не имели особого значения? С этого момента Пасита потерял покой. Во что бы то ни стало он должен отыскать девчонку.

Сколько ей сейчас лет? Восемнадцать? Двадцать?

Одна мысль о том, что время уходит приводила в бешенство: как он сможет её отыскать, находясь в этой глухомани? Какова вероятность, что девчонка ещё в Золотых Орешках. скорее всего её давно выдали замуж в одну и соседних деревень. Да она попросту могла уже погибнуть от родовой горячки, производя на свет шестого ублюдка своему пьянице-мужу: «Керун и Киалана, пусть она будет ещё жива!» — искренне тогда вознес мольбу Пасита.

Пасита улыбнулся и в очередной раз подбросил нож в руке. И все-таки! У Каррона была дочь. Дочь! Считалось, что когда-то давно Защитники могли заводить семьи, рожать детей и жить, как любые другие люди, но потом образовался Орден.

Орден направлял все усилия на тренировки и развитие уровня силы, у тех, кто обнаруживал в себе такие задатки. Любой желающий мог прийти и стать членом Ордена. Но со временем появились правила — Кодекс. Орден утратил самостоятельность и теперь служил Светлому Князю.

С тех пор как Защитники стали верными псами — гарантами государственной

безопасности, им запретили заводить семьи, дети стали рождаться все реже и реже.

Девочки, рождённые у Защитника, как правило, редко оказывались наделенными даром *силы*, а постепенно их появление на свет и вовсе сошло на нет, по неизвестным причинам.

Мудрецы уже несколько веков бились над этой загадкой, но так и не приблизились ни на шаг к ответу. А теперь рождение у Защитника сына — считается великим событием. Новорожденного мальчика сразу забирают в Орден и воспитывают до Церемонии Определения в духе Кодекса, который предписывает скрывать, наличие родственных связей. Пасита усмехнулся. Данное правило давно уже соблюдалось чисто формально, и молодые курсанты свободно навещали родительские поместья на каникулах и по выходным.

Но далеко не каждый ребёнок имел дар *силы*. Если такое случалось, Защитник-отец сразу попадал в анналы зала Славы и Памяти Ордена и был достоин особых почестей.

У Паситы же до сих пор не было детей. И надо сказать, что сие обстоятельство причиняло боль. Нет, дело вовсе не в том, что он жаждал воспитывать ребёнка. Просто Пасита привык себя чувствовать лучшим. Везде и во всем. Один из лучших Защитников, привлекательнейший мужчина столицы. А то, что он не смог зачать, делало его в собственных глазах неполноценным — отсюда и душевные терзания.

О! Пасита весьма активно работал над решением этой проблемой, совмещая приятное с полезным. Сначала выбирал самых знатных девиц, красиво ухаживал, засыпал изящными комплиментами, дарил дорогие подарки. Да ему особо и не требовалось стараться. Дамы всех возрастов, независимо от семейного положения и количества детей, сами стремились побывать в его постели.

Но время уходило, не принося плодов. Вдобавок, он разочаровался и в самих знатных дамах. Те часто корчили невинность, а на поверку оказывались весьма искушенными обольстительницами, через врата Киаланы коих прошло несметное количество кавалеров.

Со временем Пасита перестал гнушаться и смазливых служанок этих самых знатных барышень. Как правило, те на поверку оказывались гораздо привлекательнее и свежее своих хозяек, но тоже редко были против, радуясь вниманию господина Защитника.

Пасита, щедро наделенный Киаланой мужской красотой и статью, начал тихо презирать женщин, виня их в своих несчастьях. Наступил момент, когда он, охладев, совершенно прекратил осаждать дам. И, о чудо! Дамы сами стали осаждать Паситу.

Пожалуй, в тот период он был самой вожделенной персоной при княжеском дворе, совершенно не знающей отказа, не смотря на то что порой открыто выказывал свое пренебрежение.

Но вот случилось неизбежное. Устав от примелькавшихся, сочащихся ядом и прочими соками змей, коими кишела столица, он положил глаз на юную леди — дочь посла Акианского королевства, прибывшего с дипломатической миссией в Великое Княжество Яррос.

Высокая, темноволосая, леди Иелла фире Анакассия, в отличие от столичных модниц, не блистала обнаженными плечами и глубоким декольте. Напротив, все её платья были изящными, но весьма закрытыми. На лицо бросала сень неизменная вуаль, из под которой Пасита время от времени ловил на себе мимолетные взгляды на многочисленных приемах. Тем не менее все попытки общения сводились к положенным по этикету жестам и фразам.

Однажды все же удалось завязать разговор, и загадочная дева не преминула отметить, что Пасита не ищет, но и демонстративно избегает женского общества. Верно, все оттого, что верен своей даме сердца, и это достойно всяческих похвал. Такое

чистое чувство встретишь ныне не часто. Пасите польстила и оценка, и то, что девушка не смотрела на него плотоядным взглядом.

Они проболтали почти до полуночи, и с тех пор леди Иелла прочно засела в его мыслях. Ночами, лежа в своей спальне в поместье один на огромной кровати, он вспоминал терпкий аромат цветочных духов, остроумие и изящные манеры заморской красотки. Это была она — его непокоренная крепость.

Через несколько дней на приеме по случаю именин одного из советников Пасите выдалась, как ему тогда показалось, великолепная возможность. Он весь вечер высматривал Иеллу среди придворных. Посол присутствовал, но его дочери нигде не было видно. Поиски затянулись, и Защитник слегка перебрал. Почувствовав острую необходимость вырваться на волю, подальше от томных взглядов девиц разной степени свежести, которые с вожделением прижимались во время танцев, обдавая запахами крепкого алкоголя и потных тел, он выбрался в сад, из которого через неприметную калитку проскользнул в разбитый по соседству княжеский парк, закрытый в это время для случайных посетителей.

Она стояла у пруда, мечтательно наблюдая за парой лебедей. Пасита, памятуя слова о сильном и решительном мужчине, молча подхватил Иеллу на руки и, не взирая на слабые протесты, затащил в белокаменную беседку на мостках посреди пруда. Пенная вуаль была сорвана с лица, обнажив гладкую кожу, пухлые алые губы и слегка жестковато очерченные скулы и подбородок. Впрочем, это не портило общей картины, а наоборот добавляло нездешнего шарма. Защитник шептал заморской деве много горячих нежных слов, и почти начал сам в них верить, наблюдая, как та постепенно оттаивает под умелыми руками и страстными поцелуями. Плотное скроенное, закрытое до самого горла платье, цвета выдержанного сагалийского вина, выгодно оттеняло её темно-каштановые волосы, гармонировало с природным цветом губ и совершенно не давало пространства для маневра. Но вот широкий многослойный низ, на поверку не оказался серьезным препятствием. Под подолом, к вящему удивлению Паситы, обнаружились весьма жилистые волосатые ноги с мосластыми коленками, а уж заветное место, к которому он так стремился, и вовсе напомнило что-то до боли близкое и родное.

Пасита, оттолкнув лжедеву, с отвращением сплюнул на белоснежный пол беседки и вытер губы, отступая. Та же, нисколько не расстроенная, гаденько рассмеялась, оправляя юбки. А затем, демонстративно откашлявшись, огласила окрестности душераздирающим визгом, заставив Паситу поморщиться. За спиной на берегу пруда уже маячил разгневанный посол-отец и другие гости. Ну не кидаться же было в воду?

На следующий день пришла расплата. Настоятель Махаррон объявил Пасите, что они немедленно отправляются к Князю. Там уже был и Затолан.

Светлый князь Богомил ледяным тоном сообщил:

— Сегодня утром мне пришлось подписать весьма невыгодное соглашение с Акианским Королевством, дабы избежать скандала, — Князь скрипнул зубами. — Приказываю Ордену временно удалить провинившегося из столицы, и чтобы ноги его здесь не было без особой на то необходимости, — он жестом показал, что аудиенция окончена.

За всё время Князь даже ни разу не взглянул на Паисту и не назвал его по имени, будто бы тот был пустым местом. Все попытки Затолана объяснить произошедшее и убедить, что нельзя так просто раскидываться Защитниками с таким потенциалом, так же наткнулись на ледяную стену.

— Как ты мог! — журил Настоятель Махаррон, пока они вынужденно тряслись в карете, покидая город. — Ты навлек позор не только на себя, но и на весь Орден, да и на все Великое Княжество!

— Да это же был мужик! О какой такой святой невинности и поруганной чести идет речь?!

— Глупец! Все! Все, кроме тебя понимали, для чего он притащил с собой эту свою «дочурку», но лишь ты клюнул на приманку! Ты никогда не мог держать себя в узде, твои желания всегда для тебя на первом месте. И поэтому именно ты стал целью, особенно желанной, потому что ты ещё и Защитник, один из столпов Ярроса! Ты всегда был невоздержан и высокомерен. Всегда слишком гордился своим происхождением. Куда там, отпрыск рода тин Хорвейг! Это для тебя значит даже больше, чем твой ранг. Ты считаешь, что если ты потомок бывшего Настоятеля, то имеешь право делать, что захочется?! — воздух в карете значительно остыл, не смотря на то, что за её пределами был знойный полдень. Пасита поёжился и смолчал.

Тем же вечером Защитнику было велено отправляться в какие-то Золотые Орешки — глухую деревню, расположенную у самой восточной границы. Хорошо, хоть не приказали исследовать Излом изнутри. Пасита с ужасом думал о предстоящем путешествии. Он даже поймал дядю и попросил что-нибудь сделать, но тот был непреклонен. Сказал: «Мне едва удалось выбить для тебя именно это место, чтобы ты, наконец, научился ответственности!».

На сборы и передачу дел отводилось всего два дня. Дел было много, а потому времени на сборы почти не осталось. Выкроив последний вечер перед отъездом, Пасита постарался объехать всех наиболее близких друзей и приятелей по пирушкам. Те ожидаемо сторонились и общались нехотя, боясь попасть в княжескую опалу. Удалось соблазнить только братьев обедневшего рода тин Шноббер, посулив им полное содержание, честь прислуживать Защитнику и развлечения для настоящих мужчин, коих они, сидя в столице, никогда не увидят. Если честно братья были полными тупицами, но ехать одному совершенно не хотелось. На следующий день рано утром Пасита, Мордан и Харила отправились в дорогу.

Через два дня в перелеске им встретилась старая карга с красавицей-дочерью. Пасита, уже давно и не вспоминал о женищинах, но при виде этой свежей мордашки, не испорченной принадлежностью к высшему свету, его одолело безудержное желание, которое он и не собирался сдерживать. Наоборот, посчитал, что окажет честь, обратив высокий взор на бродяжек.

По совести сказать, ни старуха, ни девчонка бродяжками или нищенками не были. Паломницы возвращались домой, из столичного храма Киаланы, но для Паситы в тот момент это было совершенно безразлично. Сначала он даже собирался заплатить старухе десяток серебряных, но та не оценили его доброты.

Оскорбилась, осмелившись читать ему нравоучения. А по сему красавица была вполне заслуженно и совершенно бесплатно изнасилована. Сначала натешился сам Пасита, затем её попользовали и Мордан с Харилой Старуха шипела, как сковорода, извергая проклятья на головы обидчиков, и плевалась ядом, что королевская змейка. Разъяренный Пасита не смог этого спустить и поджарил каргу на медленном огне, срывая злость за все с ним произошедшее.

Внезапно старуха прекратила визжать и жутко засмеялась, запрокинув голову. Затем, резко оборвав смех, произрела: «Бездетному только дочь Защитника сможет подарить

дитя». После чего поперхнулась и замолчать навеки.

Девчонка, похожая на измятый цветок под колесами телеги, тоже не шевелилась.

Пасите вдруг стало не по себе. Чтобы скрыть следы он, даже не проверив жива ли ещё девчонка, сжег обеих.

Тогда он посчитал слова старух проклятьем и испугался. Остановившись в ближайшем городке, отправил к дяде голубя с запиской, в которой сообщил суть ситуации, не вдаваясь в подробности. Ответ пришёл незамедлительно: «Найди книгу Излома, в ней могут оказаться ответы».

Пасита снова подбросил и поймал нож, бросив взгляд в окно. С книгой ему крупно повезло. А если интуиция не подводит, скоро он выполнит и второе поручение.

Пасита верил в свою удачу, и та снова ему улыбнулась. Когда в горницу ввалились Мордан и Харила, он дико разозлился, и чуть было не спалил нерадивых слуг. В последнее время братья стали раздражать его своей маятой, но и прогнать их он не решался. Все же у него была нужда в верных соратниках, не отягощенных излишней совестью. Привыкшие к разгульной жизни Мордан и Харила, тяготились вынужденным покоем, не умея занять себя делом. Пасита не препятствовал их развлечениям, разве что не позволял чрезмерно усердствовать, калеча деревенщин.

— И кто это вас так отделал? Ужель, мужики осмелели? — рассмеялся Защитник, разглядев огромную шишку на лбу у Харилы. Мордан же внешне был цел, но отчего-то в мокрых портах и рубахе, которые напялил взамен своей одежды по случаю жары.

Харила насупился и молча сжал зубы. Всю дорогу, как очухался, он только и делал, что грозил страшными карами наглой девке, Мордан же его увещевал сначала рассказать все Защитнику. Он-то, в отличие от Харилы, видел точно, как девчонка вошла в боевой транс.

— Не сердчай, Пасита, да только не деревенские мужики приложили Харилу.

— Чья бы корова мычала! — младший тин Шноббер возмущенно дернулся — выиграла гордость. Он перестал опираться на плечо брата и тут же, охнув, схватился за стену — болела ушибленная поясница.

— Не мужики, говоришь? Ужели, бабы? — картинно всплеснул ладонями Пасита, подражая говору деревенских ради потехи.

— Не бабы. Баба, — понуро ответил Мордан, машинально пытаюсь отжать воду из подола влажной рубахи, — Кира-охотница.

Пасита рассмеялся. Он смотрел на угрюмые рожи товарищей и хохотал все сильнее. От смеха даже схватился за край стола, постепенно сползая на лавку.

Отсмеявшись, утер выступившие слезы. Лица братьев так и остались хмурыми.

— Кира-охотница? Что за Кира-охотница?

— Говорят, она приемыш Анасташа. То ли вдовы, то ли бобылицы. Живет в старом доме на западной окраине неподалеку от овинов.

— С косичками, — невпопад вставил, обиженно молчавший доселе, Харила.

Пасита с Морданом повернулись к нему.

— А вот скажите-ка мне, господа, — иронизировал Пасита, — как так случилось, что какая-то Кира-охотница с косичками, — кивнул он, бросив короткий взгляд на Харилу, — смогла отколошматить двух здоровых мужиков?

— Она вошла в боевой транс, — голос Мордана прозвучал невозмутимо.

— Что?! — одновременно переспросили Пасита и Харила.

Мордан развел руками.

— Использовала эффект неожиданности...

— Она была голая, — снова невпопад встрял Харила.

Пасита приподнял бровь.

— Помолчи, болван! — разозлившись, Мордан рявкнул на брата, затем продолжил. — Она использовала эффект неожиданности и, каким-то хитрым приемом, забросила меня в воду. Драке она крепко обучена. Пока я выбирался на берег, Харила тоже успел на земле поваляться. Поднялся, свирепый, как боров. Бросился на нее.

Пасита, ты же знаешь, какой он в гневе? Да только девка не испугалась, увернулась ловко, да и помогла ему встретиться лбом со скалой. Я грешным делом решил...

— Да цел я! — с унылым раздражением протянул Харила. Он дико стыдился, что Мордан рассказывает Защитнику про его неудачу в такой нелестной форме.

Пасита поднялся и задумчиво прошелся по комнате. Затем остановился и, пристально посмотрев на каждого из братьев, уточнил:

— То есть, вы утверждаете, что деревенская девчонка Кира-охотница голая и с косичками вошла в боевой транс и отлупила вас — двух здоровенных мужиков?

— Не-ет! — дружно помотали головами прихвостни, при этом каждый явно подразумевал под этим что-то свое.

— Так говорите толком! — рявкнул Защитник, начиная раздражаться.

— Без косичек, — вставил Харила. — Она связала их вместе. Или тогда будет считаться, что у нее одна коса?

Мордан замахнулся на брата, заметив тлеющие угольки в глазах Паситы, и Харила замолчал, наконец, осмыслив, что его рассуждения ни к месту. Мордан продолжил:

— Нет. Сначала она отлупила нас, а уже потом вошла в транс. Я понял, что пора убираться от греха. Вас — Защитников лучше не злить.

— Что ты сказал? — Пасита подскочил, как ужаленный.

— Пасита, прости! Не сердчай. Ляпнул дурак, не подумав, — Мордан всерьез испугался.

Пасита поморщился.

— Прекрати вопить! Я спрашиваю, *что* ты имел ввиду, когда произнес «вас Защитников»?

— Ну... Я подумал... Хотя... Конечно, я ошибся. Этого же не может быть. Наверное, мне все померещилось от жары, или я ударился головой при падении, но в пылу не заметил...

— Говори уже! — рыкнул Пасита, и Мордан сглотнул.

— Стало ощутимо прохладнее.

— Да на нем же мокрая рубаха, а купальни в тени! — махнул рукой Харила, с видом «и нечего тут умного из себя строить!».

— Вода ледком у берега подернулась! Я не слепой! А трава вокруг покрылась инеем, — разозлился Мордан. — Но главное: у девчонки побелели глаза, как это у тебя, Пасита, бывает.

Защитник потрясенно молчал. Возможно, судьба, а вовсе не злой рок занесла его в Золотые Орешки? Наконец, он очнулся:

— Так где, говоришь, это произошло?

— У купален. На том берегу, где бабы обычно плещутся.

— Пасита, можно я эту девку высеку? А коли тебе самому развлечься захочется, так ты у нас всегда первый. Высечь и опосля не поздно.

— Девчонку не трогать! — рявкнул Пасита.

— Но как же?! — взвился Харила.

— Я что-то непонятное сказал? — голос Защитника стал вкрадчиво тихим. В горнице стало заметно теплее, но братья поежились, ощутив это кожей, и яростно замотали головами.

Пасита не стал дальше с ними разговаривать, вышел за дверь и отвязал Ярого.

Вскочив на коня, стремглав понесся через деревню к овинам, распугивая встречных

жителей. Свернул на тропу через лесок, навверх — туда, где природные каменные чаши образовывали уютные пруды с чистой ключевой водой.

У купален, вопреки ожиданиям, никого не было. Пасита привязал коня к березе и пошел взглянуть на место драки поближе.

Отчетливые отпечатки больших ног вели из воды на берег — похоже именно здесь выходил Мордан, после того, как девчонка отправила его в плаванье. Защитник нашел место, где она при этом стояла. Вот глубокая полоса, прочерченной на еще мягкой и влажной земле — такой след остается, когда противник намного тяжелее.

Впрочем, так оно и было. Перебирая ногами, как в танце, Защитник повторил заученные движения в замедленном темпе, бросая в воду невидимого противника.

Защитник прикрыл глаза и встряхнулся, разгоняя по телу приятные мурашки, от построенной в голове картины. Обнаженная, девушка, по телу которой еще катятся капельки воды, исполняет базовые приемы школы рукопашного боя Ордена Защитников.

Пасита отошел чуть в сторону — ближе к тропе. Здесь Харила упал впервые.

Похоже, он попытался наброситься сзади. Девчонка увернулась. Классический прием «шаг назад». Отскочила — трава примята. Хорошо заметны следы небольших стоп.

Пасита встал, в стойку, скопировав положение ног. Вот Харила поднимается. Вот он с ревом несется на нее. Глубокие отпечатки сапог и вырванная с корнем трава, как свидетельство. Интересно, что она при этом чувствовала, стоя перед ним абсолютно обнаженной? Ответ пришел сразу — девчонка чувствовала ледяное спокойствие.

Пасита отставил ногу в позицию «готов к встрече», не сомневаясь, что четко попадет в след. А затем, повторяя за смутным образом воображаемой девушки, сымитировал, как та подныривает под руку, делает перехват и, добавляя инерции приемом «ветер в спину», помогает противнику поцеловать скалу. Пасита мягко танцевал по берегу, воспроизводя с поразительной точностью действия Киры.

А вот и место, где девчонка, обессилев, упала на землю. Рядом обнаружили и другие следы, не принадлежащие участникам схватки. Женские и мужские. Вторые — явно стали глубже там, где вели обратно. Похоже, девчонку взяли на руки. Конечно, после неконтролируемого всплеска силы, она потеряла сознание.

Нога задела один из камней, и что-то блеснуло. Пасита нагнулся и поднял охотничий нож. Широко, радостно улыбнувшись, он произнес вслух:

— Так вот, кто ты такая, Кира-охотница!

Первым порывом было направиться прямо к дому девчонки, но он остановил себя и пустил Ярого медленным шагом. Надо обмозговать произошедшее и успокоиться. Ему сейчас не помешает пара-тройка часов медитации.

У поворота от овинов к деревне навстречу попались две девчушки. Завидев его заметались и замерли перепуганные у обочины. Одна дернула другую за рукав и обе, низко поклонившись, хором пропищали:

— Буде здоровы, господин Защитник!

Пасита благодушно кивнул, отметив смазливый личики. Мелькнула мысль: «Эта деревня просто сундук с сокровищами! А главное — ни румян, ни белил, но что не девка, через одну — красотки». Уловив нетерпение в озабоченных, мечущихся по сторонам взглядах и беспокойных руках, спросил:

— А не видели ли вы Киру-охотницу, красавицы?

Опешившие от такого неожиданного вопроса, а пуще от вежливого обращения,

девчушки переглянулись. Темноволосая пролепетала:

— Так от нее же и идем, — от Паситы не скрылся рассерженный взгляд, который при этом рыжая бросила на подругу.

— И как она?

— Нездоровится ей, господин Защитник, — ответила вторая.

— А что с ней приключилось? Неужто зверь какой порвал? — делано удивился Пасита.

— Матрена сказала, что сил она лишилась. Поспит и все пройдет, господин Защитник.

Пасита кивнул своим мыслям. Подозрения подтверждались: если девчонка вошла в боевой транс без знаний и наставника, то от потраченной впустую энергии и неумения ее восполнить, просто вырубилась. Ничего, поспит, а там и придет в себя, а пока неплохо бы заглянуть к этой Матрене.

— Матрена, это знахарка деревенская? Как мне ее найти?

— Так то просто совсем, господин Защитник. От вашего дома по переулку направо, там, в самом конце на окраине ее изба и будет.

— Вот, держите, красавицы, — Пасита достал из кармана горсть круглых леденцов и протянул девчонкам, — теперь бегите к охотнице, да сказывайте, как очнется, пусть явится к Защитнику.

Он тронул поводья, девчонки низко поклонились.

Пустив коня рысью, Пасита вскоре оказался у указанной избы. Саму знахарку он обнаружил у колодца позади дома.

— Здрав буде, господин Защитник, — приветствовала его та, едва склонившись, и не проявив особого почтения, — никак приболели?

— Мне сказали ты, сегодня была у Киры-охотницы. Что с ней? — проигнорировал выпад Пасита.

— Переутомилась девчонка. А как же иначе, если с непокрытой головой по жаре весь день бегать, — знахарка не стояла на одном месте, а продолжала споро заниматься делами, вынуждая гостя двигаться по двору следом.

— Не лги мне!

Вокруг резко похолодало и старуха поежилась, но, скорее от того, что озябла. Не от страха. Матрена уже довольно пожила на этом свете, чтобы говорить свободно.

— Не знаю как, но очень похоже, что истощение резерва у нее, хотя она и не жрица Киаланы. Может просмотрели ее в детстве, но какая-то *сила* у девчонки имеется.

Из сказанного Пасита сделал вывод, что про способности Киры знахарка ничего не знает, вот и предположила, что у той проявилась слабенькая магия жриц. Обычно это дар врачевания или предсказания. Таких девочек принято отдавать в храм Киаланы, где они получают соответствующее обучение. Пасита уточнил:

— Она пришла в себя?

— Еще спит. И, думаю, спать будет долго. Ледяная вся, что могильная плита. Дала отвар, велела укрыть потеплее, но раньше следующего дня не проснется точно.

— Состав отвара?

Знахарка удивленно вскинулась, но ответила:

— Зверобой, череда, капелька беладонны для укрепления связей. А тебе-то какое дело?

— А ты, старуха, не так проста. Где училась? — Защитник проигнорировал ее неучтивость.

— Столичный университет алхимии при храме Киаланы. Факультет травничества —

магических сил-то у меня нету. Диплом показать?

Защитник ухмыльнулся и погрозил знахарке пальцем.

* * *

— Где-ты, где-ты, Кира-охотница? — шептал Пасита, вглядываясь через окно в пустую площадь.

Солнце висело у самого горизонта, окрасив все вокруг в золотистые тона. Час назад Мордан сообщил, что девчонка очнулась. Чуть позже — что девчонка отправилась к купальням. И в этой деревне нашлись гнилые душонки, которые можно подкупить или запугать. Так что за домом Киры все время пристально следили. Не торопится та, однако, исполнять волю Защитника.

Наконец, на краю площади появилась стройная фигурка. Уверенной походкой, она приближалась к его дому.

— Так вот кого я видел тогда у столбов. Вечер становится все интереснее! — Пасита в очередной раз подбросил и поймал охотничий нож.

Чуть раньше он, пинками разбудил, задремавших было в сенях братьев и вытолкнул их, пригрозив, чтобы и духу их не было в доме, когда появится девчонка.

Защитник выглянул за дверь, убеждаясь, что тин Шнобберы не ослушались. Вернулся в горницу и сел за накрытый стол, но тут же передумал. Суетливо вскочил и в последний момент спрятался в кладовке.

В сенях скрипнула дверь.

* * *

Кира поравнялась со старым дуб. Кора древа-старца почернела от пламени, листья свернулись на обуглившихся ветвях. Кира приложила ладонь к стволу и легонько погладила.

— Здравствуй, дедушка. Твоя вина лишь в том, что ты не мог сбежать подальше от Защитника. — ей вдруг почудилось, что вместе с деревом умерла и душа Золотых Орешков.

Не торопясь, охотница поднялась на крыльцо. Она делала это уже много раз, но еще никогда с таким тяжелым сердцем. Поморщилась, досадуя на щель в притолоке.

Эх... Когда-то пределом мечтаний всей деревенской ребятни было заглянуть в дом Защитника. Она несколько раз вдохнула и выдохнула, успокаивая нервы. А затем отворила дверь.

Ее встретил накрытый стол, но ни в сенях, ни в горнице никого не было.

Обостренные чувства подсказали, что за ней наблюдают, но она не подала виду.

Шелохнулась занавеска.

Кира резко обернулась и вздрогнула. Позади нее стоял Защитник, отрезав путь к бегству.

— Ну здравствуй, Кира-охотница! — первым приветствовал ее Пасита. — Не это ли ищешь? — он по рукоять вогнал нож Каррона Защитника в дверной косяк. Ее нож!

— Так вот кто его забрал.

Защитник широко улыбнулся, и Кира вдруг осознала, насколько он хорош. В такого

можно запросто влюбиться. Подумалось, если бы черные дела не застили приятный облик, заставляя относиться к Защитнику не иначе, как к лютому зверю, то про Микора с Лютобором половина деревни в ночь Киаланы и не вспомнила бы, и кто за кем еще по лесу бы гонялся. В голове возник образ: толпа деревенских красавиц, плотоядно ухмыляясь, загоняет Защитника...

— Значит, кланяться не станешь, — констатировал Пасита. — Эх, учу я вас, учу.

— Настоящее уважение, поклонами не подменишь, — не сдержалась Кира.

Пасита мгновенно подскочил и крепко схватил за подбородок, больно сжав. Его губы оказались так близко, что между ними не прошло бы и лезвие кинжала. Кира почувствовала жар его тела. Стальные глаза смотрели пристально, не мигая, но она не пошевелилась, не вскинула рук, пытаясь оттолкнуть, лишь ответила таким же прямым взглядом. Пасита отпустил ее и засмеялся. Прошел и сел во главе стола. Кира так и осталась стоять, как стояла, потому сейчас оказалась спиной к горнице, к нему спиной.

Не оборачиваясь она дала себе необходимую передышку, нужно было прийти в себя и совладать с рвущимися на волю эмоциями. Во рту стоял привкус страза, смешивающийся со странным волнением, которое неожиданно пробудил его запах.

— А ты храбрая. Пожалуй, ты мне нравишься, Кира-охотница. Ты не похожа на остальных, — Защитник подвинул к себе бутылку с вином, — даже странно, что столько времени я тебя не замечал, — он наполнил два кубка и с наслаждением сделал глоток. — Садись, отужинай со мной. Не откажи Защитнику.

Кира медленно развернулась. Она не верила своим ушам. В каждом слове мерещилась ловушка. Крепкий капкан на несмышленного зверька. Еда отравлена? В нее добавлена стынтрава, от которой она ослабнет, как котенок, и тогда Пасита сможет с ней сделать что угодно? С другой стороны, еще пару часов назад она и без того была совершенно беззащитна — бери тепленькой. Так какой в этом резон?

— Ну же! Это прекрасное вино. Я привез его из столицы, — увещевал Пасита. — Небось такого и не пробовала никогда в жизни? А от вашей медовухи меня уже воротит, — он встал, взял со стола второй кубок и медленно приблизился. От его оценивающего взгляда Кире захотелось сквозь землю провалиться. Никто из деревенских парней никогда раньше так на нее не смотрел. Казалось, он обжигает и сдирает кожу, обнажая душу.

Пасита остановился, не дойдя нескольких шагов:

— Да и чудесное возвращение потерянного ножа стоит отметить. Кстати, ты можешь его забрать, — он кубком указал на нож Каррона.

Кира, скинув оцепенение, взялась за рукоять и попыталась вытащить плотно сидящее в дереве лезвие.

— Попробуй двумя руками, — подсказал Пасита с усмешкой. — Подержи кубок, я помогу. Он протянул один ей.

Кира проигнорировав его слова и жест, поднатужилась и все же выдернула нож одной. Пасита присвистнул.

— Пожалуй, теперь я верю, что именно ты отделала Харилу и Мордана. Хотел бы я на это посмотреть, — он отсалютовал и осушил кубок одним глотком. — Да присядь ты уже, наконец! В ногах правды нет, — освободив руки, он приобнял ее за талию и, поддерживая под локоть, переместил к столу.

Кира судорожно размышляла, как ей дальше себя вести. Складывалось впечатление, что Защитник не только не осерчал, но и, наоборот, во всем произошедшем видит развлечение.

Это делало его благодущным, и ощущение подвоха усилилось.

— Ну что же ты! Смугилась? — Пасита отодвинул резной стул напротив второго прибора. — Позвольте поухаживать, барышня, — он склонил голову, ожидая пока Кира присядет, придвинул, как только та робко опустилась на него, совершенно растерянная.

Радужный хозяин поставил перед ней полный кубок и, прихватив свой, опустевший, вернулся на место во главе стола.

— Защитник Пасита, — обращение далось Кире с некоторым трудом, она даже чуть не поперхнулась, стараясь сдержать в голосе добрую толику яда, — к чему все это представление? Хочешь наказать, так наказывай. Не томи!

Пасита, уже наполнивший свой кубок вновь, едва успел пригубить, как поперхнулся от этих ее слов. Вскочив, он долго кашлял, перемежая удары кулаком в грудь со смехом: «О да! — думал он успевая бросать плотоядные взгляды на девчонку, — это как раз то, что я бы сейчас с удовольствием сделал». Наконец, ему удалось отдышаться.

— Кира-охотница, и в мыслях не было тебя наказывать! Да и за что? Разве ж за то, что охальников сумела приголубить? Так это впору их самих и наказывать. Горе-воины!

С девчонкой вдвоем не совладали. Славно ты меня повеселила. Видишь, я даже тебе свой нож отдал.

Кира вопросительно приподняла бровь.

— Выпьем за честность? — Пасита поднял кубок и выжидательно посмотрел.

Кира несмело взяла свой, но пить не стала. Пасита пожал плечами, снова отхлебнул. Покатал напиток во рту с благостным выражением. Проглотил. Затем пододвинул блюдо с жарким, выбрал кусочек посимпатичнее, взял с подноса ломоть хлеба и перо зеленого лука. Стал уплетать с таким с аппетитом, будто мясо это единственное, что его в данный момент интересовало. У Киры подвело живот. Она осознала, что два дня ничего не ела. Гуртом навалились запахи, рот наполнился слюной. От сильного голода руки чуть задрожали, как это часто с ней бывало.

— Не стесняйся, — Пасита головой указал на яства.

— Благодарствую, я не голодна, — с величайшим трудом заставила себя солгать охотница.

Пасита не стал настаивать, только усмехнулся и неопределенно повел плечом.

Мол, дело твое. Несколько насытившись, он снова заговорил.

— А скажи-ка мне Кира-охотница, откуда у тебя этот ножичек взялся?

— Подарок, — буркнула Кира, невдаваясь в подробности.

— А знаешь ли ты, чьи руки сделал этот нож? — он, улыбаясь, помахал ладонями.

— Это был я. Я сам — вот этими вот руками смастерил его много лет назад. Теперь понимаешь, к чему мой вопрос?

— Каррон Защитник подарил, — Кира умолчала, что взяла нож, как память об отце уже после его смерти.

— Хм! И почему я не сомневался? — хищно улыбнулся Пасита. — А знаешь ли ты, Кира охотница, откуда этот нож взялся у Каррона? По глазам вижу, что нет. Да и вряд ли Каррон стал бы делиться историями с сопливой деревенской девчонкой.

«Ну, это еще бабушка надвое сказала», — подумала Кира про себя, а вслух ответила:

— Каррон мне ничего не рассказывал. Зачем Защитнику вообще разговаривать с сопливыми девчонками?

— Ла-а-адно, — промурлыкал собеседник, — так и быть, расскажу тебе эту историю.

Однажды мы с Карроном, — он сделал паузу, — как бы это сказать? Немного не сошлись во мнениях. Я только-только смастерил нож и развлекался, вырезая им свое имя на... Хм, — всплыли воспоминания: девка на конюшне. Он хвастался ей остротой заточенного магическим пламенем лезвия. Лица Пасита не помнил, но помнил, как выводил на ее бедре свое имя, помнил бисеринки крови на белой коже, остающиеся после каждого пореза. Девка только тихо плакала, умоляя этого не делать. Боялась, что муж увидит и ее поколотит. Было весело, пока не пришел Каррон... — Пожалуй, я не буду вдаваться в подробности. Главное, что в результате у нас произошел конфликт. В то время я был еще курсантом, а Каррон уже имел ранг и состоял на внутренней службе в Ордене. Так вот. В силу разницы в возрасте и опыте, Каррон вышел победителем из той драки, а нож отнял, как трофей. — Пасита снова наполнил кубок. — Но вот мой нож снова вернулся ко мне. Я удивлен. — Защитник широко улыбнулся и добавил: — Но не стану же я отнимать его у девчонки? Считаю, этот нож — подарок тебе сразу от двух Защитников.

За это просто грех не выпить! — он снова выжидательно поднял кубок.

Первоначальная обреченность и готовность к неизбежной каре отступили, озадаченные. Отказываться и дальше, рискуя навлечь на себя гнев? В конце концов Пасита пил из той же самой бутылки и до, и после того, как наполнил ее кубок. Может, и нет там ничего такого? Кира неумело повторила его жест, мысленно произнеся: «За то, чтобы ты сдох!» и осторожно пригубила.

Ничего подобного пробовать ранее ей не доводилось. Ароматный, немного терпкий золотистый напиток имел более, чем просто приятный вкус. Он обволакивал рот, играл на языке и казалось кричал: «Пей еще! Еще! Больше!». Кира и сама не поняла, как сделала несколько жадных глотков прежде, чем смогла остановиться.

— Вот и прекрасно! А теперь приступим к главному, — тон Паситы из игривого стал деловым, хотя улыбка с губ никуда не делась. Впрочем, как и странный интерес в глазах.

Следующий вопрос ее просто огорошил:

— Ты ведь дочь Каррона Защитника?

— Да, — внезапно для себя ответила Кира, и в панике вытаращила глаза, прикрыв рот руками.

Пасита довольно рассмеялся. И вопросы посыпались один за другим:

— Давно, ты, об этом знаешь?

— С самого детства, — снова выпалила Кира, не отрывая рук ото рта.

— Это Каррон научил тебя основам рукопашного боя?

— Да!

Охотница резко вскочила на ноги, опрокинув стул. Недопитое вино лужицей растеклось по столу и закапало на пол.

— Хочешь меня убить? — Пасита особенно радостно улыбнулся, задавая этот вопрос.

— Очень! — резала правду-матку Кира, совершенно не в силах с собой совладать.

— Ты меня опоил?! — возмущенно воскликнула она.

— Да. Но ничего такого. Просто вино откровения.

— Но... Ты же и сам его пил?

— Пил, — согласился Пасита.

— Но, почему?

— Во-первых, оно мне очень нравится на вкус. Прекрасное вино! Ну и, конечно, чтобы усыпить твою бдительность. Как ты его находишь?

— Вкусное, — буркнула Кира. Ответы срывались с уст раньше, чем она успевала осмыслить, будто прорвало плотину. Собрав волю в кулак, задала вопрос:

— Оно не действует на Защитников?

— Еще как действует, — Пасита рассмеялся.

— Зачем ты меня позвал? — поспешила спросить Кира.

— Хотел удостовериться, что ты и взаправду дочь Каррона.

— Откуда узнал? Зачем я тебе?

Пасита уже вынул маленький пузырек из кармана, быстро проглотил содержимое, прежде, чем ответить на вопрос. Зажмурился, схватившись за край стола.

Издав рычащий звук, помотал головой, передернулся и утер лицо руками. Немного так постоял, а затем открыл смеющиеся глаза, в которых блестели слезы. Когда он ответил, его голос прозвучал несколько хрипло:

— Дрянная девчонка! Испортила игру раньше, чем я успел насладиться ею сполна. Есть некая острота ощущений, когда ты вынужден говорить только правду, — он опустил на стул. Кира видела, как по его виску ползет капелька пота, — Жаль, что противоядие никогда не бывает такими же сладким, как яд, — он снова улыбнулся, но выглядело это несколько натужно. — Впрочем, для тебя игра еще не окончена.

Он снова встал, лениво поднял упавший стул и приставил его к столу. Взяв за плечи Киру, мягко усадил обратно. Не убирая рук, спросил:

— Когда ты научилась входить в боевой транс?

— Что? — опешила Кира, думая о пальцах обжигающих плечи. Хотя как она могла такое почувствовать через плотную куртку?

— Там у купален ты вошла в боевой транс. Когда у тебя проявились способности?

— Я не знаю, о чем ты!

— Хм... Ты не можешь солгать. Похоже, это и правда случилось впервые, — он отпустил ее, а затем вынул из-под стола другую бутылку. Наполнил свежие кубки и один протянул Кире.

— Обычное. Можешь пить без опаски. Оно тоже весьма недурно на вкус.

Кира покосилась на руку с кубком, как на ядовитую змею.

— Не доверяешь?

— Нет.

Пасита рассмеялся, ничего не ответив.

— А теперь от главных вопросов перейдем к менее важным, но весьма занимательным.

Его взгляд опять приобрел то особое выражение, которое было ушло. По телу побежали ледяные мурашки.

— Ты невинна?

— Да! — снова против желания ответила Кира.

— И почему я не удивлен? — рассмеялся Пасита. — Такая опасная и такая наивная, — он рассматривал ее, будто редкого, но забавного зверя, отчего Кира сидела, как на иголках. — Подозреваю, те, кто пытался увести тебя в ночь Киаланы, получали на орехи.

Кира смолчала, но, покраснев до кончиков волос, припомнила, как три зимы назад отделала дерзкого пристава, который приехал в гости к родственникам из соседней деревни. Свои и подавно не рисковали. Даже Микор.

— Знаешь, Кира, — внезапно посерьезнел Пасита. Показалось, что из его голоса впервые исчезла издевка, — тебе лучше уйти, — он поймал отблеск удивления в ее глазах. —

Мне надо подумать, а ты — сильно отвлекаешь. Ступай. Можешь не бояться, Мордан и Харила более не станут тебя преследовать.

Кира, не веря своим ушам, медленно поднялась. Осторожно направилась к двери, каждое мгновение оглядываясь.

— Убирайся! — внезапно рявкнул Пасита, ударив по столу. — Ты наводишь меня на дурные мысли!

Кира стремглав выскочила наружу, почувствовав спиной волну жара. Быстрыми шагами пересекла площадь и, лишь завернув за угол крайнего дома, позволила себе слабость и побежала. Она бежала так быстро, что за несколько минут оказалась возле своего дома, миновала его и остановилась, только оказавшись среди овинов. Протопав на нетвердых ногах еще пяток шагов, Кира схватилась ладонью за занозистую стену.

Начал бить кашель. Желудок поднялся к горлу, и Кира не стала ему противиться — пусть выйдет ядовитое пойло. Сладкое и коварное, как речи змея Паситы.

Очистив организм и отдышавшись, она проследовала дальше к сеновалу. Упала без сил и пролежала так, наверное, целый час. Когда восстановилось присутствие духа, с неба уже смотрели звезды. Кира медленно поднялась и побрела в сторону дома.

Девчонка, наконец, ушла. Пасита, тяжело дыша, оперся на край стола. Что это с ним творится? Сила взбунтовалась и чуть не вышла из под контроля. Так бывало, когда он только учился ею управлять. Впору из избы перебираться в пещёру.

Вспомнилась пустая келья в Северной башне. Каменные стены, пол и потолок.

Каменная же лежанка, застеленная одним тонким шерстяным одеялом — камеры у заключенных, порой бывают уютнее. Собственный огонь Защитнику не страшен, а вот от дыма горящего барахла запросто можно задохнуться.

Махаррон ворвался, как раз в тот момент, когда Пасита пытался сбить пламя со своей скромной постели. Позади него маячил дядя.

— Я же говорю, слишком много силы и совершенно нет самоконтроля, — Махаррон был раздражен. Впрочем, как и всегда, когда дело касалось Паситы. — Затолан, твой племянник, попросту избалованный мальчишка!

— Настоятель, я медитирую каждый день! — слабая попытка оправдаться пропала втуне.

— Курсант Пасита тин Хорвейг, вы снова забываетесь!

— Простите, Настоятель. Я буду лучше стараться, — ответ прозвучал достаточно смиренно.

— Хочу в это верить.

Пасита так и застыл, почтительно склонив голову, пока дверь за Настоятелями не закрылась. Прошло больше пяти минут, прежде чем он медленно поднял глаза. В них снова плескалось пламя. Пасита напрягся и зарычал, высвобождая свою мощь. Подпитывая её яростью, незаслуженными обидами, и просто радостью, от того, что решился на этот бунт. Маленькая клетушка наполнилась ревушим пламенем, языки которого в поисках пищи бессильно лизали каменные стены.

В дверь кельи робко постучали. Вряд ли это вернулись Настоятели.

— Входи! — Пасита тяжело дышал, но чувствовал себя на удивление хорошо.

— Сосед, с тобой все в порядке? — Гарой сунул нос внутрь и оглядел слегка оплавившиеся стены, дверь защищал артефакт, потому она осталась невредимой.

Глаза сокурсника округлились, когда взгляд переместился на тин Хорвейга и замер на обнаженном, покрытом пятнами копти теле.

— У тебя найдется лишняя одежда?

Гарой быстро закивал и исчез, даже не затворив за собой дверь.

В тот раз это помогло. Спасло от перенапряжения. Отпустив силу на волю, он сумел с ней договориться. Это повторялось время от времени, пока он не обрел над ней контроль. Стало хватать и регулярных медитаций. И вот сегодня, впервые за долгое время, Пасита почувствовал, как вновь возросла его мощь. Неужели это реакция на девчонку?

* * *

Кира открыла глаза, с удивлением обнаружив, что уже наступило утро. Во рту стоял неприятный привкус, вдобавок слегка мутило. Вчера, вернувшись домой, она думала, что не

сможет сомкнуть глаз, но тяжелый липкий сон без сновидений мгновенно затянул в свои объятия.

Поднявшись, Кира поняла, что даже не разделась. Быстро скинув охотничий наряд и сапоги, натянула льняную домашнюю рубашку — грубую, но просторную. И, как была, босая вышла на двор. Стоя на крыльце потянулась, смывая скверну, окунула лицо в холодную воду, набранную загодя в ушат для умывания. Стало немного легче.

Распрямившись, сделала несколько движений, разминая одеревеневшие, после вчерашнего бешеного бега мышцы. Прислушалась к ощущениям. Странно, но есть не хотелось, хотя и пошли третьи сутки с тех пор, как у неё во рту и маковой росинки не было, не считая отвара, которым её поила знахарка, да чудесного на вкус вина откровения.

Вернувшись в избу Кира напилась колодезной воды и, прихватив гребень, снова вышла наружу. Расплела косы, некоторое время наслаждалась ощущением свободы, позволяя легкому ветерку ерошить волосы. Затем, перекинув русую гриву на одну сторону, тщательно заработала гребнем, полностью сосредоточившись на процессе.

Утренняя прохлада приносила ощущение обновления, потихоньку выветривая дурноту.

Вокруг стояла поразительная тишина. Безмятежность нарушали только ленивые крики петухов да щебет птах. Матери тоже нигде не было видно. Наверное, погнала Буренку на выпас, да разговорилась с соседкой.

Закончив причесываться, Кира отложила гребень. Поднялась и откинула волосы за спину, вздрогнув от неожиданности. Во дворе на старой колоде, что стояла у самого тына сидел Защитник Пасита.

— Доброе утро, Кира охотница! — он улыбнулся во все тридцать два зуба. Возле колоды прямо на земле стояла корзинка, прикрытая белой тряпицей. — Я и не рассчитывал на такое прелестное зрелище, когда шёл сюда.

Кира смутилась, мигом пожалев, что скинула охотничий наряд. Она почувствовала себя беззащитной под его обжигающим взглядом в одной лишь домашней рубашке. Странно, такого ощущения не было, даже когда она дралась с Морданом и Харилой обнаженной на берегу купален.

— Да ты, никак, язык проглотила? — принялся подтрунивать Пасита.

— И тебе доброе утро, Защитник, — едва выдавила Кира.

— Я не стал будить. Решил подождать, пока сама проснешься. Теперь вижу, правильно сделал. — Кира от возмущения не нашлась, что ответить. Он, что заходил в дом и видел её спящей? Осознавать это было неприятно. Пасита тем временем выдал неожиданное:

— А скажи-ка, красавица, куда это ты собралась?

— О чем ты, Пасита Защитник? — на лице Киры отразилось искреннее непонимание.

— Мне одна ночная птица напела, что охотница хочет сбежать из деревни. В лесной избушке, в загоне её ждет лошадка. Я не поленился подняться пораньше и проверить. И не наврала ведь птаха. Лошадь там и правда нашлась, да ещё какая! Под стать хозяйке. Да и в дорогу собрано, даже корзинка со свежими пирожками имеется.

Кира без труда узнала работу Лютобора. Лучше него никто не плел в деревне.

Пасита сунул руку под тряпицу и вынул пирожок. Понюхал и откусил сразу половину:

— М-м! С мясом. Вкусные. Хочешь?

— Нет, спасибо, — хмуро ответила Кира, чувствуя, как просыпается голод, — со вчерашнего дня ещё сыта.

Пасита рассмеялся, памятуя, что девчонка так и не съела ни крошки.

Кира же судорожно соображала, как Защитник узнал? Но ведь она не собиралась бежать, по крайней мере пока. Неужели Люта её не так понял? Или заранее приготовился, предполагая, что ей понадобится уходить немедленно? Защитник пристально смотрел, молча дожевывая остатки пирожка. И снова его взгляд не сулил ничего доброго. Закончив, он произнёс:

— Ты помнишь, что я сказал в первый день? За непокорность расплатятся, те кто рядом. Те, кто дорог.

— Что ты сделал с Лютобором?!

— Так вот кто тебе помог собраться в дорогу? — усмехнулся Пасита к ужасу Киры.

— А я, грешным делом, решил, что все устроил тот лютый пес, — пошутил он. — Суший волчара! Хотел огреть его плетью, так тот увернулся, шельма!

— Туман!

— А ты ловко сдаешь друзей. Никакого вина откровения не нужно, — продолжал потешаться Защитник. — Не переживай, пес убежал. Он не дурак. Понял, что со мной ему не тягаться.

Кира сжала кулаки, ноздри раздувались, глаза метали молнии. Она едва сдерживалась, чтобы не наброситься на Паситу.

— Глаза горят. щёки пылают. Ай-да чудесное зрелище! Ты, как утренний морозец в марте! — Пасита внезапно оказался подле Киры, так близко, что она отшатнулась.

Протянув руку, взял прядь волос, медленно пропустил сквозь пальцы, наслаждаясь ощущениями. А затем шагнул ближе и, схватив целую горсть, поднес к лицу. Ноздри втянули воздух, он буквально зарылся в волосы носом. Кира оцепенела, наблюдая за этим действием и не смея пошевелиться.

Скрипнула калитка, нарочито громко лязгнув засовом — то вернулась Анасташа.

— Доброго утречка, Пасита Защитник! — она низко поклонилась.

Пасита поднял голову и, нехотя, выпустил из рук волосы.

— И тебе поздорову, Анасташа! Видишь, — добавил он, обращаясь к Кире, — твоя мать знает, что такое хорошие манеры.

Мысленно он отметил: не дурна собой, пожалуй, краше дочери будет. А голову держит, что княжна иль королева — оставили отпечаток годы проведенные рядом с Защитником. Он и не сомневался, что Каррон и не смотрел на других женщин, памятуя легендарную верность тин Дарренов.

Кира промолчала, скрипнув зубами. Анасташа подошла и встала с дочерью рядом, на её лице застыло настороженное выражение.

— Чем обязаны такому высокому гостю? — учтиво спросила она.

— Произошло некоторое недоразумение. Но, надеюсь мы поняли друг друга. Не так ли, Киррана тин Даррен? — припечатал он без улыбки.

Киру обожгло ледяным взглядом. От звука собственного имени она растерялась.

Его ни разу в жизни ещё никто не называл при ней вслух. Пасита направился к выходу, по пути прихватив корзинку с пирожками. У самой калитки он обернулся:

— Ах, да! Жду тебя сегодня сразу после полудня на площади. Будь верхом и не запаздывай, — выйдя за ворота, Защитник пешком направился по улице, что-то насвистывая.

— Да что же это творится? — Анасташа была блее мела. — Чего он пристал? И почему так к тебе обратился? — последний вопрос она задала шепотом.

— Мама, я давно все знаю! — притворство разозлило Киру. Анасташа поджала губы, но

ничего на это не ответила. — А теперь и он тоже узнал! — Кира почти плакала, сказавшись напряжением последних дней.

— Киалана Заступница! — Анасташа прижала руки к лицу. — Да как же это? Да откуда?

— Я сама ему все рассказала, — всхлипнула Кира, но сдержалась.

В стойле была копытом Полночь. В сторонке у стены обнаружались аккуратно сложенные вещи: котомка с провизией, свернутое одеяло, упакованные в кусок холста и плотно увязанные конопляной веревкой мелочи, необходимые в дороге. Добротню собрал её Лютобор, ничего не забыл. Кира сглотнула, неужели снова Люта и Ламита попали под удар? Зачем её позвал Защитник? Уж не для того ли, чтобы при ней наказать помощников? И почему обратился полным именем? Киррана тин Даррен.

Звучит непривычно и благородно. Имя не для деревенской девчонки. Не для неё, не для Киры...

* * *

Пасита едва добрался до дома. Сартог его дернул пойти пешком. Кто бы знал, чего стоило показное спокойствие. Сначала он хотел забрать девчонку сразу с собой, но вовремя понял, что тогда придётся медитировать до обеда. Пришлось послать Мордана к Матрене, чтобы та сделала ему целебного отвара. Что же происходит?! Давно *сила* не вела себя так странно. Когда он рядом с этой девчонкой, она так и стремится вырваться наружу, подхлестывая сразу все потаенные желания и эмоции. А ведь именно сейчас, как никогда нужен полный контроль, чтобы совершить задуманное.

То, что Кира дочь Каррона тин Даррена и внучка Великого Махаррона, ещё не означает наличие у девчонки *силы*. Но вдруг Мордану и правда все показалось со страха, или на пьяную голову? Чтобы это узнать наверняка потребуется Церемония Определения, только в этом случае Киррана сможет обучаться в Ордене и стать хотя бы курсантом, не говоря уже о получении ранга Защитника. Для церемонии же нужно согласие Настоятелей, а они его точно не дадут без настоящих доказательств. Впрочем, клятвы на Кодексе будет вполне достаточно.

Кодекс — древний артефакт, умеющий распознавать правду и ложь. Положим сам-то, Пасита, уверен, Киррана обладает потенциалом. Да и его собственная *сила* просто кричит об этом, но своими глазами ведь не видел? А значит, Кодекс покажет, что он лжет. Нужно заставить девчонку проявить *силу* у него на глазах: «Подозреваю, это не будет просто». Тем более, что, по словам самой девчонки, такое случилось впервые. Это подтвердило и вино откровения. Учитывая полное отсутствие опыта, Киррана не сможет просто по своему желанию обратиться к *силе*.

После таких размышлений, а так же прочистившей мозги и успокоившей медитации, в голове Защитника созрел план.

* * *

Слухи быстро разносятся по деревне. Кто-то видел, как из дома Анасташы выходил

Защитник. Сказал одному, тот — другому. Любопытные глаза следили, пока она не спеша ехала по улице. Солнце едва отклонилось, от зенита, когда Кира верхом на красавице Полночи прибыла к дому Защитника. Не смотря на теплую погоду, она была одета в застегнутый до самого верха охотничий наряд. Две тугие русые косы падали на грудь. За спиной привычно разместился лук, на поясе — нож Каррона: «Или же Паситы?». От этой мысли стало как-то неприятно. Не было только, бегущего следом, Тумана. Пес сам пришёл домой незадолго до полудня, и Кира посадила его на привязь.

Защитник выехал навстречу. Поодаль следовали присмирившие Харила и Мордан. Они ничего не сказали, лишь сверлили её нехорошими взглядами. Охотница тоже не стала с ними здороваться. Много чести.

— Ты вовремя. Поезжай следом, — сухо кинул Пасита, развернув коня. На рысях маленький отряд выехал из деревни.

— Мы направляемся к купальням? — спросила Кира, когда Пасита свернули на тропу с дороги. Обычно мужчины тут не ходили, а если нужно было пройти мимо, использовали другую дорогу, чтобы не нарушать негласного правила.

Пасита ничего не ответил, а через пару минут они и правда остановили коней на берегу водоема, к счастью никого не потревожив. — слезай, — кинул Пасита и спешился, хлопнув по плечу Ярого. Конь отошёл в сторону, где его привычно поймал один из тин Шнобберов и привязал рядом с прочими.

— Мордан, поди сюда. У тебя есть возможность поквитаться, — заметив легкую растерянность приспешника, Защитник добавил: — Или ты передумал?

— Не передумал, — мрачно буркнул тот, скидывая куртку. За ней стянул через голову рубаху, оставшись обнаженным до пояса.

— Портки не забудь, — подтрунивал над братом Харила, — вдруг снова решишь искупаться.

— Я не вижу, чтобы ты захватил с собой шлем, или хотя бы шапку потолще, — не остался в долгу Мордан.

Защитник ослабился, его повеселила эта перепалка. Давненько братья тин Шноббер не получали отпора. Волнуются, или боятся опозориться? Девчонка растеряна, вон как озирается. Не знает что делать.

— Я готов, Пасита, — Мордан расслабленно подошёл и встал напротив Киры.

Широкий, коренастый, с волосатой грудью и бугрящимися мышцами. Впрочем, успевший нагулять небольшое брюшко.

— Ну, чего стусевалась? — Пасита тепло улыбнулся Кире. — Бей его.

— Как бить? — удивилась охотница, и Защитник делано вздохнул.

— Руками бей. Ногами. Или ты его, или он тебя. А ты, — он обратился к Мордану, — если победишь, она — твоя.

Лицо Мордана расплылось в хищной улыбке. Он уже понял, что *сила* к девчонке не явится по первому зову. А ведь только это его тогда и остановило. А то, что она его в тот раз в воду забросила, так то — чистая случайность. Не более. Не ожидал он от голозадой девки такой прыти. Теперь же, когда он в полной боевой готовности, да под прикрытием Защитника, вряд ли той удастся его одолеть.

— Иди сюда, цыпленочек, — он поманил охотницу пальцем, — или лучше разденешься, и я тебя просто отшлепаю. Не будем портить тебе личико.

— А ты подойди и попробуй! — разозлилась Кира, стянув со спины лук и отбросив в

сторону. Сейчас он будет только мешать. Подумала мгновение и тоже скинула куртку, вызвав одобрительное улюлюканье и шквал плоских шуточек. Внезапно накатило то самое ощущение ледяного спокойствия. Ох, не раз она желала встретиться с этими выродками сартогской собаки на лесной тропинке. Ведь знала, что справится. Она чуть согнула колени, привычно принимая боевую стойку, будто готовясь к схватке с Микором.

— Стоять! — рывкнул Пасита и соперники вздрогнули. — Нож мне отдай. Не нужен он, — Кира помрачнела, но расстегнула ножны. Протянула клинок рукоятью вперёд, не отводя глаз от Мордана. Защитник взял нож, но прежде неожиданно погладил её пальцы. Кира вздрогнула и на миг перевела взгляд. Этим не преминул воспользоваться Мордан. Он сорвался с места и одним прыжком оказался рядом, одновременно нанося удар под дых. Видимо, и правда не хотел лицо испортить.

Кира увернулась. Не так быстр был Мордан, как сам думал. Гибкой лозой проскочила под его руками, подставила ногу и, почти нежно, подтолкнула в спину.

Мужчина полетел вперёд, загребая сапогами камни. Устоял, но не надолго. Когда повернулся, разозленный, то тут же схлопотал удар ногой в грудь и следующий — уже в голову. Кира его пожалела. Странно было бить во всю силу. ещё не верила, что бой настоящий. Но и этого хватило, чтобы бугай упал на четвереньки, и принялся ловить ртом воздух. Да и в ушах у него явно звенело — вон как башкой крутит. Ударь она сильнее, то и сознание потерял бы. Видно, что не такой лоб чугунный, как у братца.

Харилу она тогда люто приложила. Не на жизнь дралась, на смерть.

— Ах ты!..

— Харила рванул на помощь, но ему преградил путь Пасита:

— Рано, — остановил строгим окриком.

Мордан, тем временем, поднялся. В темных глазах плескалась ярость. «Теперь будет в разы осторожнее», подумала Кира, но не испугалась. Если бой выйдет честным, то она непременно выиграет. Ну а нет, то ей все равно никто не поможет. Пасита, что захочет, то и сделает: «Вона, как смотрит, что волк на мясо».

Мордан и правда стал внимательней. Подходил медленно, то и дело дергаясь в обманных движениях. Наконец, нанес удар. ещё один, и ещё. Кира без особого труда увернулась от пудовых кулаков. Отклонилась назад, кувыркнулась, а затем сразу ринулась навстречу. Заученным движением перехватила руку, отметив, что та слишком толстая — как следует не ухватишь, и уже сама полетела на траву. Опьяненный сиюминутной победой Мордан, с рычанием, навалился сверху. Точнее хотел навалиться, но в последний момент Киррана извернулась ужом и выскользнула из-под его туши. Она уже поняла, что пощады не будет, и её просто измотают. В конце концов, какой бы ловкой она не была, каким бы шуткам не научил её Каррон, Мордан и Харила попросту сильнее. А ведь здесь ещё и Пасита. Что будет, если и он вступит в схватку?

Кира со спины оседлала противника, обхватив ногами. Мертвой хваткой вцепилась захватом в толстую шею и стала душить напрягая все силы. Мордан обеими руками пытался оторвать её руку от своего горла. Но ему уже было не хорошо. Все на, что егохватило, это перекатиться на спину. Он стал бить назад головой, насколько позволял захват. Силы у Киры тоже кончались, и пару раз ему удалось чувствительно её приложить затылком в грудь. Кира заорала от боли, но не разжала хватку.

— Пора! — коротко скомандовал Защитник и Харила с радостным рыком кинулся вперёд. Схватил охотницу за плечи, одним рывком оторвал от брата, попросту отшвырнув в

сторону, как котенка. Кира с трудом поднялась на четвереньки. В глазах двоилось — при падении, она сильно стукнулась головой о камень. На землю упало несколько капель крови. В пяти шагах, кашляя, с трудом поднимался Мордан. Все же она его хорошо придушила. ещё чуток, и тот потерял бы сознание, выбыв из схватки.

Тень закрыла солнце, Кира подняла взгляд.

— Ну же! Давай! — шептал тихонько Пасита, пытаюсь рассмотреть в глазах девчонки отблески пламени или пелену мороза.

— Попалась! — пробасил Харила, возвышаясь над ней подобно скале у купален. — Пасита, девчонка моя! — победно рыкнул он, явно радуясь, что превзошёл брата. — Иди сюда. Дядя Хари тебя не обидит, — он нагнулся и протянул ручищу, покрытую рыжими волосами. Кира почему-то отметила, что у него короткие пальцы. Робко улыбнувшись, медленно подала свою.

Улыбка бугая стала шире, как вдруг рука девчонки резко распрямилась. В глаза полетела земля. Харила дернулся и, с утробным ревом, начал их тереть. Охотница вскочила, нанося ослепленному противнику удары руками и ногами, которые, впрочем, мало чем ему вредили.

— Надо же! — удивился Пасита, — а подлые приемы ей не чужды. Этому её тоже научил Каррон? С каким-то затаенным удовольствием он следил, как девчонка с поразительной аккуратностью технически верно воспроизводит один за другим приемы базового курса рукопашного боя, что преподают в Ордене. Хоть сейчас можно зачет сдавать. Это пригодится. Больше времени можно будет уделить грамоте и наукам.

Мордан присоединился к брату, и теперь уже на Киру обрушился шквал нешуточных по силе ударов, но пока той удавалось уворачиваться или парировать на излете, изредка атакуя в ответ.

— «Волчьи зубы», «трава в поле», «молотобоец», — Пасита перечислял легко узнаваемые движения. — «Молотобоец» не стоило. Не подходящий противник, — он отметил, что Кира избегала любых приемов, для которых у неё был недостаточно силы.

Молодец! Учится на своих ошибках, такие обычно дорого обходятся. Внезапно девчонка тин Даррен хитро извернулась, и братья налетели друг на друга. — Угу, «серпантин».

Самое время, — согласно кивнул Пасита.

Тяжелый кулак Харилы, просвистев на волосок от щёки, пришёл прямехонько брату в челюсть. Тот, клацнув зубами, отлетел и упал на спину. Вставать он явно не торопился, а по сему Кира, не теряя времени, пошла в атаку. Она уже очень устала. По лицу струился пот, костяшки пальцев в кровь сбиты, а пробить толстую кожу Харилы так и не получалось. Тупая боль поселилась в том месте, которым она приложилась о камень. Было трудно дышать, скула горела огнем — пару раз до неё дотянулись.

Охотница охнула, когда кулак врезался в ребра и мысленно вознесла мольбу Киалане:

«Только бы не треснули». У Харилы очень длинные руки, и он гораздо тяжелее брата.

Собственно, только поэтому удалась её хитрость, хотя она сильно рисковала. Если бы удар достиг цели, то она бы больше не встала. Нужно сменить тактику и скорее: «Керун, помоги!».

Кира прыгнула вперёд.

— Попалась! — Харила радостно ослабилась, прижимая к себе оказавшуюся у него на руках девушку. Кира сделала вид, будто хочет вырваться, отклонившись назад, вынуждая подхватить ещё крепче. А затем, размахнувшись, послала свое тело снова навстречу, со всей

силы вперёд, одновременно выпрямляясь в струну. Как будто собиралась через него перепрыгнуть: «Только бы получилось!». Может у неё ничего бы и не вышло, но помогла случайность. Или Керун услышал её мольбу, но Харила для равновесия сделал шаг назад и оступился. Споткнувшись, он завалился навзничь, выпустив из рук Киру. Вместо того, чтобы отскочить подальше, она его оседлала, придавив коленями к земле, что есть мочи. Харила больше не сопротивлялся. Похоже, при падении он сильно ударился, естественно, с её помощью. Или же его затылок не так крепок, как чугунный лоб? Вцепившись в рыжие волосы руками, охотница стала раз за разом бить его башкой о каменистую землю, надеясь, что Мордан ещё не поднялся.

Пасита разглядел, как земля у Харилы под головой окрасилась красным.

Интересно, не прибила ли его девчонка? Мордан только-только очухался и спасти брата уже не успеваает, та раньше расколет ему череп. Глядя на эту картину, Пасита внезапно почувствовал, как по спине бегут мурашки. Победа над ней станет ещё слаще. Он, не торопясь, направился к Кире.

— Эй! — сказал почти шепотом, но девчонка отскочила в сторону, как дикая кошка. Встала в низкую стойку, рыская обезумевшим взглядом. Напрасно он пытался разглядеть в её глазах проблески *силы*, увидел лишь отражение загнанного зверя.

Мелькнула мысль: «Правильно сделал, что забрал нож». И все-таки, почему не пришла *сила*? Ведь девчонка явно устала и на грани. Вон как налилась краснотой щека, завтра будет огромный синяк. Дышит неглубоко, получила по ребрам как надо. Голова в крови, но готова и дальше сражаться. От его взгляда не укрылось, как её губы кривятся от боли.

Внезапно девчонка тин Даррен взвилась в воздух: «удар ястреба». И откуда только взялось столько прыти? Сразу ушла «хвостом лисицы», и, с разворота — «волчьи зубы», «полумесяц» и... Ого, «ожерелье русалки»! Это уже не из базовых приемов. Ай-да Каррон!

— Поумерь прыть! — рявкнул Пасита.

До сих пор он с легкостью отражал все её удары, так ни разу не ответив. Одним молниеносным движением поймал за руку во время очередного приема. Дернул и прижал к себе так, что она едва смогла дышать. На все попытки освободиться, захват только становился сильнее, отозвавшись в ребрах, к которым теперь прибавилась острая боль в плече. Кира почувствовала, как губы Защитника касаются уха, обжигая дыханием:

— А все же ты меня порадовала, Киррана, но мне ты — не противник, — неожиданно он поцеловал её в шею и оттолкнул от себя подальше. — Закончили!

Кира, не веря в то, что избиение прекратилось, ещё стояла, готовая повернуться и трусливо сбежать. На большее сил у неё не оставалось.

Мордан уже был на ногах и помогал подняться брату. Оба хмурые бросали на охотницу злобные взгляды.

— Нечего зыркать, осек их Защитник. Как есть опозорились! А если бы я ей нож оставил? С завтрашнего дня все вместе станем тренироваться, — он повернулся к Кире. — Тебя это тоже касается, — увидев протест в глазах, он добавил: — Ты же не станешь спорить, что это не такая уж большая плата за мир и покой в Золотых Орешках?

— Я правильно понимаю, что не ты, не они не станете никого трогать, если я буду постоянно с вами драться?

— Нет. Не так. Я обещаю, что мы не станем лезть в жизнь вашей деревни, если ты будешь проводить со мной много времени. Очень много. Возможно, все твое время, — увидев в её глазах крайнее возмущение, Пасита добавил с усмешкой: — за девичью честь

можешь не переживать. Пока что. Даю слово.

Кира заскрипела зубами, но кивнула:

— Согласна.

— Пасита, да чего ты возишься с этой девкой? Может мне и правда все привиделось, — Мордан или уже и сам не был уверен в том, что видел, или очень хотел, чтобы в это поверил могущественный приятель. Его прямо-таки изводила жажда мести, выедавая изнутри и мешая спать. Слова, брошенные Паситой на берегу, не давали покоя, превратившись в навязчивую идею. Он должен обладать девчонкой! Ему следует показать, кто здесь главный. Что это такое будет, если каждая деревенщина возомнит, что можно так вот запросто кидать наземь благородных тин Шнобберов?

— Пошлите кого-нибудь к Кире. Передайте, что к тренировкам приступим после праздника Киаланы. Мне нужно время подумать. — Пасита отвернулся от окна и окинул взглядом комнату. Харила сидел за столом и, не торопясь, жевал поросячью ногу, препротивно причмокивая и обсасывая жирные пальцы. На его лице царило умиротворение, будто ничего вкуснее и желаннее этой вот ножки на свете не было.

Мордан же, напротив, стоял посреди комнаты и хмуро смотрел на Паситу. Защитник легко прочел на его лице, все эмоции.

— Девчонку не трогать. Всем это ясно? — тихо повторил он и, не дожидаясь ответа, вышел на улицу.

— Видал? — повернулся Мордан к брату. — То «победишь — твоя». То — «не трогать!».

— Ну так ты и не победил, — проявил редкую для себя рассудительность Харила, — значит — не твоя. — обсосав обглоданную дочиста кость, он откинул её в сторону.

Мордан не ответил лишь презрительно скривился. Затем подошёл к окну и выглянул наружу. Защитник стоял на крыльце с задумчивым выражением лица как впрочем почти постоянно в Последнее время.

— Столько думать, не долго и в мудрецы податься, пробормотал себе под нос старший тин Шноббер и повернулся к брату: — Сам схожу, — и добавил, видя, как Харила спешно оттирает руки: — Один.

* * *

Пасита сунул руку во внутренний карман тонкой куртки, которую накиннул прямо на рубаху — видели бы его сейчас в столице! Нащупал записку. Короткое послание от Затолана гласило: «Не спеши! Действовать будем, когда вернешься». Это был ответ на его письмо, в котором Защитник между строк обрисовал ситуацию.

Накануне вечером, едва вернувшись домой, Пасита выпил сразу половину всего целебного отвара, который сварила специально для него знахарка, после чего срочно принялся медитировать.

После долгого общения с девчонкой тин Даррен *сила* бурлила и рвалась наружу.

Хорошо было бы отъехать подальше — туда, где нет посторонних глаз, и дать ей свободу.

Но теперь он уже не был зеленым несмышленным юнцом. Пасита прекрасно понимал, почему этого делать не стоит, и чем это может для него закончиться. Дай волю раз и

захочется снова и снова. Контроль, обретаемый годами с таким трудом, будет потерян.

Истина, которую, не жалея сил, вбивают в головы будущих Защитников наставники: чем больше *силы*, тем больше требуется контроля. Иначе, когда понадобится, он не сможет воспроизвести и простейшего заклинания. А что он за Защитник, если *сила* ему не подчиняется?

Наконец потоки пришли в норму, и Пасита поднялся с пола, где просидел всё это время в особой позе, скрестив ноги. В голове, как это обычно бывает после длительной медитации, воцарилась неестественная ясность.

Книга! И почему он про неё сразу не подумал? Защитник подошёл и снял с полки книгу Излома.

Когда Пасита закончил разбирать руны, наступила глубокая ночь. Из открытого окна веяло прохладой, донося запахи полевых цветов и навоза. Стрекотали кузнечики, где-то неподалёку напевала ночная птица. Защитник поднялся из-за стола. Сладко, до хруста костей, потянулся. Широко зевнув, потер покрасневшие глаза. А ведь он не ошибся. Эх, не хватает сейчас рядом какого-нибудь мудреца посмышленей. Самому-то руны разбирать ой как не просто! Все что удалось прочитать, какие-то жалкие три страницы. А главное: ничего особо важного он так и не узнал. Лишь несколько любопытных фактов из истории создания Ордена, которые почему-то не упоминались в учебниках.

Хотя не совсем так. Все же ему удалось кое-что обнаружить. В книге говорилось, что у пары с инициированным даром гарантированно рождался одаренный ребёнок. То есть, у двух Защитников всегда были дети, обладающие *силой*. Без исключений. Из этого Пасита сделал неутешительный вывод: вот почему теперь так редко появляются на свет Защитники — слишком мала концентрация истинной крови. Все это так же влияет и на потенциал. Курсанты все слабее с каждым поколением. Среди нынешних есть даже такие, которым приходится учиться по несколько лет на одном и том же круге, чтобы приручить *силу*! Тем более мало кто из новичков имеет потенциал, как у Настоятелей старшего поколения. Ему самому, похоже, в этом сказочно повезло.

Предки его матери так же были из старинного уважаемого рода Защитников.

Но что точно означает «пара с даром»? Отец и мать ребёнка должны быть Защитниками в ранге или же не обязательно? Если это так, то его простое любопытство и желание досадить Махаррону, притащив в Орден девчонку, имеет теперь гораздо больший смысл. Надо понимать, что Настоятель Северной башни знает, про свою внучку, но скрывает её от остальных, приказав даже родной матери выдавать дочь за приемыша. Или же он попросту за неё боится? А в курсе ли он вообще про её дар? Ведь его внук смог стать лишь хранителем знаний, не более. Да, *сила* в мальчишке есть, но это совсем не та разрушительная мощь, которой обладает каждый Защитник.

Пасита продолжил размышления. Положим, что у двух Защитников гарантированно рождается ребёнок с даром, сколько же тогда знатных родов откроет охоту на девчонку? Тогда, тем более, она должна достаться ему, ведь именно он, Пасита тин Хорвейг, обладатель просто запредельного на данный момент уровня силы. Ну не от Махаррона же ей рожать? Он понадеялся, что рано или поздно сможет убедить в своей правоте старика тин Даррена. Как бы ещё избежать посягательств соперников?

Похоже, остается надеяться на удачу и на то, что остальные просто не в курсе.

Если подумать, со всего Ордена про девчонку знали лишь несколько человек: Настоятель Махаррон, дядя Затолан и он сам. Братья тин Шноббер не в счет. Они достаточно

глупы, чтобы посчитать это все не важным, главное чтобы языком не трепали, но тут он за ними присмотрит.

Пасита было разволновался, но тут же взял себя в руки. Следует выспаться, а не то придётся снова медитировать: «Три раза за день, это прямо как в старые добрые необузданные времена». Эта мысль его несколько развеселила, своей прямой аналогией.

В дверь тихонько поскреблись.

— Кто ещё? — рыкнул Пасита, решив, что кто-то из братьев посмел прервать его уединение.

— Господин Защитник, — на пороге потупив глаза стояла Глафира, она робко подняла голову, — вы давно за мной не посылали. — девушка осеклась, залившись густым румянцем и потупилась.

— Убирайся! Не до тебя мне. — Глафира обиженно вскинула голову, и Пасита вдруг отметил, как гармонируют алые щечки с её волосами цвета воронова крыла, бледной нежной кожей и блестящими из под густых ресниц огромными глазами. Чем-то она ему напоминала вампиров — ныне исчезнувших порождений Излома, о которых он читал в учебниках истории. А что? Может и так. Орешки-то, почитай, у Излома и находятся. Кто знает, в каких отношениях твари могли быть с предками нынешних жителей? Он усмехнулся этой мысли и ощутил горячую волну желания:

— Стой! — крикнул он в окно. Девчонка, повинувшись предыдущему приказу, уже успела дойти до середины площади. Услышав окрик, она замерла, как вкопанная. — Вернись.

* * *

Кира едва добралась до дома. Тихонько сползла с лошади и, прикрываясь её телом, прошмыгнула через двор — авось, мать не заметит ничего странного. Вопреки опасениям Анасташа, похоже, дома не было. Это и к лучшему. Кира быстро обходила лошадку, задала ей корма. Тенью через окно просочилась в свою комнатку, морщась от боли — болело все тело. Тихо выглянула, убедившись, что не ошиблась — она была в доме одна. Немного расслабившись, стянула пыльный охотничий наряд и вышла на двор умыться. Хорошо бы было искупаться целиком, но как-то не располагало самочувствие, да и обстановка, к купанию, когда они закончили, и Пасита отдал команду возвращаться.

Кира вернулась в комнату и прилегла на лавку. Тело болело, на лице наливался синевою огромный синяк. И как это скрыть от матери? Разве что в лес отправиться, пока не пройдет? Да толку то? Небось пол деревни её видело.

Скрипнула дверь. А через мгновение в комнату влетели Анасташа и Матрена.

— Дочка! За что они так тебя? Вот же ироды! — Анасташа бросилась к Кире, принялась ощупывать, гладить.

— Мам, все нормально. Ничего страшного не произошло. Пара ушибов и только.

— Дай-ка я взгляну, — знахарка оттеснила причитающую Ташку и начала осмотр.

Через некоторое время вынесла вердикт: — Ребра целые. Синяк, конечно, серьезный, но до свадьбы заживёт. Хотя и не дело это девке с мужиками биться! — она с укоризной взглянула на Киру, как будто та сама ходила по деревне и всех задирала. — А вот рана на голове мне не нравится. Много грязи, как бы не было заражения, — знахарка засуетилась, вынимая из большой закрытой корзины всевозможные пузырьки и склянки. — Анасташа,

согрей воды.

Мать вышла, а Матрена цепко взглянула на Киру.

— Никто не насильничал, — со вздохом ответила та на ещё не заданный, но ожидаемый вопрос, — только немного побили. Да я и сама виновата. Слишком самонадеянно себя повела, пропустила удар...

— Кира, и зачем все это? Пусть уж мужики с Паситой и воюют, если им так надо. А ты ведь девчонка! Куда тебе до него?

Кира горько усмехнулась.

Вошла Анасташа с ковшом горячей воды. Матрена споро достала маленькую плоскую, зачерпнула. Поболтала, слегка остужая, вылила туда содержимое какого-то пузырька и протянула Кире:

— На вот, пей.

Она принялась споро готовить какие-то примочки. Кира залпом осушила плоскую и поморщилась:

— Ну и гадость! — отвар не был горьким, но имел отвратительный привкус и запах.

Накатила слабость. Веки отяжелели, захотелось спать до умопомрачения.

Матрена тем временем инструктировала Анасташу:

— Вот. Это принимать три раза в день, а мазь на тряпочку и к синякам прикладывать, мелкие просто намазать. Дня за три сойдет. Сильное средство, верное.

Наклонись-ка рану промою.

Кира послушно нагнулась над ушатом, и Матрена осторожно принялась очищать рану, разбирая волосы руками.

— Чем это тебя так?

— Упала на камень, — буркнула Кира и, почувствовав приступ дурноты, вынужденно схватилась рукой за стоящий рядом с лавкой стул — её повело. Анасташа ахнула.

— Отвар подействовал, — успокоила Матрена, предотвращая новый поток охов и ахов, — там легкое успокоительное. Сейчас ляжет и до утра проспит, во сне все заживёт быстрее.

— Мне завтра надо на рассвете... — язык заплетался, и Кира с трудом им ворочала.

— Чего надо? — недовольно буркнула знахарка.

— Быть на площади. Разбуди меня обязательно, мама, — прошептала Кира откидываясь без сил на лавку.

Спать хотелось невероятно. Одолела смертельная усталость. Бой с такими противниками потребовал концентрации всех сил, и теперь наступил откат, да ещё это зелье...

— Рану я промыла. Все не так страшно, как показалось сначала, даром что сильно кровило — на голове часто так. Но завтра рекомендую полный покой. Никаких драк, охоты, конных прогулок. Можешь ты просто сесть и вышивать в конце концов?

— Мне надо на площадь. Рано утром, — упрямо повторила Кира, изо всех сил борясь с сном.

— Зачем это? — изумилась Анасташа.

— Пасита приказал. Будем тренироваться.

— Что? Изверг ещё не натешился? Я вот сейчас пойду к нему! Или лучше мы уедем из деревни. Немедленно! — Анасташа бестолково заметалась по комнате.

— Мама, а ты и правда поезжай, — вдруг даже обрадовалась Кира, но твердо добавила:

— А я — останусь.

— Это почему же!

— Пасита обещал, что больше никого не тронет.

— Что?! — хором воскликнули женщины и переглянулись.

— Защитник сказал, они больше никого не тронут, если я буду каждый день с ним...

тренироваться.

— Прямо так и сказал? — недоверчиво переспросила Матрена. — Да ты же девчонка, на кой это ему?

— Так и сказал, — подтвердила Кира, — и добавил, что за девичью честь могу не опасаться. — поспешила развеять она неминуемые подозрения, хотя, скорее всего, безуспешно. Не обращая больше ни на кого внимания, она закрыла глаза и мгновенно уснула.

Пробуждение было не из приятных. Проснулась Кира от большого тычка в ребра.

— Спишь? — зло прошипел Мордан, — Никакого почтения к Защитнику!

Мужчина возвышался, над ней, отчего охотница почувствовала себя весьма неудобно. Руки в боки, ноги широко расставлены, губы кривятся в презрительной ухмылке. Кира подскочила было на лавке и тут же, с непроизвольным стоном, села обратно. Чувствовала себя она более, чем разбито. Вторая попытка оказалась чуть удачнее. Стараясь не охатъ, обошла Мордана и принялась спешно искать одежду.

Охотничий наряд, вычищенный заботливой материнской рукой, обнаружился аккуратно развешенным на спинке стула.

— Я скоро буду, — буркнула Кира. — Выйди, мне надо одеться.

— Ты ещё смеешь мне приказывать, девка?! — угрожающе надвинулся бугай.

Получив внезапный толчок в грудь, Кира снова села на лавку. — Да я тебе!..

— А то что? — нехорошо сощурившись, перебила Киррана, нащупав под подушкой нож.

Спасибо маме. Это она его положила, а ведь раньше все смеялась над этой привычкой.

— Да я тебя сейчас!.. — Мордан шагнул и схватил за ворот, поднимая с постели.

Рубаха угрожающе затрещала.

— Интересно, что скажет Пасита? — зловещё улыбнулась Кира, приставив лезвие к паху ублюдка.

Она надеялась, что не ошиблась в своих предположениях. И, похоже, оказалась права. Мордан зло толкнул её обратно, выпустив рубашку и Кира закашлялась от боли в ушибленных ребрах. Да, рефлексy её подвели. И как она в таком состоянии собирается снова драться?

Противник отступил, тяжело дышал от ярости.

— Ты, сартогская сука, — прошипел он, — я дождусь, пока Пасита потеряет интерес, и тогда тебе несдобровать. Я заберу тебя в свое поместье и превращу в прикроватный коврик. Ни один мой гость не пройдет мимо не плюнув в твою сторону! Ты сдохнешь под моими сапогами, и я скормлю твою вонючую тушу цепным псам! — он смачно харкнул прямо на чисто вымытый пол и, резко развернувшись, вышел.

В глубине двора за домом разрывался Туман. Кира выскочила следом на крыльцо.

Мордан остановился у самой калитки, повернулся:

— Громко же лает твоя псина, — он, ослабившись, посмотрел вглубь двора, заставляя Киру напрячься.

— Не смей трогать собаку! — Кира едва узнала свой голос — она зарычала, не хуже Тумана.

— Можешь не приходиться сегодня на площадь. Встреча отменяется.

Охотница проводила его фигуру тревожным взглядом. Мордан удалялся широкими размашистыми шагами, время от времени бросая зло зыряка через плечо.

Кира тяжело опустилась на ступеньку крыльца и горестно вздохнула. ещё седмицу назад до неё никому и дела не было, а что теперь?

Самый страшный человек в деревне питает к ней какой-то странный интерес.

Она давно не маленькая, и прекрасно знает, что происходит между женщиной и мужчиной. Да и доселе Защитник особо не стеснялся — брал, что хотел. Тот ужин... Она прекрасно осознавала, чем это все могло закончиться. Но Пасита сдержался. Она видела, с каким трудом давалось ему это самообладание, но ведь ничто не могло помешать ему сделать так, как пожелает. Или же причина в том, что она Кирана тин Даррен? Не хочет ссориться с могущественным родом? Дедушка Махаррон наверняка за такое спуску не даст, она не сомневалась. скорее всего именно в этом дело, примем за главную причину поведения Паситы.

Теперь Мордан. Он явно точит на неё зуб. ещё бы! Двойное унижение. Такое не каждый-то деревенский увалень сразу забудет, что уж говорить об отпрыске знатного рода? Нужно его опасаться. Не стоит забывать, что братья не простые слуги, а скорее всего ровня Защитнику, судя по одежде и повадкам. Да точно! Слышала же, что их зовут тин Шнобберы — значит дворяне. Да и Мордан сейчас, ляпнул про поместье, когда ругался. Хотя ему-то она и не обязана верить.

Кстати, а как относится к его словам? Не солгал ли? Правда ли не нужно тащиться на площадь? Хорошо бы, да вдруг Пасита осерчает и скажет, что она нарушила договор?

— Да ну их всех! — разозлилась Кира.

Она не то что драться или тренироваться не в состоянии, а вообще едва на ногах держится. Им надо, вот и пусть друг другу рыла чистят. С этими мыслями охотница вернулась в дом, ощутив внезапно зверский голод.

* * *

До ночи Киаланы осталось два дня, если можно так сказать: сегодня, да завтра подождать, а вечером уже и вот он — праздник. Приготовления в Золотых Орешках шли полным ходом. Из каждого дома доносились умопомрачительные ароматы свежей выпечки. Пирог, пирожки, сахарные кренделя, пышки, калачи с маком и прочие изыски местных поварих заставляли слюнки течь не переставая. Наряду с печеным готовились и хмельные ягодные мёды, благо пришло уже разной ягоде время. Уже давно настаивался квас, наварено было и пиво. Завтра с утра незамужние девушки начнут плести цветочные венки, добавляя дубовый лист, или веточки крапивы — смотря, кто какое желание загадал.

Мужики на берегу Широкой ближе к обеду разведут костры, чтобы жарить приготовленное мясо. В основном дичь, но нет-нет да и мелькнет щедрой рукою выделенный поросенок или барашек. Не стоит скупиться. В ночь Киаланы, каждый должен быть наряден, сыт, пьян и доволен жизнью, насколько это возможно. Такова примета.

Все будут петь, веселиться, играть и танцевать. Есть вволю без запретов, брызгаться водой — неременное условие: только той, что смог унести в руках. Не умолкнет смех до самой темноты. А как взойдет первая звезда, девушки снимают с головы венки и пусят по

воде, распустят косы да затянут печальную песню в честь Киаланы-девы. Навстречу со стороны выйдут парни в простых беленых рубахах с красными кушаками. Ответят хором, славя мужа её Керуна. Как только дело дойдёт до слов про быстрого ястреба, что ухватит белую горлицу, девушки ринутся врассыпную в лес. Парни допоют куплет, ещё немного похрабрятся, подзадоривая друг друга и давая девчонкам фору, а затем бросятся следом, снимая кушаки на ходу. Если и поймают кого — не страшно. Выкуп — всего лишь поцелуй, но и отказать в нем не можно. Если же двоим Киалана голову вскружит, значит так тому и быть. В ночь Киаланы это можно, а после праздника вот она — готовая пара. Никто не осерчает, даже самые суровые родители будут вынуждены смириться. С богами не спорят.

Из всех правил бывают исключения. Кира, впрочем, пойманной была только раз, но отпор ей дважды давать приходилось. Да и попалась-то по глупости. Ей можно было хоть и на месте стоять, свои просто мимо пробежали бы. Вот и привыкла, что никому тут, кроме Микора не нужна. Ага, да кто бы супротив него-то её поцеловать решился?

Вот и шла не спеша, улыбалась своим мыслям и мечтала, как завтра будут с Микором тренироваться, и она ему отомстит за поражение. Тут-то этот заезжий и подоспел.

Кажется, дядьки Иссопия племянник. Ладно бы просто поцелуй требовал, так ведь нет!

Он из Птичьего Терема приехал, вот и решил, что раз городской, то можно вот так с ходу руки распустить. Да и не била-то его она сильно. Так. Бросила наземь, а он осерчал, и сам уже в драку полез. Пришлось дать отпор, не терпеть же? Второй раз получилось похоже, но там ещё и Микор подоспел, так самой вообще ничего делать не пришлось.

Кира задумчиво рассматривала свое отражение в небольшом настольном зеркальце на подставке — дорогая безделушка в серебряной оправе, которую когда-то подарил её матери Каррон. Синяк уже почти сошёл, хотя ещё давеча пугал чернотой.

Хорошие у Матрены мази, да примочки. Завтра, похоже, совсем не останется и следа.

Ребра тоже больше не болели, а под волосами остался лишь маленький розовый шрамик. Вопреки опасениям рана оказалась пустяковой — кожу о камень рассадил.

Пасита, хвала Киалане, её больше не звал, не обманул Мордан, но предчувствие, что это далеко не конец, все же не оставляло.

Вошла Анасташа, принесла новый, расшитый летними цветами по подолу, сарафан.

— Вот, завтра наденешь.

— Спасибо мама. Какая красота! — Кира принялась разглядывать рисунок.

— Самой бы пора уже сарафаны расшивать, — привычно пожурела Таська дочь, прекрасно зная, что это бесполезно.

— У меня так красиво не выйдет никогда! — Кира обняла мать.

— Дай-ка посмотрю, — Анасташа повернула Киру к свету, погладила осторожно щеку. — Почти и не видно уже ничего. Даже удивительно.

Скрипнула калитка и тут же раздался лай.

— Принесла кого-то неладная! — Анасташа с тревогой выглянула в окно.

— Теть Таш, — крикнул соседский мальчишка, — там это... Киру зовут.

— Кто зовет? — мать с дочерью уже вышли на крыльцо.

— Защитник Пасита требует к себе.

Кира пошла пешком. Если вдруг придётся куда-то ехать, то будет время подумать, пока сходит за лошадью. Было жарко, и она не стала надевать охотничий наряд. Да и вроде как Пасита слово дал, хотя грызли её некоторые сомнения на сей счет...

Показался дом Защитника. Сам хозяин уже стоял на крыльце и радостно улыбался, завидя её.

— Здрав буде, господин Защитник, — поклонилась Кира.

Это один на один, можно себе позволить бунт, а на людях, лучше Паситу не гневить.

— Кирра! — похоже, он чуть не назвал её полным именем, но вовремя остановился.

— Мне не сказали, надо ли быть верхом... — развела руками Кира, как бы извиняясь за свой непривычный вид.

— Хм. А сарафан тебе к лицу, — мужчина некоторое время рассматривал её, — Я просто позвал тебя пообедать. Проходи.

Кира непроизвольно сглотнула. Помнила, чем закончился прошлый ужин.

— Я сыта, господин Защитник, благодарю.

— Так о чем мы договорились? — голос Паситы прозвучал с мягким укором.

— Помню, — ответила Кира с горькой усмешкой.

— Тогда вперёд, — он указал рукой куда-то на задний двор.

Позади дома под раскидистой яблоней в тени уже ожидал накрытый стол.

— А ну, дай-ка посмотрю, — Защитник оказался рядом, осторожным нежным прикосновением приподнял голову Киры за подбородок и осторожно повернул к свету, рассматривая синяк. Кира отметила разницу, с которой прикасались его пальцы сейчас и тогда на берегу. — Неплохо! Завтра будешь как новенькая. А молодец эта ваша Матрена, — он отпустил Киру и выдвинул стул, ожидая, пока она усядется. Затем сел на свое место. — Я специально дал время, чтобы ты пришла в себя. Не рассчитал тогда, что пропустишь столько ударов. Не подумал, что нет у тебя опыта. Хотя, если бы ты умела пользоваться *силой*, то у тин Шнобберов не было бы ни единого шанса.

— Я не хочу жечь людей, — тихо, почти шепотом, ответила Кира.

— Что? — вытаращил глаза Пасита и рассмеялся. — Ну ты и скажешь! Жечь людей!

— А как ещё мне с ними было бороться? Нож ты у меня забрал. Да и не стала бы я их убивать, просто поцарапала для острастки.

— А ты самонадеянна, как я погляжу, — Пасита все ещё улыбался. — Думаешь братья тин Шноббер не знают, как драться с вооружённым противником? Они воинскому делу с детства учились меж прочим. Но я о другом.

— Так и я...

— Ой не смеши! — Пасита в голос захохотал. — Мой маленький и очень храбрый воин. Нет! Защитница — вот ты кто.

Кира ничего не ответила, но смотрела на этого красивого, сильного и такого страшного мужчину во все глаза. Что он такое говорит? Защитниц же не бывает? Просто смеётся над ней, деревенской дурочкой?

Пасита успокоился, деловито наполнил её блюдо, положив кусок кролика, зелень, несколько клубней сладкого картофеля и ломоть свежего хлеба. Налил в кубок вина.

— Ешь. Не бойся. Никакого подвоха. Слово Защитника.

Кира осторожно отщипнула кусок мяса и стала медленно жевать, Пасита тем временем продолжил:

— *Сила* Защитников не только в том, чтобы жечь и замораживать. Она... Как бы это

сказать? Чуть более многогранна. Впрочем, это уже секреты Ордена, и я не вправе тебе о них рассказывать. По крайней мере не сейчас.

Некоторое время Защитник молча поглощал пищу.

— Послушай, — он понизил голос, — ты внучка самого Махаррона тин Даррена.

Великого Махаррона, слыхала о таком?

Кира кивнула, она прекрасно знала, кто её дед, и Пасита обрадовался, что не придётся слишком многого объяснять.

— Так вот, твое рожденье на свет — это чудо, и твои отец и дед поступили не правильно, скрыв тебя от Ордена. Но самое важное то, что у тебя определенно есть дар *силы*, и на него нельзя вот так просто не обращать внимания. Знаешь почему мальчишек забирают в Орден сразу после рожденья?

— Нет, — Кира жадно внимала, не отрывая глаз от губ говорящего. Она даже перестала жевать и дышать, боясь пропустить хоть одно слово. Никто и никогда не рассказывал ей об Ордене так много, даже отец постоянно отделялся отговорками, да сказками.

— *Сила*, — Пасита на мгновение задумался, подбирая слова, — понимаешь, её нужно уметь контролировать, иначе рано или поздно она возьмет верх. Сметет все на своем пути, оставив тебя горевать над трупами близких, — Защитник резко приблизил свое лицо, и Киррана испуганно вздрогнула, отшатнувшись. — Ты помнишь, как это было, когда *сила* пришла? Отчего Мордан сбежал, намочив штаны? Отчего теперь он тебя так не любит?

— Нет, — испуганно прошептала охотница, — я так ничего не могу вспомнить...

— Вот то-то и оно, — развел руками Пасита, а со временем все станет только хуже.

Сила начнет одерживать верх. Я сам вынужден до сих пор с ней бороться, — он обезоруживающе улыбнулся, — и это несколько портит мой характер. Порой я бываю невыносим.

— И что же мне делать?

Кире было страшно подумать, что у неё действительно есть эта самая *сила*. Она и не подозревала, что может быть настолько опасной для окружающих. ещё подкупала искренняя улыбка Паситы, который сегодня был потрясюще хорош. Кира попыталась представить рядом с ним Микора, и поняла, что друг проигрывает Защитнику. Стоп! Не стоит забывать, кто сидит перед ней.

— Я предлагаю тебе помощь. Помогу справиться с *силой* до того, как она выйдет из под контроля. Так и поступают наставники. Заодно надо научить тебя ещё кое-чему, до того как мы попадем в Орден.

— Что?! — Кира чуть не подавилась вином, которое ещё недавно совсем не собиралась пить, но, замороженная рассказом, непроизвольно сделала глоток.

— Тише, не кричи! — Защитник поморщился. — Разве так ведут себя благородные дамы за столом.

— Это я то благородная дама?! — час от часу не легче подумала Кира.

— Ты, Киррана тин Даррен. Если я не ошибаюсь, приставка «тин» перед фамилией дается только тем родам, которым сам Великий князь пожаловал дворянство.

— Но ведь Князь младше деда, а Махаррон и тогда уже был тин Дарреном.

— Глупышка, — вновь улыбнулся Пасита, — до нынешнего Князя был ведь и другой.

Пасита ещё много интересного поведал Кире и даже проводил до дома, хотя она и отказывалась от такой чести, как могла. По улице шла и чувствовала, как иголками колют взгляды из-за каждой подворотни и занавески.

У калитки Пасита остановился и взял, Киру за руки, заставив напрячься.

— Завтра праздник, ты готовишься?

— Да... как обычно, — Кира постаралась ответить неопределенно.

— Я не знаю, что для тебя значит «как обычно», — не дал схитрить Защитник, — но ты должна там быть.

— Зачем? — Кира попыталась отнять руки, но Пасита сжал сильнее.

— Скажем так: на одну ночь я хочу забыть, что я Защитник в ранге, и просто побегать по лесу, как деревенский мальчишка. Понимаешь, я этого никогда не делал раньше, — почти не слукавил он.

— А я-то тут причем? Там и без меня будет полно девушек. Но не забудь, ты обещал никого не трогать! — поспешила напомнить Кира, понимая что про других девушек ляпнула зря.

В душе воцарилось странное смущение. Сегодня Защитник предстал перед ней совсем в ином свете, и в голове все перевернулось. Не было до конца понятно, хороший он или плохой? Или просто так сложились обстоятельства? Хотя все инстинкты не прекращая вопили об опасности, а они обычно не подводили охотницу.

— Бегать я планирую только за тобой. Вон и песню выучил ради такого дела, — Пасита обезоруживающе, в который сегодня уже раз, улыбнулся.

— За мной? — удивлению Киры не было предела.

— Ага. Скажем, мной движет чисто охотничий азарт. Убежишь — считай, повезло.

Не сумеешь, я получу законный поцелуй. Ничего кроме. Согласна?

Кира нехотя кивнула.

— Иди домой, мать ждет.

На крыльце и правда стояла Анасташа.

Глава 15

— Да что же это такое творится! — Анасташа, схватив Киру за руку, практически заволокла внутрь избы.

— Мама! — возмутилась та, удивленная таким поступком. — Право слово, как в детстве!

— Ты в своем уме?! — орала Анасташа. — Мало того, что сначала таскаешься с тремя мужиками неизвестно куда, возвращаешься едва живая. Я уже не говорю про тот раз, когда тебя принес Лютобор. Сплетен за спиной мне и так хватает. Наговорились уже за всю жизнь, но это ни в какие ворота не лезет! Завтра же отправлю тебя в Вороньи гнезда к тетке!

— Мама, да что случилось-то?

— Она ещё спрашивает! Нет вы только посмотрите!

— Мама!

— Вся деревня знает, как охотница Кира, приемная дочь Анасташа — небывалое дело — напялила сарафан. А потом её ещё и Защитник до дома провожает. Да кто!

Пасита, сын сартогской шлюхи, будь он неладен!

— Мама, ты стала слишком много ругаться, — Кира старалась говорить спокойно.

— Что ты сказала? Ох! Она ещё смеет матери дерзить! Общение с Защитником не идет тебе на пользу.

— Зато тебе в свое время очень пошло! — не выдержала Кира несправедливых обвинений, да ещё и не известно за что.

Анасташа на миг замерла, задохнувшись от такого намека.

— Надо было строже с тобой. Как же это я так проглядела-то, а? Зря, видать, на Каррона надеялась. Помогите нам Киалана, что выросло-то? Я же в ней души не чаяла!

Все для любимого дитяти, всю любовь за двоих отдавала...

Кира не выдержала и выскочила на двор, не желая слушать злых слов. В голове звенел материнский голос. Грудь щемило, не давая вдохнуть. Охотница обошла дом и со второй попытки влезла в окно. Проклятый сарафан! Сорвала ненавистную одежду и бросила на пол, испытав легкое чувство вины. Быстро натянула охотничий наряд, пытаюсь не слушать, как на крыльце что-то обвинительное кричит Анасташа. Тихо вылезла тем же путем наружу и побежала в сторону овинов, скрываясь за изгородью.

Дороги она почти не видела — то слёзы застили глаза.

За свои девятнадцать зим Кира ни разу не поругалась с матерью серьёзно.

Детские обиды не в счет. Что же сейчас произошло? Как вообще это могло случиться? И главное: из-за чего?

Добравшись до овинов, Кира проскользнула внутрь одного из них. Там забралась наверх, и свернулась калачиком на старой соломе, рыдая взахлеб, как в детстве. Через некоторое время слёзы кончились, и она долго лежала, вдыхая запах нагретого за день дерева и наблюдая сквозь щели, как постепенно заходит солнце.

Потом — как на пока ещё светлом небе появляются первые звезды. Наступила летняя теплая ночь, но домой идти совсем не хотелось. На душе было пусто.

Сначала умер отец. Ушёл. Просто так взял, и его не стало. Никто не понял, почему же это произошло, ведь обычно Защитники редко болеют и живут долго.

Потом уехал единственный друг Микор. С девчонками у неё не складывалось.

Нет, она ни с кем не враждовала, но и общих тем для разговора находилось не много: поздороваться, да про дела спросить. Девчонки-то что? Они все про парней, да про наряды. А она все больше о звериных повадках, да про то, как лучше сбить противника с ног, или грамотней затаиться в лесу или на поле... Кому это интересно слушать? Да и сплетен Кира не любила и в рукоделиях была не сильна. Люди её странной считают, хотя и привыкли. Одевается не так. Приемьш. Драчунья. Охотница. Кто поглупее, так вообще подкидышем из Излома дразнил, но это уже и забылось — Каррон быстро осадил пустословов.

А теперь вот и мать взбеленилась. Ну что ей-то поделатъ, если Защитнику нейдетъ? Он ведь не добровольно, так силой заставит. Неужели всем будет легче, если её поволокут к дому на площади за волосы? Разве мама будет такому рада? На этой мысли снова хлынули слёзы.

Пасита. Чего он пристал? Нет. Не смотря на сладкие речи, Кира не забыла презрительное выражение лица, свист плетей... Помнила, как убили ни в чем не повинного Волчка... Помнила, как они с Микором снимали со столбов полуживых парней и доставляли тайно к Матрене... Помнила Глафиру, крадущуюся в ночи с лихорадочным блеском в глазах... Помнила безумный взгляд Аханнки...

Да. Сегодня Пасита, будто бы и не он вовсе, а кто другой. И про *силу* эту столько талдычил, а все одно — будто соблазнял. Да только не нужна ей никакая *сила*! Ясно, как день — от неё одни проблемы.

Нет! Домой идти точно нельзя. Как говорил Защитник: когда эмоции нахлынут, можно чего угодно ожидать. А вдруг она уснет и спалит дом? Или наоборот — заморозит? Кира села и осмотрелась. Сжечь случайно овины и сеновал тоже будет нехорошо, охотница вздохнула и спрыгнула вниз.

* * *

Кира проснулась от того, что её кто-то гладил по плечу. Воспаленный разум подумал о плохом, и она резко вскочила, выхватывая нож.

— Тише, дочка! — на неё смотрела побледневшая Анасташа, — Ужель я тебя вчера так допекла, что ты меня готова убить?

Мама! — с укоризной вскрикнула Кира, возвращая нож на место.

Села обратно и неожиданно расплакалась, спрятав лицо в ладонях.

— Тише, тише, — Анасташа осторожно потянулась. Обняла, чувствуя, как напряжена спина дочери, — А ты чего это придумала тут спать? Камни у воды не лучшая постель. Так и простудится недолго.

— Чай не зима, — буркнула Кира, выворачиваясь из объятий. С обидой посмотрела на мать и принялась раздеваться. Что же в голове так горячо? Вода должна охладит пыл.

— Прости, дочка. Не знаю, что на меня вчера нашло... Разозлилась люто, увидев тебя с извергом рядом. Показалось на миг, что было бы даже легче, если бы насильно заставлял, а так... Знаю, сердцу не прикажешь, — Анасташа тяжело вздохнула. Горечь исказила её прекрасное лицо, — Да и Пасита мужчина видный. Знатен, если бы ещё не был Защитником... Опять же, обликом хорош, но... Наверное, и моя кровь тут виновата...

— Мама, стой, — Кира, как есть, без ничего уже по колени вошла в воду, но обернулась, — ты сейчас о чем рассказываешь? Ты думаешь, что я влюбилась в Паситу? — ещё

не получив ответа на вопрос, прочитала его у матери в глазах. — Да ты что? Все не так! Совсем не так! Да я тебе все расскажу, ты погоди. Охладится мне надо.

Кира привычно разбежалась и нырнула. Купание принесло облегчение, освежив не только тело, но и мысли. Охотница вышла на берег и села на плоский камень. Не торопясь начинать разговор, отжала волосы, принялась заплетать косы.

— Ты почему здесь спала, а не дома? — спросила Анасташа.

— Боялась избу спалить.

— Чего? — в глазах матери отразилось глубочайшее недоумение.

— Мам, я — Защитница.

— Киалана Заступница, помоги! Моя дочь повредилась умом.

— Так Пасита сказал, — не обращая внимания на слова матери, продолжила Кира.

— Со мной тогда что-то произошло. В тот самый раз, когда Люта с Ламитой меня нашли здесь. Мордан рассказал про это Пасте, и они решили, что я вошла в боевой транс, как Защитник.

— Что?! — Анасташа не поняла и половины сказанного.

— Боевой транс — это состояние, в которое входят Защитники, призывая *силу*.

Пасита сказал, что у меня эта самая *сила* есть, а дед и отец скрыли это от Ордена, но больше так нельзя. И ещё — я могу нечаянно спалить избу...

— Врет твой Пасита, как сивый мерин! Голову хочет вскружить! Сказки рассказывает.

— Да зачем ему врать? — устало проговорила Кира. — Он, что захочет берет. Хотя...

Может это потому, что я — тин Даррен? — произнесенное с трудом имя непривычно резало слух. Кире казалось, что это кто-то другой. Не она. Не о себе говорит. — Опять же, деревенских не обижать пообещал, пока я к нему прихожу и делаю, что велит. И ведь седмица, как спокойно. Верно? — Кира подняла глаза.

— Народ-то решил, к празднику Киаланы смягчился изверг, богиню боится гневить... — Анасташа украдкой взглянула на дочь и снова уставилась вдаль.

— Ага, а плата за то — мои бока и голова...

— Дочка! — мать порывисто обняла Киру, будто пытаясь закрыть, защитить.

— А вчера, — продолжала Кира тем же самым ровным тоном, не смотря на то, что её голова покоилась на материнской груди, — Пасита был совсем другой... Будто подменил кто. Вежливый, обходительный. Но приказал сегодня вечером быть на празднике среди остальных. Целоваться со мной хочет... — Кира чуть смутилась, — Наверное, ты права, — она подняла голову и горестно вздохнула, внезапно осознав, как все выглядело со стороны: Пасита улыбается, ведет её под локоток до самой избы, потом за руки держит...

Анасташа встала и спустилась к воде. Умыла лицо, чуть тронутое в уголках глаз сетью морщин.

— А ещё сказал, — продолжила Кира, — мне непременно надо учиться, и что он увезет меня в Орден, иначе сила рано или поздно вырвется на волю, и тогда быть беде.

* * *

— Пасита, так что? Сегодня девок снова трогать нельзя? — Мордан стоял посреди комнаты и насуплено смотрел на Защитника, завязывая на талии широкий бордовый пояс с длинными кистями.

Защитник с утра прямо-таки лучился. Предвкушение, порой, слаще всего прочего бывает.

— С чего ты взял? — он широко улыбнулся и отхлебнул вина. — Это же ночь Киаланы. Кого поймаешь, та и твоя. Богиня одобрит, — он весело рассмеялся и отсалютовал кубком. Через мгновение к нему присоединились и братья.

— Идемте.

По берегу Широкой со смехом носились девушки, головы которых украшали венки, и парни, подпоясанные красными кушаками. Это те, кто ещё не обрел семейный очаг. Те, кто скоро побежит в лес исполнять обряд во славу Киаланы. Все смеялись играли, брызгались речной водой, что-то жевали, черпали из больших корчаг расставленных тут и там. Пили: кто пиво, кто мед, а кто подслащенную воду. На берегу горели костры, освещая все вокруг ярким пламенем. Замужние женщины то и дело подбрасывали ароматные травы, отгоняя духов, выбравшихся из Излома на шум, чтобы посмотреть, что же здесь такое твориться.

Кира сидела чуть поодаль на бревне и по давней привычке жевала травинку, доплетая свой венок. У ног лежал целый ворох полевых цветов, все синие: васильки, аконит, синий лен.

Вернувшись домой, охотница случайно уснула — сказались ночевка на камнях и тяжкие думы. Анасташа не стала её будить, позволив выспаться, насколько возможно.

Ведь следующую ночь полагалось провести без сна. Вот и запоздала Кира с венком немного. Не страшно. Веселиться все равно настроения нет, что-то не до того.

Со вздохом протянула руку, так и не решаясь добавить дубовый лист. Что означало бы — желание привлечь сильного мужчину. Такого, кто сможет защитить.

Крапиву же выбирали те, кому хотелось покладистого и стоворчивого спутника жизни.

Кира долго не могла решить, что нужно именно ей. Даже хотела оставить венок просто из цветов, так поступали, когда полностью полагались на волю богини. Внезапно нахлынула тоска по другу. Сколько праздников подряд они вот так же, как и остальные, наслаждались жизнью, объедаясь сладкими пирожками с малиной и ежевикой.

Впервые Кира всерьез задумалась о том, что у неё до сих пор нет жениха.

Раньше он ей как-то и не был нужен. Да и мать не давила, не спешила сплавить дочку из дома. А теперь? Все чаще накатывали странные непривычные чувства. Или это легкая зависть? Если то, щемящее душу ощущение, возникающее когда видит, скажем, Ламиту с Лютобором, зависть и есть? Хорошо, наверное, вот так прижаться к широкой груди, и не думать ни о чем...

Так дуб или крапива? Надо быть честной перед богиней. Кира решила и вплела дубовые листья. Пусть случится чудо, и друг окажется рядом. Пусть уже Микор вернется, выйдет навстречу по лесной тропинке, стянет свой кушак и набросит ей на талию, притянет к себе. Усмехнется с хитринкой и ляпнет какую-нибудь колкость. Да пускай, хоть и про репу... А потом сорвет поцелуй. Да не так, как обычно, а такой вот — жаркий, как тогда в избе, перед уходом, чтобы было даже немного больно...

Её окликнули, и охотница подняла голову.

Перед ней стояли Федул и Егорша — старые приятели Микора, а с ними ещё несколько парней помладше:

— Ты что это здесь делаешь?

— Венок плету. Или не видишь? — Кира продолжила заниматься своим делом.

У них с Федунькой, когда-то ещё в незапамятные времена, образовалась взаимная

неприязнь. Как и большинство, он полагали, что девке с Защитником тренироваться не след, и даже пригрозить попытался. Но особенно крепко все в этом уверились, после того, как она ему и Егорше по разу бока намяла. С тех пор и задирались, но теперь все больше издалека. Микор же только посмеивался, но не лез.

— Но ведь Микора тут нет, — как-то холодно и серьёзно ответил Федул.

— И что с того?

— Микора тут нет, — с нажимом повторил парень, — зачем тебе венки?

— Да ещё и с дубовым листом! — в голосе Егорши прозвучала праведное возмущение.

Кира вдруг разозлилась. Не столько словам, сколько не понравилось ей выражение лиц у парней. Хмурые, будто бы и не праздник вовсе.

— А вам вообще чего надо-то? — она нахлобучила на голову законченный венки, поправила распущенные, чуть волнящиеся, волосы и поднялась. — Идите к своим.

Девчонки, небось, заскучали без вас. Того и гляди — другие уведут.

— Наших не уведешь. Они не такие, как некоторые, — Егорша окатил её презрением с ног до головы. Кира даже внутренне вздрогнула от его взгляда.

— Шла бы ты, охотница, домой подобру-поздорову, — внезапно выдал Федул.

— А ты, Федунька, когда это такой храбрый стал? — взъярилась Кира, делая шаг навстречу. — Или решил, коли я теперь в сарафане, так и управы на тебя не найду?

— А почто ты такая сильно смелая? С чего бы?

Федул не пошевелился и не сошёл с места. Он уже вырос и ничуть не напоминал того худенького, вечно боящегося всего и вся мальчика.

— Да она ж теперь с Паситой, чего бы ей тебя бояться? — выкрикнул кто-то из-за спины, но Кира не разобрала, чей это был голос.

— Чего болтаешь? — она даже растерялась от такого заявления.

— Да видели все, как он тебя домой провожал. Ты с ним милуешься, только потому что он первый, кто тебя побить смог? Так можешь особо не гордиться.

Остальные просто не дерутся с девчонками, — Федул снова скривился.

— Да и Микор бил, но ему-то ты все равно отказала.

— Наверное, в полсилы бил, или мы чего-то не знаем? — Егорша многозначительно посмотрел на глумливо хихикающих товарищей.

— Защитник, знамо дело, крепче бьет! — добавил снова голос балагура, прячущегося за спины остальных.

Парни зло расхохотались, и Кира поняла, что ребятам мед, да пиво горячат кровь. А иначе, чем объяснить недобрые речи, да ещё в такой вечер, как сегодня?

— А ежели мы тебя все вместе поколотим, ты с каждым станешь миловаться? — не унимались насмешники.

— Убирайся, Федул, не доводи до греха! — Кира, сжала кулаки и глубоко вдохнула, пытаясь успокоиться. Негоже в праздник затевать драку. А ну случайно спалит кого, как пугал Пасита?

— А и правда, иди-ка своей дорогой, Федул. Я с тобою позже побеседую.

Никто не заметил, как сзади подошёл Лютобор. Строго посмотрел на каждого охальника и встал рядом с Кирой. По другую руку возникла Ламита и взяла охотницу под локоть, поглаживая по плечу, успокаивая.

— Люта, а ты что же? На её стороне? — Федул явно удивился, ведь Микор никогда не дружил с Лютобором, но встал на защиту его недостойной подруги.

— Ну уж точно не на вашей.

— Люта, ты хотя Микору другом и не был, ужели одобряешь, как она поступает?

— Да и ты, похоже, Микору не друг. Иди своей дорогой и не попадайся мне сегодня боле. Не стерплю!

Парни нехотя отошли в сторону.

— Не обращай внимания. Это Глафира их завела, — шепнула Ламита.

— Глафира? — удивилась Кира. — Она-то тут причем?

— Полюбила она Паситу, не смотря ни на что. Даже про Микора думать забыла. А тут его с тобой увидала, разозлилась — оба ведь около тебя крутятся, — Ламита произнесла это каким-то извиняющимся тоном. — Обозлилась она и ну языком трепать.

Вот ребят и раззадорила. Ты же знаешь, язычок-то у Глашки острый.

— Киалана Заступница, — вздохнула Кира, — вот только этого ещё мне не хватало.

Да я, и правда, с радостью бы ушла, если бы можно было! — взгляд непроизвольно скользнул по берегу, отыскивая среди гуляющих знакомую фигуру. Хвала богам, Паситы нигде не было видно.

— Выпей меду, и идем веселиться. Нет у тебя такого права — в ночь Киаланы грустить! — Ламита потянула Киру к ближайшей корчаге. Сама наполнила чарку, подала.

— Малиновый особенно удался.

Щёки девушки алели, даже в сумерках видно было, что она и сама уже отведала меду. Жметя к Лютобору, как ласковая кошечка — приятно посмотреть.

— Твоя правда!

Кира не стала противиться, залпом осушила чарку, надкусила сладкий пирожок, который протянул ей Лютобор.

* * *

Как только на небе появилась первая звезда, все неженатые парни потихоньку пропали. Впрочем, ушли они недалеко. Поднялись на дальний холм, где в дубовой роще на священной поляне возвышалась статуя Керуна. Мужчины собрались в полукруг, готовясь к действию, вознося вполголоса молитвы богу-воину. Потом молодежь отправится на берег к девчонкам. Прочие, подобрав остатки праздничного ужина и неспешно болтая, разбредутся по домам.

Во главе мужской братии сегодня был не кто иной, как Защитник Пасита. Именно ему была отведена честь вести обряд. Впрочем, обряды служения Керуну он знал хорошо. Никто и разницы особой не заметил: что Каррон Защитник, что Пасита — благодать снизошла на всех.

Передавалась из рук в руки ритуальная чаша, произносились положенные слова.

Каждый мысленно просил что-то свое: кто удачи в охоте, кто мужской силы, кто богатого урожая, а кто и хорошую жену, да побольше деток.

— Сегодняшняя ночь одними поцелуями не ограничится, — усмехнулся Мордан, передавая чашу брату.

— Сколько добавил? — тихо спросил Харила.

— Тройную дозу, — хихикнул старший тин Шноббер.

Чаша вернулась к Пасите, и он поставил её у ног каменной статуи, а затем одним лишь взглядом разжег огонь, сложенного подле костра.

— Слався Керун! Мы — твои сыновья! — провозгласил он.

— Кер-р-ра! — отозвалось пять десятков глоток.

Пасита запел. Голос Защитника был мелодичен и чист. Беленая простая рубаха подпоясанная широким кушаком, шли ему не хуже всех тех дорогих нарядов, к которым он так привык в столице. Коротко стриженные волосы уже немного отросли, а на щеках красовалась легкая щетина. Небывалое дело!

Интонации стали грозными, деревенские парни с охотой вторили, повторяя слова ритуальной песни. «Кер-р-ра!» — похожий на рык, боевой клич, услышали даже ожидающие на берегу девушки. Мало у какой из них по рукам не побежали мурашки, столько первобытной мощи прозвучало в нем. Это была и угроза, и обещание, и своего рода сигнал.

Ратмара, самая старшая из незамужних девок, повернулась к остальным.

Скороговоркой с переливами запела. Её звонкий голос разнесся далеко над водой.

Трелью откликнулись ночные птицы — добрый знак. Киалана слышит. К ней постепенно присоединялись и другие. Пели нарочно не в лад, но от того только ещё лучше выходило. Песня славилась природу, созидание, женское начало, несла в себе скрытую между строк мольбу о здоровье, надёжном спутнике, легких родах и мире. Девушки взялись за руки и медленно направились друг за другом, постепенно сомкнувшись в кольцо хоровода.

Сумерки сгустились, и многочисленные костры залили берег Широкой золотым светом. Плавно двигались девы в беленых, расшитых по подолу цветами, сарафанах с распущенными волосами и венками на головах. Под ногами, вторя им, плясали тени, а за всем этим наблюдали многочисленные звезды во главе с полную луною.

Хоровод разомкнулся и, извиваясь, вполз на ближайший холм. Туда же из рощи, что находилась на соседнем, уже поднималась цепочка парней. Шли они широкими шагами, развернув плечи, высоко подняв головы. Шли найти и забрать свое, как воины древности когда-то. Шли, и летела впереди них песня. Вскоре мужские и женские голоса переплелись в шуточной подначке-перебранке, где куплетом на куплет отвечать принято.

Кире казалось, будто она во сне, или же в том самом трансе, о котором говорил Защитник, и вот-вот потеряет себя. Голоса будто отдалились, происходящее завораживало и немного пугало, до шума в ушах. Может это из-за меда, что без счета чарок ей подносила Ламита, пытаясь прогнать тоску, развеселить? А может дело вовсе в том, что она мало ела? Стоящие напротив парни выглядели, как на подбор. Хотелось смотреть на них во все глаза, подойти, обнять каждого, поцеловать... А и забыл, верно, она уже, как недавно зло говорил Федунька?

Сердиться отчего-то расхотелось — в ночь Киаланы полагалось быть счастливой.

На душе стало легко и немного тоскливо и от этого мечтательная улыбка сама собой озарило лицо. Внезапно Кира столкнулась с одобрителем взглядом Паситы.

Защитник смотрел, не отводя от неё жадных глаз. Смотрел с предвкушением, как кот на сметану. Ощущение минутного счастья исчезло, на смену пришла тревога, и мир будто прояснился, скинув пелену странного очарования.

Пропели про ястреба и горлинку. Кира, погрузившись в свои мысли, все пропустила, и лишь по визгу, да рассыпающимся в стороны девчонкам поняла, что пора бежать, но ещё несколько мгновений не могла заставить себя сдвинуться с места, будто прикованная.

Вид бегущих навстречу парней, глаза которых сверкали азартом, привел в чувство, и Кира легконогой косулей сорвалась с места, без труда настигнув самых медлительных. Она неслась не оборачиваясь, обходя непривычных к долгому бегу девчонок одну за другой,

неслась так, будто за ней гонятся все твари Излома. Надо же, а раньше шла бы себе не спеша, поддразнивая Микора и наблюдая, как не вокруг снуют другие парни, делая вид будто бы её и нет.

К лесу Кира добралась первой, даром что трава и камешки кололи босые ноги, а сарафан путался, грозя повалить на землю. Куда дальше? Или надо бы спрятаться? За всеми переживаниями продумать этот момент она попросту забыла. А скорее, по привычке, не посчитала нужным.

«А может измазать лицо грязью, да затаиться?» — да только вот не потайной костюм на ней, а заботливо вышитый матерью сарафан. Его и пачкать жалко. «Или, может, на березу влезть?» — эту мысль прогнала сразу. То-то будет потеха, если кто-нибудь увидит. Хотя, чего она так испугалась? Отчего колотится в груди сердце? Или все из-за слов Федула? Или же она попросту боится столкнуться с Паситой?

Лес наполнился криками и смехом, но все звуки пока доносились от опушки.

Похоже, парни уже рядом. Догнали. Ищут, ловят. Для прочих начиналось самое интересное. Кира направилась дальше, углубляясь в лес. К утру все девушки должны будут собраться у купален. Можно засесть неподалёку и выждать, пока закончится праздник, хорошо если ещё и вздремнуть удастся. Решено.

Кира, теперь особо не спеша — тут пока ещё безопасно, направилась по знакомой тропинке, обратив внимание, что шум и крики «загонщиков» сместились немного влево, как раз в противоположную от купален сторону. Правильно. Девчонки тоже веселились, показываясь преследователям из-за деревьев, дразня, завлекая и совершенно не торопясь идти к месту сбора. Да и нечего там пока делать.

Близко хрустнула ветка. Кира мгновенно юркнула за ствол ближайшего дерева, коим оказалась старая береза. Толстая, с могучими корнями, между которых образовалась ямка, в неё-то она и спряталась, пригнувшись и затаив дыхание. Впрочем, беспокойство было напрасным. Из-за деревьев появилась Ламита. Она залилась звонким счастливым смехом и шутливо прыгнула в сторону, убегая. Следом с кушаком наготове шёл Лютобор.

— Попалась!

Смех резко оборвался, когда парень набросив пояс девушке на талию, притянул к себе. Ламита развернулась, шагнула навстречу, положив руки любимому на грудь.

Откинула голову, не отводя взгляда. Кира не разобрала, что именно она шептала, но увидела блестящие в темноте глаза Лютобора. Он почти зарычал, подхватывая невесту на руки, а та и не думала противиться. Напротив плотнее прижалась. Парень отпустил её на землю как раз рядом с укрытием, где притаилась охотница. Впился в пухлые, сладкие от выпитого меда губы Ламиты поцелуем собственника. Двинулся, вынуждая отступить, и прижал любимую спиной к дереву.

Теперь Кира четко слышала не предназначенные для чужих ушей слова, произносимые приглушенным шепотом, и горячее, будто после быстрого бега, дыхание. То и дело из-за ствола мелькали то край подола, под который рвались жадные руки, то обнаженная нога, бесстыдно обвивающая мужское тело.

Кира почувствовала себя жутко неловко, даже лицо загорелось. Что же делать? Показать? Да ни за что! Надо незаметно убираться отсюда. Она стала осторожно отползать, чтобы ни одна веточка не хрустнула, выдавая её присутствие. Подол сарафана, будто нарочно, старался за что-нибудь зацепиться, и Кира попросту собрала его в кулак, чтобы не мешал. Впрочем, зря она беспокоилась. Влюблённые, увлеченные друг другом, не

обратили на неё никакого внимания, огласив окрестности страстными стонами.

Немного удалившись в сторону, Кира остановилась и прислушалась. В лесу стало значительно тише, видать парочки уже нашли друг друга и разбрелись по уединенным местам. Теперь лишь изредка раздавался девичий визг или смех. Все, как всегда. Кира вздохнула. Нет, она знала, что происходит между мужчиной и женщиной, но все образы ограничивались свадебным обрядом, после которого чета торжественно, под одобрительные выкрики гостей, уходит в опочивальню. Жених обычно горд, невеста краснеет и прячет взор. Но то, что она видела сейчас... Это другое. Она и не представляла, что это может быть вот так яростно и жарко... Теперь вдвойне смешно вспоминать их с Микором шуточные поцелуи, казавшиеся ей верхом неприличия.

Микор. Хорошо бы он оказался здесь, и все стало бы, как раньше... Они побежали бы по лесу, дурачась и смеясь, и не было бы в её голове места всем этим грустным мыслям...

Задумавшись, Кира совершенно потеряла бдительность, а потому не заметила, как позади на тропинке бесшумно выросла коренастая фигура.

Глаза мягко закрыл чей-то кушак.

— Микор! — почти поверив в чудо, радостно воскликнула Кира, остолбенев от неожиданности.

— Не-ет, — вкрадчиво произнёс голос Мордана, а кушак переместился на горло и затянулся так, что она едва могла дышать. — Попалась! — зло прошипел он в самое ухо, обдав тяжелым запахом перегара. — И кто теперь охотник? — он дернул пояс, вверх, вынуждая подняться на носочки и крепко вцепиться руками в бордовую тряпку.

— П... Пасита... — едва смогла прохрипеть, пытаюсь бороться.

— Ты же называла другое имя? — деланно удивился бугай.

Кира не ответила, в панике пытаясь освободиться от удавки. Перед глазами уже расплывались цветные круги, ещё чуть-чуть и она потеряет сознание.

Похоже, это и случилось, а может причиной стал внезапный удар головой об ствол дерева, Кира точно не поняла, но, открыв глаза, обнаружила, что лежит на спине, а руки связаны вместе за стволом молодой березы все тем же самым кушаком-удавкой.

Сверху на неё навалился Мордан, судя по всему изрядно пьяный. Увидев, что она открыла глаза, он, гнусно ухмыльнувшись, задрал подол сарафана. Коленом бесцеремонно раздвинул ей ноги, и, пыхтя, и грязно ругаясь, принялся сражаться с завязками на штанах, которые в спешке умудрился затянуть на крепкий узел.

— А — а — а — а! — закричала, забилась Кира, — Пусти! Не тронь! Спалю! Пасита а! — завизжала она, как никогда надеясь, что и правда обладает *силой*. Или что Защитник услышит. А кто кроме него ей смог бы сейчас помочь? Выгнувшись в дугу, она умудрилась ударить Мордана коленом.

— Ах ты, сартогская сука! — замахнулся было насильник.

Киррана зажмурилась в ожидании удара пудовым кулаком. Страшно! После того боя у купален ей было страшно по-настоящему. Теперь она здраво оценивала свои силы. Да и многое ли можно сделать со связанными над головой руками?

Удара так и не последовало. Да и сам бугай, тихо охнув, куда-то делся, напоследок больно ударив по бедру. Что-то тяжелое упало справа. Кира скосила глаза, Мордан поднимался с земли с полным ярости взглядом.

— Уймись, идиот! — голос Паситы звучал с угрозой. — Тебе кто позволил?

— Ты! — огрызнулся тот.

— Что-то я такого не припомню.

— Сам сказал, что девок трогать можно, если кого поймаю. Я — поймал!

— Я не говорил, что можно трогать эту! Думал, вам — идиотам, и так это должно быть ясно. Завтра же убирайтесь, чтобы я ваши рожи в своей деревне больше не видел! — глаза Защитника вспыхнули красным, что в темноте выглядело более, чем зловеще.

— Ты ещё об этом пожалеешь!

— Тин Шноббер, ты вздумал мне угрожать? — не голос — рычание.

— Ну что-ты! Как можно? — Мордан чуть поклонился, развернулся и, пошатываясь, скрылся среди деревьев.

Пасита подошёл к связанной Кире. Моргнул, потушив пламя в глазах. Походя одернул подол сарафана, и, вынув из-за голенища нож, разрезал пояс. Протянул руку, помогая встать. Кира, была не в себе от произошедшего, потому без задней мысли приняла помощь.

— Попалась! — улыбнулся Пасита и прижал к себе. Кира, напряглась, упершись ладонями мужчине в грудь, и попросила:

— Пожалуйста, не надо, — прозвучало довольно жалко.

— А как же моя награда? Лишь поцелуй. Должно отдать дань богине.

Кира сглотнула. Сейчас ей меньше всего хотелось целоваться. скорее бы оказаться у купален. Там люди. Там к ней никто не станет больше приставать. Родной исхоженный вдоль и поперек лес, начал казаться враждебным.

— Ну так как? — Пасита ничего не предпринимал. Лишь выжидательно смотрел, впрочем, не выпуская её из рук. — Или я тоже могу забыть об обещаниях? — он нехорошо прищурился.

Кира не ответила, просто закрыла глаза, подняв лицо. Сейчас. Нужно ещё немного потерпеть, и все закончится. Пасита крепче прижал к себе, тонкая ткань сарафана, в отличие от плотного охотничьего наряда, плохо защищала. Тело Защитника было неестественно горячим, она это слишком хорошо чувствовала. Или так и надо?

Пасита легонько прикоснулся к её губам, и она почувствовала слабый запах вина, того самого, что накануне пили за обедом. ещё пахло теплым, чисто вымытым телом, и ещё чем-то волнующим, от чего закружилась голова. Или это от удара об дерево?

Пасита не прекращал целовать, лишь прижимал все крепче и крепче. Нежность исчезла, остался один напор. Было жарко, как никогда. В ногах образовалась такая слабость, что если бы Защитник её не держал, то она бы точно упала. Кира ахнула, вздрогнув всем телом, когда язык ворвался внутрь её рта, попыталась оттолкнуть, но это у неё не получилось. Все равно что бороться со скалой. В животе все внезапно свернулось спиралью, заставив издать тихий стон, и вот уже её руки сами обвили шею Паситы. Кира не замечала, как жадные руки гладят её тело, или же просто не имела ничего против...

Внезапно все закончилось. Пасита сам её оттолкнул, хотя безумие и плескалось в стальных глазах.

— Ты выполнила обещание. Иди, — голос прозвучал хрипло и как-то странно.

Защитник тяжело дышал, будто загнанный зверь. Враз обессилев, даже оперся на дерево. Рывкнул:

— Иди же!

Кира отступила на несколько шагов, боясь отвести взгляд, будто от хищного зверя. Потом все же повернулась и поспешила к купальням. То и дело оглядываясь, до тех пор, пока фигура Паситы не скрылась за деревьями. Тело била крупная дрожь, её так не трясло ни

разу, казалось зубы клацают на весь лес.

Уже светало, когда она выбралась из леса и оказалась на тропе, ведущей к купальням. За первым поворотом путь преградила пятерка парней. Это были Федул, Егорша и остальная шайка. Похоже они, распрощавшись со своими девчонками, возвращались в деревню. Мужчинам у купален быть не след, тем более в такую ночь.

— Вы только посмотрите! — воскликнул Федул, указывая друзьям на Киру.

— А мы уж думали, она до обеда не вернется, после таких-то жарких объятий, — Егорша презрительно скривился. Не может быть! Их с Паситой кто-то видел. Это же просто кошмар!

— Егорша, ты ничего не замечаешь?

— Разве что слегка испорченный сарафан да «ожерелье страсти»?

Кира непроизвольно схватилась за горло. После того, как Мордан её душил, наверняка остались синяки, которые парни и приняли за нечто иное.

— А губы-то, губы! Гляди, как опухли.

— Завтра хватит одного взгляда, чтобы догадаться, что охотницу, наконец, кто-то догнал, — раздался новый взрыв хохота.

— Обязательно расскажу все Микору, когда тот вернется.

— Микор мне не жених! — огрызнулась Кира. Непривычные издевки злили и причиняли обиду.

— Теперь уже наверняка, после такой выходки.

— Да, Микор такое не спустит!

— Яблочко от яблони...

Федул не успел и моргнуть, как оказался на земле. Колено Киры уперлось в грудь.

— Что ты сказал?

Охотница почувствовала, как мутится в голове. Осознав, что это то самое состояние, о котором говорил Пасита, она испугалась. Поколотить обидчиков — это одно, а вот прибить насмерть?.. Нет, такого не надо.

Будто чтобы усилить эффект, поодаль в лесу над кронами деревьев с ревом вырвался столб пламени. Это немного отвлекло, и странное ощущение исчезло.

— Кира, я... — Федул что-то бормотал, остальные не лезли.

— Ты трус, Федунька! Решил, что без Микора я никто? Что ничего не стою? Ревнуешь, что он предпочитал дружить со мной? Я — лучший друг. Была раньше и впредь буду!

Кира тряхнула парня, напоследок приложив о землю, и поднялась. Остальные «храбрецы» посторонились, пропуская. Хмурыми взглядами буравили спину, а она, уходя, стащила надоевший до сартогских блох венок, который чудесным образом удержался на голове во время всех приключений и бросила на землю.

— Вот тебе и дубовый лист! Одни «сильные» мужики вокруг. Эту бы силу да в правильный воз запрячь...

Пасита смотрел вслед убегающей девчонке. И что это сейчас было? Поцелуй вышел далеко не таким невинным, даже для него самого, что странно. Но главное не это. Главное то, как вела себя *сила*. Внутри ревело и бушевало пламя, пытаюсь вырваться на волю. И он, похоже, не в силах его погасить. Не смотря на все старания не удается успокоиться, остыть, призвать силу мороза, чтобы компенсировать огонь. Все, на что сейчас хватает контроля, просто стоять на ногах и держаться.

«Держаться... Держаться...» — мантрой прокручивая в голове одно слово, Пасита медленно побрел, шатаясь, то и дело останавливаясь у деревьев, чтобы отдышаться и сделать новый шаг. По лицу текли струйки пота. Руки дрожали, на искусанных губах выступили бисеринки крови. Наконец, впереди показалась поляна. Не очень большая, но хотя бы что-то. Постояв на опушке, Защитник тяжело оттолкнулся от шершавого ствола и побрел к центру. Добравшись до середины, задрал голову к светлеющему небу и убрал все блоки...

* * *

— Тин Шноббер, ты кретин! Сартогская кобыла умнее тебя в четыре раза! — Пасита был крайне зол и почти перешёл на крик.

Братья жались на лавке, вздрагивая от каждого слова, тяжелым молотом обрушивающегося на головы. Хмель прошёл, и наступила закономерная расплата за невоздержанность в возлияниях. Вчерашний задор и прыть, тоже подрастерялись, Да ещё и вернувшийся Защитник совершенно не дал выпастись. Заявился как раз в тот момент, когда сладкий сон только смежил веки. Безжалостно разбудив пинками, принялся распекать:

— Это надо было додуматься подмешать во все питье «Страсть Киаланы»!

Сколько? — рыкнул он.

— Двойная доза, — пробурчал Мордан.

— Ты же говорил, что тройная? — удивился Харила.

— Заткнись придурок!

— Тройная? — у Паситы чуть глаза из орбит не полезли. — Керун-воин! Ты в своем уме?

— Мы просто хотели повеселиться, — оправдывался Мордан.

— А если бы я тебя спалил, тебе было бы достаточно весело? — зашипел Пасита. — У меня все блоки чуть не сорвало!

— Пасита, мы же не знали! — Харила выглядел особенно виновато, хотя идея принадлежала барту.

Внезапно Защитник засмеялся. До слёз, со всхлипами. Теряя силы, почти упал на лавку. Братья переглянулись, и Мордан шепнул:

— Кажется он того... С ума сбрендил.

— Что-то мне боязно, — ответил Харила и заерзал. утерев выступившие слёзы, Защитник резко успокоился:

— Меня другое удивляет. И как вам только в голову пришло этого зелья самим напиться? Это какими же тупыми надо быть? Вы хоть представляете последствия?

— Оно дорогое! — оправдываясь, возразил Харила. Пасита лишь бросил на него взгляд, как на безнадёжного и продолжил теперь уже тихо и зло:

— Если бы из-за вашего идиотизма девчонку хоть кто-то тронул. Не важно вы, — он выразительно посмотрел на Мордана, — или местные. Я бы спалил все это место, к сартогам! До тла. И начал бы именно с вас. Спалил, а потом ушёл бы за Излом.

Пасита и в страшном сне не мог представить, что его единственная надежда чуть не рухнула из-за глупости помощников.

— А я вообще тут не причём, — пробормотал обиженно Харила.

— В общем так. День вам на сборы и можете убираться на все четыре стороны. С такими помощниками врагов не надо.

— Вот и отлично! — подскочил внезапно осмелевший Мордан, в котором разыгралась фамильная гордость. — Все равно скука смертная. Ты только и можешь, что обещать. Зачем я вообще согласился поехать. Да ещё и брата с собой уволок!

— Ты все сказал тин Шноббер? — Пасита произнёс фразу холодным тоном, оценивающе глядя на бугая.

— Все, — Мордан встал и направился к выходу.

— Пасита, — пробасил вдруг младший тин Шноббер, даже не сделав попытки подняться, — можно я останусь?

— Что? — воскликнули Мордан и Защитник в один голос.

— Я не буду трогать девчонку. Да и не собирался. Я вообще никого больше не трону. Буду делать все, что скажешь. Не прогоняй меня, пожалуйста.

Пасита ничего не ответил, лишь раздраженно махнул рукой, приказывая братьям убраться из горницы. Когда те вывалились наружу, он тяжело опустился на лавку. Тройная доза! Это надо подумать! Сколько же заплатил тин Шноббер жрицам за целую бутылку? Вот почему сегодня так раскалывается голова, и дрожат руки. Он с самого начала подозревал, что это не обычное похмелье, а найденная в сенях пустая бутылка лишь подтвердила догадки. Идиоты даже не додумались сорвать этикетку, которую обычно привязывают жрицы на свои флаконы. По пути в деревню он то и дело наткнулся на предающиеся любви парочки. Жаркая же ночь Киаланы нынче выдалась в Золотых Орешках.

Выудив из закровов бутылку вина, Защитник налил себе кубок и снял с полки Книгу Излома. По какой-то причине его *сила* возросла. Кроме того наблюдался серьезный перекося баланса. Огненная структура теперь в несколько раз превосходила морозную, а этого допускать нельзя ни в коем случае. Чревато неожиданными срывами и внезапной потерей контроля. Вон как его из крайности в крайность бросает. Смутные подозрения усилились, неужели все дело в девчонке?

* * *

Братья тин Шноббер вышли наружу, прихватив в сенях заранее припасенную бутылку с медовухой, и расположились под яблоней позади дома.

— С чего это ты решил остаться?

— Брат, я влюбился. Кажется...

Мордан поперхнулся и прыснул прямо Хариле в лицо, но тот будто и не заметил, продолжая блаженно улыбаться.

— Ты умом повредился?! Хотя, откуда бы ему у тебя взяться? Отродясь не бывало. Твоя мать, верно, зачала со скамейкой, пока твой тупой папаша был в отъезде.

— Не смей так говорит про мою маму! — рыкнул угрожающе Харила, тут же растеряв все свое благодущие, и тряхнул брата за ворот. — И про отца тоже. Он, меж прочим, твой дядя!

— Ладно-ладно, успокойся. — Мордан решил, что не стоит ссориться. — И кто она?

— Не знаю, — на будто вырубленном из куска скалы и слепленном абы как лице расцвела мечтательная улыбка.

— И все-таки ты идиот.

— Не больший, чем некоторые. Даже я сообразил бы не трогать девку, кою Пасита себе присмотрел. Он такое никому не прощает.

— Я хотел отомстить!

— Отомстил?

Братья замолчали, каждый думая о своем.

— Чем планируешь заняться? — наконец задал вопрос Харила.

Мордан поморщился:

— Отец, небось, снова отправит следить за Болотным поместьем.

— Там же от скуки помереть можно. Мне хватило того лета, когда ты обманом уволок меня с собой. Ни девок, ни развлечений — одни старые клуши и комарье. Ни выпивки — погребка пусты, как душа сартога. Да ещё и прислуга родителям докладывает о каждом шаге. Нет. Я лучше здесь останусь. Уговорю как-нибудь Паситу.

— И все же ты тупица.

Харила неодобрительно покосился на брата, но промолчал. Он уже привык и давно устал обижаться. Вдруг он кое-что припомнил:

— А она сказала, что я умный. И сильный, — благостное выражение на дремучем лице Харилы выглядело неуместно.

— О, боги! Хотел бы я посмотреть на ту дуру, которая это сказала, — пробормотал себе под нос Мордан, стараясь, чтобы брат не расслышал. Рука у младшенького тин Шноббера тяжелая, а терпение не бесконечное.

— Чего? — насторожился тот.

— Какая она? — добавил Мордан громче. — Как, говорю, выглядит?

— Маленькая и хрупкая, — в голосе Харилы сквозила невиданная доселе нежность, — очень красивая. Она меня сама поцеловала, — глаза затуманились воспоминаниями.

— И ты её?.. — Мордан не стал договаривать, отметив, как стремительно меняется выражение лица кузена. — Молчу-молчу! Дела... Хари тин Шноббер встретил даму сердца.

— Шутишь? Шути, — в голосе Харилы явно проскользнуло самодовольство.

— Вот скажи мне, какой тогда от зелья толк? Зря только добро перевел, — посетовал Мордан.

Харила глумливо осклабился, что-то припомнив:

— А ведь я на парочки устал натекаться. Все равно, что в третьесортном столичном борделе картина, когда народ по углам жметя, ежели комнат на всех не хватает. Вздохи чуть ли не под каждым кустом. Весной детишек тьма народится...

Братья засмеялись.

— Сработала задумка, значит. Только вот мне с того толка?

— Меньше за охотницей надо было бегать.

— Ну а ты, как свою красотку-то встретил? — Мордан не хотел продолжать разговор об очередной неудаче, тем более что понимал — брат прав..

— Да она сама на тропу вышла. Сказала: «Попался!» Я растерялся даже сначала...

Мордан покосился на Харилу, всматриваясь в откровенно некрасивые черты и более чем внушительные габариты брата, поёжился мысленно и честно ответил:

— Я бы точно не рискнул. Скажи хотя бы имя?

— Я не знаю. Не спросил как-то.

— А волосы? Глаза? Ты её раньше в деревне встречал?

— В темноте не понял, какого цвета... Не знаю, видел ли? Красивая она...

— И все-таки ты глупый, — покачал головой старший тин Шноббер.

* * *

Кира, переменяв сарафан на домашнюю рубаху, заплетала косы, предварительно вычесав набившиеся ночью листья и прочий мусор — все же неловко в лесу с неприбранными волосами, когда в комнату вошла Анасташа.

— Кира, что случилось? — воскликнула она с ходу приметив синяки на шее. — И хватит уже через окно в избу лазать. Заколочу! — эту угрозу охотница слышала с тех пор, как ей миновало шесть зим, но мать только пугала. Из груди вырвался усталый вздох.

Теперь не отвертеться, придётся рассказывать. — Это снова Пасита? — продолжила тем временем Анасташа.

— Нет, Защитник на этот раз не причем. Кто-то накинул мне пояс на глаза, а я дёрнулась от неожиданности, споткнулась и упала. Кушак случайно соскользнул на горло и вот, — Кира не собиралась вдаваться в подробности, чтобы лишний раз не волновать мать. Синяки, оставленные пальцами Мордана на бедрах, тоже ни в коем разе никому нельзя показывать.

— Ой ли? — Анасташа явно не поверила. — И кто же это был, такой неосторожный?

— Я не видела. Да тут и Пасита как раз поблизости оказался. Прогнал незадачливого ухажера, а может тот сам испугался и сбежал. Я не успела понять.

— Пасита тебя точно не тронул?

— Лишь поцеловал и отпустил, — почти не соврала Кира, но воспоминания о жарком, выворачивающим наизнанку душу, поцелуе окрасили щёки. Она вспомнила, как неумело отвечала, поддавшись наваждению. О, Киалана! Неужели это ты одобрила такое? Неужели весь этот огонь — твоя воля? Нет, в это попросту нельзя поверить! Лучше впредь держаться от Защитника подальше, если бы это было возможно...

— Я принесу мазь. Там ещё осталось, Матрена давала с запасом, зная тебя.

Пока мать ходила, Кира быстро улеглась в постель, сегодня полагалось выспаться.

Деревня погрузилась в дрему, лишь куры деловито копались в пыли, влаивали потревоженные неведомо чем собаки, да раздавалось редкое ржание застоявшейся лошади. Наконец и Кира уснула.

Привиделась всякая глупость: вот она на руках у Паситы, бесстыдно прижимается к груди, как Ламита к Лютобору. Защитник наклоняется все ближе и ближе, впивается в губы страстным поцелуем, стискивая в объятьях все крепче, до тех пор пока не затрещали ребра. Кира пытается отстраниться, и вот уж вместо Защитника перед ней перекошенная рожа

Мордана. Тот, обдав пивным духом, выплевывает в лицо: «Попалась!» Руки сжимаются на горле. Кира хрипит, бьется в попытках освободиться, но вдруг обнаруживает, что не может пошевелить ни рукой, ни ногой, потому как полностью примотана к стволу березы невероятно длинным праздничным кушаком. За ней бесстрастно наблюдают Ламита и Люта, но не торопятся на помощь.

Вдруг раздается голос Каррона:

— Киррана тин Даррен, тебе никогда не стать Защитницей!

— Отец помощи, — кричит Кира, но тот превращается в Паситу и выпускает в неё поток ревущего пламени. Огонь больно обжигает, и из уст вырывается отчаянный крик.

Кира проснулась. Было душно, видимо сквозняком захлопнуло ставни. Тело горит. Подушка вся мокрая от пота, рубаха тоже. Не смотря на жар, стучат зубы, и очень хочется пить. Неужели она переборщила с малиновым медом?

Кира кое-как поднялась с постели. Распахнув окно, впустила в комнату свежий вечерний воздух, почувствовав, как сразу становится легче. Переодев рубаху, натянула чистый сарафан и вышла на двор. На душе было тревожно. Охотница направилась к колодцу, достала бадью ледяной воды, напилась вволю и умылась. Остатки понесла Туману. Лохматому псу в такую жару приходилось не сладко: «Надо бы его с привязи спустить. Засиделся бедняга».

Туман лежал, на боку возле будки и, похоже, спал.

— Ах ты засоня! — рассмеялась Кира, присаживаясь рядом. — Тебя так и кошки задерут, пока дрыхнешь, — она потрепала пса по голове, удивленная, что тот до сих пор не проснулся. Пес не пошевелился. — Туман! — нехорошее чувство подступило к горлу.

Морда пса была чем-то измазана, отчего слиплась шерсть, а глаза смотрели, не мигая. Мертвые глаза.

— Туман... — прошептала охотница, по щекам потекли горячие слёзы.

Шмыгая носом, посекундно вытирая набегающую влагу, охотница осмотрела землю вокруг на предмет следов. Те обнаружили на той стороне у плетня. Узкие отпечатки ног, обутых в сапожки — отчетливо видны углубления, где каблуки продавливали мягкую землю. А ведь большая часть деревенских в такую жару ходит босиком. Там же нашлись и куриные кости, несколько валялось и на пути к будке.

Откуда они взялись? Ведь Туманникогда не давали птицу. Ответ пришёл сразу: пса попросту отравили.

— Глафира! — не докричавшись, Кира отворила калитку.

— Нет её, раз не отзывается. Чего не понятно-то? — Апраксия попыталась преградить путь, но Кира аккуратно отодвинула женщину в сторону.

Сама Глашка тут же появилась на крыльце. ещё сонная и босая. Окинув Киру высокомерным взглядом, она презрительно усмехнулась.

— А я уж подумала разбойничает кто.

— Ты и разбойничаешь! Зачем отравила Тумана?

Пухлые, красиво очерченные губы расплылись в довольной улыбке:

— Это тебе за Паситу, — Глафира даже не думала скрывать злодеяние.

— Что ты такое говоришь?!

— Защитник — мой по праву!

— Защитник ничей! А ты — дура, если так решила.

— Думаешь, если твоя мать отхватила себе Каррона, то и ты имеешь право вставать мне

поперек дороги? Да только это меня деревня выбрала. Да и куда уж тебе? — многозначительно приподнятые брови намекали, что охотница недостаточно хороша для Защитника, или же вообще не достаточно хороша. Конечно, с точки зрения Глафиры.

— Одумайся!

— Ты забрала у меня Микора, — не унималась Глашка, — а теперь и Паситу хочешь отнять?! Не выйдет! — она зашипела разъяренной кошкой, спускаясь по ступеням навстречу. Красивое лицо зло кривилось, даже осанка стала угрожающей: — За это я отняла у тебя пса. Не уймешься, я — продолжу!

Внезапно Кира успокоилась, ярость ушла. Все что осталось — это жалость к потерявшейся девчонке.

— Послушай, Микор всегда мне был только другом. Не более. Если он на тебя и не смотрел, так в том не моя вина. Сердцу не прикажешь. Пасите я тоже нужна по иной причине. Поверь, я бы и рада не видеться с ним вовсе.

— Ты врешь! Мне все уже рассказали!

— Что хочешь, то и думай, — голос Киры звякнул металлом, — но если увижу тебя рядом со своим двором, или кто о том мне расскажет, за косу проволоку через всю деревню. Так и знай!

Кира повернулась и вышла на улицу, не обращая внимания на крики и угрозы возмущенных баб. На глаза снова навернулись слёзы: «Прощай, Туман, ты был верным другом...».

* * *

Пасита перелистнул страницу. Люто клонило в сон, как с ним частенько случалось, если приходилось много заниматься теорией. Очередной зевок, чуть не разорвал рот. Впрочем, два дня прошли не в пустую, ему все же кое-что удалось обнаружить.

После праздника Киаланы он много времени посвятил медитации на берегу Широкой. Близость воды способствовала укреплению энергетических потоков. Легче продвигалось строительство новой структуры, которая позволила компенсировать перекоп баланса сил в сторону огненной половины. Теперь, после всех затраченных усилий, он чувствовал себя вполне сносно. Все оставшееся время посвящал чтению и переводу Книги Излома. Даже брал её с собой. Прояснение, наступающее после медитации, способствовало лучшему пониманию информации. Среди прочего удалось обнаружить упоминание о слиянии и взаимном усилении мощи Защитников за счет объединения двух сфер силы в момент инициации.

Описание было весьма запутанным, и знаний Паситы не доставало, чтобы понять все тонкости ритуала. Надо срочно взять книгу в Орден, уж дядя точно сможет во всем разобраться, пока же стоит быть более осторожным. Не совсем ясно, что за слияние сфер имеется ввиду, да ещё в глаза раз за разом бросалось какое-то предупреждение, которое повторилось минимум трижды, но все что Пасита понял, сводилось к тому, что следует правильно просчитывать коэффициенты потенциалов. И то что ритуал возможно провести лишь однажды. Следовало уделить больше времени укреплению новой структуры, прежде чем приступать к тренировкам с Кирой, вдруг он случайно повлияет на её *силу*, запустив инициацию.

К вечеру третьего дня Пасита заскучал. Непрерывное штудирование набило оскомину. Раздражало и двоякое толкование рун, да витиеватые выражения, в которых было больше пустословия, чем смысла. Пасита устало отодвинул книгу в сторону и потер покрасневшие глаза. Надо бы проветриться, пока не закипели мозги. И хвала Керуну, что это лишь образное выражение не имеющее прямого отношения к его состоянию. *Сила* вторые сутки вела себя смиренно. Новая структура с двойными компенсационным потоками оказалась удачной идеей.

Перед глазами встал образ Махаррона. Крючковатый нос, недовольно кривящиеся губы, скрежещущий голос:

— Неплохо, тин Хорвейг, неплохо. Но можно было и лучше. Ваша основная ошибка...

Пасита усмехнулся: «Вспомнится же!».

Одолол зов природы, и Защитник встал из-за стола.

Мордан уехал ещё накануне, Харилы тоже нигде не было видно. Младший тин Шноббер вообще старался не попадаться на глаза лишней раз с тех пор, как упросил не прогонять его вместе с братом. Так что в сенях и на дворе никто не встретился.

Внезапно одолела какая-то безотчётная тревога, и Пасита, поддавшись предчувствию, вернулся в избу. Осмотрелся. Книга Излома лежала на столе, хотя он был уверен, что поставил её обратно на полку. Может запомнил?

Тревога не отпускала, а Пасита привык доверять своим ощущениям. Первый раз за всё время он побоялся отставить книгу без присмотра. Опять же, тин Шнобберы знают, что она представляет большую ценность. Вдруг Мордан подговорил брата её уничтожить, чтобы отомстить за обиду?

Пасита внимательно, осмотрел горницу, проверил под столом и за занавеской, что отделяла постель и закуток у печки от прочего пространства. Выглянул в сени, но и там ничего подозрительно не обнаружил. Он вернулся в горницу и подошёл к открытому окошку. И на дворе, похоже, никто не скрывался. А если так и было, то теперь уже и след простыл. Защитник взял книгу и поместил в сумку, в которой носил её с собой на берег. Пока будет держать при себе, а позже придумает куда её прятать.

* * *

Пайшан, большим черным пауком, распласталась в сенях под потолком у самой притолоки. Затаила дыхание и, усилием воли, замедлила стук сердца до нескольких ударов в минуту, когда Защитник осматривал сени. Хорошо бы он ушёл поскорее, долго ей так не продержаться. Когда тот, наконец, вышел из дома, юная асс-хэпт, выждав ещё некоторое время и убедившись, что он не вернется, глубоко вдохнула. Сердце привычно отозвалось щемящей болью, возвращаясь к нормальному ритму.

Девушка тихо скользнула в комнату. На столе книги уже не было. На полке, впрочем, тоже.

— Хайшпат вассор! — выругалась Пайшан сквозь зубы.

Похоже, Защитник забрал книгу с собой. Какая незадача! Глупая ослица, нужно было взять её сразу, потом бы убедилась, что перед ней именно Книга Излома. Но она же не воровка в конце концов! А убивать кого бы то ни было в деревне Райхо настрого запретил. От Райхо Справедливого Хэпт-тана Пятнадцатого клана сагалийских ассасинов не скрыться. Заслушание последует неминуемое суровое наказание. Да такое, что можно будет ни раз

пожалеть, умирая, что не приняла легкую смерть от меча или пламени Защитника.

Впрочем, об этом конкретном Защитнике тоже ходили кое-какие слухи, так что встреча с ним лицом к лицу ничем хорошим закончиться не могла. А потому следовало делать все возможное, чтобы остаться незамеченной.

Простое, на первый взгляд, задание на деле оказалось гораздо сложнее.

Началось с того, что дорога до Золотых Орешков заняла несколько больше времени, чем она планировала. К своему стыду, Пайшан умудрилась банально заблудиться, поддавшись на уговоры встреченной на постоялом дворе семейной пары составить ей компанию. Супруги напирала на то, как опасно юной девушке путешествовать в одиночку. Предложили вместе преодолеть отрезок пути через лес, в котором, по слухам, хозяйничали разбойники.

Чета выглядела респектабельно, и Пайшан, здраво рассудив, что отказ вызовет ненужные подозрения, согласилась. Как водится, попутчики предложили более короткую дорогу, которая на деле оказалась длинной... Когда же они возжелали забрать её лошадь и деньги...

Впрочем, за это мошенники уже заплатились.

В первые дни после прибытия на место осуществить план не удалось. Защитник, как оказалось, в доме жил не один. Рядом постоянно крутились два идиота, даже ночевали в сених. Потом произошла досадная случайность. Её укрытие в лесу обнаружили деревенские ребяташки, и пришлось срочно искать новое, подальше.

Местность она знала плохо, оттого потратила лишний день на это занятие.

Так же стоило продумать запасной план. Потому следующую ночь она посвятила подготовке, благо времени у неё было предостаточно. Раздражал факт, что задание было не убить кого-то, а украсть. Все же она асс-хэпт, а не воровка. Но таково повеление. С Хэпт-таном не спорят, это чревато последствиями. Райхо... Имя вызывало почти суеверный страх одновременно с сонмом мурашек.

Защитник неожиданно разругался со слугами и выгнал их, Пайшан сначала обрадовалась, надеясь, что это упростит задачу, да не тут то было. Последующие дни он не выпускал книгу из рук, даже занимаясь медитацией, держал при себе. Подсыпать сонного порошка в еду тоже пока не удалось. Пасита стал гораздо внимательнее к своей пище, но в том её вины не было. Похоже, это как-то связано с той ссорой. Вот тут-то девушка себя и похвалила, за то что не поленилась продумать запасной план.

К Красным Горкам маленький отряд успел аккуратно перед закрытием ворот, когда последние лучи заходящего солнца померкли, и уставшая от однообразной работы стража, изнывающая в ожидании смены, проводила путников апатичными взглядами.

Нааррон не увидел, а скорее почувал — их беспечность обманчива, и через бойницы надвратных башен на них сейчас смотрят острия арбалетных болтов.

Звякнув вирой, спешили и вошли внутрь вместе с другими припозднившимися путниками. Мальчишка исчез чуть раньше на последнем перекрестке, махнув рукой на прощанье, он припустил куда-то рысцой.

— Не нравится мне шельмец, — пробурчал Крэг.

— Да тебе же никто не нравится. Пора привыкнуть, — поддел Нааррон.

— Молчи, заучка!

Дорога от ворот вела мимо добротных двух и трехэтажных домов. Серые, сложенные из камня стены, часто с северной стороны зеленеющие мхом, деревянных построек, не смотря на близость леса, практически не встречалось. Красные черепичные крыши, на каждой по две-три каминные трубы. Всюду крепкие ставни на зарешеченных окнах, впрочем закрытые, по большей части, только на верхних этажах. С нижних доносились звуки кутежа, — почти каждый второй дом на этой улице был постоянным двором или трактиром. Среди них изредка мелькали лавки ремесленников, в основном тех, кто по какой-то причине не смог или не захотел перебраться поближе к рыночной площади.

Молотом в нос ударили запахи пищи, и организм, не стараясь вычленить что-то конкретное, попросту отозвался голодным спазмом в желудках. Обедали путники сегодня абы как, не слезая с коней, запивая остатки сухарей водой. В ярко освещённых залах, через окна с ещё не закрытыми на ночь ставнями, Нааррон без труда разглядел силуэты пирующих — день подошёл к концу и приезжие купцы радостно пропивали прибыль, наслаждаясь прелестями местной кухни.

В переулках между домами то и дело попадались на глаза фривольно разодетые дамочки, кидающие недвусмысленные зазывные взгляды на молодых и привлекательных путешественников. Видимо соседняя улица являлась кварталом наслаждений.

«А что? Логично, — подумал адепт, — все под боком. Из-за стола прямо туда — продолжать веселье». Впрочем, на улицу легкомысленные дамы не высывались, и юркали обратно, стоило какому-нибудь стражнику обратить строгий взор в их сторону.

Когда в животе заурчало особенно громко, кобылка под Наарроном всхрапнула.

— А, может, ну его?..

Крэг вопросительно повернулся, прослушав слова адепта из-за очередной строящей глазки девицы.

— Ты ещё не устал на них пялиться? — Нааррон добавил в голос побольше равнодушия, стараясь не особо приглядываться к непозволительно высоко задранными юбкам и вываливающимся из корсетов прелестям.

— Это они пялятся на меня.

— Им без разницы на кого пялиться, лишь бы кошель был полон.

— Заучка, покажи хоть одну, которая смотрела бы на тебя?

— Может, ну его, этот постоянный двор, как там? Три драные кошки? — повторил адепт,

проигнорировав выпад.

— Четыре кошки, — поправил Крэг. — Ты, вообще, как в мудрецы-то загремел? У тебя ж памяти, как у курицы.

— У меня прекрасная память. Просто не запоминаю информацию, которая не представляет ценности.

— Конечно! Совсем не важно, где тебя обдерут до нитки, а где можно сэкономить свои кровные.

— Материальное — ничто! — высокопарно заявил Нааррон. — Духовная пища, кое есть знания...

— Напомни завтра на рынке, чтобы я на твою долю вместо провизии, прикупил пару умных книжиц. Да! И не проси меня больше что-нибудь подстрелить.

— Я не это имел ввиду.

— Вот и не умничай, — оборвал его Крэг. впереди показался перекресток, и путники повернули направо к западным воротам, о чем свидетельствовал указатель. Дальше, мощеная шлифованным камнем, улица вела мимо обширной рыночной площади. Вдоль самой улицы выстроились в ряд дома мастеровых, первые этажи которых сплошь являлись лавками. Каждая украшена добротной, с любовью выполненной вывеской.

Нааррон загляделся, не смотря на сумерки:

— А вывески-то почище, чем в Столице будут! — искренне удивился он не раз бывавший вместе с Настоятелем Агилоном в Стольном граде.

— Угу, — согласно кивнул Крэг.

Дорога здесь освещалась, тускло мерцающими в темноте, газовыми фонарями.

Между домов, вместо веселых девчонок, затаились глубокие тени. Здесь было заметно тише, и обманчиво пустынно, глаза то и дело улавливали какое-то копошение.

Защитник внимательно всматривались во все закоулки, вычленяя малейшее движение.

Он весь как-то подобрался, готовясь к возможным неприятностям.

Ставни домов, накрепко закрытые, распахнутся только с наступлением утра, когда оружейники, кожевники, портные, пекари и галантерейщики проснуться, наперебой оглашая пространство криками, зазывая в лавки покупателей. За всё время им навстречу попалась только парочка сомнительного вида типов, да патруль стражи.

Впрочем, ни те, ни другие не обратили на путников внимания.

Улица закончилась у западных ворот, уже закрытых к этому времени. Почти в самом её конце возвышалось добротное, трехэтажное здание. Стемнело, и стало видно, что вывеска над входом, выполненная в виде клонящегося спелого колоса, источает легкое золотистое сияние.

— Сартог меня дери! Это же стоит целую прорву золотых, — восхитился Нааррон.

— Такую краску изготавливают с добавлением перламутра моллюсков, которых выращивают только в Лиардинии. И как трактирщик, пускай и зажиточный, смог себе такое позволить? Я в княжеском дворце, конечно, видел подобное, но то — дворец!

— Хм, заучка, а ты оказывается умеешь ругаться? — брови Крэга насмешливо приподнялись. — Ну тут все снова проще, чем ты думаешь. Хозяин бесплатно или же с большой скидкой пускает на постой купцов. Те взамен могут его благодарить, как им вздумается. Уверен, что в этом краю расценки много ниже, чем у северных ворот.

Потому что далеко не все сюда добираются, а только те, кто знает про это заведение Нааррон почесал в затылке, нехотя признавая правоту сопровождающего.

Территория двора ярко освещалась десятком масляных фонарей, свет которых был намного теплее и уютнее, чем мертвенно бледное сияние газовых. Надпись над входом гласила: «Полный колос». Открытые ставни заведения и аппетитные запахи горячей пищи манили, не позволяя пройти мимо. Жареное мясо, хлеб, какая-то приправа... Вслед за новым голодным спазмом окрестности огласил богатырский кишечный рев. Тут уже и мерин Крэга покосился, а сам Защитник удивленно приподнял бровь.

— Грозен же ты брат с голодухи, вон даже кони шарахаются! На вот — почитай. — он, с участливым видом, выудил откуда-то из кармана небольшую книжицу и протянул Нааррону. Тот ответил осуждающим взглядом и, покачав головой, продолжил старую песню, мудро решив не реагировать на подколки.

— А, может, ну их, этих драных кошек? Пахнет вкусно... Может и хозяин не такой уж ворюга?

— Потерпи, заучка. Вот ты неженка-то! И как мне... — Крэг осекся не договорив.

Чуть в глубине на противоположной стороне улицы, выбиваясь из общего ряда, почти прижавшись к городской стене, расположилось искомое здание с забавной вывеской. Два взъерошенных кота, весьма грозного вида, сплелись в клубок и драли друг друга так, что шерсть летела клочьями. Эти самые клочья были тщательно прорисованы. По углам вывески, скрестив аркой непомерно длинные хвосты, за баталией наблюдали две утонченного вида кошечки. То, что это особи женского пола было понятно по их хитрым мордашкам и бантикам на шеях. Глаза представителей семейства кошачьих мягко мерцали выкрашенные той же самой, жутко дорогой, краской.

— Похоже, мы на месте.

— Ха! И почему «Четыре кошки»? Тут ведь явно два кота и две кошки? Какая в этом логика?

— Слишком много ненужных вопросов, — буркнул Крэг. — Посмотрим, есть там кто, а то как-то подозрительно тихо.

И правда, в отличие от «Полного колоса», заведение не манило ни светом из окон, ни ароматами, ни многолюдностью. Да и вообще само здание, если бы не вывеска, производило мрачное впечатление. Подъехав к коновязи, путешественники спешили. Крэг не торопился привязывать лошадей. Все равно на ночь их тут не оставишь.

— Постой здесь. Я загляну внутрь, — заметив, как сразу напрягся Нааррон, тому враз стало неудобно на безлюдной улице, добавил: — Встань вот сюда, промеж лошадей.

Ори, ежели чего, — и скрылся за дверью раньше, чем адепт успел ответить. — умеет же страху на пустом месте нагнать... — пробурчал себе под нос Нааррон, но указание выполнил с поспешностью, внезапно осознав, что посреди леса, да и на ночевках у реки было не в пример спокойнее.

На фоне темно-синего неба черными столбами выделялись силуэты стражников, дежурящих на стенах. Они особо не скрывались. Кого им было здесь бояться? Внезапно боковым зрением Нааррон уловил какое-то движение в переулке между домами. Он вздрогнул и непроизвольно прижался к теплому боку кобылки, которая за прошедшее время из страшного зверя превратилась в товарища. Почудилось? Нет, там точно кто-то был. Это не игра, испорченного многочасовым чтением, зрения. Адепт, сощурившись, до боли всмотрелся в темноту и едва сдержал крик, когда, с угрожающим мявом, оттуда появились дерущиеся кошки. Воя и шипя, покатались единым клубком, затем распались на две отдельные особи. А потом их что-то вспугнуло, и они бросились обратно в переулок — одна

за другой, согнув крюком хвосты.

На плечо легла тяжелая рука:

— А-а-а! — не сдержался-таки Нааррон.

— Чего орешь, придурок? Идем внутрь, — голос Крэга прозвучал едва слышно.

— Ты меня напугал!

— На этот раз — не специально, — усмехнулся Крэг и добавил нарочито громко: —

Пожалуйста, господин Нари, я прослежу, чтобы о лошадях позаботились как следует и принесу наши вещи, — он услужливо поклонился.

Нааррон повернулся. В дверях стоял трактирщик.

— Приветствую, господин. Вы что-то припозднились. Мы-то тут раньше закрываемся, до нас мало кто так поздно добирается, да и конкуренты... — он развел руками, и Нааррон отметил, какие у него широкие мозолистые ладони. — Ужинать изволите?

— Изволим, — с готовностью отозвался адепт под аккомпанемент утробных звуков из собственного нутра.

— Господин Рэн распорядился проводить вас сразу в комнату и подать ужин туда, если пожелаете, — продолжил радушный хозяин с холодным взглядом наемника.

Застиранный фартук натянутый поверх одежды шёл ему так же, как кобыле рога.

Нааррон непроизвольно обернулся, убеждаясь, что Крэг и правда хочет, чтобы он пошёл внутрь с этим человеком, но тот уже завернул за угол, следуя за усталым слугой.

Незаметно сглотнув, адепт двинулся за трактирщиком.

Они миновали тесный, грязноватый, но забитый посетителями до отказа зал.

Здесь запах еды смешался с сивушными парами. Лица некоторых гостей явно указывали на степень их опьянения. Ловко лавируя между плотно расставленными столами сновали две крепенькие подавальщицы, бойко осаживая охальников, желающих ущипнуть за пышный зад, и умудряясь не уронить нагруженного снедью разноса. Удивительно, почему снаружи всего этого веселья совершенно не заметно?

Нааррон мысленно поёжился, заметив, как некоторые подозрительные личности провожают его пристальными взглядами. Определенно, мысль поужинать наверху — весьма разумна. Они поднялись по вытертым деревянным ступеням на второй этаж.

— Сюда, пожалуйста, — пробасил трактирщик, отворив третью по счету дверь, и сделал приглашающий жест. — Располагайтесь. Позже придет Мариша с ужином и чистой постелью.

— Спасибо! — кивнул Нааррон, несколько поспешно захлопнув дверь, как только хозяин повернулся. Заперев её на задвижку, он почувствовал себя в относительной безопасности. — И что же? — возмутился он в пустоту комнаты. — Почему нельзя было остановиться в «Полном колосе»? Здесь же чистый притон!

Дверь дернули, а затем раздался настойчивый стук. Нааррон в очередной раз подпрыгнул. Да, что-то нервы расшалились, пожалуй стоит заварить себе успокоительного.

— Кто? — он постарался, чтобы голос звучал уверенно.

— Господин, Нари. Это Мариша. Я принесла ужин.

Нааррон осторожно отпер. Маленькая служанка в фартуке и чепце держала в руках корзину с бельём и поднос. Адепт отодвинулся в сторону, впуская девушку внутрь, и лишь потом сообразил, что, пожалуй, стоило пособить. Пока служанка размещала свою поклажу, он быстро выглянул в коридор. Там никого не было. Запираться при девушке адепт как-то постеснялся: «Где же носит Крэга? скорее бы он пришёл», — подумал и возмутился этой

своей мысли. С каких пор он так привязался к Защитнику?

Мариша ловко застелила соломенный тюфяк застиранными, но чистыми льняными простынями, бросила поверх тонкое шерстяное одеяло. На столе, источая дивные ароматы, томился в ожидании ужин. В животе снова громко заурчало. Девушка покосилась и хихикнула.

— Да, вы, поешьте, господин. Чего тянуть-то? Ведь вижу — голодны. Если что-то понадобится — звоните, — она указала на шнурок возле одной из кроватей. — Но только не позже полуночи или с утра. Уборная на дворе. Вниз по той же лестнице и сразу в дверь, через зал идти не нужно. Будьте осторожны, прихватите с собой свечу и не забудьте задвинуть засов, когда вернетесь.

— Да-да... — рассеянно кивнул Нааррон, мгновенно покраснев. подошёл к столу, на котором стоял большой кувшин. Рядом, накрытый чистым полотенцем, поднос, где обнаружился добрый кусок жареного поросенка, большая миска зеленого горошка, вываренного в бульоне и сдобренного сметаной и чесноком. Ломти белого и черного хлеба, корзинка со свежими овощами и зеленью, а так же две миски ещё парящей похлебки. Рот мгновенно наполнился слюной. Нааррон судорожно сглотнул и схватил ложку.

— В кувшине эль, — Мариша закончила возиться со второй постелью, наскоро присела и вышла наружу, в дверях столкнувшись с Крэгом. Защитник тащил с собой седла и всю сбрую вместе с седельными сумками, оттого не успел её поймать. Впрочем, девчонка устояла.

— Простите, господин, — произнесла без малейшего раскаяния в голосе. Глаза девушки с вожделием пролились по крепко сложенной фигуре, по буграм мышц, которые не скрывала походная куртка. — Если господину что-нибудь понадобится... — она по-особенному улыбнулась.

— Господин знает, где вас искать, — продолжил за неё Крэг, отодвигаясь с прохода.

Когда служанка вышла, он закрыл за ней дверь, заперев на задвижку, чем несказанно обрадовал адепта. — Ты же не собираешься это есть?

Нааррон, уже было поднес ко рту ложку с похлебкой, но остановился:

— Не-ет, — разочарованно протянул, опуская орудие труда. — Нас что, уже хотят отравить? На вид вполне сносно.

— Отравить — вряд ли. Полагаю, два трупа им ни к чему. А вот, к примеру, подсыпать сонной травы в похлебку — легко.

— Но зачем им это делать?

— А затем, куриная твоя голова, чтобы без страха пошарить, где мы прячем золотишко и прочие ценности. Иди сюда — что-то покажу.

Нааррон бросил злой взгляд на, остывающую пищу, которая теперь не казалась столь привлекательной, как мгновением раньше, и подошёл.

— Видишь сучок?

— Вот этот? Прямо над задвижкой?

— Ага, — кивнул Крэг. Отпер и отворил дверь. Убедившись, что в коридоре по-прежнему никого нет, надавил пальцем. Сучок поддался и выпал в ладонь. Крэг вставил его обратно. — Такие же имеются на каждой в этом коридоре.

— И что это значит?

— А то и значит, — Крэг плюхнулся на кровать. Попрыгал. Лег на спину, заложив руки за голову и внезапно широко улыбнулся.

— А я думал, тебе больше нравится спать под открытым небом, — не удержался от шпильки правильно расценив его мимику Нааррон.

— Я ж не кочевник, — отозвался Крэг. — Заучка, надо от всего получать удовольствие. Тем жизнь и хороша.

Он сел и пододвинулся к столу. Пошарив в карманах куртки, извлек голубоватого цвета камень на серебряной цепочке. Окунул в свою миску. Подержал над пламенем свечи и внимательно присмотрелся. Затем понюхал содержимое, схватил ложку и принялся уплетать за обе щёки.

— Чего не еф? Офтынет, — пробубнил Защитник с набитым ртом.

— Амулет Определения! Но откуда?! Мою — проверишь? — Нааррон почувствовал, как от голода снова свело нутро.

— Ой, и правда. Чуть не забыл, — издевался Крэг, даже не думая что-либо предпринимать. — Не переживай. Сонный порошок они подсыпали в эль. Так всегда делается. Ешь, не бойся. — он закинул в рот ещё несколько ложек, прежде чем ощутил на себе пристальный голодный взгляд. — Ну ла-а-адно! — протянул цепочку. — Пользоваться умеешь? — ещё бы! — адепт с восторгом схватил амулет. Убедившись, что Крэг был прав, отер камень полотенцем и окунул в кувшин. Тот тут же потемнел, став из голубого синим. — Налицо присутствие снотворного вещества, — Нааррон поиграл камнем на свету, — судя по оттенку, «аканис сатум» или «крепкий сон». Дешево и сердито! — глаза адепта блестели азартом.

— Вижу, ты и правда готов довольствоваться знаниями. Я съем твою порцию?

Нааррон бережно положил амулет на полотенце и схватился за ложку.

Весьма недурно поужинав, не смотря на то, что вместо эля пришлось все запить водой, которая имелаась с собой во флягах, Крэг и Нааррон, погасили свечи.

— Если что услышишь, лучше притворись спящим, — сонно пробормотал Крэг и зевнул, — уверен ночью нас навестят.

— Как навестят? Кто?

Нааррон подскочил. Дремоту, как рукой сняло.

— А я тебе говорил — не нравится мне мальчишка.

— Сайкер-то тут причем?

Ответом послужило мерное сопение.

— И тебе доброй ночи, — буркнул адепт, укладываясь обратно и завидуя привычке Защитников засыпать, будто по команде. Он полагал, что теперь ни за что не уснет после всего сказанного, но не заметил, как провалился в небытие безо всякой сон-травы.

* * *

Утром Нааррон проснулся сам без пинков и криков. Сладко потянувшись хотел ещё понежиться в постели, но вдруг вспомнил события прошедшей ночи и вскочил, как ужаленный. Напротив сидел, уже одетый, Крэг.

— Проснулся?

— Ночью! Ты был прав! — начал захлеб Нааррон.

— Да-да, заучка, — кивнул Крэг, — они были здесь. Нечего так орать.

От возбуждения Нааррона даже заколотило. Он судорожно принялся натягивать одежду,

раз за разом промазывая ногой в штанину.

— Стреляные воробьи, — констатировал Крэг, — это им явно не в новинку. Первым делом проверили кувшин и ретировались, как только поняли, что к элю мы не притронулись. А ты — молодец. Не пикнул.

— Я этого так не оставлю! — взвился Нааррон. — Сейчас же идем к этому подлецу трактирщику. Я сразу понял, что он ещё та гнида!

— Успокойся.

— Но...

— Не привлекай внимания. Ты вчера внизу видел эти рожи? Каждый второй только что сбежал с каторги, или же напрашивается на рудники. Тебе большая охота, чтобы эти ребята направились следом?

— Ты что, тоже боишься? — удивленно спросил Нааррон.

— Куриные твои мозги, заучка! Я по-твоему кто? Головорез?

— Да вроде был — Защитник.

— Вот именно — Защитник! Положим, я их всех перебью и что тогда? Ты считаешь, нам нужны истории по пути? Мы должны привлекать как можно меньше внимания.

— Полагаешь, ты смог бы с ними справиться?

— Нааррон, — тяжело вздохнул Крэг, — я, может, и не очень хорошо контролирую силу, но вполне успешно компенсирую это боевым искусством, — в голосе Крэга послышалась усталость, видимо не в первый раз ему приходилось это повторять. — Внизу сейчас, кроме хозяина, никого нет. Пора отправляться. Не думаю, что стоит здесь задерживаться.

Адепт был в кои-то веки полностью с ним солидарен.

Отказавшись от завтрака и поблагодарив за радушие, путники рассчитались с хозяином «Четырех кошек» и покинули негостеприимное прибежище, под его оценивающим взглядом. Затем вкусно поели в «Свежей булке» — одной из многочисленных харчевен напротив рынка и за небольшую плату оставили там же лошадей.

* * *

Пару часов спустя Нааррон пробирался по рынку, следуя за Крэгом, перед которым толпа уважительно расступалась: «Да, днем здесь не в пример многолюднее, не то что накануне».

Защитник нес в руках несколько объемных свертков.

— В списке что-то осталось?

— Мы все ещё не нашли лошадей, — Нааррон сверился на ходу с длиннющим перечнем, который совместно набросали за завтраком.

— Кони — в последнюю очередь.

— А ну как всех разберут?

— Сдается мне, что лошадок следует посмотреть на окрестных фермах, — Крэг слегка подпрыгнул, поправляя сползшую с плеча лямку. — Все что я успел тут приметить нам не подходит. Да и дорого.

— Походные одеяла?

— Взяли.

— Ах да! — Нааррон аккуратно вычеркнул пункт.

— Тогда, только лошади.

— Хорошо. Возвращаемся. Это тебе, чтобы не забывал.

В руки Нааррону упал объемный, но не сильно тяжелый тюк со сменной одеждой и одеялами. Теперь он едва поспевал за Защитником, изредка выглядывая из-за своей объемной ноши, чтобы не потерять того из виду. Уже у самого выхода с рынка, адепт почувствовал, как хламида за что-то зацепилась. Завертевшись, увидел, как маленькая рука шарит среди складок, в поисках карманов. Последовал легкий рывок, и Нааррон понял, что остался без поясного кошель.

— Держи вора! — завопил он, не решаясь бросить вещи.

— Присмотри! — Крэг, хлопнув рукой по плечу, сорвался с места.

Нааррон, увидев, что все тюки Защитника оказались на земле, опустил сверху свою ношу и замер рядом, приняв воинственный вид. Крэг вернулся через пару минут, волоча за руку упирающегося мальчишку.

— Дяденька, дяденька-а-а, отпусти-и-и!

— Ты только посмотри, кого я поймал! Это же наш старый знакомец — «сиротка» Сайкер. — Крэг протянул Нааррону его украденный кошелек. — Пришлось немного побегать. Шустрый, как заяц.

— Сайкер?! — искренне удивился Нааррон.

Мальчишка насупился.

— Ах да! Почему-то друзья нашего сиротки кричали: «Сейла, беги!»

— Но, Сейла же женское имя.

— Господин, вы весьма проницательны, — съязвил Крэг.

— Ты забыл добавить: «заучка», — тон мальчонки, а Точнее девчонки, изменился до неузнаваемости. Плаксивость исчезла, уступив место звонкой дерзости. Нааррон вдруг осознал, что она гораздо старше, чем им показалось сначала.

— Что ты сказала? — Крэг вздёрнул девчонку за руку, заставив поморщиться от боли.

— Я тысячу раз слышала, как ты называл так своего мнимого хозяина? Вы не те, за кого себя выдаете. Тут и дураку понятно.

— Нари, — на всякий случай Крэг не стал раскрывать настоящих имен, — кажется, девчонка нас раскусила. Не стоит больше притворяться, — он незаметно подмигнул.

— Как скажете, господин Рэн, — ответил Нааррон, ещё до конца не понимая, какую игру следует вести дальше. Но, похоже, Крэга удовлетворил его ответ.

— Так что ещё тебе известно? — он снова тряхнул девчонку.

— Отпусти меня, обезьяна! Что, думал только ты тут прозвища раздавать умеешь?

Нааррон едва сдержал улыбку. Красавчика Крэга, наверное никогда в жизни так не обзывали.

— А не сдать ли нам воровку страже? — предложил он.

— А что, хорошая идея, — Крэг, не взирая на сопротивление, перекинул девчонку через плечо одной рукой и, без усилия, поднял весь свой скарб другой. — Идем.

Нааррон поспешно спрятал кошель под хламидой. Подхватил свои тюки и пристроил их за спиной так, чтобы видеть дорогу. Удивительно, но никто не обращал внимания на странное зрелище. Скучающий стражник проводил их таким равнодушным взглядом, будто здесь каждый день, наряду с барашками, выносили брыкающихся детей.

Миновав пару кварталов, Крэг резко свернул в глухой переулок, куда даже днем не проникали солнечные лучи. Здесь пахло помоями, сыростью и отхожим местом, а главное

было совершенно безлюдно. Выбрав пяточок посуше, Защитник пристроил поклажу, а затем опустил воровку на землю.

— Ну, говори?

— Ой, не несдобровать тебе, дылда! Мои люди порежут тебя и твоего доходного писаря на кусочки! — девчонка шипела и плевалась, тщетно пытаясь вывернуться.

— Я не писарь! — возмутился Нааррон, обидевшись.

— Нет, Нар, ты только посмотри, она ещё угрожает!

— С её стороны — это просто черная неблагодарность. После того, как мы подобрали её в лесу, обогрели и накормили, — совершенно искренне возмутился адепт.

— И почему это я — доходной?!

— Слушай, Сейла-воровка, я тебя просто тихо придушу и оставлю сидеть тут в уголке, как раз между гнилой капустой и вон той кучей... хм... кучей. Когда тебя найдут твои криминальные друзья, уличные кошки уже успеют обглодать твоё лицо. К тому времени нас в городе подавно не будет. Хочешь остаться целой и невредимой, рассказывай все, что тебе известно.

Крэг снова бесцеремонно тряхнул девчонку, и Нааррону почудилось, что её голова сейчас оторвется.

Холодный равнодушный тон Защитника все же нагнал страху, и Сейла побледнела:

— Пусти, дылда, я все скажу.

— Почему ты назвала меня доходным писарем? — Нааррон чуть не топнул ногой.

— Отвечай! — рыкнул Крэг так, что даже адепту захотелось что-нибудь рассказать.

— Хорошо, хорошо! Не надо только меня больше трясти! — девчонка снова безуспешно попыталась высвободиться. — Ты доходной, потому что хиляк!

— Нет, она ещё издевается! — Крэг, издав угрожающий звук, слегка припечатал девчонку к осклизлой стене, и та поспешно продолжила:

— Неделю назад, или около того, в гильдию пришёл человек. Нам дали наказ: по всем дорогам и тропам, во все стороны на день-два пути разослать соглядатаев понеприметнее. Чтобы смотрели и о подозрительных путниках — сообщали.

— А мы то что же, выходит, подозрительные? — спросил Нааррон обиженный на хиляка. — ещё какие! У меня чутье, вот я к вам и пристала. А вы сами мои подозрения и подтвердили. На людях держитесь как слуга и господин, но на деле любому видно, что это не так. Где видано, чтобы прислуга хозяина заучкой обзывала?

— Донесла?

— Конечно. ещё и монет за это отсыпали. Серебром, — ничуть не смущаясь похвастала девчонка.

— За нами следят?

— Про то не знаю. Главарь не велел больше лезть. — ещё подозрительные имеются?

— Хватает. Только наши про троих доложили, но есть и другие шайки. Серебра-то всем охота.

— Обворовывать нас тоже главарь приказал? — кошель я сама заприметила. ещё в лесу. Да он же с ним, как нянька с дитем носится — нельзя было не заметить. Решила поживиться.

— Тебе уже серебром отсыпали. Жадничать не хорошо.

— Денег много не бывает, — рассудительно хмыкнула Сейла, всем видом показывая, что таких глупцов она ещё отродясь не встречала.

— Вали отсюда. Да не смей больше попадаться! — Крэг было выпустил тонкую руку, но ухватил снова, раньше, чем воровка успела увернуться: — Что за человек приехал в город? Ты видела? Описать можешь?

— Сама — нет, главный видел. Знаю только, что его все боятся. Говорят, от него ледяной страх исходит. Ни один главарь не посмел ему отказать.

— Пошла отсюда!

Девчонка не заставила себя долго уговаривать, голые пятки замелькали по переулку, расплескивая вонючую гадость.

— Ледяной страх? — в голосе Нааррона послышалось удивление. — Он что, Защитник?

Крэг пожал плечами:

— Идем.

— Но как же так? — Нааррон, морща лоб, остался стоять на прежнем месте, бормоча: — Такой город, как Красные горки не нуждается в постоянном присутствии Защитника. Время от времени, конечно, Орден кого-нибудь посылает для инспекции, или же по просьбе градоправителя. Кто из наших в последний раз был здесь официально? — спросил он Крэга.

— А я почему знаю? — тот махнул рукой, поторапливая. Нааррон схватил свой тюк и быстро зашагал, догоняя.

— Защитник Касмолан. Касмолан тин Хорвейг!

— Ты хочешь сказать?.. — теперь уже Крэг остановился.

— Касмолан в родстве с Затоланом и любит использовать «стужу» к месту и ни к месту. «Ледяной страх», как сказала девочка.

— Затолан всегда был оппонентом Махаррона, так что не исключено. Пора нам убираться отсюда.

Оставшуюся часть пути до корчмы, где ждали лошади, они проделали молча, лишь у порога Нааррон тихо спросил:

— Я что, и правда, выгляжу, как доходной писарь?

Крэг остановился и обернулся. Придирчиво осмотрел адепта с ног до головы, делая вид, что серьёзно размышляет. А потом отрезал:

— более чем. И пора это исправить.

Когда путники вышли из «Свежей булки», хламида Нааррона была тщательно упакована вместе с остальными вещами, а на адепте красовался новенький походный комплект из кожаных штанов и куртки, кои носят все подряд, от наемника до охотника.

Отросшие как попало волосы того непонятого русого оттенка, когда не поймешь темные они, или все же светлые, были аккуратно острижены, и новая прическа совершенно изменила его облик. Теперь адепт особо не выделялся из толпы прочих путешественников, и ничто в нем не выдавало принадлежности к гильдиям мудрецов, писарей, студиозусов или прочей ученой братии. В желудке наблюдалась приятная тяжесть, и виной тому был плотный обед состоявший из непомерного количества свежей выпечки, часть которой осела седельных сумках — под рукой, так что можно будет тягать пирожки прямо в дороге, не спешиваясь.

— Спасибо, мамаша Марта, — поклонился в пояс Крэг, — когда ещё теперь доведется так вкусно поесть.

Румяная дородная хозяйка благосклонно приняла похвалу и от души кинула «сынкам» с собой ещё с полдюжины пирожков с грибами.

— А не подскажите, где можно прикупить лошадей? — задал вопрос Нааррон.

— Как не подсказать? Пойдете от западных ворот по дороге к фермам, там спросите владения Херкона. Он разводит всякую живность, но особое внимание уделяет именно лошадам. У него и тягловые есть, и скаковые. И породы разные.

Любит они их — страсть! Цена, конечно, получится не меньше рыночной, а то и подороже загнет, но вы поторгуйтесь, не мне вас учить. Будут вам лошадки, каких вы на рынке здесь и не видели. Да! Шепните, что вас Марта прислала.

— А что, этот самый Херкон в городе не торгует?

— Никогда, — ответила Марта. — У него даже любимая поговорка есть: «Рыночная суета для животины — маета».

— Как тогда ему удастся вести дела?

— А его все тут знают, вдобавок на рынке сидит один из его внуков. Он-то и подсказывает покупателям, где лучший товар искать. Да не всем подряд — смотрит, чтобы и с деньгами человек, и к животине — с добром.

Спустя полчаса путники под внимательным взглядом стражи покидали город через северные ворота.

— Сделаем крюк, — опередил все вопросы Крэг.

До фермы Херкона добрались далеко за полдень, заплутав среди разбросанных по окрестностям полей и садов.

— Чего надо-ть, охламоны? — у ворот их недоброжелательным взглядом встретил седой согбенный старик. Впрочем, в его теле до сих пор чувствовалась былая мощь, а в крепких ещё руках дед сжимал весьма увесистую дубинку.

— Чего ругаешься, отец? Вот так прямо сразу и охламоны! Ты вот лучше скажи, тут ли живёт уважаемый Херкон?

— А того и охламоны. Вона как животину нагрузили, мерин даже захромал! — старик, подслеповато щурясь, указал дубиной на прихрамывающего коня.

Хорошо смазанная калитка бесшумно отворилась, и из неё высунулась косматая голова

парнишки, которому на вид было от роду зим восемь, не более.

— Деда, деда, это кто здесь?

— Охламоны, — остался верен себе дед, — шастают.

— Деда, а чего они хотят? Тятку позвать?

— И вовсе мы не охламоны, а покупатели, — доброжелательно откликнулся Крэг.

— Это же ферма достопочтенного Херкона? Мы правильно пришли?

— А чего надо-ть? Откудава прознали? — подозрительно щурясь прошамкал старик.

— Хотим пару лошадок под седло приобрести. Мамаша Марта из «Свежей булки» сказывала к вам обратиться. Вы Херкон?

— Я — Херкон, — ответствовал старикан, — и вот он — Херкон, — неторопливо, по старчески он развернулся к мальчишке, который уже скрылся из виду. Дед лишь рассеянно махнул рукой и пробормотал ни к кому конкретно не обращаясь:

— Охламоны... — он пристально взглянул на путешественников, провалившись в задумчивость. Пожевал сухими губами и неожиданно выдал: — Марта, говоришь?

Огонь-девка! — он недвусмысленно осклабился, и Наарррон заметил, что во рту недоставало порядочного количества зубов. Подумалось: «Интересно, это от старости, или из-за языка и характера?».

Калитка снова отворилась и за ворота вышел справный мужик — косая сажень в плечах. По габаритам он даже превосходил Крэга. За спиной мужика маячил тот самый мальчишка. Малец указал на гостей пальцем:

— Вот эти господа сказывают, что им нужны лошади.

Херкон некоторое время изучающе смотрел на пришельцев, затем скупно выдал:

— Отец, пропусти.

Старик отодвинулся в сторону, что-то ворча себе под нос, а парнишка, не дожидаясь указаний, уже отворял ворота. Херкон повернулся и размашистым шагом направился вглубь своих владений. Путники, не заставляя себя ждать, поспешили следом.

— А кобылка-то ваша с секретом, — внезапно выдал фермер, не оборачиваясь. — Говорите, тётка Марта прислала? Это хорошо. Сегодня переночуете, а завтра делами займемся.

— Нам бы сегодня...

— Поздно уже, животина устала, — отрезал Херкон тоном не допускающим возражений.

Крэг и Наарррон переглянулись.

* * *

Утро наступило под пение петухов, ржание лошадей да лай собак.

Наарррон, сладко потянувшись, сел на постели: «Как хорошо, подумать только!».

Крэга нигде не было видно и никто не орал под ухом. Чистые простыни пахли лавандой, в приоткрытое окно доносился запах сена, смешиваясь с ароматом свежего хлеба. Наарррон улыбнулся, наслаждаясь уютом маленькой комнаты. Вот бы остаться здесь подольше: «Решено! Как только все это закончится, куплю себе домик в какой-нибудь деревушке неподалёку от Ордена, устрою себе там кабинет и буду проводить выходные на природе».

Крэг так и не объявился, его аккуратно заправленная постель пустовала. Натянув

обновки, адепт немного заскучал по хламиде. Она просторная и там столько нужных, пришитых собственными руками карманов. В узких штанах из плотной ткани Нааррон чувствовал себя непривычно, да и новая куртка давила на плечи: «Надеюсь, быстро разносится». Решив пока её не надевать, он ограничился рубахой и вышел наружу.

Раздетый по пояс Защитник плескался у корыта с водой. Похоже, он проснулся не намного раньше. Хоть день на ферме и начинался ещё до рассвета, но так то — для хозяев, гостям же позволили как следует выспаться. Нааррон стянул рубаху и присоединился к утренним процедурам, даже сделал несколько разминочных упражнений. Крэг удивленно приподнял бровь, глядя на такую оказию, но тактично промолчал, за что Нааррон остался искренне ему благодарен.

На крыльцо вышла веснушчатая и улыбчивая жена Херкона Ольгина, крепко сложенная — под стать мужу — женщина. Вытерев руки о передник, она пригласила всех к столу. После плотного завтрака Херкон не стал их задерживать и повёл смотреть лошадей. В просторной конюшне царили чистота и порядок, но многие стойла пустовали — лошади находились на выпасе.

— Не будем терять время, — начал Херкон, — я тут заранее прикинул, что вам потребуется. — он повернулся к Нааррону: — Под седлом тебе ехать лучше и дальше на своей кобыле, — удивил он в лоб. — Да ты не смотри, что она с виду невзрачная да смиренная — не подведет. У меня похожие имеются, но с этой вы уже знакомы и притерлись. Я бы даже её купил на развод, да совесть не позволяет. А животное под поклажу вам обойдется недорого. Выбирайте из этих, — справа в стойлах стояли несколько коренастых крепких коньков с длинными челками.

Нааррон вздохнул. Подспудное желание оседлать одного из тонконогих красавцев боролось с привычным страхом перед этими грациозными животными.

Впрочем, за время путешествия он немного пообвыкся и в тайне надеялся, что когда-нибудь, как и Настоятель Агилон, сможет взобраться на приличную лошадь, не наделав в штаны. Адепт подошёл ближе, придирчиво всматриваясь во флегматичные морды. В конце концов ему придётся иметь дело с новыми попутчиками, а значит лучше самому решить, кого выбрать.

В ответ на протянутую руку гнедой мерин люто клацнул зубами, заставив Нааррона взвизгнуть. Херкон засмеялся:

— Воробей у нас добрый, но с характером. Возьми лучше чалого — не пожалеешь.

Мы его Ясенем кличем. Он смиренный.

Нааррон сплотнул и осторожно погладил мягкие губы второго конька, в любой момент готовый отскочить подальше. Тот благосклонно потянулся за лакомством, и аккуратно взял припасенную загодя морковку.

— Что касается тебя, я долго думал. Даже сон не шёл... — Херкон, усмехнувшись, обратился к Крэгу. — Мерин, на котором ты приехал, никуда не годится. Того и гляди не вовремя споткнется, дальние путешествия точно не для него. Не выдержит, падет в самый неподходящий момент, как это часто бывает. Оставь его мне, я возьму пяток серебряных в доплату, и забирай под поклажу Ясеня, он выносливый и за верховыми поспеет без труда.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Крэг пожал плечами, соображая насколько выгодна сделка.

— Да не тушуйся, раз тётка Марта прислала, знать и я не обижу. Вчера сынишка-то домой прибежал, рассказал как вы в переулке воровку допрашивали. Дело, конечно, не

мое, — поспешил Херкон предупредить негодование, — но не все здесь рады, что в Красных Горках беззаконие с законом равняться пытаются. Вижу я — люди вы честные.

Идем, — Херкон направился вглубь конюшни, — вот он твой красавец. Конечно, если совладать сможешь. Погодика-сь, — отворив стойло, он накинул недоуздок и вывел наружу огромного вороного.

Это был настоящий боевой конь, с лоснящимися крутыми боками, длинной шеей, крупной головой и сильными ногами, способными нести и воина в тяжелом облачении, такого, как паладины Керуна из монастырей бога-воина. Хвост и грива красавца были аккуратно заплетены в длинные косы и перевязаны золотыми ленточками:

— Подрезать рука не поднялась, — внезапно смутился могучий фермер, — вот, заплел, чтобы репы не цеплялись...

Конь высокомерно покосился необычным золотистым глазом и громко фыркнул.

— Его зовут Северный Ветер, — почти нежно представил его фермер.

— Чудовище! — пробормотал Нааррон, побледнев, и непроизвольно отступил за спину Защитника.

— Он... — от очарования голос Крэга осип, а ком почти отпраздновал победу, блеснув влагой в глазах. — Мы... Я... Не смогу его себе позволить, — с большой долей горечи в голосе, наконец, выдавил он.

— Теперь нет, но когда-нибудь же сможете, Защитник Крэг? — Херкон хитро улыбнулся. — А я уже сейчас готов сделать скромный вклад в будущий покой города и окрестностей.

Нааррон, так выпучил глаза, что чудо, как они не выкатились прямо на посыпанный чистой соломой пол конюшни.

— Как вы узнали? — пробормотал не меньше его удивленный Защитник.

— Расскажу, когда вернетесь. Надеюсь окажете старому фермеру честь и порадуете хорошей историей? — он снова хитро прищурился. Затем посерьезнел: — Знакомьтесь, да и пора вам в дорогу, а если кто спросит, я вас тут не видел.

Нааррон и Крэг переглянулись.

— Ну, зайчик, ну, — тем временем ласково успокаивал прядущего ушами коня Херкон, потянув за собой наружу.

— Зайчик?! — адепт состроил гримасу.

Крэг подошёл к коню, осторожно протянул руки с открытыми ладонями, позволив себя обнюхать. Вороной топнул ногой и фыркнул. Защитник взялся за уздечку и медленно, но уверенно притянул к себе большую голову, прижался лбом, что-то тиха шепча. Ветер лишь нетерпеливо перебрал ногами, но если и попытался воспротивиться, то только для виду. Крэг придержал его, показывая, кто тут главный.

Херкон довольно улыбнулся и вздохнул, передавая поводья. Крэг, поглаживая и похлопывая мощную шею, аккуратно обошёл сбоку, одним махом взлетел в седло, которое Херкон уже успел водрузить коню на спину. Вороной заржал и взвился на дыбы, показывая характер, но получив шенкелей рванул вперёд, быстро свыкся с новым наездником, почувствовав крепкую руку и сильную волю. Фермер одобрительно кивнул сияющему, как новый серебряник, Защитнику, когда тот, сделав круг, вернулся.

Крэг спешил и протянул Херкону руку, тот крепко ответил на рукопожатие.

— Спасибо, — в это короткое слово Защитник постарался вложить всю свою благодарность.

Выезжали спешно. Херкон показал, как проехать через его владения напрямик и полями выйти на Восточную дорогу. За недолгими сборами сообщил последние новости из города. Оказалось, что местные банды стоят на ушах, ищут воина и писаря, ночевавших в «Четырех кошках». ещё с вечера по дорогам были разосланы соглядатаи, среди которых может оказаться кто угодно, так что стоило сторониться даже детей и старух.

Восточная дорога оказалась обычной проселочной, в одну колею. Хорошо укатанная, она вилась вдоль маленького, но бурного безымянного притока Быстрой, который временами превращался в узкий ручей, а временами, как полноценная речка, с ревом катил и пенил свои воды через множество крутых изгибов и порогов. Ближе к вечеру река и дорога расстались. Речушка повернула направо к взгорьям, чтобы, сорвавшись оттуда водопадом, влиться в большое озеро. А дорога, уводящая путников на восток, нырнула в лес, вынырнула обратно, перевалила через холм и продолжила виться среди полей и березовых роц до самого горизонта.

За весь день Защитник и адепт почти не разговаривали, стремясь как можно дальше оставить Красные Горки и возможных преследователей. Шли размашистой походной рысью, и Нааррон тратил все силы, чтобы удержаться в седле, наблюдая, как под копытами мелькает полотно дороги. Дважды им приходилось сворачивать в сторону, прячась среди кустов, или скрываясь за холмами укладывать лошадей, пережидая встречные подводы с товаром, все ещё тянувшиеся в Красные Горки на летний торг.

Нааррон не уставал дивиться, наблюдая, как Крэг то и дело наклоняется к лошадиной шее и что-то ласково бормочет, гладит шелковистую шкуру. Защитник глаз не мог отвести от своего коня, и, казалось, тот платит ему взаимностью, чего нельзя было сказать самом Наарроне. Пока ехали бок о бок, чудовище попыталось схватить его зубами за ляжку, и теперь адепт старался держаться, по возможности, на расстоянии.

Удивила кобылка, внезапно проявив норов, когда Ветер в очередной раз захотел куснуть Нааррона. Маленькая лошадка храбро щелкнула зубами прямо перед наглой мордой, встав на защиту своего седока, и тем самым завоевала сердце адепта окончательно.

— Интересно, как тебя зовут? — впервые задался он подобным вопросом. А потом решил: — Будешь Ромашкой, — он потрепал верную иноходицу по холке.

На коротком привале Нааррон решился и, пользуясь благодушием счастливого Крэга, спросил:

— Херкон сказал, что ищут воина и писаря?

— Угу, — Кивнул Крэг с набитым ртом.

— Думаешь это из-за хламиды?

— Не уверен.

Некоторое время Нааррон задумчиво жевал кусок мясного пирога, который завернула им с собой жена Херкона.

— Как бы так сделать, чтобы мы были похожи не на воина и писаря, а на пару наемников, к примеру? — вопрос прозвучал несколько смущенно.

— Может, просто стоит повторять за мной? — улыбнулся Крэг.

* * *

На ночевку друзья остановились среди полей, предусмотрительно отдалившись от

дороги на приличное расстояние. Огня разжигать не стали, перекусили остатками пирога. Лошадям же накапали в воду, налитую в котелок, успокаивающего зелья, которое сунул с собой Херкон. Снадобье делало животных флегматичнее. Они не рвались погастись, не проявляли норова, лежали спокойно, если уложить, но, при необходимости, были способны продолжить путь и двигаться быстро. Правда в этом случае потребовался бы основательный отдых позже.

— Может и мне плоточек сделать, — Нааррон с сомнением покосился на котелок с остатками воды.

— Тебе-то на что? Ты вроде и так спокойный, пастись не рвешься, — усмехнулся Крэг.

— Да что-то колотится сердце. Пока ехали как-то меньше о погоне задумывался, а теперь под каждым кустом засада мерещится.

— Ложись-ка, друг, спать, — Нааррон отметил, что Крэг не использовал привычное «заучка», — я посторожу.

— Давай тогда и я буду нести вахту. Разбуди меня... Когда там следует будить? Как устанешь, так и буди. Вот. Буду сторожить вторую половину.

— Уговорил, — усмехнулся Защитник, — отдыхай.

Нааррон поплотнее завернулся в одеяло, но пролежал ещё некоторое время без сна, гоня дурные мысли, вглядываясь в темноту и вслушиваясь в каждый шорох. Крэг разбудил его за пару часов до рассвета.

— Твоя вахта, заучка. Пора и мне чуток подремать.

Нааррон с трудом осознал, что происходит. Было ещё совсем темно, хотя небо на востоке начало светлеть. Голова отозвалась гулом, будто с похмелья. «Не выспался», — зевнув, констатировал Нааррон, чувствуя, как одолелевает зов природы. Возможно тому виной было чувство страха, или же набранная в подозрительном роднике вода:

«Говорил ведь, не стоит там пополнять запасы!». В животе подозрительно булькнуло, и адепт тихонько поднялся, стоило отойти подальше: «Не приведи Керун, Защитник чего услышит, будет до конца жизни подтрунивать».

В поисках подходящих кустиков или хотя бы небольшого заросшего высокой травой углубления: «Желательно чтобы лопухи там тоже росли...», — Нааррон приблизился к дороге. Здесь недостатка в растительности не было, и Нааррону удалось расположиться с относительным комфортом: «Вовремя!», — он, стараясь не спешить, аккуратно развязал завязки на новых штанах.

Блаженство момента было нарушено какими-то звуками: «Это что, лошади?». От дороги послышалось тихое фыркание. Нааррон поспешно закончил с делами, натянул штаны и отполз чуть в сторону — печально было бы в темноте наступить в собственные испражнения. Тут даже и отмыться то нечем. Он прислушался, непроизвольно морщась:

«Тот ещё запашок!» Он дал себе обещание обязательно сменить всю припасенную воду при первой же возможности, иначе по такому следу их найдут в два счета.

Нааррон прилег, укрывшись в высокой траве, и до боли в глазах всмотрелся в темноту. Чего бы он ни ожидал, все равно вздрогнул, когда на дороге показались всадники. Замерев, адепт прижался к земле плотнее, глядя во все глаза. Двое. Кто такие? Почему путешествуют ночью? Не слышно лошадиных шагов — это странно:

«Тряпками что ли копыта обмотали?». Всадники двигались не спеша, между собой не разговаривали. Внезапно они насторожились. Один сделал знак рукой другому, и оба, натянули поводья, останавливая лошадей.

Нааррон непроизвольно затаил дыхание. пришельцы переглянулись. Один молча кивнул, и второй тронул поводья, отъезжая на другую сторону дороги. Похоже, что-то услышали. Нааррон боялся шевельнуться, чувствуя как вспотели ладони. Что-то в этих фигурах было не так. То, как они держались. Что-то до боли знакомое, будто он уже это видел.

Послышался топот. Кто-то приближался по дороге. Нааррон, рискнул чуть приподнять голову, чтобы было лучше видно. С той же стороны — со стороны Красных Горок — ехал кто-то ещё. Нааррон подивился, припомнив, что днем здесь было меньше народу: «М-да, оживленное тут по ночам движение».

Первая пара путников продолжала все так же медленно двигаться вдоль обочин, и вторая пара их быстро настигла. Нааррон приподнялся ещё чуток, чтобы было лучше видно.

Небо стало по утреннему светлым, и силуэты на дороге теперь отчетливо выделялись на его фоне. Заметив всадников впереди, пришельцы придержали коней, будто решаясь. Затем приблизились, их голоса в предутренней тишине были хорошо слышны.

— Уважаемые, мы просто путешественники. Не хотим ничего дурного. Едем по своим делам. Очень торопимся, — раздался молодой звонкий голос.

Видать решил предупредить заранее, чтобы не пустили стрелу от неожиданности. Мало ли кто ночами по дороге носится...

Первые им ничего не ответили, но один невнятно махнул рукой, что должно было означать: «Проезжайте, нам какое дело?». Но в тот миг, когда путники поравнялись, он вдруг шарахнулся к одному из них и толкнул его лошадь своей. Седок мешком свалился на землю, в то время как уставшее животное, возмущенно заржав, проскакало ещё несколько шагов.

— Харел! — воскликнул второй путник, глядя, как погибает товарищ.

Он успел сделать многое: осадил коня, развернулся и поскакал прочь через поля по направлению к Нааррону. Впрочем, далеко убежать ему не удалось. Лошадь взвилась на дыбы и понесла, когда в её круп воткнулся один из метательных ножей, посланных вдогонку. Всадник свалился, протащившись некоторое время следом — нога застряла в стремях.

«Ассасины!» — с ужасом понял Нааррон, пытаясь слиться с землей. Почти перестав дышать он, не стесняясь, молил Киалану, чтобы его не заметили и благодарил богиню за то, что парень упал на достаточном расстоянии от места, где он так ненадёжно спрятался.

Убийцы, тем временем, неторопливо повернули лошадей и подъехали к трупу.

Один спешился, проверил несчастного, убеждаясь, что он мертв. Кивнув второму, заговорил на сагалийском:

— Чего это здесь так воняет?

— Он умер.

— Адепт и Защитник?

— Студиозус и телохранитель.

— Это те, кто нам нужен?

— Не думаю.

— Продолжим поиски. Мы не можем подвести Хэпт-тана.

К счастью или нет, но Нааррон неплохо знал это наречие, а потому всё понял.

Боясь шевельнуться, не смотря на затекшие от неудобной позы конечности, он все смотрел вслед удаляющимся ассасинам, даже когда те уже скрылись из виду, и чуть не умер от страха, когда чья-то рука закрыла ему рот. Даже было панически забился, пытаясь

высвободится, но его тут же легонько встряхнули. В поле зрения появился многозначительный кулак.

В ухо зашептали голосом Крэга.

— Ну и где ты бродишь, заучка? Ты же должен караулить.

— Пошёл по нужде, а тут вот эти... — он мотнул головой указывая направление в котором скрылись ассасины. — Они их убили! — Нааррона вдруг заколотило мелкой дрожью. Может можно ещё что-то сделать? — он, спотыкаясь — ноги не слушались, подбежал к телу. Замер, боясь прикоснуться к мертвецу.

На земле лицом вниз лежал долговязый парень в черной хламиде...

— Прекрати истерику! — Крэг поднял Нааррона за шиворот и бесцеремонно встряхнул.

— Ты не понимаешь! Он умер! Этот парень мертв из-за нас!

— Хватит рыдать! — тихо рычал Защитник. — Тебя слышно до самого Излома. А ну как убийцы вернутся? — он схватил адепта за руку и потащил прочь от импровизированной могилы — они, как смогли, похоронили убитых — тот, в полной прострации, покорно тащился следом. — И да! Тебе ещё обувь мою отмывать. Не могу же я так ехать? — Крэг брезгливо поморщился. — Да кони сдохнут от этого запаха!

— Сам вымоешь! Под ноги надо смотреть!

Резко остановившись, Нааррон зло выдернул руку. С вызовом глянув на Защитника, обогнал. Крэг усмехнулся, пусть лучше злится и обижается, с этим-то он как-нибудь смирится, а вот рыдающий, словно плакальщица на похоронах заучка, это уже перебор. Такого ему не выдержать, сам пришибет, никаких ассасинов не понадобится.

Нааррон спешно седлал Ромашку. Из головы не выходило ночное происшествие.

Выждав, пока убийцы скроются из виду и ещё немного, они обыскали трупы.

Вернее Крэг обыскивал, а он просто тупо пялился. Нет. Дело было не в том, что он боится мертвецов. Это не так. Он же посещал курсы целительства. Просто не мог прийти к себе от произвольного чувства вины. Парень в хламиде оказался студиозусом. Это подтверждали и обнаруженные в кармане хламиды документы. Он только закончил третий курс Столичного университета ремесленников. Обучался на факультете Оружейного дела и являлся отпрыском почтенного семейства родом из Соколиной Охоты. Так же при нем была справка подтверждающая, что парень с отличием окончил практику. Видимо возвращался в отчий дом на каникулы, да занесли его сартоги на ярмарку в Красные горки. Там то их и отследили, приняв за них с Крэгом.

Уж больно пара похожая.

Второй оказался его телохранителем, это подтверждал и обнаруженный на шее медальон гильдии. Да куда уж обычному охраннику против сагалийских ассасинов?

«Чтобы их Излом поглотил!», — Нааррон сам испугался этому своему страшному проклятию. Нет, Излом в таком контексте лучше и не помянуть. Он конечно ученый, но да мало ли...

Документы и медальон Нааррон прихватил с собой — отправит родителям, при случае, вместе с описанием, где именно зарыто тело — пусть церемонию проведут, как полагается... Сердце кольнуло. Он тоже не присутствовал, на похоронах отца. Печально, хоть он и не был с ним так близок, как с дедом.

— Ты готов? — Крэг, восседая верхом на Северном Ветре, выжидательно смотрел сверху вниз.

— Сам справился? — Нааррон хмуро указал подбородком на ботинки Защитника.

— Желаешь проверить? — криво усмехнулся тот.

Нааррон промолчал, лишь смерил в ответ уничижительным взглядом и довольно ловко взгромоздился в седло — проведенные в дороге недели давали всходы.

Крэг потянул повод, поворачивая коня:

— Поедем через поля, чтобы не терять из виду дорогу. Постепенно вернемся к первоначальному маршруту — он короче. Жаль, что теперь преследователи о нас знают.

придётся с этим как-то мириться и стараться быть ещё осторожнее. Вовремя мы сменили лошадей и избавились от твоей хламиды, это сыграет нам на руку при случае.

В города больше ни ногой без необходимости. Провизию будем пополнять в деревнях и поселениях — их по пути ещё много встретится. Впрочем, не думаю, что успеем преодолеть болота до осени. Подозреваю, придётся подождать, пока все замерзнет, и дороги станут вновь проходимыми. Да и хорошо сделали, что все необходимое купили разом, хотя я было начал сомневаться в правильности такого поступка. Правда теперь со всем этим барахлом мы, как маленький караван. В пору притворяться торговцами, — Крэг мотнул головой в сторону навьюченных лошадей, которые равнодушно топали сзади.

— Как думаешь, кто наши преследователи? — задал вопрос Нааррон.

— Ты про ассасинов? Они не сами по себе. Их натравил кто-то достаточно могущественный, способный оплатить услуги подобного рода. Тот, кто очень не хочет, чтобы мы добрались до места.

— Неужели кто-то из Ордена?

— Вероятнее всего. Кто ещё, кроме тебя и Настоятелей в курсе цели нашего путешествия?

— Я не знаю... Агилон упоминал, что в Ордене идет борьба за власть, но меня не посвящали в детали. А я сам так был увлечен учебой и поручениями Настоятеля, что ничего дальше носа не замечал... Даже жаль, что не могу с тобой поделиться хотя бы тем, что мне известно, — Нааррон вздохнул: «Книга Излома. Нам не хотят позволить добраться до неё. Уж очень много важной информации в ней содержится».

— Нет уж, лучше молчи, а то вдруг я все выдам под пытками? Не люблю, знаешь ли, когда меня пытаются.

— А тебя что, пытали? — адепт удивленно взглянул на сопровождающего.

— Нет, но в теории... — усмехнулся Крэг.

* * *

— Послушай, мы не можем позволить им убить кого-то ещё! — не выдержал адепт спустя час неторопливой езды.

— И что ты предлагаешь?

— Может стоит их догнать?

— Догнать?! Я представляю, как ты подходишь и говоришь: «Доброго денька, уважаемые асс-хэпт. Или, может, асс-пта? Простите, если ошибся, я слабо разбираюсь в ваших рангах. В общем, господа ассасины, я тот кого вы ищете. Не убивайте больше никого, пожа-алуйста».

— Не паясничай. Я не знаю, что делать, но нельзя же все оставить, как есть? Из-за нас могут погибнуть другие люди. Уже погибли!

— Я должен тебя охранять, и я буду тебя охранять, чего бы это мне не стоило.

— Но ты ведь Защитник из Ордена!

— Мне ещё не дали ранга официально.

— Ну и что? Рано или поздно это случится. Главное, что Махаррон в тебя верит, иначе не доверил бы такого ответственного поручения.

— Хорошо! — устав от нытья, сдался Крэг. — Мы поедem тихонько за ними следом, и

если кто-то похожий на нас встретится, постараемся предупредить. — не очень уверенно ответил он, крепко задумавшись. На деле его осенила иная мысль: если двигаться по следу ассасинов, то вряд ли тем придет в голову искать цель позади себя.

Рискованно, но может сработать. Нааррону же истинную причину своего согласия он раскрывать не собирался.

* * *

— Надо передохнуть. Я устал.

Крэг свернул с дороги, углубляясь в лес, и Нааррон беспрекословно последовал за ним. Защитник и правда был бледен, от природы смуглое лицо осунулось и блестело бисеринками пота, под глазами залегли тени, а прошло всего-то несколько часов.

— Ты как? — в голосе адепта прозвучало искреннее участие.

— Не подохну. Часок вот подремлю, и полегчает. Эх, для полного счастья ещё бы отвара глоток...

— Ты погоди! Я сейчас что-нибудь придумаю, — Нааррон соскользнул с лошади и повёл всех троих в поводу, подыскивая подходящее место для короткой остановки.

Вскоре над весело потрескивающим костерком во всю бурлил котелок. Нааррон, сомневаясь и припоминая вчерашнее, вылил туда остатки воды, здраво рассудив, что после кипячения та уже не будет представлять прежней опасности. Пока вода закипала, искал вокруг полезные травы. Повезло. На опушке вдосталь нашлось одуванчиков.

Выкопав пяток корней, он прихватил их с собой. Здесь же обнаружилась и череда. Всего несколько хилых стеблей — стояло ведро, но ему много и не надо. Горсть ягод шиповника в обилии растущего вокруг. Ну и что, что те ещё зелёные? Побросал все это в кипяток.

Когда отвар приготовился, процедил через чистую тряпицу. И, сосредоточившись, закрыл глаза. Золотое свечение распространилось от ладони, наполняя варево целительной силой. Не все мудрецы способны на подобное, но он, Нааррон, имеет дар. Потому-то и светился жёлтым светом Круг определения, а не погас сразу, коротко мигнув, указывая на предназначение. Настоятель Агилон, обладающий сходными способностями, показал, как именно следует делиться жизненной силой с Защитником, и сейчас Нааррон отдавал не скупясь. От него не убудет. Главное, чтобы в седле сил удержаться достало, и довольно.

С момента, как они двинулись в путь, Крэг ехал в пограничном трансе.

Состояние, сродни боевому, но не такое всепоглощающее разум, это позволяло Защитнику определять наличие угрозы далеко вокруг, давало возможность почувствовать задолго до встречи, есть ли поблизости кто-то живой. Так они порешили на тот случай, если асс-хэпт вздумают остановиться. Было бы не хорошо уткнуться им в спину.

Все бы ничего, но выкладывался Крэг по полной, для боя сил не останется, если кто нападет. Не так все просто у него с даром. Слабый он, еле теплится. Зато других талантов хватает. «Хороший все же из друга Защитник получится», — Нааррон и не заметил, как мысленно назвал сопровождающего другом. Впервые с самой Церемонии Определения.

Зарядив отвар, адепт аккуратно, стараясь не пролить ни капли, перелил его в одну из опустевших фляг. Надо бы сразу и ужин приготовить, чтобы костер не разводить дважды. Да и воду тоже стоило поискать.

Спустя час или немногим больше, Нааррон устало прислонился спиной к той же самой

березе, под которой так славно прикорнул Крэг. Тот ещё спал, и адепт решил его пока не тревожить. Костерок он предварительно затушил, остатки пшенной каши переложил в миску и поставил рядом, отвёл лошадей к найденному поодаль ручью.

Вымыл там же котелок и наполнил все фляги. Собрал немного травок в дорогу — жаль что сразу взять побольше не догадался, зато теперь, если вечером снова отвар понадобится, не придётся заниматься поисками в темноте. После всех хлопот навалилась усталость, и Нааррон решил: посидит немного, отдохнет, а потом разбудит Защитника и снова в дорогу.

Кроны деревьев теребил теплый ветер, сквозь ажурную листву просвечивало голубое летнее небо. Лениво перекрикивались сонные птахи, мерно жужжали насекомые, крупная красивая бабочка, шевеля разноцветными крыльями, уселась на нос сапога, вызвав на губах улыбку. С опушки доносился сладкий цветочный запах.

Нааррон широко зевнул. Моргнул. Моргнул ещё раз. Закрыл на мгновение глаза...

* * *

— Заучка, ты почему меня не разбудил?!

— А? Что происходит? — Нааррон сонно шурился и не мог сообразить, где находится. — Ой, кажется, я вырубился... Прости!

— Уже сумерки! Да мы же весь день проспали!

— Что же теперь делать?

— А ничего, — Крэг опустил обратно, расслабляясь, подумав, что это удачная случайность, чтобы не продолжать это рискованное предприятие с преследованием ассасинов: «Надеюсь, заучка теперь отстанет». Чувствовал себя Защитник не в пример бодрее, чем раньше. — Самое время подумать об ужине. Есть хочу, сартогскую лошадь бы слопал.

— Это от растраты резерва. На вот, — Нааррон протянул флягу, — выпей.

— Заучка, неужели ты сподобился сделать отвар? Приятно удивлен.

— А ты полагал, я у Агилона в помощниках хожу, только потому что мой дед Настоятель Северной Башни?

— Примерно так я и думал, — по тону Крэга сложно было определить всерьез он или издевается.

— Пей, а то скоро свойства растеряет. Зря я что ли выкладывался.

— Заучка, только не говори, что...

— Да. Умею. Зарядил. Пей.

Защитник, глядя на адепта с искренним восхищением, взял флягу. Вынул пробку, понюхал. Несколькими большими глотками выпил все до капли и блаженно откинулся, облакачиваясь все на ту же березу. Структура потоков восстанавливалась, что называется, на глазах, вызвав ощущение приятного зуда по всему телу. Погружая в легкую эйфорию, наполнялись энергией силовые линии, подобно иссушенной засухой устьям рек солнечной Сагалии. В узлах потоков возникали маленькие смерчи, проворачивая небывалую доселе мощь.

— Спасибо! — выдохнул Крэг, подняв на друга ошалевшие глаза.

Нааррон улыбнулся и кивнул, принимая благодарность. Защитник издал короткий смешок:

— Однажды мой кузен-обалдуй привез табака от нашей троюродной сагалийской бабушки. Мы тогда над любой шуткой смеялись, как полные идиоты. Так вот, ощущение несколько схожие, только твое снадобье — получше будет.

— Это на первом курсе-то? Ну, когда ты эту дрянь додумался приволочь в жилые кельи, и Махаррон тебя чуть не выкинул из Ордена?

— Да-а, славно тогда покутили... Правда после третьего непроизвольного выплеска силы за вечер, комендант привел Настоятеля. Постой! Ты что за мной следил?

— Делать мне больше нечего, — фыркнул Нааррон, — дед рассказывал и между прочим очень сердился.

Крэг замолчал, наслаждаясь ощущениями. Эйфория постепенно отступила, но возросшая мощь определенно никуда не делась.

— Послушай, это же тебе не просто так обошлось?

— Ерунда. Я сразу поел, да и уже выспался, — улыбнулся адепт, явно довольный собой и произведенным эффектом. — Кстати, вон и для тебя каша осталась. Прости, но сартогской лошади среди запасов не было, так что довольствуйся обычной пшеникой.

— Отлично! Надо бы ещё воды найти, пока совсем не стемнело, а переночуем прямо здесь — хорошее место, удобное.

— Лошадей я уже напоил, да и фляги наполнил.

— Нааррон, ты меня так разбалуешь.

— И не надейся!

Крэг почувствовал неладное, когда уже было слишком поздно. Он только и успел облизать ложку и отложить её в сторону, как за деревьями замелькали многочисленные тени.

— Вот я идиот! — тихо прошипел Защитник, мгновенно входя в боевой транс, не пришлось даже использовать привычные ухищрения. Да и *сила* — вот она, потоки бурлили, разве что не светились, только черпай.

— На землю!

Адепт среагировал, на удивление, мгновенно. Припал к корням той самой любимейшей березы, в белый ствол которой воткнулись сразу две стрелы — похоже больше для острастки стреляли.

Лес вокруг поляны расцвел красными пятнами. Сколько же их? Крэг насчитал уже семнадцать. Многовато на него одного. Откуда они здесь взялись?

Мелькнула мысль: «Неплохо бы скрыть, что я Защитник». Из губ вырвалась усмешка.

Вот же ирония судьбы! Обычно надо было из кожи вон лезть, стараясь это доказать, и вот, когда он впервые переполнен *силой*, ему лучше это не афишировать. А по хорошему жажнуть бы разок «огненной стеной», замкнутой в кольцо, сразу бы кое у кого энтузиазма поубавилось...

Нападающие, осознав, что их заметили, перестали таиться.

— Эй там! Вы, двое, лучше не ерепеньтесь!

— Что вам нужно?

— Ищем кое-кого.

— Ну так ищите в другом месте.

— Да, сдается, что нашли.

— А ты ближе подойди, да проверь.

— А и подойду, и проверю.

Как по команде кольцо стало сужаться. То что уже стемнело было на руку. Костра друзья не разжигали, и противникам их было плохо видно. При таком раскладе есть хороший шанс уйти, только бы до лошадей добраться. Нападающие — обычные бандиты, разбойники, охотники за головами, но вряд ли с ними есть хоть кто-то серьезный. Крэг отмел мысль, что вместе с этим сбродом могут быть те самые ассасины, которых они видели ночью.

Мимо уха с низким гудением просвистела стрела. Такая медленная. Низкого качества. Крэг даже рассмотрел потрепанное оперение из утиных перьев. Летит явно не туда, куда послали. Нет. Это даже не наемники, скорее городская шушера, сбившаяся в шайку. Наверное тоже шли ли по следу тех бедолаг, а в итоге удачно напоролись на них с Наарроном.

Напали одновременно слева и справа.

Один, здоровый с грязными лохмами и бегущим далеко впереди запахом прелого тела. Грозно вопя, он замахнулся топориком. Защитник лишь слегка подправил траекторию его движения и отступил на шаг, с видом художника рассматривающего деяние рук своих.

Тот кто молча скользнул с противоположной стороны, бесшумно осел с раскроенным черепом.

У березы тихо всхлипнул Нааррон, похоже, до него долетели брызги.

Крэг мягким перекатом догнал незадачливого воителя, который оторопело завис над трупом товарища, и резко вскочил на ноги, одновременно вбивая отвисшую челюсть прямо в мозг. «Молотобоец» — хороший прием с любого ракурса, если, конечно, у тебя достаточно крепкие руки. На свои Защитник не жаловался. Пока вонючка падал, он успел выдернуть из черепа его жертвы топорик. Подбросил в руке, чтобы тот лег поудобнее. Шагнул вперёд, с силой запустив оный в ближайшее красное пятно на дереве. Засевший в засаде лучник свалился и полетел вниз, ломая ветки.

Короткий вопль, резко прервался: «Будем надеяться — свернул себе шею. Осталось четырнадцать.»

Кто следующий?

Защитника не заставили долго ждать.

В бой бросились сразу пятеро. Одновременно просвистели несколько стрел, но ни одна из них не представляла опасности — засевшие на деревьях лучники не могли толком ничего разглядеть, вдобавок боялись ранить своих, оттого стреляли мало и неохотно.

Защитник прошёлся по отважным, как цеп по снопу пшеницы. Каждый удар если и не оказывался смертельным, то наверняка выводил противника из строя.

Главное, чтобы всем скопом не навалились. Он не сможет защитить адепта, не применяя *силы*, а в общей свалке велика вероятность, что его кто-нибудь да зацепит.

Из леса рывкнули.

— А ну стоять всем! Тупые уроды! Угроздило же с вами связаться!

— А вот и главарь пожаловал, — пробормотал Защитник.

— Ищите второго! — тем временем сипловато пробасил тот же голос и, уже обращаясь к нему: — Эй, шустрый, ты за ребят моих ответишь! Но сначала я тебя поимею!

— Горю в ожидании, сладенький! — Крэг метнулся к Нааррону, перехватывая занесённую руку с ножом в самый последний момент.

Пока ему заговаривали зубы, отвлекая, одному из бандитов почти удалось незаметно подкрасться к замороженному схваткой адепту. Незадачливый убийца завизжал и выронил оружие, когда его запястье хрустнуло и сломалась. Удар ноги отбросил тело почти до самого

края поляны. Красное пятно погасло — тяжелый ботинок попросту сломал грудину, смяв органы.

Сзади подбирались сразу четверо. Впрочем, эти не спешили расстаться с жизнью. Гораздо лучше вооружённые — все с короткими мечами наголо — подбирались с осторожностью, выдавая отточенными движениями наличие опыта. Крэг даже пожалел, что его собственный бастард остался в ножнах, притороченных к седлу — это он от усталости его прихватить запамятовал, а Нааррон не догадался.

— Крэг, — от страха адепт назвал его настоящим именем, — когда это закончится?

— Пора уходить. Бежим к лошадям!

Кони были привязаны чуть поодаль — ближе к ручью, чтобы могли свободно пить, когда вздумается. Если бандиты пришли со стороны дороги и сразу наткнулись на лагерь, то оставалась надежда, что их попросту не обнаружили.

Крэг подхватил с земли палку потолще. Выпрямляясь, встретил ею удары сразу двух клинков и выбросил обломки — на большее той не хватило. Впрочем, это уже не имело значения. Первый поделился с Защитником своим мечом, а сам мирно прилег у ближайшего дерева. Второй оказался искуснее и даже успел сделать три выпада, прежде чем, захрипев, харкнул кровью насадившись на развернутый в «иглу наяды» клинок.

Когда Крэг вновь оказался возле Нааррона, все четверо были мертвы. Проходя мимо первого Защитник добил бандита его же мечом. Метящий промеж глаз арбалетный болт, отбил в сторону, отмахнувшись, как от назойливой мухи. Отметил, что транс начинает требовать все больше энергии. До конца боя может и не хватить, следовало поторапливаться.

Вокруг царил гвалт. Угрозы и обещания сыпались не переставая. На поляну вылетело несколько горящих стрел, за ними — пара зажженных факелов. Мгновенно стало светло, как днем.

— Сообразили уроды! Хотя недостаточно быстро, — констатировал Защитник. — Вставай и беги к лошадям. Ничего не бойся. Не оглядывайся!

— Х-хорошо... — неуверенно пробормотал адепт и сглотнул.

— Верь мне. Беги! — Крэг отшвырнул Нааррона в сторону — поближе к опушке и подальше от арбалетных болтов, метательных ножей и бегущих с ревом и криками преследователей, решившихся-таки напасть всем скопом.

Прыгнув следом, сосредоточился. Должно получиться, резерва ещё не исчерпан.

«Звездный щит» и правда удался с первого раза. Единственная защита Защитника, способная удержать физическую атаку, будь то стрела или меч, или любой другой удар. Подхватив Нааррона под руку, дернул, поднимая с земли — тот немного замешкался.

— Беги! — Крэг постарался максимально расширить границы щита, чтобы надёжнее прикрыть друга.

Им повезло. Преследователи и правда не знали местности, а потому быстро потеряли их из виду, и теперь ругались, перекликаясь и натываясь в темноте друг на друга. Здесь и там загорались факелы — таиться не было смысла. Голоса, казалось, раздавались по всему лесу. Похоже, преследователей было намного больше семнадцати...

Им повезло дважды. У лошадей обнаружили только ушлого малого, который, воровато оглядываясь, отвязывал коней, попутно обшаривая седельные сумки. Он даже умудрился погрузить их поклажу, навьючив все добро на бедную Ромашку. К зло храпящему и скалящемуся Северному Ветру, впрочем, подойти не решился. Они застукали похитителя, когда тот пытался договориться с конем при помощи морковки, но верный товарищ оказался

неподкупен. Грозно топая ногами, он натягивал повод и отказывался идти на компромиссы.

— Тс-с-с, — прошипел воришке в ухо Защитник, зажимая рот и приставив к горлу лезвие меча. — А ну отвечай, кто вы такие и откуда взялись? Только тихо. — он осторожно отнял пальцы от губ и тут же врезал рукоятью под дых, вздергивая обратно согнувшегося было от боли бандита.

Тот натужно дышал и пучил глаза, не в силах выговорить ни слова.

— Я же сказал. Ти-хо. — повторил по слогам Крэг, — Понял? Глупостей больше не будет?

Вор яростно закивал, а после замотал головой, давая ожидаемые ответы на поставленные вопросы.

— Вот и хорошо. Отдышался? — Крэг снова освободил рот.

— Мы с Красных Горок. Ищем вас.

— Нас?

— То бишь воина и писаря.

— С чего ты взял, что это мы и есть?

— Главарь так сказал.

— Он точно знает кого искать?

— Не знаю. Да мы могилку-то раскопали, а там...

— Зачем вы раскопали могилу?! — встрял в разговор Нааррон.

— Хотели поживиться. Свежая же, вдруг там осталось что-то ценное. А там — воин и писарь, как и было сказано. Позвали Сипатого, ну, главаря нашего, значит, убедиться, что это вы. То есть они. То есть те, кого мы ищем, — зачастил, трясаясь от страха воришка.

Нааррон брезгливо посмотрел на узкое, напоминающее крысиную мордочку лицо, жидкие сальные волосенки, порванную и кое-как залатанную одежду.

Поморщился от неприятного запаха.

— И?

— Сипатый сказал, что это не вы. Не те. Не стал головы отрезать, и мы пошли искать дальше.

— Сколько вас?

— Не знаю. Много. Все городские отбросы примкнули к бандам на время облавы.

Поживиться охота всем. Кому повезет, обещали хорошую награду.

— Засада на дороге?

— Не думаю. У Клыка людей не так много. Остальные считай, что сами по себе.

Голоса и треск веток раздавались все ближе. Среди стволов замелькали факелы.

Надо было уходить К счастью, шум ручья скрадывал звуки, даря возможность сбежать незаметно.

— Погоди. Не убивай! — опередил Нааррон на миг раньше, чем клинок чиркнул по тощей шее. Он повернулся к вору: — Ты, дерьмо сартогской лошади, — голос адепта прозвучал угрожающе, — вернешься назад и закопаешь тех ребят обратно. Поправишь могилу. Поверь, я узнаю и, клянусь мечом Керуна, уничтожу тебя, если ослушаешься!

Крэг, выпучив глаза, удивленно посмотрел на друга, но подыграл:

— Слышал, что господин говорит? Тогда пошёл! — он пихнул бедолагу в спину, и тот прямо на четвереньках скрылся из виду.

— Грозен ты, брат! Не ожидал, — пробормотал Крэг вскакивая на Ветра.

— Эй! Ромашка-то занята... — Нааррон продолжил топтаться на месте, мигом растеряв

свой боевой запал.

— О боги! Заучка, тут что лошадей мало?

— Но...

— Шевели задницей! Я со всеми могу и не справлюсь!

Нааррон поспешно влез в седло, и Крэг схватил поводья.

— По ручью!

Защитник первым пустил коня в воду и наддал шенкелей.

— А ты чего это Керуновым мечом клялся? — спросил он через некоторое время, когда преследователи уже не могли их услышать. — Ведь не сможешь выполнить обещания.

— Я — ученый. Я не верю во всю эту чепуху.

— Ты не веришь в клятвы Керуну?!

— Я не верю в его мечи, почки, кубки и, чем там ещё клянутся? А вот он, — адепт указал пальцем через плечо куда-то назад, — верит.

* * *

Спустя некоторое время друзья выбрались из воды и повернули на северо-восток. Похоже, больше никто за ними не гнался, даже если отпущенный конокрад и указал, куда они пошли, в этом не было сомнений.

— Будем надеяться, они не догадались выслать людей по дороге, чтобы нас опередить. — мрачно вымолвил Крэг.

— Нам обязательно туда возвращаться? А если поехать по другой? — внес предложение Нааррон.

— А что? Так и поступим. Осталось только найти эту самую другую дорогу.

Та вскоре и правда обнаружилась. Старая, нехоженая и неезженная, заросшая высокой травой так, что колея едва угадывалась в темноте.

— Похоже, это старый тракт. Его забросили, как только появилась новая дорога, ведущая напрямки до Соколиной Охоты, но нам подойдёт. Надеюсь, здесь меньше шансов на кого-нибудь напоро...

Крэг замолчал на полуслове. За поворотом ждали двое, и ждали именно их.

— Храни Киалана! — прошептал Нааррон.

— Назад! — заорал Защитник третий раз за сутки входя в боевой транс.

Две мышастые лошадки, в которых чувствовалась изрядная доля крови степной сартогской породы, тронулись с места. Коренастые, толстоногие, с длинными хвостами и мохнатыми челками, они без труда потянули со двора большущую телегу доверху груженую упряжью и седлами. Дядька Аккарий, немолодой отец восьмерых дочерей — мал мала меньше, причмокнул и слегка хлестнул вожжами, придавая прыти. За ним верхом на красавице Полночи выехала Кира, придержала поводья, махнув матери рукой на прощанье.

— Удачи вам! Да смотри, деньги считай верно. За дешево не продавай. Не забудь купить ткани, какой велела.

— Хорошо, мам!

— Храни вас Киалана, — шепнула Анасташа, осенив отбывающих знаком богини.

Телега плавно вывернула на дорогу, Кира прибавила ходу, догоняя телегу.

Поехала следом. Кода выехали к овинам, она поравнялась с возницей.

— Много там у тебя? — Аккарий указал головой на объемистый тюк увязанной в холстину пушнины.

— Прилично. Соболь, куница, лиса. Каждых десятка по два будет.

— И все сама? Ну ты молодец, даром, что девка! — восхитился возница, — Ануша, дочка, дерюжкой прикрой. Да вон ту шкуру сверху положи. Сдается мне, быть дождю сегодня, — сощурившись он посмотрел вдаль, — вона — марево какое.

— И воробьи в пыли купаются с самого утра, — встряла девочка.

— Кир, ты влезай на телегу, успеешь ещё накататься верхами, сейчас холмами пойдем, кобылу только зря маять. — Аккарий придержал коней.

Кира не стала спорить. Спешившись, привязала поводья к телеге. Взясась рукой за деревянный борт и лихо запрыгнула, вызвав легкую усмешку мужика, и наблюдая округлившиеся глаза девчушки.

Но! — причмокнул дядька, хлестнув вожжами, и кони затопали веселей.

Все обозники уже собрались на окраине сразу за овинами, чтобы дружно отправится в путь. Ехали на летнюю ярмарку в Птичий Терем. Ждали только Аккария, с которым в последний момент напросилась и Кира. Как водится, она сперва поспорила с матерью, кому ехать. Потом убедила, что меха зря пропадают лежа без дела, пригрозила деревенским раздарить. Тут Анасташа и не устояла — столько труда положено, чтобы добыть, да и дочке ведь приданное надобно. Отпустила. Вот и задержался Аккарий, завернув к ним на двор.

— А что, много нынче наших-то на ярмарку едет? — поинтересовалась Кира, издалека вглядываясь в лица.

— Возов семь-восемь. С виду наши все здесь, а там может ещё с Вороньих Гнезд кто примкнет, ежели раньше не уехали.

Аккарий завсегда в головах обоза ходил, как бывалый. Он был в курсе всех купеческих дел, да и дорогу хорошо знал.

В груди томилось радостное волнение. Кира торговать ехала впервые, да и за пределами Орешков ещё не бывала — отец даже в Вороньи гнезда не отпускал к двоюродной бабке по матери. Каррон её и так баловал, привозя из столицы ленточки, и леденцы. Правда платья не возил, так и зачем они ей в деревне? Хотя поговаривали, что в городах сарафаны только бедняки и носят.

Правда Кира в это не верила, считала что платье для княжён, да принцесс. А она, Кира, вовсе не принцесса. Она — охотница. Ей куртка добрая, да штаны милее любого сарафана, даже матерью вышитого, а, тем паче, какого-то там платья. Да и хороший лук, радовал больше, чем все бусы и ленты вместе взятые, тем более что они как-то сами собой расходились по подружкам. А потом родители устали с ней бороться. Так и появились Полночь, хорошая упряжь, доброе оружие, одежда и обувь, какой в деревне не раздобудешь, Туман...

Отец...

— Тя-ять, а леденцов купишь? — заканючила Ануша, прервав грустные мысли.

— Куплю, куда от вас деваться? — пробурчал с деланным недовольством дядька Аккарий.

— А пряников расписных?

— И пряников.

— Тя-ять, а ленточек?

— И ленточек. Тю! Разорительницы.

Кира рассмеялась. Отец восьмерых дочерей постоянно становился объектом для незлых насмешек, но попыток обзавестись наследником не прекращал. Его жена Лушана и сейчас была на сносях. Аккарий продолжал надеяться, не смотря на то, что Матрена уже напророчила ему девятую девочку.

Ануша, четвертая по старшинству, смешливая, большеротая, с огромными голубыми, как летнее небо, глазами и едва заметными веснушками на светлой коже, радовалась до безумия такому везению — отец взял её на ярмарку, даром, что от себя и на шаг не отпустит. Потому и трещала без остановки, как сорока.

Ехали не спеша, обоз растянулся на всю дорогу. Последние не видели скрывшихся за холмом первых. На соседнем возу, загруженном плетеными корзинами, сундучками, шкатулками и даже детскими игрушками — слыхивали у городских богачей такие в почете, особенно ежели расписать покрасивше, ехал Лютобор. Кира хотела было пересесть к нему, но передумала. Хватит с неё сплетен. ещё скажут, что она и Люту у Ламиты отбить хочет. Ну их.

Ануша, будто подслушав её мысли, задала вопрос:

— Кира, а правда, что тебя Защитник Пасита поймал в ночь Киаланы?

— Правда, — охотница вздрогнула от неожиданности, но отпираться не стала.

— А правда, что ты Микора больше не любишь? У тебя будет сын от Защитника?

— Аннуша! — рявкнул дядька Аккарий.

— Чего? — невинно протянула девчонка, — Мне про то Егорша сказывал.

— А я вот выдеру тебя, как вернемся. Мала ещё с Егоршей знаться!

— Ну не мне — Луссанке. А я — подслушала.

— Много знает твой Егорша, да и Луссанка вожжей давно не получала. Приеду — напомню. Такое болтать — к Защитнику на столбы напрашиваться. Не смей больше это повторять, поняла?

— Но...

— И матери скажу, ужо она тебя крапивой-то отходит! Научишься отца уважать. — девчонка, испуганно выпучив глаза, притихла. — Кира, ты на них внимания не обращай.

Где дыра — там и ветер, — Аккарий, не оборачиваясь махнул рукой.

Кира опечалилась: «Значит вот какие слухи по деревне распустили. Интересно, до

матери уже дошло?»

— Ануша, Микор мне друг. Не больше. Вот вернемся, самолично намну бока Егорше, да и Федуньке заодно, чтоб языки не распускали! — Кира с усилием заставила себя разжать кулаки и расслабиться. — Пасита на меня случайно в лесу наткнулся.

Поцеловал, как водится, да больше для смеха. На том и отпустил, — выдала она смягченную версию. — А Егорша твой с Федулом дружит. Они оба меня недолюбливают.

— А за что не любят? — оживилась Ануша.

— Я их как-то побила. Гордость в них говорит мужская и уязвленное самолюбие, — ввернула умные слова, сказанные отцом по тому случаю.

Ануша захихикала, радуясь — будет теперь, что с подружками обсудить — и не удержалась от новых вопросов:

— А как же ты их побить смогла? Они же парни. Да ещё такие здоровые.

— Меня же Защитник драться учил. Я хорошо умею, — Кира улыбнулась.

— Покажешь? — глаза девчушки загорелись азартом, она вперила взгляд на последний воз, как раз взобравшийся на вершину холма — там ехали Федул со своим отцом.

— Обязательно! — охотница потрепала девочку по каштановым с рыжинкой волосам, — Как только момент подходящий выдастся, — она тоже непроизвольно посмотрела в хвост обоза.

До Птичьего Терема доехать можно было меньше чем за день, но это, если верхами. Обоз же шёл медленно, не спеша, жалея лошадей. А по сему выходили загодя, планируя ночевку, ведь ещё день потом торговать.

Одолев две трети пути, остановились в перелеске. Как водится, выстроили возы кругом. Разожгли костры, занялись обустройством и ужином. Всего на ярмарку отправилось семнадцать человек, не считая четверых подростков.

Ближе к вечеру, когда приблизились к болотам небо затянуло, пошёл дождь, чему уставшие от жары люди и лошади только обрадовались. Но тот скоро закончился.

Прохлады толком не принес, а вот комарья нагнал тьму-тьмущую. У огня было жарко, зато не докучали кровопийцы — то дядька Аккарий кинул в пламя припасенных еловых шишек. Знахарка Матрена раздала желающим отвар полыни, чтобы намазаться. Кира же никогда не страдала от насекомых. Те то ли не могли прокусить её одежду, то ли причина крылась в чем-то ином: «А может кровь у меня попросту не вкусная?»

Когда с делами было покончено, утомленные дорогой путники расселись вокруг огня, принялись ужинать, да судачить. Кира, прихватив кружку кваса, отошла в сторону и расположилась чуть поодаль. Не хотелось ни с кем разговаривать, а ну как задавать вопросы начнут не хуже Ануши? Вон какие взгляды бросает на неё Федунька, когда думает, что она не видит. Небось наплел уже больше, чем у Лютобора товара в возу припасено.

— Слышал я, — проговорил дядька Майрат, — на дороге разбойники объявились, сартог их в печень! Озорничают.

Темноволосый, с плоским носом и чуть раскосыми, вечно прищуренными глазами, отчего казалось, что он смотрит на собеседников с загаенной хитринкой. Его прапрабабка была, как ни странно, из степняков, видимо поэтому его природное чувство юмора не позволяло и слова вымолвить, не помянув при этом своих предков.

— Да неужто! — всплеснула руками Матрена.

Знахарка самолично отправилась в город прикупить редких заморских ингредиентов для мазей и снадобий. Не отважилась племянницу послать, свою приемницу.

— Да что нам сделают-то? Они только и воины супротив одиноких путников. А нас же вона — целый обоз, — махнул рукой Аккарий, но глазами тут же нашёл Анушу, убеждаясь, что дочка поблизости.

— Пускай только явятся! — хорохорился Лютобор.

— Мы им покажем, как на добрых людей рот разевать! — не желал отставать Федул. Парням не терпелось удалю похвалиться.

Из темноты крикнули:

— Ну так давай, показывай! — тут же с разных сторон раздался дружный хохот.

Деревенские подскочили от неожиданности. Разбаловались, отвыкли уже мечи под рукой держать. Кто-то бросился за своим к телеге, кто-то схватился за нож — он-то завсегда поблизости, а кто ухватил дубинку посуковатей, ежели таковая оказалась на глазах.

— А выдь на свет, коли не боишься! — ответил дядька Аккарий по праву обозного.

— А что мне с того-то? Аль трусом окрестишь?

— Да ты, никак, тать, коли в темноте прячешься?

— А я и есть — тать.

— Тать, не тать, а добро надо бы отдать, — присоединился второй голос.

«Больно писклявый, будто гигантский комар разговаривает», — от этой мысли у Киры вырвался нервный смешок.

Не заставил себя ждать и приглушенный смех, снова донесшийся с разных сторон, будто разбойники перемещались, и не можно было толком разобрать, сколько всего их скрывается в темноте.

Неожиданно в плечо Горибору ударила стрела. Тот охнул, шагнув назад, недоумевая посмотрел на торчащее оперенье.

Со света! — заорал Аккарий, — Мы же, как на ладони! — принялся отталкивать замешкавшихся к возам. К нему присоединился Лютобор. Остальные сами встрепенулись, бросились в спасительную тень.

— А ну добро выгружай, — снова прогремел тот же самый голос, хрипловатый и наглый, уверенный в своих силах, — пока не подожгли всех к сартогам!

В борт телеги тут же воткнулась горящая стрела, подтверждая серьёзность намерений. Знахарка Матрена, схоронившаяся поблизости, быстро нашлась.

Подскочила и выплеснула из кружки травяной отвар. Огонь погас.

Кира, как и остальные, поначалу растерялась. Юркнула под воз, когда ранили Горибора. Схоронилась за колесом, сетуя, что лук и колчан со стрелами остался рядом с тюком пушнины. Облака скрыли звезды и луну.

«Ни зги», — разочарованно шепнула охотница, мельком выглянув на противоположную сторону воза. Нападающих было не разглядеть, свет костра ослепил, тех кто был в лагере, будто в наказание за беспечность. Она выбралась обратно внутрь круга и, пригибаясь, быстро двинулась вдоль возов.

Тем временем незатейливая перепалка продолжалась. Разбойники увещевали немедленно отдать им все ценное, а деревенские отвечали категорическим отказом. Те грозили: тогда, мол, сами возьмем. Обе стороны ругались и острословили. Свои — раззадоривая кровь, пришлые — пытаясь застращать.

А вот и нужный воз. Кира тихонько поднялась на ноги. Скрываясь в тени, медленно подтянулась и осторожно перевалилась через борт. Лежа на дне затаилась:

«Помоги, Киалана!». Выждала, не заметили ли?

Лютотор выкрикнул очередную колкость, и в ответ прилетело сразу несколько стрел — видеть задел за живое. Перепалка возобновилась с пущим азартом.

Кира закрыла глаза, привыкая к темноте: «Теперь можно и взглянуть, кто к нам пожаловал». Через минуту-другую осторожно приподнялась над бортом. Без труда смогла различить силуэты деревьев, причудливую вязь ветвей, темные пятна кустов.

Попробовала слезть с телеги, но кто-то глазастый заметил движение.

— Даже не думай текать! — предупредил звонкий, на удивление, приятный голос.

— Враз болта схлопочешь! — в подтверждение оный ударил рядом с левым ухом.

— Дурак! Мех попортишь!

Кира нарочно выкрикнула это как можно громче, стараясь, показаться напуганной. Авось, станут осторожнее и не будут пускать горящие стрелы, чтобы её подсветить. Да и то что девка кричит, услышат. Решат — не опасна. Наверное, так оно и случилось. слезть с телеги ей позволили, никто не выстрелил. Выбрав момент, она снова юркнула под воз и выглянула на другую сторону, стараясь рассмотреть разбойников.

За одним из кустов, явно кто-то скрывался. Осмотрев деревья Кира обнаружила и второго. Тот засел на березе шагах в двадцати от неё, прямо в разветвлении ствола — совсем близко! Ему, почитай, половина лагеря видна, как на ладони. Похоже, он и был тем самый сладкоголосым стрелком. Кира, затаив дыхание, прислушалась к перепалке.

Отметила, что эти двое молчат. Больше никого не было видно поблизости. По голосам же выходило, что кричат четверо разных людей, значит вместе будет шестеро. Но на деле, конечно, и того больше, раз рискнули напасть.

Разбойник, сидящий на березе выстрели в сторону лагеря, да сразу из двух арбалетов по очереди. Глухой стук — то болты вошли в дерево, подсказал, что никого не ранило. Судя по всему перепалка подходила к концу, пора действовать.

Кира привычно связала косы за головой, чтобы не мешали. Зачерпнула горсть влажной после дождя земли и основательно измазала лицо, руки и шею. Приладила колчан, перекинула лук за спину. Выбираясь из под защиты, едва слышно шепнула:

«Керун, помоги!».

Первый разбойник не заметил, как за его спиной беззвучно поднялась тень.

Даже не пикнул, когда охотница, помедлив, повернула нож и тюкнула в висок рукоятью.

Придержав обмякшее тело, аккуратно уложила на землю. Припоминая науку Каррона, нашла на шее особую точку. Нажала, сомневаясь, будет ли толк, ведь человек и так уже без сознания. Ну не убивать же их взаправду? Прежде чем, отправится дальше внимательно осмотрелась: «Ага! Вот и ещё один».

Из за ствола толстого дерева шагах в тридцати от сидящего на березе стрелка, кто-то выглянул. С места, где находилась Кира его силуэт отчетливо виднелся на фоне света костров. Впрочем, как и очертания людей в промежутках между возами. Бедняги и не подозревали, как ненадёжно их укрытие. Кира внутренне вздрогнула, ведь и она думала так же, когда бегала туда-сюда. И как её только не заметили? Стало понятно, что разбойники, затеявшие перепалку, попросту отвлекали своих жертв, а эти готовятся напасть со спины, когда завяжется драка.

Хоронясь и оглядываясь, она обошла березу по широкой дуге, чтобы арбалетчик наверху не заметил, да и тот, к которому она подбиралась тоже. А ну как оглянется?

Не оглянулся. Кира, как никто другой, умела подкрасться к любому зверю.

Рисковать не стала. Как и первого — рукояткой пристукнула. Осторожно выглянула из-за ствола. Голосистый, так и сидел на своей березе: «Этого соловушку без шума не взять».

Вздыхнула с сожалением — оставлять противника за спиной не правильно, да делать нечего...

Ежесекундно оглядываясь — уж больно меткий, да глазастый — пошла дальше.

Сердце ухало в груди, заставляя кровь стучать в ушах, ладони намокли. Кира вытерла пот о штаны: «Керун, что это со мной? Так даже на охоте не бывало. Даже когда напала старая рысь, спрыгнув на закорки». Да и в драке с Морданом и Харилой она была спокойнее. Так дело не пойдет.

Никто другой пока на глаза не попался, а впереди обнаружилась поросшая лопухом ложбина, в ней-то она и решила затаиться. Переждать и унять нездоровое возбуждение. Для охоты на зверя важно спокойствие, иначе тот учует тебя первым.

Огромные листья послужат отличным укрытием, лишь бы вода под ними не скопилась, Кира опустилась на землю и на животе скользнула вниз.

— Ты ещё кто?! — вполголоса буркнули в ухо, обдавая густым табачным запахом, и Кира чуть не заорала от неожиданности. Разбойник быстро нашёлся, ударил локтем в лицо. Точнее попытался. Увернувшись, охотница перехватила руку с занесённым ножом, блокируя собственным. Завязалась короткая борьба, но ей повезло. Противник оказался не силен и гораздо менее ловок. Ни Микору, ни Хариле с Морданом не чета.

Изловчившись, она вывернулась. Выбила нож и, прижав разбойника к земле, приставила к горлу лезвие.

«И что же дальше? Я не смогу его убить!».

Тот, напуганный и не ожидавший такого поворота, сглотнул, дернув кадыком на тощей шее. Похоже не понимал, чего она медлит. Мгновение. Другое. Отступивший было шум в ушах снова усилился, и рука с ножом дрогнула. На коже выступила капелька крови. Разбойник зашептал скороговоркой, глотая слова:

— Это всё Боров. Он — главный. Я не причём. Не убивай! — но не успела она осознать, что ей просто заговаривают зубы, как тот истошно завопил: — Боров, караул! — неожиданно сильно взбрыкнул, бандит отбросил её в сторону. Рванул прочь, продолжая вопить.

Таиться больше не было смысла. Кира вскочила, срывая с плеча лук. Выхватила стрелу. Коротко прицелившись, выпустила вслед.

— А-ай! — вскрикнул беглец.

Стрела вошла в бедро, но он продолжил нестись прочь, изрядно хромая, а Кира едва успела увернуться от просвистевшего в опасной близости болта.

— Вижу!

Заорал стрелок на березе, выпуская следующий болт. И ещё. Судя по скорости, он зарядил сразу несколько арбалетов. Кира отпрыгнув в сторону, распластавшись на земле. Все же темно, и она сейчас не в свете костра, да и охотничий наряд для того и нужен, чтобы с удобством по лесу бродить, авось не так легко ему, глазастому, попасть будет. Разве что наугад пошлет?

Выдохнула. Рванула ползком вперёд. Преодолев шагов пять навскидку затаилась у корней тщедушного деревца, опасаясь поднять голову. Сердце птицей колотилось в груди, от страха заледенели ноги. Преследовать зверя это одно, а тут совсем другое. По иному. Пришло осознание — она не решилась отнять жизнь, а вот противник сделает это не задумываясь. И это она ещё насчет Паситы хорохорилась? Одним словом баба, как сказал бы

Микор.

Микор. Оказался бы друг здесь, все стало бы намного проще и понятней. Они бы всех разбойников победили враз.

Мысль о том, что был бы рядом Пасита, те и вовсе не напали бы, Кира погнала прочь.

В дерево над головой воткнулись, один за другим, ещё два болта: «Ствол едва с руку толщиной, а гад точно садит, хоть и в темноте!». Наступила пауза. Хитрит? Или перезаряжается? Кира медленно поднялась на одно колено, готовая при малейшей опасности бросится на землю. Вынула из колчана стрелу. Спустив тетиву, отшатнулась в сторону лишь на мгновение раньше, чем просвистел очередной болт, чиркнув оперением по щеке, и Кира возмутилась: «Да что же такое! Будто хочет убить меня в глаз! Я ему что ли белка?». Не мешкая, она поползла прочь, прижимаясь к земле.

Едва заметный глухой удар раздался в тот момент, когда Кира, переваливалась через торчащий корень — новое укрытие оказалось гораздо лучше предыдущего.

Широкое углубление между двумя большими корнями могучего старого дерева давало ей надёжную защиту от стрелка. Прижимаясь спиной к мягкой земле, не забывала внимательно смотреть по сторонам — вдруг кто ещё её приметил. Раненый разбойник всех переполошил.

Со стороны лагеря доносились крики и шум боя. Деревенские, как могли, давали отпор. Кира напряглась, готовая прыгнуть навстречу или уйти в сторону. Каждый миг ожидая, что сейчас из-за дерева возникнет тот, который стрелял. Дыхание участилось, перекрывая все звуки. Сердце затрепыхалось, пропустило удар...

Внезапно наступила предельная ясность. Сердце снова заработало, выбивая новый ритм, размеренный и спокойный. Кира моргнула и не поверила глазам, рассмотрев все до мельчайших деталей: рисунок на листьях деревьев, рельеф коры, стебель травы, и дремлющая на нем божья коровка. Да это же тот самый боевой транс, о котором говорил Пасита! А что это за красно-оранжевые пятна, медленно трепыхающиеся возле лагеря с противоположной стороны от неё? И тут же осенила догадка: наши дерутся, надо срочно помочь.

Без страха Кира выпрямилась во весь рост. Обернулась. Вопреки опасениям стрелок не спрыгнул с дерева вслед за ней, а попросту упал. Даже подходить не нужно было, чтобы проверить. Отсюда видно, её стрела пронзила бедолаге горло. Мертв.

Среди деревьев, не двигаясь, светились бордовым две точки. Те, кого она вывела из строя. Они сейчас не опасны. Кира повернулась и направилась к возам, туда где разбойники наседали на односельчан.

Нападавших было девятеро. Ближайший едва успел обернуться, но тут же отлетел в сторону, ударившись о ствол. Его огонь погас, а вместе с тем пришло знание — он больше не поднимется. Второй замахнулся плохоньким мечом. Кира чуть развернула корпус и отклонилась в сторону. Клинок, со странным гулом прошло мимо, в неопасной близости — пальца на два от носа. Со спокойным удивлением охотница проводила его взглядом: «Щербины на лезвии видны так отчетливо...». Разбойник неуклюже ступил, следуя за своим оружием, и второго выпада сделать уже не успел. Короткий удар ногой, и бандит упал.

Теперь её заметили все.

Набросились сразу вдвоем. Здоровые, заросшие щетиной, оба с короткими мечами. Шли слаженно — видать, что не впервой, да двигались отчего-то, будто сонные, или завязли в меду.

Шаг в сторону. Назад. Назад. На губах появилась улыбка — это будто бы танец.

Даром что партнеров двое, да и те хмурятся, потеют, грязно ругаясь сквозь жёлтые зубы. Легкая тревога, заставила прекратить игру. Что-то подсказывало, транс долго не продлиться, надо спешить. Рывок вперёд. Перехватить руку, слегка повернуть...

Разбойник захрипел, напоровшись на клинок товарища. Его напарник, получив уже ставший сегодня традицией удар в висок, осел.

Оставшихся на ногах было четверо — мужики из Орешков тоже не лыком шиты.

Ощетинившись мечами, незадачливые вояки отступали. Кира направилась прямо к ним. Она совершенно не боялась. Тело зудело и жаждало действия, но что-то явно было не так.

— Стоять! — отдал приказ тот самый голос. Даже сейчас он сочился наглостью и самоуверенностью.

— Боров?

Бритый на голо бандит, с толстой шеей и мускулистыми руками, покрытыми вязью татуировки, одетый и вооружённый не в пример остальным, отчего-то сильно побледнел, как и его товарищи.

Кира шагнула ближе, но тут раздался, наполненный отчаяньем крик Аккария:

— Кира, стой! У них Ануша!

Разбойник, криво ухмыльнувшись, выдернул из-за спины ревущую девчонку, словно козырь из рукава. Охотница осознала, что в свете костра — то внутреннее свечение будто пропало за ненужностью, оттого и не разобрала, что сгрудились не четверо, а пятеро.

— Стой, где стоишь! — пригрозил главарь. — Хотите получить девчонку живой, дайте нам уйти.

Лезвие его меча угрожало тоненькой шее.

— Кира, не надо! Он убьёт! — снова взмолился Аккарий.

Охотница остановилась в нерешительности. Новые инстинкты требовали настичь, уничтожить, убить, но из глубины души пришло четкое: «Нельзя! Не успеть».

Но не отпускать же Анушу с ними? Как же трудно сделать этот выбор...

Внезапно что-то изменилось. Что-то, что последние несколько минут незримо давило, нагнетало тревогу, выворачивало суставы невидимыми руками, заставляло ныть зубы крутилось в животе, внезапно ринулось наружу. Вырвалось за пределы её оболочки, и сразу стало легче. Откуда-то издали послышался наполненный ужасом крик.

Темнота.

Открыв глаза, Кира увидела веснушчатый нос Ануши и ореол рыжеватых волос на фоне усеянного белыми облачками голубого неба.

— Очнулась! Кира очнулась!

Крик раздался над самым ухом, отозвавшись болезненным гулом в голове.

— Ануша, — прохрипела охотница не узнав свой голос, — что случилось?

Рядом тут же оказался Лютобор, на ходу перепрыгнув борт телеги.

— Как ты?

— Не очень. Пить хочу, — во рту и правда так пересохло, что она еле ворочала языком.

— Вот, держи, — Лютобор протянул мех с водой, и помог приподняться. — Я сейчас, — он спрыгнул с телеги.

Кира приложила к меху надолго, шумно утоляя жажду.

— Кира, а ты Защитник или ассасин? — неожиданно спросила Ануша, и охотница поперхнулась, закашлявшись.

— Перестань болтать! — строго прикрикнул, сидящий на передке Аккарий. Он даже не стал угрожать трепкой, как обычно, но Ануша, шепнув одними губами:

«Прости», надолго замолчала.

Всю дорогу Кира отлеживалась на телеге. Ужасно болели все мышцы, и за каждое движение приходилось платить. Лютобор вернулся немного позже. Он подъехал верхом на её Полночи и привез с собой знахарку, усадив впереди себя. Без труда на ходу приподняв субтильную старушку, водрузил её рядом с Аккарием, который лишь чуть придержал мерно топающих лошадей. Матрена перелезла к Кире, провела осмотр, задав несколько вопросов, сунула в руки флягу с отваром и наказала, добавлять в питье, а пить — побольше.

Лютобор отвез Матрену обратно и вернулся. Кира выглядывала через борт, подложив под подбородок руки, пока он ехал рядом.

— Давно хотел прокатиться, да все как-то не было повода. Ничего, что без спроса?

— Катайся, я не против. А что вчера произошло? — Кира покосилась на Аккария, который за всю дорогу так ни разу с ней не заговорил. более того — не обернулся.

— Ты всем задала, — Лютобор замялся, подбирая слова.

— Я сделала что-то ужасное? — в голове всплыли разрозненные куски воспоминаний.

— Кира, никто и не подозревал, что ты способна убить человека. Да ещё вот так... — друг нервно хихикнул. — Федул к тебе теперь и близко не подойдёт.

— Я кого-то убила? — в ужасе просипела Кира, и, видя выражение лица Лютобора, уточнила: — Разбойники? Сколько?

— Трое.

Память услужливо подсунула соответствующие моменты. Значит только разбойники. Кира медленно выдохнула. Но чем все закончилось, как и в прошлый раз, она не помнила.

— Что было потом? — она постаралась, чтобы голос звучал ровно.

— Мы так и не поняли. Стало холодно. Очень. Это шло от тебя...

— Кто-то пострадал?

— Только разбойники и... Аккарий.

Кира всхлипнув, повернувшись к Ануше. Та поняла все без слов.

— Я цела. Смогла увернуться, — она было улыбнулась, а потом, помрачнев, добавила

тихо, — а вот папа...

— Дядя Аккарий, — Кира робко прикоснулась к плечу возницы. Тот обернулся, и охотница вздрогнула. Вся правая половина лица была красной, левой досталось чуть меньше. Увидела, что и руки у него перебинтованы. — Дядя Аккарий... — сорвалась охотница на шепот, в её глазах блеснули слёзы.

— Брось, девочка, — Аккарий похлопал охотницу по руке, — не реви. Я не в обиде.

— Простите меня! Я не хотела. Не знаю, как со мной такое выходит.

— Ты спасла Анушу — это главное, а лицо заживёт, руки тоже. Матрена мне и мазь приготовила. Поначалу ничего держать не мог, а сейчас, вот, уже и с лошадьми управляюсь. Не в обиде я на тебя, но имей в виду: не всем, случившееся по нраву.

Оставшаяся часть пути прошла без приключений. Правда до города добрались позже, чем планировали. Задерживали и плененные разбойники, топавшие в хвосте обоза, из тех, кто улизнуть не сумел вовремя. Среди них шёл злющий Боров с красной обмороженной рожой. На возы лиходеев сажать не стали, да и ехали небыстро. Когда добрались до Птичьего Терема, ворота уже закрылись на ночь, потому обозники расположились на ночевку в поле, вместе с другим торговым людом из числа тех, кто запоздал, или же просто не имел желания тратиться на постоялый двор, тем более, что погода позволяла.

* * *

Кира вздохнула полной грудью и улыбнулась, её переполняло радостное возбуждение. Вопреки всем ожиданиям и напутствиям, суматоха города не пугала. По улице катили возы и кареты, проезжали всадники, туда-сюда сновали посыльные и слуги, со всех сторон слышались крики зазывал, доносились разные запахи. Особенно интересно оказалось рассматривать прохожих. Те спешили по своим делам или празднично шатались, привлекая её внимание своими разнообразными одеждами. В городе носили не только привычные рубахи с портками или сарафаны: «Наверное, так можно часами стоять и глазеть», — подумала Кира.

Из блаженного ступора вывел все тот же дядька Аккарий, незадолго до того куда-то пропавший. Уходя, он попросил Киру помочь Ануше и присмотреть за товаром.

Но вот он вернулся, да не один. Вместе с ним пришёл дородный мужчина в летах, носивший коротко стриженую бороду и успевший отрастить приличное брюшко. Это был Силантий, знакомый купец, торговавший мехами. Купец подивился на качество товара и предложил хорошую цену, хотя и честно признался, что товар можно продать и дороже, но тогда придётся провести весь день за прилавком, а он готов забрать все и прямо сейчас. Кира, не долго думая, согласилась.

— Прекрасный охотник твой отец, жаль, что сам не приехал. Хотел бы я с ним лично знаться. Передай, что Силантий готов сделать выгодное предложение на следующий сезон. — тут он хитро прищурил глаз и улыбнулся Кире: — А ты, красавица, почто так одета? Неужто отцу помогаешь?

— Так в дороге сподручней, и от ухажеров отбиваться легче, — отшутилась Кира, решив не выдавать дядьку Аккария.

— Будет ещё товар — привози. Не обману, дам хорошую цену. Спросишь лавку Силантия Капара, здесь кто угодно подскажет.

— Он бы не согласился товар посмотреть, — позже виновато развел руками Аккарий, — если бы я сразу сказал, что девчонка охотилась. Потом сама расскажешь, если захочешь.

— Спасибо вам, — улыбнулась Кира. — Тогда я пошла?

— Постарайся вернуться до заката, пока открыты ворота, иначе я буду волноваться. Мы постараемся встать на ночевку на прежнем месте.

* * *

В пояском кошеле под курткой, которую, не смотря на пригревающее солнце, Кира не стала снимать, позванивали восемнадцать золотых — целое состояние!

Нет, эти деньги она тратить не собиралась, в правом кармашке звякало несколько мелких монет на расходы, припасенных, чтобы купить сладости соседским девчонкам, вязки стеклянных разноцветных бус, да вышивальные нитки для матери. Да может что-то ещё, если сильно понравится.

Вдохнув полной грудью, Кира едва не чихнула от висевшей в воздухе пыли, но и это не послужило поводом для разочарования. Охотница любила лес, но решила, что и город полюбить сможет. Сейчас он представлялся новой неизведанной территорией, загадочной и манящей.

Побродив немного по рынку и подивившись на заморские товары, Кира выполнила наказ матери. Затем, сдав новоприобретенное добро на хранение Аккарию, не удержалась и купила большой, покрытый глазурью пряник. Расположившись напротив цветочницы, принялась его степенно жевать, запивая водой из маленькой фляжки. впереди, там где заканчивалась улица, над белокаменными стенами возвышались позолоченные конические крыши храмов. Одолело жгучее желание взглянуть на них поближе. Кира решила, что неплохо и внутрь войти, помолиться Киалане о здоровье и благополучии жителей. В храм Керуна-то её, ясное дело, не пустят. Правильно! Стоило провести и ритуал очищения, да испросить у богини совета, как быть дальше. Покончив с пряником и стряхнув с рук крошки, охотница направилась вверх по улице, украдкой рассматривая прохожих.

После торговых улиц, состоящих сплошь из лавок, да мастерских, перемежающихся постоянными дворами, кабаками, да тавернами, пестрящих вывесками на любой вкус, начались деловые кварталы. Здесь дома были не ниже двух этажей, все сплошь каменные, построенные по единому образу. Деревянные настилы сменились мостовой, и Кира отметила, что чем ближе к центру она продвигается, тем богаче одеты люди, попадающиеся навстречу. Но, что ей показалось удивительным, так это то, что редкая лошадь под всадником была лучше, чем её Полночь: «Это же, выходит, сколько Каррон за неё отдал?».

Рассматривая расшитые жемчугами платья, блестящие парчой, мягко мерцающие складками бархата, Кира невольно застеснялась своего простого облачения, и порадовалась, что все эти люди спешили куда-то, и им не было до неё никакого дела.

У конторы, мимо которой она как раз проходила, остановилась карета, запряженная прекрасной парой белоснежных лошадок. Оттуда ступила дама, грациозно опершись на руку лакея. Её плечи, не смотря на теплую погоду, укрывала изящная накидка из меха снежного соболя, а лиф простого атласного платья цвета топленого молока, украшали жемчуг и тончайшего плетения кружево. Блестящие на солнце каштановые волосы были мастерски

уложены в сложную прическу, каких Кира отродясь не видела. Все это великолепие дополняли кружевные митенки, откуда виднелись нежные пальчики с отполированными розовыми ноготками и белый кружевной зонтик — его дама несла сложенным.

Девушка неожиданно повернула голову и улыбнулась, довольная произведенным эффектом, и Кира помимо воли застыла, таращась на сказочную принцессу самым неприличнейшим образом, даже рот забыла закрыть.

Сзади послышался восхищенный возглас:

— Это что за краля? Хотелось бы быть ей представленным.

— И думать забудь! Это дочка градоправителя. Не твоего полета птица.

«Вот кто получит манто из голубой куницы, которую я продала Силантию», подумала охотница, стряхивая оцепенение.

Через пятнадцать минут Кира вошла во врата храма Киаланы.

Истово, как никогда в жизни, она молила богиню, стоя на коленях перед гигантской статуей. Просила защитить деревенских, образумить Защитника Паситу, укрыть грядущей зимой от Стаи, уберечь от сартогов, да укрепить сон тварей Излома.

Как водится, не забыла испросить о здоровье, а для себя только одно — направить, помочь принять верное решение. Даже, не скупясь, пожертвовала целый золотой и заняла очередь на ритуал очищения, когда к ней подошла закутанная в многочисленные слои кисеи юная жрица. Поклонившись, она молча указала следовать за собой. Обогнув статую богини, отворила неприметную дверцу, предлагая войти внутрь. Было немного жутко, но Кира рассудила, что в храме с ней вряд ли может что-то случиться.

— Сядь дитя, — послышался степенный низкий голос.

Немолодая женщина мягким плавным жестом указала на разбросанные по полу подушки. Повинуясь, Кира опустила на одну и скрестила ноги.

— Я чувствую, твоя душа полна сомнений. Напрасно. В тебе дремлет небывалая сила. Ты лишь в начале пути, но твоя судьба предначертана. Не надо противиться. Все случается по воле богов, и ты должна знать, они любят испытывать смертных. Иначе, как им понять, кто из нас, чего достоин? Помыслы людей изменчивы. В сей миг ты веришь в одно, а через два вдоха в иное...

Жрица, как водится, говорила долго и запутанно, Кира её не перебивала. Не смотря ни на что, в ней крепла надежда. Значит ли это, что Пасита послан ей богами, как испытание? Для неё ли одной, или для всех жителей? Золотые Орешки слишком долго жили мирно. И сартоги стороной обходят, Стая много зим не тревожит, а когда последний раз пробуждался Излом, и старики уже не припомнят. Обленились. Заплыли жирком. Плачемся по любому поводу — только Керуна гневим, прячась за юбку Киаланы стоит возникнуть трудности... Грядет время испытаний, а мы, выходит, и не готовы совсем...

Кира тряхнула головой, отгоняя тяжелые мысли и вышла наружу опустошенная, но с надеждой в душе. С удовольствием вдохнула воздух, очищая легкие от запаха благовоний. Врождённое любопытство и влекущий запутанными улочками светлый, жизнерадостный Птичий Терем, манил, и нахлынувшая было печаль быстро улетучилась, растворившись где-то там над маковками храмов в синем летнем небе.

Напротив возвышался храм Керуна-воина. В отличие от легкого и изящного, как морозные узоры на окне, храма богини, он больше напоминал неприступную крепость, при необходимости эти стены смогут укрыть от напасти немало жителей города.

Объединял два храма лишь белый камень, из которого были построены оба здания, да

позолоченные крыши, выполненные в едином стиле.

Кира пересекла площадь, чтобы рассмотреть его получше. Вблизи храм производил подавляющее впечатление, заставляя чувствовать себя песчинкой пред взглядом сурового бога. У входа возвышались две внушительные фигуры братьев-воинов в серых длинных рясах, перепоясанных простой веревкой. Каждый был, почитай, на две головы выше Киры, а она на рост не жаловалась — не каланча, хвала богине, но и не пигалица, как Маришка. Вот же воистину отражения бога-воина!

Кира припомнила рассказы Каррона. Именно братья-воины сражались плечом к плечу с Защитниками, разя порождений Излома не магией, но силой духа и мечами из освященной стали.

Один из невозмутимых истуканов тепло улыбнулся и подмигнул, и Кира вдруг осознала, что стоит уставившись на них во все глаза, хорошо, хоть снова рот не раззявила. Брат-воин оказался совсем ещё молодым парнем. А что, симпатичный и ладный, чем-то Лютобора напоминает. Второй — его копия, разве что постарше. Тот не улыбался, но в серых глазах отражалось веселье. Кира, не удержавшись, сверкнула зубами в ответ и зарделась, смущенно отвернувшись, поспешила дальше. Подумала: и ладно, что внутрь женщин не пускают, а то вот так войдешь, а выйдешь невестой, если все там такие, как на подбор красавцы. Братьям-воинам, в отличие от Защитников, заводить семьи не запрещено.

Отдав дань богам, Кира решила осмотреть знаменитый Птичий Терем, давший название городу. Говорят, градоправитель собрал там видимо-невидимо птиц со всех уголков света. Он — большой их почитатель, особенно певчих и охотничьих. Местных-то птиц она знала наперечет и по виду, и по повадкам, а вот на заморских страсть как хотелось взглянуть. Но не успела она пройти и пары кварталов, как вдруг на неё, зазевавшись, налетел какой-то паренек.

— Эй, поосторожней!

Толчок вышел сильный, и Кира поймала парнишку, спасая от падения на мостовую. Тот непроизвольно вцепился в её куртку и, смутившись, затараторил:

— Простите, госпожа, я загляделся, право не ловко. Вы сами не ушиблись? — и, дождавшись отрицательного ответа, он приподнял шапочку. — Доброго вам денечка!

— Доброго! Будь впредь осторожней.

Кира представила, попадись на её месте та же дочка градоправителя к примеру?

Всыпали бы ему, наверное, плетей на площади. Она было зашагала дальше, как вдруг одолели смутные подозрения. Предчувствие не обмануло, поясного кошель на месте, как не бывало.

— Ах ты паршивец!

Охотница обернулась и чудом успела заметить, как парень юркнул в ближайший переулок. Припустив следом, она от всей души надеялась, что действительно гонится за воришкой, а не за каким-нибудь случайным бедолагой, иначе пропали её денежки.

— Стой! — Крикнула она вслед, но тот, оглянувшись, поспешил снова скрыться за углом. «Похоже, не ошиблась», — решила Кира стремительно преодолевая узкую улочку. Как раз вовремя, чтобы узреть прежнюю картину: как бы быстро она не бежала, вор оказывался проворнее. Видимо знал здесь каждую подворотню.

Свернув в очередной раз, Кира остановилась в нерешительности.

Проулок, если так вообще можно было назвать задворки, на которых она оказалась, была пуст и заканчивался тупиком. Справа и слева возвышались грязные, покрытые

потеками нечистот, стены. Воняло ужасно, в отхожем месте и то запах лучше.

Повсюду кучи какого-то непонятного мусора, под которым мостовой и не видно, Киру одолели сомнения, есть ли она вообще здесь? Но главное — она совершенно не представляла, где очутилась, и как вернуться обратно. Не то чтобы охотница по этому поводу сильно расстроилась, украденного кошелька было жальче.

— Просто прекрасно, — горестно расхохоталась Кира, — Меня обокрали и я заблудилась — все, как пугала мама. Если хорошенько припомнить, то ещё осталось снасильничать и убить, ну или продать в рабство, куда-нибудь в Сагалию...

Она вздрогнула от неожиданности, когда ей ответил скрипучий голос.

— А что, хорошая идея. По первому пункту мы с тобой согласны, а про второй сразу не подумали. Спасибо за подсказку, — последовавший хохот напомнил вчерашние события.

Трое крепких жилистых мужчин разного возраста перекрыли улицу, отрезая путь к бегству. Из-за угла, чуть поодаль, демонстративно покручивая Кириным кошелом в пальцах, вальяжно вышел тот самый парнишка, с которым она столкнулась на улице.

Позади с крыши спрыгнули ещё двое, и круг стал медленно сжиматься. На лицах грабителей читалось насмешливое, самоуверенное предвкушение.

Кира почти не испугалась, скорее обиделась. И за кошелек. И за потерянное время — теперь вряд ли успеет посмотреть птичек. И даже за то, что может снова кого-нибудь убить ненароком, сама того не желая. За обидой пришла злость, подталкивающая к безрассудству. Сбитые накануне в кровь кулаки зачесались.

— А что, отбросы всегда шутят, перед тем, как напасть?

— Чего мелешь, баба? Начинай орать, уже пора, — припугнул заводила, вызвав новый приступ хохота, видимо он был главным.

— Не боишься, что меня станут искать? — чересчур спокойно спросила Кира, расслабляя мышцы и внутренне готовясь к драке.

— Да по тебе же сразу видно — деревня. Кто ж тебя хватится? А если и так, то не скоро.

Он повернулся к воришке и спросил:

— Счастливчик, сколько там?

Парень развязал кошелек и удивленно присвистнул:

— Ты не поверишь!

— Не тяни резину! — рявкнул главарь.

— Семнадцать золотых, Холера! Семнадцать, сартог их душу, золотых!

— Откуда столько денег, крошка? — а с виду и не скажешь.

— Охочусь на зверя, — честно ответила Кира, оставив бандитам догадываться самостоятельно, что именно она имеет в виду.

— Я думал на пару медяков польстился, — продолжал возбужденно Счастливчик, — Край серебрушка-другая. Ну добрая куртка, сапоги на ней, но деревня же деревней! Я от самой площади её вел, она рот не закрывала — по сторонам пялилась. Решил ради смеха пощипать. Нет, я воистину Счастливчик!

Парень искренне радовался, и Кире даже стало его немного жалко. Такие, как он плохо кончают. Она вздохнула и внезапно для бандитов рассмеялась.

— Чего ржешь?

— Да думаю, может вам и остальные отдать? Али сами заберете? — Кира похлопала по карману с мелочью и встала в стойку.

— Вы только посмотрите! Никак отпор давать собралась, — делано удивился один из

воров, молчавший до этого момента.

— Пусть лучше чего другого даст, я не против, — сострил другой, и остальные снова гнусно заржали.

— Не порежьте! Со шрамами за хорошую цену не продашь, — предупредил Холера подельников. Видать и правда вдохновился мыслью о прибыли.

— Больно вы уверенные, сами-то не боитесь?

— Это, позволь спросить, чего мне, Холере, в своих кварталах бояться?

— Сегодня в город вошли несколько таких же смелых. В колодках. Один, помнится, тоже именем кичился.

— И кто же? — бандиты не нападали, ожидая отмашку главаря, а тот с удовольствием точил лясы и не торопился.

— Уж не про Борова ли она? — внезапно спросил один из спрыгнувших с крыши.

— Про него, про него, — ответила Кира радостно улыбаясь, как старому знакомцу.

— Тот тоже страшал, а как до дела дошло... В колодках теперь ваш Боров. Да ему повезло больше, чем подельникам, те в лесу так и остались.

— Неужто все ты? — с усмешкой произнёс главарь, всем видом показывая, что не верит ни единому слову.

— Почему я? Я всего лишь девчонка, но у меня есть друзья.

— Врет она все! — выкрикнул все тот же Счастличик. — Поговаривают, Боров кому-то серьёзному задолжал, за ним асс-хэпт пришли, а к тому обозу он сам прибежал за защитой и сдался нарочно. Ассасин молодой был, не опытный, не полез дальше. Мне Кривое Рыло про то сказывал, а ему сам Боров шепнул, когда мимо вели.

Холера, недовольный разговорчивостью подельников, раздраженно дернул плечом:

— Хватит болтовни, пора заняться делом.

Когда две тени отделились от обочины и неслышно вышли на дорогу, разум Нааррона сковала липкая сеть страха. Затошнило. Заныло в груди от горького разочарования, как тогда, в детстве, когда Круг Определения показал, что ему не стать Защитником. И вот он снова облажался. Смертельно.

— Храни Киалана, — мольба непроизвольно вырвалась из губ.

Ассасины в темноте выглядели жутковато. Если бы он не видел их ранее, и не подслушал ту беседу, то легко мог бы принять за порождений Излома. Укрытые нависающими капюшонами лица в темноте создавали иллюзию их полного отсутствия, даже глаза не блестели. Безмолвие, с которым асс-хэпт напали, леденило кровь. Ни боевого клича, ни рычания, ни задиристых фраз. Просто в его сторону полетела сотня, как показалось адепту, метательных клинков, каждый из которых наверняка смазан какой-нибудь убойной дрянью.

Ясень оказался сообразительней наездника. Взметнувшись на дыбы, конь развернулся и рванул прочь. Не удержавшись, Нааррон свалился, отбив задницу, и больно приложился головой обо что-то твердое.

Крэг ещё ни разу в жизни не ставил Звездный щит так быстро, а тем более такой огромный. Тончайшая голубоватая пленка, слабо мерцающая в темноте мириадами маленьких искорок, раскинулась на добрые три сажени во все стороны, укрыв от стальной смерти не только их с Наарроном, но и лошадей.

«Надо же! И правда звездное небо напоминает. Можно впечатление производить на девчонок», — подумалось некстати. Не вовремя... Нет у него ни мига на размышления. Крэг, спрыгивая с коня, отметил, как опадает в траву десятков метательных ножей-лахиров [*автор поиграл с названием реально существующих двусторонних метательных ножей типа «валет» и использовал название «Lahire», так называли вальета червей по имени французского полководца. Прим. Автора*].

Хлопнул по гладкому крупу, и Ветер рванул назад по дороге, утягивая за собой привязанную к седлу Ромашку. Выжигая до конца без того иссякшие потоки, Защитник снова обратился к силе. Вверх взметнулась приличных размеров огненная стена, с ревом пожирая все, что попадалось на пути, отправилась навстречу убийцам. Толка, впрочем, от неё не было никакого. Крэг это понял, когда в свете пламени на высоте пяти саженей увидел взвившиеся в небо фигуры асс-хэпт.

Те, будто на пружине перескочив через огонь, оказались рядом. Бастард отбил лезвие кривого кылыша, Защитник закрутился волчком под шквалом скользящих ударов. Чудилось, что у убийц больше, чем по две руки — с такой скоростью мелькали смертоносные изогнутые сабли. Окажись на месте Защитника кто другой, вряд ли они смог бы выстоять и пару мгновений. Крэг впервые осознал, насколько был прав безжалостно загоняя себя на плацу и в тренировочных залах, повышая не только боевое мастерство, но и компенсируя недостаток магического потенциала.

Вымуштрованное тело не подводило, он парировал, отбивал, уворачивался и даже пытался наносить удары раньше, чем успевал о них подумать, сжигая мышцы боевым трансом. Помогали и усиленные регулярным приемом особых снадобий рефлексy.

Впрочем, у ассасинов, как оказалось, так же имелись и рефлексy, и снадобья, и свой

боевой транс. А ещё их было двое. Возможно, будь асс-хэпт один, Защитник смог бы с ним потягаться в честной схватке, конечно, насколько схватка с сагалийским ассасином могла быть честной...

Приходилось туго. К удивлению Крэга, воздух внезапно уплотнился. Он будто наткнулся на вязкую стену, которая погасила инерцию замаха. Бастард застрял, как муха в янтаре, и Защитник инстинктивно усилив нажим вдруг полетел вперёд, когда меч получил свободу. Едва увернулся, но лезвие шибрии — он узнал клинок по специфической форме, разрезав рукав куртки, все же оцарапало плечо. Следом взорвалось болью правое бедро — асс-хэпт, сделав обманный выпад, повернул запястье, выпустив из кожаного наруча тонкое жало стальной иглы в добрые две пяди длиной.

Нааррон очнулся. В голове стоял гул, по щеке текло что-то теплое. Не обращая на это внимания, шатаясь, он поднялся на четвереньки и пожалел, что пришёл в себя. Там в темноте было так хорошо и спокойно. Наверное... Картина перед глазами безбожно плыла, от чего тут же замутило. Подавив рвотный позыв, Нааррон сосредоточился. Чуть поодаль в свете догорающего пламени Крэг остервенело, на остатках трансa, отбивался от двух молчаливых теней. Схватка была жестокой. Друг явно ранен, бережет ногу, и боги знают, что с ним ещё, в темноте толком не разглядеть. Внезапно один из асс-хэпт поднял голову. Нечеловеческий прыжок, и вот убийца рядом. Свистнула сабля. Мир сузился до размеров изогнутого клинка. Огонь отразился в отполированной плотью стали. Нааррон зажмурился, едва сдержав рвущийся наружу вопль.

Ветвь мороза — все, на что хватило жалких крох *силы* — достигла цели. Боги!

Метнувшийся к Нааррону убийца сумел отразить удар в спину. Его просто на миг окутала какая-то муть, похожая на туман, и ветвь не причинила никакого вреда. Да он даже не обернулся! Асс-хо-хэпт — осознал Крэг, понимая, что расклад смертельно хуже, чем он думал, но на этом неприятности не закончились. Одновременно позади обречённого друга возникла ещё одна фигура в характерном капюшоне. Третий!

Из вытянутой руки пришельца вылетел всего лишь один метательный нож. Транс позволил расслышать, как тот издает тихий гул в полете, разглядеть, как расходится в стороны воздушная рябь...

Не успеет. Он уже ничего не успеет сделать. Потому что нож летит слишком быстро. Потому что первый все ещё здесь — рядом, пытается закончить начатое. Потому что тот, третий, несоизмеримо быстрее... И, хотя время растянулась на целую вечность, на деле это всего лишь краткий миг, заключивший в себя их с Наарроном гибель.

Мальчишки. Они всего лишь мальчишки, возомнившие, что смогут безнаказанно принять участие в Большой игре...

В правый бок будто ткнули горячей головней. Защитник пошатнулся, и гудящий нож, стократно ускорившись, достиг своей цели. Задев висок, оставил глубокую царапину, да срезал несколько волосинок. Промахнулся убийца или попал куда целился, но лахир вонзился в глаз нападавшему асс-хэпт. Тот упал вперёд, навалившись на Крэга, ещё глубже вгоняя клинок. Защитник так и не понял: произошедшее досадная случайность, или же невероятное везение? Получив передышку, он осторожно разжал пальцы ассасина, высвобождая шибрию. С трудом отпихнул мертвое тело.

Придерживая левой рукой засевший в ране клинок, шатаясь от слабости, Крэг захромал к Нааррону, понимая, что его попытка бессмысленна. Кровь из рассаженной брови заливала глаза, но он даже не пытался её утереть — не хотелось тратить остатки сил на лишние

движения. Да и мертвому ему будет все равно, а выжить Защитник уже не надеялся... Перед глазами плыло, мутило неимоверно. Он не знал, что его ещё держит в сознании: остатки транса или собственное упрямство, но старался использовать это на полную. Гнал от себя назойливую мысль о том, что не сможет даже поднять меч, не то что ударить... Главное — дойти, а там...

Шаг. ещё один...

Нааррон все ждал, когда сталь коснется его шеи, но бежали мгновения, а ничего подобного не происходило. более того, рядом затеялась какая-то возня, а он все ещё жив! И даже почти цел! Рассеченный затылок не в счет — ничего серьёзного. Боги!

Киалана, я пожертвую все свои сбережения, как только вернусь в Орден. Отнесу в храм всю копилку, не пересчитывая. Адепт рискнул открыть глаза.

В двух шагах шло ожесточенное сражение — рановато радоваться. Между собой яростно рубились на кривых клинках два ассасина. Нааррон почувствовал напряжение потоков энергии. Оно отличалось от того, какое производили Защитники обращаясь к *силе*, и все же что-то витало в эфире. Что-то настолько осязаемое, что это ни с чем нельзя было перепутать. Осенила догадка: асс-хо-хэпт. О боги! Высоко же оценили их жизни, раз послали такую убийную, в прямом смысле, команду. Нааррон, не вставая, отполз в сторону и только тогда увидел Крэга.

Защитник едва держался на ногах, глядя перед собой в одну точку.

Непривычная бледность смуглого зубоскала бросилась в глаза не смотря на темноту.

Вот лицо друга исказила гримаса, но он упрямо сделал шаг, чудом не рухнув на землю.

Нааррон вскочил, взыв от неожиданно боли. Когда это он успел подвернуть ногу?

Прихрамывая, поспешил к Защитнику. Вблизи стало видно, что тот с ног до головы залит кровью: лицо, кисти рук. Своя или чужая? Мокрой оказалась и правая штанина, подтвердив самые худшие подозрения. Нааррон осторожно взял друга за руку, пытаясь поддержать — и куртка мокрая!

— Крэг! О нет, громила... — адепт сглотнул подступивший к горлу ком.

Левая рука Крэга безвольно повисла, открывая торчащую из правого бока рукоять кинжала, из правой ввалился клинок.

— Киалана! — в который уже раз Нааррон воззвал к богине. Глаза Защитника затянула предсмертная муть, он упал на колени. — Эй! Не смей умирать! — адепт беспомощно обернулся.

Ассасины кружили, как дерущаяся коты: то сцепляясь в мельтешащий вихрь, в котором невозможно понять, где чей клинок, чья рука, то отскакивали в стороны, принимаясь примериваться друг к другу, отслеживая малейшее движение противника, улавливая одно лишь намерение.

Что происходит? Откуда взялся третий? Вдруг Нааррон осознал: один убийца стремится добраться до них с Крэгом, а другой пытается помешать, и это ему не просто дается.

— Он что же, на нашей стороне? — удивлению адепта не было предела.

В подтверждение догадки, «свой» асс-хо-хэпт рыкнул не оборачиваясь:

— Убирайтесь!

Ассасин едва успел отбить кыльшем один из посланных в Нааррона лахиров, второй вонзился ему в плечо. Бой замедлился. Оба уже были ранены и стали осторожнее, подолгу примеряясь, как получше нанести единственный решающий удар.

Вокруг каждого клубилось какое-то серое марево, из-за чего фигуры расплывались и

смазывались.

Стоило поторапливаться. Крэг потерял сознание, и Нааррон едва успел его подхватить и со всеми предосторожностями уложить на землю. Прежде чем бежать, надо что-то сделать с его ранами. Адепт, скинув куртку, стянул рубаху и разорвал на полосы голыми руками, откуда только силы взялись? Быстро осмотрел повреждения.

На плече царапина. На лице кровищи много — но тоже ерунда, с этим можно и потом разобраться, главное череп целый. Бедро — уже серьёзно. Артерия не повреждена, хвала Киалане! Адепт затянул импровизированный бинт потуже, подложив побольше ткани. Так. Теперь самое страшное. Чуть изогнутый клинок похоже пробил печень. Очень плохо. Руки задрожали, когда потянул нож из раны. Замутило, от вида хлынувшей ему вслед, черной в темноте, жижи. Нааррон не боялся крови, боялся другого...

Заставив себя сосредоточиться, он отбросил клинок в сторону и зажал рану руками. Для простого человека, вроде него самого, все уже было бы кончено. Но *сила* бережет Защитников. Крэг должен выжить, и он сделает для этого все возможное.

Лучше друга у него в этом мире нет и не будет. желтоватое сияние озарило лицо, когда целительная сила полилась из ладоней, восстанавливая ткани. Нет, этого, конечно же, не достаточно, но позволит громиле подержаться некоторое время.

Нааррон физически почувствовал, как с навалившейся слабостью отступило то острое ощущение беды. Он добавил ещё, отдавая Последнее. Края чуть схватились, кровь перестала вытекать наружу. Боги, её так много... Как смог, Нааррон перевязал и эту рану. Все действия не заняли и пары минут. Теперь нужно было найти лошадей.

Обернувшись, адепт оторопел. Один ассасин, повалив второго на землю, пытался перерезать ему глотку. Но главное, Нааррон не мог понять, который из них свой? Кто побеждает? Негаданный помощник? А если нет? Решение пришло неожиданно. Нааррон оглянулся вокруг. На обочине у самых деревьев обнаружился увесистая палка. Адепт, хекнув, со всей мочи опустил импровизированную дубину на черепушку того ассасина, который брал верх.

— Отдохни-ка!

Убийца явно оказался не готов к подобному повороту событий, а по сему позорно обмяк, мигом растеряв всю свою крутизну, и Нааррон испытал мрачное удовлетворение по этому поводу. Второй был ранен, и не смог сразу освободиться от придавившего его тела. Адепт, не медля, размахнулся снова, оправдывая свой поступок тем, что и их сторонник далеко не молоденькая невинная жрица Киаланы, а точно такой же наемный убийца. Разница между ними лишь в том, кому какой заказ достался.

Асс-хо-хэпт едва успел прохрипеть:

— Лошади там за... — его зрачки отразили протест за мгновение до того, как тяжелая палка опустилась на голову.

Насчет лошадей Нааррон, почему-то ему поверил.

— Держись дружище! — шепнул он, метнувшись по дороге назад, хотя так и не понял, куда именно указал ассасин. Вороной и кобылка обнаружились привязанными к дереву совсем рядом, а вот Ясеня нигде видно не было. Отвязав коней, адепт бросился обратно.

Бежать.

Позабыв о страхах, Нааррон приказал Ветру опуститься на колени, иначе ему могучего Защитника было не поднять в седло. Тут же передумал и уложил Ромашку — её мягкий ход будет причинять чуть меньше беспокойства раненому.

— Прости, — он перекинул друга, поперек седла. Крэг застонал, но в себя не пришёл. — Держись, громила. Все будет хорошо, обещаю! — смахивая слёзы, Нааррон привязал друга, чтобы тот не свалился. Сам взгромоздился на Ветра: — придётся тебе меня потерпеть, животное, — конь недовольно всхрапнул, но будто согласился на временное перемирие. — Пошёл, родимый, пошёл!

* * *

Нааррон очнулся.

Вокруг тянулись к небу рыжие стволы.

«Сосны? Кажется, я задремал, — подумал он, — хорошо, что сообразил привязаться к седлу». Обернулся, с облегчением обнаружив Ромашку, надеясь всем сердцем, что недвижимый Крэг, все ещё без сознания или спит. Убедившись, что это так на самом деле, он немного успокоился и осмотрелся.

Солнце взошло совсем недавно, тонкие лучи наискось пронизывали кроны. В вышине размеренно переругивались птахи, а внизу в тени ещё сохранилась прохлада.

Нааррон поёжился — расстегнутая куртка на голое тело грела не очень. Волосы на затылке слиплись от засохшей крови и неприятно тянули, грудь чесалась, искусанная комарами. Нудила и дергала распухшая нога в стремени, но все равно его затопила безотчётная радость.

Прекрасное утро — утро их нового рожденья!

Кони устало перебирали ногами, то и дело останавливаясь, чтобы подхватить травинку. Нужно было срочно найти место для отдыха, привести себя в порядок, напоить лошадей, а главное — всерьёз заняться ранами Крэга. К жилью идти было нельзя. По крайней мере, не в таком виде. Если за ними погоня, то первым делом будут искать в окрестных поселениях, люди же в большинстве своем не умеют держать язык за зубами. Всегда найдется тот, кто за монету другую шепнет про двух незнакомцев, один из которых тяжело ранен.

Спустя некоторое время Нааррон понял, что шум, который он слышит, рождается не в его больной голове. Шумела вода. Где-то поблизости протекала речка.

— Давай, родной, — он с усилием поднял тяжелую голову Ветра, — вперёд!

Потерпи ещё немного.

Впрочем, лошадок не пришлось долго упрашивать, животные, почуяв воду, сами ускорили шаг. Лес кончался, а впереди за деревьями что-то виднелось.

Мельница!

Нааррон обрадовался, что укрытие удалось обнаружить так быстро, но осторожность взяла верх. Привязав коней к дереву на опушке, он пригибаясь к земле насколько позволяла больная нога, пересек отделявшее лес от реки пространство, заросшее высокой сочной травой. На старой мельнице царило запустение. Ей не пользовались с прошлого года, а то и дольше. Тем лучше. Меньше шансов, что кто-то внезапно заявится. Здесь было можно с комфортом переждать некоторое время. В наличии трава для лошадей, загон, крыша над головой и чистая вода. Бурная, порожистая речка с шумом выворачивала из-за невысокой скалы. Пенясь, катила круглую гальку вниз: «Похоже мы оказались в предгорьях, но где же именно?».

Нааррон осторожно заглянул в пыльное окно — внутри никого не было. Отпереть засов

не составило труда. Трухлявые доски, не выдержав напора, подались со скрипом выпуская заржавевшие скобы из своих старческих объятий. Изнутри пахло пылью и сыростью. Обнаружился шкаф с тряпьем, среди которого нашлось затхлые, но относительно чистые простыни, кое-какая посуда, вполне пригодная для использования. Две широкие лавки, да поленница у входа, а в ней — вот удача! — Сухие дрова.

* * *

Крэг ненадолго пришёл в себя и, что-то невнятно пробормотав, уснул.

— Спи, тебе нужно побольше спать, — Нааррон, приподняв его голову, осторожно влил в рот теплый травяной отвар, заряженный целительной силой. Остатки допил сам — ему тоже следует отдохнуть. Дохромал до соседней лавки и свернулся на ней, укутавшись в пыльные одеяла.

Сон...

Приснилась всякая дрянь, чего и следовало ожидать. За Наарроном гонялись толпы разбойников во главе с тремя мертвыми ассасинами. Умиравший сотню раз Крэг, капризно обвинял его в своей гибели, аргументируя это тем, что он, Нааррон, заучка и слабак. Потом появился гигантский загнутый клинок. Он долго гонялся следом, пока, наконец, не настиг адепта.

Нааррон проснулся в холодном поту, зубы выбивали дробь, но скорее не от холода, а от натянутых до предела нервов. Он сел и натянул куртку. Дрова в очаге превратились в едва тлеющие угли, а за окном царила глубокая ночь. Выходит он проспал целый день и сейчас, не смотря на головную боль, чувствовал себя почти отдохнувшим.

Опухшая нога не лезла в сапог, и Нааррон бросил эту затею, решив заняться ей, в первую очередь, но сначала нужно было проверить друга. Хвала Киалане, Крэг все ещё дышал, хотя и несколько натужно. Адепт потрогал потный, испачканный засохшей кровью и жирный от мази лоб — накануне было не до церемоний, мазал все как придётся — у Защитника был жар. Ожидаемо, *сила* боролась за жизнь обладателя.

Нестерпимо потянуло на улицу — нужда, дело такое. Облегчаясь за углом, адепт прислушался, но ничего кроме несмолкающего шума воды, расслышать не удалось.

Нааррон, подумав, спустился ниже по течению, чтобы проверить лошадей у небольшой рукотворной заводи. Там громко пели цикады, да порой раздавался пронзительный вскрик ночной птицы. Облака разошлись, и небо смотрело на землю, сияя мириадами звезд. Напоенный терпким ароматом хвои воздух радовал с каждым новым вдохом, напоминая, что Нааррон все ещё жив.

Не удержавшись, адепт разделся и вымылся. Его не испугали ни обжигающий холод воды, ни черная непроглядность её глади. Он радовался, чувству облегчения в опухшей ноге, наслаждался ощущением покрывающейся мурашками кожи. Он жив! О, Киалана, спасибо! Вымывшись, адепт прополоскал одежду. Набрал воды в старое рассохшееся, безбожно протекающее ведро и в большой мех. Хорошо что тот идиот-воришка нагрузил все запасы на Ромашку. Ясень так и пропал, вместе с содержимым седельных сумок.

Вернувшись, Нааррон занялся ногой, затем разжег очаг — в темноте меньше вероятности, что кто-то увидит дым, да и деревенщины побаиваются таких мест, как это, особенно по ночам. Зная, сколько страшных историй рассказывают о мельницах, можно

было не волноваться, что кто-то рискнет проверить, кто здесь обосновался.

Когда вода нагрелась, он занялся перевязкой, предварительно обтерев тело друга мокрой тряпицей, смыл кровь и грязь, срезал и сжег испорченную одежду — в сумках была смена. Раны очистил заново, промыв дезинфицирующем отваром собственного приготовления, наложил купленную в Красных Горках заживляющую мазь, перевязал.

Мелкие порезы уже затянулись и покрылись свежей розовой кожей.

— На тебе как на собаке заживает, дружище, — беззлобно пошутил адепт, — это хорошо.

Следовало провести новый сеанс целительства, вот только сначала стоило поесть.

* * *

Утром жар усилился, хотя по всем признакам уже должен был прекратиться.

Нааррон хлопнул себя по лбу:

— Плечо!

Увиденное ему не понравилось: края раны почернели, вокруг разлилась краснота и плоть припухла. — А вот это уже совсем нехорошо, — Нааррон разволновался.

Клинок оказался отравлен. — Идиот! — Адепт метнулся к сумке, — Как же я сразу не сообразил, это же, сартоги их дери, ассасины! — он спешно перебрал имеющиеся снадобья и травки и раздосадованно поморщился — не хватало кое-каких компонентов.

А ещё было бы неплохо раздобыть пиявок.

* * *

Следующий раз Нааррон проснулся уже днем. Доел приготовленную ночью кашу и осмотрел свою ногу. Мазь хорошо помогла, от опухоли и следа не осталось, а боль стала вполне терпимой. Проверил Крэга, жар по прежнему не спал, но и не усилился.

Защитник очнулся, шевельнул потрескавшимися губами:

— Пить...

Нааррон напоил друга заряженным отваром, *сила* у Защитника должна бурлить через край, тогда организм сможет восстановиться гораздо быстрее.

На третий день Крэг смог подняться с постели. Сначала с помощью Нааррона, потом и сам, судорожно хватаясь за стены. Правда ограничивался он редкими походами по нужде, да и это отнимало все его силы. Остальное время Защитник спал.

* * *

Адепт, помимо прочих забот искал нужные травки, заготавливая их впрок.

Сушил, перетирал, составлял сборы. Теперь он лучше понимал, что может пригодится в дороге. Что важно всегда иметь под рукой. По утрам удил рыбу в заводи, там же чуть раньше обнаружили и пиявки, которых он наловил тем же днем, когда лучи солнца, пронизали воду, сделав её теплой, как парное молоко.

Нааррон, некоторое время решался: сделать это самостоятельно или использовать лошадей как приманку. Решил пожертвовать собственным телом, но это того стоило. Видеть надо было физиономию громилы, когда тот в очередной раз открыв глаза, обнаружил присосавшихся к плечу тварей. Только что не взвизгнул, как кабацкая девка, которую ущипнули за зад. Нааррон давно так искренне не смеялся, но на просьбу «убрать эту гадость», ответил твердым отказом.

* * *

Так в тишине и покое пролетели почти три седмицы. Похоже боги решили дать им передышку. Нааррон регулярно объезжал окрестности верхом на Ромашке, изучая местность. Подготавливая пути отхода на случай, если придётся срочно сниматься. Рано или поздно этот момент настанет, и лучше, чтобы он не напоминал поспешное бегство.

Защитник был с ним полностью согласен. Он все порывался присоединиться, но оказался слишком слаб, чтобы сесть в седло, что послужило поводом для страданий.

Нааррон же стал поручать ему мелкие дела по хозяйству, чтобы тот не так сильно маялся. Вместе они продумали план действий, оставалось только точно узнать, где именно они оказались.

В попытках это выяснить не прибегая к помощи посторонних Нааррон даже однажды вернулся на полдня пути в ту сторону, откуда пришёл. Но то ли перепутал направление, то ли вовсе заплутал, но так и не обнаружил старой дороги. Странно, но они не могли уйти слишком далеко от того места, где на них напали убийцы, хотя все что он видел вокруг говорило об обратном.

В одну из своих поездок, адепт поднялся вверх по реке и случайно увидел дымок. Оставив Ромашку в приметном месте, прогулялся пешком, и, подобравшись поближе наткнулся на стоянку.

Это был небольшой отряд. Семь стреноженных лошадей, паслись поодаль от лагеря. Нааррону случайно удалось подслушав недовольное бормотание одного из путешественников. Тот трижды сбегал по нужде, облюбовав камень, за которым притаился Нааррон. Заставил он адепта понервничать. Стоило ему обойти ненадёжное укрытие вокруг, как Нааррону пришлось бы отвечать на неудобные вопросы.

* * *

— Надо уходить! — возбужденный адепт ворвался в горницу и начал спешно паковать немногочисленные пожитки.

— Что случилось?

— Сюда идут. Пять или шесть человек. Возможно больше. Я понял, они кого-то ищут.

— Нас?

— Не знаю, но лучше убраться поскорее. Я слышал, двоим из них нездоровится, и надо бы пару деньков пересидеть под крышей. Думаешь, где они остановятся?

— Думаю здесь, — желтоватые глаза Защитника задумчиво вперились куда-то вдаль, сквозь стену мельницы. Он тяжело поднялся, едва заметно сморщившись от боли. — Я готов.

— Сможешь удержись в седле? Езжай на Ромашке, у неё мягкий ход.

— Посмотрим, — Крэг не стал сразу отказываться, и это насторожило Нааррона.

Возможно, Защитник чувствует себя хуже, чем пытается показать? Хромая и ощущая себя полной развалиной, тот принялся помогать. За порогом их уже ждали оседланные лошади — Нааррон подготовил все заранее.

— Что ты сделал с Ветром?! — Крэг потерял дар речи.

— Покрасил. — коротко ответил адепт.

Некогда красавец-вороной теперь выглядел отвратительно. Роскошный хвост был безжалостно обрезан, та же участь постигла и гриву. Краса и гордость теперь больше напоминала пегую кудель. Черная лоснящаяся шкура сменилась на бледно-рыжую с неровными пятнами пегой окраски.

— Теперь он — чалый.

Крэг даже возмущенно обернулся, заслышав нотки гордости просквозившие в голосе друга.

— Да у Херкона случился бы разрыв сердца! — сам Защитник, судя по нахлынувшей бледности, сам был не далек от этого.

— Ты ещё себя не видел, — буркнул под нос Нааррон, разглядывая его новые блондинистые волосы, и добавил громче: — Покрасил как смог, а то нас по нему легко опознать можно. Не переживай, постепенно смоется и отрастет.

Оставшуюся поклажу навьючили быстро, все лишнее сложили заранее в маленьком закутке — авось кому пригодится.

— Поедем вниз по реке, там выйдем на проселочную дорогу — я до неё доезжал и вернулся однажды. Так вот, если повернуть на северо-восток, она выведет на торговый тракт, который идет до самого Приграничья.

— Предлагаешь примкнуть к каравану?

— А есть идеи получше?

Пасита, сладко потянувшись, сел на постели и понял, что утро давно настало.

Защитник засиделся вчера допоздна, вот и проспал дольше обычного, затревожился, припомнив, что не убрал Книгу Излома в тайник. Сунул руку под подушку и испытал облегчение, нащупав рельефный кожаный переплет: «На месте».

С улицы донеслось конское ржание, оголтелый собачий лай, да кто-то будто ругался.

— И чего расшумелись, сартогские отродья? — буркнул Защитник, выглядывая в окно.

На дороге по ту сторону площади царило небывалое оживление. Два воза остановились напротив пустующего дома. Возницы переругивались, а вокруг ошивались немногочисленные деревенские из особо любопытных да праздношатающихся. Надоедливо тьякала мелкая собачонка, пытаясь цапнуть лошадь за заднюю ногу.

— Говорил же, зря токмо крюк сделаем! — мужик, сидящий на переднем возу сплюнул.

— Откуда же я знал, что они так рано уедут. Обычно попевали, — ответили с соседнего.

— Обычно пофпевали, — передразнил его первый, гримасничая, а затем добавил нормальным голосом: — И сейчас поспели бы, если бы не ты! Короткий путь Кузьмар подсказал! Дери вас сартоги с вашим коротким путем! И тебя и твоего Кузьмара!

— Хватит ругаться! Поедем уж потихоньку, — примирительно увещевал второй.

— Вдвоем придётся в лесу ночевать, а все из-за тебя, дурная башка!

— Я и один ездил, — начал было виновник, да первый его перебил:

— Это ж ты без товара! А с товаром что? Положим, от волков отобьемся, а ежели разбойники?

Пасита подошёл сзади и некоторое время слушал разговор, а потом рывкнул:

— Что здесь происходит?!

Возницы вздрогнули, мелкая шавка заткнула пасть и куда-то ретировалась, за ней спешно последовали зеваки. Защитник, не глядя, сграбастал за шиворот ближайшего. Тщедушный мужичок неопределенного возраста, трясаясь и вымученно улыбаясь, залепетал:

— Доброго вам утречка, господин Защитник, доброго...

— Что происходит? — повторил Пасита вопрос.

— Да вот ведь оказия! Люди заблудились.

— Где заблудились? — не понял Защитник.

Ему ответил первый возница:

— Здрав буде, господин Защитник, — мужик вежливо поклонился, — мы на ярмарку направлялись, поспешали к обозу вашему значит. У нас-то деревенька маленькая, вот вдвоем всего торговать едем, да опоздали видать. Заплутали по дороге, — он не удержавшись повернулся к товарищу и снова гнусаво передразнил: — Корофкий путь!

— Обоз? — Защитник недоуменно наморщил лоб.

Пойманный мужичок охотно ответил:

— Так это, обоз ушёл спозаранку в Птичий Терем на Ярмарку, господин Защитник.

Народ торговать изволит, ужели не можно? — мужичок даже побледнел, испугавшись.

Пасита помолчал. Решил, не стоит перед чужаками показывать, что он на своей земле не обо всем осведомлён, а потому рассеянно ответил:

— Ах да, обоз... — уточнил: — Так ярмарка сегодня?

— Завтра.

Пасита развернулся и пошёл обратно. Кликнул Харилу, но того ни в сених, ни на дворе не было видно. Тин Шноббер старался реже попадаться на глаза, и был тише воды и ниже травы с тех пор, как уехал его брат. Пасите же было все равно, пока на него никто не жаловался.

Через час Защитник подъехал к дому Киры. Во дворе хлопотала Анасташа, женщина поздоровалась вежливо, как обычно, но Пасита никак не мог избавиться от ощущения, будто в глубине её странных синих глаз затаилось презрение. «Держится, что княжна. Даром, баба деревенская», — подумал он с легкостью представив женщину на балу среди придворных.

— Так ведь Кира уехала, — удивилась та.

— Как уехала? Куда?

— Так на ярмарку же.

— Значит на ярмарку... — протянул Пасита, чувствуя, как закипает: «Они все что, издеваются?»

Он молча развернул Ярого, больше не слушая: «Дрянная девчонка! Как посмела?!».

Он не поехал домой сразу, отправился на Керунов холм, у подножия которого на берегу Широкой занялся медитацией. Как всегда это помогло успокоиться. Защитник подумал, почему бы самому не отправиться в город? Выхать решил завтра до рассвета, тогда как раз к полудню поспеет.

* * *

Харила, убедившись что за ним никто не следит, направился к дальнему овину и свернул за угол.

Нариша уже была здесь.

— Любимый! — пышногрудая и изящная бросилась на шею, прижимаясь плотнее.

Он нащупал под сарафаном тонкую талию, которую мог обхватить заключенными в кольцо пальцами. Мягкие губы припали к его рту в неискнутом девичьем поцелуе, и Харилу будто молнией прошибло. Тин Шноббер никогда раньше не был так счастлив. Тихо застонав, приподнял девчонку, добавляя поцелую страсти напором. Почувствовал, как в грудь уперлись две маленькие ладошки.

— Не спеши так. Ты принес, что я просила?

Густые черные ресницы кокетливо пощекотали щеку, отчего-то напомнив крылья бабочки-наноха, так напугавшей Харилу в детстве. Девушка отстранилась. Чуть раскосые карие глаза таили на дне загадку. В Нареше была примесь сартогской крови, девчонка призналась ему в этом сама прелестно смущаясь...

Настолько прелестно, что Харила едва сдержался, чтобы не задрать ей сарафан прямо в тот же самый момент, наплевав на сартогскую пра-пра-прабабку и все её орду разом. Каким чудом сдержался и сам не понял: «Да если их женщины хоть чуть-чуть напоминают Нарешу, я пересмотрю выражение сартогская шлю... Тьфу! Что за мысли так не вовремя лезут на ум? Наверное брат прав. Я — тупица».

— Нет, — Харила досадливо поморщился, — Я подмешал Пасите то сонное зелье, которое ты дала, но он все равно лег поздно и уже проснулся.

— И что же? Так и не выходил никуда? Даже по нужде?

— Выходил. Я в который раз обыскал всю избу, но так и не понял, куда он её прячет.

Девушка медленно побрела вдоль стены, будто несколько потеряв интерес.

— Далась тебе эта книга? — не выдержал Харила. — Сказал же — женюсь, веди сейчас же к отцу!

Он схватил Нарису за руку, разворачивая к себе. Девушка будто и не противилась, наоборот, снова прильнула, упершись упругими полушариями груди.

Нежно погладила. Тонкие теплые пальчики невзначай проникла за ворот рубахи. Она потянулась, приподнимаясь на цыпочки и все равно бы не достала до губ, но Харила наклонился ниже, заключая прекрасное лицо в ладони. Целомудренно поцеловал, хотя хотелось бросить на земь...

Нариша снова отстранилась, но взяв за руки, потянула внутрь овина. Усадила там на колоду. Харила покорно выполнял её молчаливые приказы, и от этого таяло сердце:

«Что-то много этой талой воды скопилось, того и гляди портки прорвет», — подумал Харила, едва сдерживая тяжелое томление.

— Принеси книгу, — зашептала бесовка касаясь губами уха, — Докажи, что любишь, — принялась покрывать легкими поцелуями шею. — Я стану твоей, — маленькая рука скользнула снизу под рубаху, — Даже без свадьбы, — рука двинулась ниже, чуть сжав его естество.

Харила зарычал и схватил девчонку. Точнее попытался, но та, каким-то чудом вывернувшись, оказалась поодаль. Улыбнулась, как ни в чем не бывало. Раздался нежный, будто пение ночной птахи, голос:

— Принеси мне книгу, любимый.

Взмахнув на прощанье ресницами, девушка выпорхнула наружу. Харила было бросился за ней, но её и след простыл. Как обычно. И как ей только удастся морочить ему голову?

— Нариса! Нариса, ладушка, где ты? — безрезультатно позвал он.

Небось за плетень забежала и смеётся. Харила не стал искать, побрел обратно, в который раз ругая себя за мягкотелость. Он же тин Шноббер! Он всегда не задумываясь брал, что по нраву, не взирая на протесты. Хотя тут он кривил душой. И вовсе не всегда.

Да и, скорее, то, что доставалось. Но Нариса...

Они встретились в ночь Киаланы. Тогда-то он впервые и пообещал жениться, даже не зная её имени. Так ему понравилось, что девчонка его совсем не боится. Не выражает безразличности или страха, как прочие девки — Харила знал, что не красавец, но Нариса так искренне им восхищалась. Даже сама поцеловала первой. С тех пор и начались их тайные встречи. Девушка была родом из какой-то соседней деревни, но откуда не сказывала. Говорила — отец очень строгий. Тин Шноббер не настаивал, да и про женитьбу в тот раз пошутил. Сегодня — обещался всерьез.

Захотелось чего-то настоящего впервые в жизни.

Пайшан, распластавшись на плоской крыше, слушала: «Да когда же он уйдет?»

Сын козла и ослицы! Лучше бы продолжал искать тайник. Райхо уже слишком долго ждет».

Приглушенные мягкой почвой шаги, слышные только её натренированному уху, наконец, затихли вдали. Девушка, не вставая, нащупала край крыши и, оттолкнувшись ногами, послала гибкое тело вперёд. Мягким перышком опустилась на землю, не потревожив и камня.

— Хайшшат вассор! — сплюнув на землю, она утёрла губы. — Воняет, свинья, как стадо

верблюдов.

Пайшан посмотрела на небо. Полдень, люд попрятался от жары, она же, выросшая в Сагалии солнца не боялась. Самое время помыться, сейчас её вряд ли потревожат. Девушка направилась было в сторону полюбившихся купален, да вовремя вспомнила про сарафан. Подол ненавистной одежды она заткнула за ворот, открыв на всеобщее обозрение хитроумную систему обвязок, удерживающих её самые смертоносные секреты. Не приведи Саршан-хо кто увидит.

* * *

Главарь дал команду и на Киру бросились сразу двое. Не мудрствуя лукаво и не ожидая серьёзного отпора, бандиты попросту попытались схватить её за руки, будто девку какую-то.

Кира без особого труда увернулась, попутно ударом локтя выбив дух первому — тому самому «вежливому пареньку», считай мальчишке. Другого — одного из тех, кто спрыгнул с крыши — отправила на свидание с каменной стеной. Пускай полежит, авось образумится. Все это под радостную мысль: «Наконец-то!». Но тут же радость сменилась тревогой. А ну как снова в этот транс скатится? Поубивает, а потом и сама среди трупов свалится, кто её здесь найдет? Хорошо если городская стража...

Мысли пролетели птицами.

Бандиты навалились скопом, пришлось поспевать — уворачиваться. В руках мелькали разнокалиберные ножи.

Выпад.

Другой.

Гнусно скалящиеся зубы. Короткий бросок в сторону. Ударом ноги оттолкнула самого скорого и едва успела упасть на спину, спасаясь от клинка. Кувырок назад, одновременно поднимаясь на ноги и вынимая из голенища собственный.

«Жало осы». «Таран» вдогонку. Кинжал выбитый из чьих-то мозолистых рук, бесшумно падает на усыпанную отбросами землю. Уход вниз и рывок с поворотом — она скорее угадала, чем почувствовала, что кто-то зашёл сзади. В ответ — вопль боли:

— Рука! Дерьмо сартога! ещё один, баюкая запястье, отползает в сторону.

Много хлопот доставляет жилистый, худой и гибкий, как веревка, мужик. Кира старалась по возможности не выпускать его из виду. Вынул удавку, в кучу не лезет и все норовит за спину зайти. Беспokoил и главарь, от него тоже стоит ждать сюрпризов.

Опасный. Бьет редко, больше присматривается.

— Идиоты! Порежете!

Натиск ослаб. Тем временем количество бандитов несколько не уменьшилось.

Первый уже поднял свой кинжал. Тот, с вывихнутой рукой, переложил нож в другую.

Очухался и «прыгун», вон поднимается, злющий, как орда сартогов. Только Счастличик держится теперь поодаль. Грабители больше не спешили. Раз наскочив, отхлынули и закружили, как вороны подле дохлой коровы. Где-то на грани сознания замаячила паника: такого у Каррона на тренировках не было!

Механическими движениями на уровне рефлексов, Кира отбивала теперь редкие и осторожные выпады. Холера, криво ухмыляясь, примерился. Обменявшись парой ударов, отступил. Кира убедилась — опасен. Ой опасен!

Напали двое. Бросились вместе с разных сторон. Отчаянно. Шаг. Перехват.

Бросок. Наклон, уходя от свистящей дубинки, разворот... Горло обожгло болью. Тот с удавкой все же улучил момент. К ней ринулся кто-то. Оттолкнула ногой. Забилась беспорядочно, ничего не соображая. Забыв обо всем, чему учили. Чьи-то руки, уже шарили по телу не то обыскивая, не то...

Транс.

Звуки стали тише, но четче. Кира замерла, перестав трепыхаться.

— Идиот! Ты её задушил! — давление на горло немного ослабло.

Кира резко открыла глаза.

— Сартог дери! — отшатнулся от неожиданности Холера.

— Глаза! её глаза! — истошно заверещал кто-то.

Удавка снова затянулась. Не обращая внимания, Кира ударила локтем назад.

Ровно один удар. Послышался хруст и давление прекратилось.

— Она! Та самая!

— Про неё говорил Боров!

— Ассасин! Сартогский конь её дери! Ассасин, Керуном клянусь!

— Бежим!

Было светло, и люди не превратились в красные пятна, но двигались медленно и неуклюже, как сонные мухи. Кира могла бы догнать в два счета любого. Нет! Стоп!

Нужно уходить. Накатило то самое чувство. Нет. Нет. Бежать! Подальше отсюда. Если она упадет здесь, то бандиты вернуться и попросту её прирежут. Заныли суставы, зубы.

Нет! Не надо!

* * *

Райхо возвращался на постоянный двор пешком, дав понять собеседникам, что это якобы прихоть, за которой он ловко скрывает боязнь верховой езды. Но на самом деле, у него были кое-какие планы, и возня с лошадьёю в них ну никак не вписывалась. В городе ему была нужна свобода. Не торопясь, поигрывая тросточкой, он вышагивал по направлению к Храмовой площади. Сейчас в этом франтоватом хлыще никто ни за что не признал бы Райхо Справедливого, одного из Хэпт-танов Совета пятнадцати.

Пошитый на заказ наряд, стоивший целого состояния, отлично изменял фигуру, делая плечи на вид не такими широкими. Из-под светло-серого кафтана выглядывал темно-синий, расшитый серебряной нитью камзол. Узкие штаны в тон были заправлены в высокие сапоги из светлой кожи, украшенные квадратными пряжками белого золота — небывалая роскошь! Отвороты рукавов покрывала тончайшая паутинка серебряного же растительного узора, под которым таилась стальная смерть в полторы пяди. На голове красовалась широкополая шляпа с пышным пером. Она так же хранила кое-какие секреты. Щегольская трость в руках резким взмахом превращалась в грозное оружие.

Райхо, белозубо улыбаясь всем встречным дамам, механически приподнимая шляпу, а сам думал. Дамы, к слову сказать, не отводили глаз, пожирая взглядами его персону. Он в Птичьем Тереме уже как неделю, но успел побывать на паре приемов у градоправителя. Слухи разлетелись, как песок над пустыней, и теперь весь город знает про столичного чудаковатого холостяка Грейла тин Аларию. Поговаривали, что он баснословно богат и при

том на удивление застенчив, к тому же единственный наследник рода. Легенда работала, но был в ней один недостаток — она превращала его в цель, для всех светских хищниц.

Пошла уже вторая неделя, а от Пайшан до сих пор никаких известий. Видать, что-то у юной асс-хэпт не заладилось. Впрочем, время ещё есть. Зато получен отчет от Сафуила, ему удалось спасти мальчишек. Вдобавок — приятная новость — один из старших кланов его стараниями лишился двух весьма опасных и ценных асс-хо-хэпт.

Райхо не испытывал по этому поводу никаких угрызений совести. Такова судьба ассасина. Или ты лучший, или рано или поздно — мертвый. Убийство своих официально не поощрялось, но каждый Хепт-тан вел собственную игру, и Райхо не был исключением. Это и привело его на вершину. Мальчишек, правда, Сафуил каким-то образом потерял из виду, но обещал найти. Но стоит ещё подумать, достоин ли он повышения.

Чтобы не терять форму Хепт-тан решил потрянуть стариной и выполнить пару-тройку заказов, благо в этом городке их оказалось предостаточно. Перебирая список, Райхо недовольно хмурился: «Ну нельзя же нанимать ассасина только, чтобы отомстить за проигрыш на скачках? Или за меха, которые достались другой?» Он никогда не брался за грязные дела, предпочитая руководствоваться кодексом из прошлой жизни.

Собственно за это Райхо и получил свое прозвище. Другие посмеиваясь, называли его Райхо Справедливым, пока он не стал во главе новоиспеченного пятнадцатого клана.

Впрочем, прозвище ему нравилось.

Вдруг что-то произошло.

Что-то, что заставило остановиться, ухватившись рукой за стену. Сердце нет, не колотилось, но будто зануло. Боль напомнила о временах, когда он только учился проделывать трюки с собственным организмом при помощи собственной воли. Эта же была в разы сильнее, и Райхо, даже немного испугался.

— Милорд, вам плохо? — две милостивые мордашки появились в поле зрения, пахло жасмином и ландышем. — Вы так побледнели. Поймать вам экипаж?

— Уже все хорошо, — ответил Хепт-тан, быстро взяв себя в руки. — Не извольте беспокоиться, — он натянул на лицо привычное доброжелательное, чуть извиняющееся выражение. — Немного перегрелся. Жарковато сегодня, — он, хихикнув, указал на небо и продолжил лучезарно скалиться.

— Вы правы, так и припекает, — чуть с придыханием посетовала брюнетка, зазывно улыбнувшись.

Тем временем беспокойство усилилось, отозвавшись новым приступом, и Хепт-тан понял, что делать.

— Миледи, — Райхо приподнял шляпу, отвечивая изящнейший из придворных поклонов, — Вынужден откланяться, дела не терпят. — он всем видом постарался показать, как спешит, и что искренне об этом сожалеет, Когда девушки обернулись, чтобы кокетливо хлопнуть на прощание ресницами, то с удивлением обнаружили, что того самого милорда тин Аларии нигде нет.

Райхо, свернув в ближайший переулок, быстро зашагал к месту, куда так тянула *сила*, и по мере приближения к источнику, боль отступала. Подобное произошло с ним впервые. Вскоре сердце совсем перестало болеть, но появилось чувство будто на него уздечку надели и тянут за повод. К сартогам заказ! Выполнит его в другой день, благо не горит, да и план продуман до мелочей. Хепт-тан стремительно углублялся в запутанную сеть переулков, контрастируя своей неуместностью с грязными обшарпанными стенами. Его повадки

незримо изменились. От вальяжной походки не осталось и следа, теперь все движения сквозили грацией дикого зверя.

«Что за город? Сущий лабиринт! Сверни с главной улицы, сделай пару шагов и здравствуй городская клоака».

Из-за угла выскочил какой-то парнишка и едва не врезался в Райхо, тот инстинктивно увернулся, а парнишка, шарахнувшись в сторону поскользнулся на отбросах. Чудом удержавшись на ногах, он спешно скрылся за очередным поворотом, сверкнув на прощание наполненными ужасом глазами. У него что-то выпало, а он с перепугу даже не заметил, так торопился убраться. Райхо нагнулся и подобрал кошель, взвесил на руке — прилично. Без зазрения совести прикарманив деньги — парень явно воришка — он пошёл дальше. ещё поворот. Он у цели. Похоже, здесь на кого-то напали бандиты, но все уже закончилось. На узкой улочке в тупике среди мусора и помоев валялось несколько тел.

Одно из них было женским.

Что же случилось? Нехорошая догадка заставила кровь заледенеть. Неужели опоздал? Вдруг один из трупов осторожно поднялся, и Райхо подумал, что вряд ли он, заноса кинжал, планирует оказать девушке первую помощь. На свою беду бандит он не заметил Хепт-тана, и тот не раздумывая метнул лахир. Метательный нож сам по себе оказался в руке, после памятной встречи обогатившей его на кошель золотых.

Девушка! Боги, пускай она будет жива!

Райхо метнулся к лежащей на земле девчонке. Кожаная куртка, такие же штаны и добротные сапоги — все безнадежно испачкано. Русые волосы торчат как попало, выбившись из кос. На шее — красная полоса от удавки. Райхо пальцами отыскал бьющуюся на шее венку и отшатнулся:

— Хайшпат вассор! — его будто ударило молнией. — *Сила!*

Райхо перестроил зрение и посмотрел на девчонку снова.

— Боги, такого я ещё не видел. Потоки!

Беспорядочная сеть хаотично закрученных силовых линий коконом окутывала её тело. Красной точкой бился пульс, вторя сердцу: «Не может быть! Как здесь могла оказаться внучка Махаррона?» Все сходится, перед ним определенно лежала Киррана тин Даррен.

Райхо схватился за голову и вдруг понял, что потерял шляпу. Наверное, при столкновении с мальчишкой свалилась, а он даже не заметил. Впрочем, сейчас не до неё.

Киррана.

Выходит, случилось то, чего так боялся Настоятель — *сила* проснулась? Судя по всему, это её мощный и абсолютно неконтролируемый выплеск он почувствовал почти за три квартала? Но почему в записке Пайшан про девчонку ни слова?

Хепт-тан быстро проверил остальные тела — мертвы. Он снова склонился над девушкой и осторожно ощупал, проверив на наличие повреждений. К счастью, ничего не обнаружил: «Да с таким потенциалом ей много чего не страшно». Судя по потокам, у неё должна быть бешеная скорость регенерации.

Райхо взял в руку узкую ладонь и вдруг испытал странное, ни с чем не сравнимое чувство. Хорошо. Так бы и сидел рядом вечность... Хепт-тан встряхнулся. Что это было? Расселся среди отбросов, даже свой дорогуший кафтан не пожалел, не говоря о штанах — их теперь только выбросить. Райхо заставил себя собраться, на деле у них не так много времени, сбежавший воришка может привести подмогу. Он, конечно с кем угодно здесь справится, но пока не стоит светиться.

Трупов шесть. Пять — убила девчонка, одного он сам прикончил. Скольким удалось уйти? Тот парень, например? Не убивать же его было просто так на всякий случай?

Кирране же следует поскорее убраться из города. И чего, спрашивается, не сиделось в деревне? Райхо поймал себя на том, что продолжает держать её руку.

Просто не может заставить пальцы разжаться и выпустить узкую ладошку. Он осмотрел сбитые в кровь костяшки, легонько погладил. Судя по их виду за последние сутки девочке пришлось несколько раз драться. Это стало для Хепт-тана открытием. Может она в беде? Не стоит ли самому этим заняться?

От мысли присмотреть за Кирраной его собственная *сила* закрутилась где-то в животе. Ощущение было странным, но приятным. Будто ласковый котенок с усилием трется мордочкой о его нутро. И вдруг Райхо понял, что эта самая *сила* возросла и скоро потребует выхода, появилось ощущение, будто он может свернуть горы.

— Хайшшат-вассор! — вновь выругался Хепт-тан.

Как же все навалилось, нужно срочно заняться медитацией и перестроить схему потоков, чего много лет с ним уже не случалось. Вдобавок, он не может отказаться от взятого заказа — это пятно на репутации клана. Да и Кирране нужна помощь, причем прямо сейчас.

— Думай, тан, думай!

Мысли понеслись с удвоенной скоростью.

Выплеск непроизвольный, значит она просто потеряла сознание, когда придет в себя — неизвестно. Тут он сможет кое-что сделать, а заодно и присмотрит. Райхо быстро обыскал Киру, но, кроме нескольких медяков, денег не обнаружил. Вряд ли девчонка отправилась в город без средств, скорее всего этот кошель принадлежит ей, из-за него на девочку напали. Он положил кошель рядом, затем извлек из внутреннего кармана пару пузырьков. Взглянув на просвет, посомневался немного и выбрал один. Приподняв Кире голову, не удержался, провел рукой по гладким как шёлк волосам.

— Ну вот, а уж я думал, что после задания в гареме меня уже ничем не пронять.

Хепт-тан усмехнулся своей шутке, но тут же посерьезнел и, чувствуя себя распоследним распутником со странностями, легонько поцеловал пухлые чуть приоткрытые губы.

— Так все!

Удивленный и раздосадованный собственным поведением, он мысленно отвесил себе затрещину. ещё не хватало, чтобы его тут кто-нибудь застукал — прощай легенда, прощай Грейл тин Аллария.

Зубами открыв пузырек, Райхо влил содержимое в рот девушки. Не сдержав порыва, осторожно стер грязь со щёки, наслаждаясь прикосновением к нежной бархатной коже, и вновь ощутил волнение силы.

— Да что ж это?! — Райхо чувствовал себя весьма глупо. ещё чуть-чуть и он, Хепт-тан Пятнадцатого клана, начнет, как мартовский кот об неё обтираться?!

С сожалением уложив девушку на прежнее место, Райхо скрылся в ближайшем проеме между домами.

— Вовремя, — прошептали он беззвучно.

Киррана пошевелилась.

Кира, вопреки обыкновению, неожиданно вынырнула из той тёмной ямы, в которую её затянуло. Транс то ли ещё не закончился, то ли приобрёл какую-то иную форму, но вокруг все плыло и смазывалось, не поспевая за вращением головы. Охотница поднялась на ноги, с трудом принимая вертикальное положение: «Будто медовухи перепила, только хуже».

Кира едва устояла на ногах, когда её бросило на стену. Подождав, когда окружающая действительность немного смилостивится, осторожно отпустила осклизлую каменную кладку, обтёрла ладонь о штаны, морщась от отвращения. Сделав пару шагов, снова чуть не полетела на землю, на этот раз обо что-то споткнувшись.

«Киалана! Это мертвец?».

Кира зажмурилась, борясь с приступом дурноты — валяющиеся вокруг тела, представляли собой не самое приятное зрелище. В числе прочих был и Холера. Охотница не помнила, как убивала, но думать об этом не хотела, опасаясь скатиться в истерику. Стало ещё хуже, когда физическим страданиям добавились душевные муки: «Нет! Это снова случилось!».

Среди мёртвых не оказалось Счастливого, и это её слегка успокоило. Кире почему-то было жаль парня, не от хорошей жизни он выбрал такую компанию. И все же что-то здесь ей показалось неправильным, но мысль ускользнула, когда взгляд наткнулся на кошель с золотом.

Охотница нагнулась, чтобы его поднять, и мир снова пустился в пляс, вынуждая упасть на колени:

«Съездила на ярмарку! Нужно уходить отсюда. Убираться из города вообще. Срочно!».

Кира снова поднялась, зажав в руке кошелёк, и, пошатываясь, побрела прочь. Несмотря на сложности с восприятием, в голове услужливо возник обратный путь. Образ был настолько чётким, будто она видела все с высоты птичьего полёта. Все петли, повороты, которые запутали, заставив плутать, встали перед глазами.

Дорога назад не отняла много времени. По мере продвижения, головокружение прошло, и охотница пошла быстрее. Она уже почти бежала, когда стены расступились, выпуская из лабиринта переулков на ту же самую оживлённую улицу, откуда все и началось, но казалось неприятности пошли по кругу. После полумрака солнце ослепило, и она с разбега в кого-то врезалась.

— Смотри куда прёшь! — раздался высокомерный голос. От столкновения кошель выпал из руки — будучи не в себе, она попросту забыла убрать его в сумку на поясе. Несколько золотых вывалилось и покатались по мостовой, их звон показался Кире оглушительным. Сияя маленькими солнышками, монеты, наконец, остановились.

— Прощу прощения, — Кира с трудом наклонилась, чтобы собрать деньги, но вдруг услышала:

— Она воровка!

Разодетый молодой господин помогал подняться с земли своему менее удачливому другу.

Судя по их одежде, Кире не повезло. Оба явно принадлежали к знатному сословию, что, скорее всего, грозило неприятностями. Серьёзными, если обнаружат трупы в переулке, докажи потом, что лишь защищалась.

— А ну стоять! Держи её!

Прежде чем, Кира решила бежать или все же оставаться на месте, её схватили. Руки больно вывернули за спину — сил сопротивляться не было. Злосчастный кошель бесцеремонно отняли.

— Я не воровка! Это мои деньги! — протест прозвучал тихо и неубедительно.

Голова от резких движений снова закружилась, следом накатила очередная волна слабости, вдобавок одолел озноб. Куда там вырываться! Да она просто на ногах едва держалась.

— Отведём её в тюрьму, — тот, который упал на мостовую, высыпал монеты на ладонь и, пересчитав, сунул в карман.

— Это мои деньги! — Кира все же предприняла новую попытку.

— Твои? Да откуда у бродяжки такая сумма?

— Я не воровка и не бродяжка!

— Рассказывай, — не поверили ей, а скорее, судя по выражению лиц, не захотели поверить. — А если ты не бродяжка, почему от тебя так несёт?

— Да она же вся грязная! Фу! — в голосе второго прозвучало отвращение.

«Вас бы так по земле повалили», — подумала Кира, но не стала ничего отвечать. её силой потащили куда-то, и охотницу одолела паника.

— Нет! Отпустите меня! — она попыталась вырваться.

— Стоять! — голос раздался неожиданно, и все трое вздрогнули.

Солнце закрыла внушительная фигура, на фоне которой хлыщи выглядели, мягко говоря, бледно.

— Отпустите девчонку!

— Но...

— Я. Сказал. Немедленно!

— Она украла у нас...

— И верните ей деньги. Я все видел.

— Конечно, господин Защитник, — буркнул первый выпустив руку Киры и, нехотя, нашаривая в кармане кошель. — Как скажете.

— Мы этого так не оставим! Вы знаете, кто мой отец? — попытался было воспротивиться второй, но первый дёрнул его за рукав, намекая, что стоит заткнуться.

Защитник приподнял бровь с таким выражением лица, будто с ним заговорила муха, и в плывущем мареве, Кира вдруг отчётливо увидела знакомые черты.

— Пасита?!

Защитник Пасита выезжал из ворот постоянного двора «Княжеский полдень». Приписке к вывеске гласила: «Лучшие номера во всём городе», и он вынужден был согласиться. Приличнее, чем кое-где в столице, но и цена такая же. Внезапно оглушив, его накрыло странное ощущение.

Ярый протестующе заржал, когда хозяин резко натянул поводья. — осторожнее, господин Защитник! — раздался мелодичный женский голос.

Симпатичная брюнетка в модном наряде для верховой езды, придержала своего серого в яблоках, избегая столкновения. Пасита, того не желая, перегородил ей путь. Осмотрев говорящую, Защитник подумал, что при другом раскладе он был бы не прочь продолжить знакомство в более интимной обстановке — девушка относилась к тому типу, который его привлекал. Вдобавок в глазах незнакомки читалась откровенная заинтересованность. Но

сейчас было не до того. Поэтому он, уступая дорогу, двинул Ярого вперёд и неприветливо буркнул:

— Простите, миледи.

Шестое чувство, а скорее собственная *сила* тянула, звала, указывая путь. Вскоре Защитник достиг храмовой площади и понял, что движется в верном направлении. Внезапно ощущения видоизменились, принимая знакомые очертания. Те же, что он испытывал рядом с девчонкой тин Даррен: «Боги! Да я же её чувствую!». На губах Паситы расцветала довольная улыбка.

— Керун и Киалана! Похоже, я сильно задолжал провидению за этот воистину княжеский подарок!

Пасита не мог найти происходящему иного объяснения. Ведь про подобное на уроках в Ордене не рассказывали, не делились шёпотом более опытные Защитники, не орали пьяными голосами изрядно надравшись в кабаке. Оставалось надеяться, что в книге Излома что-то об этом сказано.

Следуя путём, который указывала ему *сила*, Пасита свернул на одну из улиц, лучами отходящих от площади во все стороны, и вскоре увидел Киру в руках двух скользкого вида хлыщей. В этот момент он порадовался, что желая произвести впечатление, напялил свои лучшие одежды, те самые — из золотой и алой парчи. Он не вынимал их из сундука с тех пор, как его сослали в эту дыру, хорошо, хоть ещё из моды не вышли. Не забыл он и про громовик, который сейчас весьма кстати болтался на груди, на толстой золотой цепочке. Не надел он только ботинки.

Да и вообще не вспоминал о них с тех пор, как окончил учиться. Грубая обувь не подходила ни к одному наряду.

Два щеголеватых, но потёртых мужчины, громогласно объявляя Киру воровкой, тащили ту якобы в тюрьму. Подозрения Защитника подтвердились, когда один из них прикарманил её деньги.

Пасита спешил и неслышно подошёл сзади, напустив на себя самый надменный вид. Он хорошо был знаком с людьми подобного типа и знал все повадки. Скорее всего, родители лишили содержания или же просто род обеднел, но привычка пускать пыль в глаза осталась. Намётанный взгляд отметил пошитые по прошлогодней моде кафтаны, изобилующие пятнами и потёртостями, стоптанные сапоги, и особый голодный блеск в глазах. Да и их поведение. Хотели бы сдать Киру в тюрьму — попросту кликнули бы стражу. А так свернут в ближайший переулок и начнётся представление...

Кстати, почему девчонка совсем не сопротивляется? Ему ли не знать, таких как эти, она одолела бы и со связанными за спиной руками. Почему она попросту не убежала? Отчего едва ноги волочит?

— Растяпа! — Райхо скривился, будто у него занули зубы. Это надо же додуматься дать девчонке полную дозу «хэпт-семе»! Зелье должно было взбодрить, привести в чувство и придать сил, чтобы она смогла добраться до безопасного места, но хватило бы и пары капель, добавленных в воду. К сожалению, он это осознал, только когда Кирана зашаталась, как пьяная. Хеп-тан сообразил, что его сбила с толку картина её потоков:

— Это же вовсе не истощение было, а сброс лишнего! Да и она понятия не имеет о медитации!

Он вознёс хвалу Саршан-хо и Киалане за то, что ошибка в пропорциях никак не отразится на здоровье девушки, хотя, без сомнения, ощущения та испытает пренеприятные.

По крайней мере, сам Райхо не мог выносить состояние беспомощности. Он встряхнулся, прогоняя вместе с нежелательными воспоминаниями, неуместное чувство вины.

Впрочем, Киррана быстро сориентировалась, и даже перестала шататься, удаляясь от места нападения. И все бы кончилось хорошо, если бы девчонку не угораздило столкнуться с местными представителями золотой молодёжи. Райхо даже нацепил личину Грейла тин Аларии, собираясь её выручить, но его неожиданно опередили, отчего Хепт-тан скривился, будто хлебнул уксуса:

— Кто бы мог подумать, Пасита тин Хорвейг собственной персоной!

Девчонка отрубилась внезапно, и Пасита едва успел уберечь её от падения. Один из хлыщей, повинувшись выжидательному взгляду, нехотя выудил из кармана золото, ссыпал его обратно в кошель и бросил Защитнику.

От Кирраны жутко воняло, её одежда оказалась перепачкана какой-то склизкой гадостью:

«Где это её так угораздило?». Защитник брезгливо поморщился, понимая, что теперь придётся чистить и собственное платье, но деваться некуда, не оставлять же было её здесь? Нанять экипаж ему не пришло в голову, и взобравшись на Ярого, Пасита усадил Киру впереди себя, придерживая, чтобы она не свалилась.

— Горячую ванну, смену белья и пришлите кого-нибудь в помощь, — Защитник на ходу отдавал распоряжения свите тащившихся следом слуг.

Он быстрыми шагами поднялся по лестнице и преодолел расстояние до своего номера неся на руках отключившуюся по дороге Киру. Ему навстречу снова попалась та самая брюнетка.

Наморщив носик, она проводила Защитника взглядом, но он этого даже не заметил. Влетев внутрь номера, Пасита хотел было уложить Киру на кровать, но, передумав, осторожно опустил на пол. Скинув кафтан, засучил рукава тонкой батистовой рубахи. И принялся стаскивать с девчонки сапоги, снял куртку и штаны, стараясь не запачкаться. Увидел кровь на руках и его вдруг его осенило:

— Да ей же пришлось драться! — перед глазами, как наяву встала картина, как Кира, ошалевшая, выбегает из переулка и сталкивается с теми ублюдками. В тот момент он её даже не сразу узнал, погружённый в собственные мысли. — Сартог дери! Это снова произошло без меня! — наконец, Пасита всё понял.

Кира продала меха и с деньгами пошла прогуляться. На улицах её заметили местные воры, обманом или ещё как-то заманили в трущобы и напали. Пасита хмыкнул:

— Миледи Наивность!

Защитник припомнил, как утром стражники на въезде в город трепались про странную шайку лесных разбойников. Слухи быстро распространились, и в таверне, где он завтракал, болтали, что банде какого-то Борова, который месяц держал в страхе путников, не повезло столкнуться с ассасином, да добавляли, посмеиваясь: «Его изловила девчонка!». Сейчас же Пасита вдруг осознал, что виновница всего этого лежит перед ним на полу.

Неожиданно накрыло раздражение.

— Стоило скрыться с моих глаз, как ты уже брызжешь силой во все стороны?! — прошептал он сквозь зубы, глядя на крепкое, но изящное тело, прикрытое лишь тонкой нижней рубашкой. — Чего замерла? Вон! — рявкнул Защитник на застывшую у двери служанку, которая только что вылила в большую ванну на кованых ножках ведро кипятка и стояла в ожидании новых распоряжений.

Женщина мигом ретировалась, бормоча извинения.

Пасита подошёл к Кире и, не церемонясь, зло сорвал с неё рубаху. Даже жаль, что девчонка без сознания, так бы и надавал по заднице! Он поднял Киру на руки. Тело на ощупь было ледяным, и Защитник, подавив все низменные рефлексy. В конце концов, никуда она от него не денется, аккуратно опустил девчонку в горячую воду, невольно залюбовавшись представшей картиной. И все же что-то ему не нравилось в её облике. Недовольно скривившись, Пасита принялся расплетать косы. Закончив, рассыпал русую волну по краю ванны.

— Так-то лучше, — он улыбнулся, невольно почувствовав себя художником, завершившим новый шедевр. Накатило желание такой силы, что он едва сдержался, чтобы не спалить что-нибудь. — Хватит, — пробормотал Защитник, выравнивая дыхание, — с этой игрой пора заканчивать.

Он направился к двери, рядом с которой висело зеркало. Зрачки его отражения светились странным голубоватым огнём. Такого раньше с ним не бывало, и Пасита приблизил лицо к гладкой поверхности. Присмотрелся: «Так и есть, не показалось».

— Что это?

Усилием воли он снова заставил себя успокоиться, наблюдая, как постепенно гаснет странный отблеск в глазах. Не хватало ещё напугать служанок, потом никого не дозовешься. Одна из них, та самая, которую он выгнал, весьма кстати обнаружилась за дверью: «Какая роскошь!». — подумал Пасита. Интересно, здесь так принято, или это потому что он Защитник?

— Вымойте девушку, но осторожно. Сможете переложить её в постель?

— Конечно, господин Защитник. Скажите, она чем-то больна? Что с ней?

— Переохладилась и очень устала, ничего более, — ответил Пасита проигнорировав, закономерное недоумение. — Я вернусь примерно через полчаса. К моему приходу приготовьте свежую ванну.

Служанка, сделав книксен, убежала выполнять распоряжения. Защитник вернулся в комнату.

Приблизившись к ванне, потрогал торчащую над поверхностью коленку. Провёл пальцем вниз по шёлковому бедру. Стряхнув с руки воду, едва заставил себя отойти: «Да что же это?!»

Следовало сделать кое-какие приготовления. Переодев кафтан, он стремительно вышел из номера.

Кира очнулась, едва сдержав удивлённый возглас: «Где я?».

Незнакомая комната. Обстановка, начиная от представшего пред взором потолка, края кровати и столика у двери — сплошь роскошь, хотя сравнить ей, конечно, не с чем. Мягкая постель. Перина? Тонкие простыни пахнут лимонником. Сверху ощущается приятная тяжесть — она укрыта тёплым одеялом.

«Что случилось? Как я сюда попала?»

Память предоставила исчерпывающий ответ, включая появление Паситы. Защитник весьма вовремя оказался рядом и спас её. Ирония судьбы — в один и тот же день и обокрали, и окрестили воровкой...

Значит, сюда её доставил Пасита.

Накатило беспокойство: «Который час? Аккарий, наверное, ждёт и волнуется». Стоило поскорее убраться отсюда, желательно незаметно. С Защитником встречаться совершенно не

хотелось, быть ему обязанной — тоже. Кира было пошевелилась, собираясь сесть, как вдруг осознала, что на ней нет никакой одежды. Совсем никакой! С трудом подавив панику, она стала судорожно соображать, что делать.

Раздался тихий всплеск воды. Кира замерла и медленно повернула голову.

Посреди комнаты стояла ванна, внутри в свете косых солнечных лучей, льющихся из окна развалился Пасита. Защитник сидел спиной, и Кире были видны только широкие плечи, сильные руки, лежащие на бортах ванны, затылок с коротко остриженными светлыми волосами. Охотница зажмурилась, притворившись спящей. В этот момент Защитник поднялся, расплёскивая воду на пол. Капельки стекали по его телу, играя на солнце. Кира наблюдала сквозь щёлочку прикрытых век, испытывая сложное ощущение любопытства и страха одновременно. Нет, она уже видела раздетых парней и не раз — деревенские не стеснялись зимой выскакивать на мороз из бани, или летом купаться голышом в реке, но сейчас всё было по-другому. Не так.

Добавляло остроты ситуации и её беспомощное положение. Она же здесь с ним наедине, да ещё и совершенно голая. Вдобавок, слаба, как котёнок. Любопытства резко поумерилось, зато страха прибавилось. Она-то знала, чего можно ждать от такого Защитника...

Пасита обернулся, и Кира перестала дышать. Не глядя в её сторону, Защитник прошёл мимо, исчезнув из поля зрения. Раздался шелест одежды. Шорох. Что-то упало. Затем Пасита заговорил:

— И долго ещё ты собираешься притворяться, что спишь? Насмотрелась?

Щёки Кире залила краска: «Киалана! Как же неловко!».

Припомнились слова жрицы. Неужели это и есть уготованный ей путь? Тот самый, которому следует покориться? Сама её суть тут же взбунтовалась, против подобного, но кто она такая, чтобы сомневаться в воле богов? Только они решают: кому «в замужество», а кому в Излом.

Притворяться действительно больше не имело смысла, и Кира, набравшись смелости, открыла глаза:

— Где я? — сердце застучало, готовое выпрыгнуть из груди, когда она решилась на следующий вопрос: — Почему на мне нет одежды?

Защитник подошёл. К счастью, уже одетый. Протянул кружку:

— На вот, выпей, это восстановит силы.

В нос ударил терпкий травяной запах с привкусом мёда. Похоже на отвар, какой давала ей Матрена.

Следующий вопрос поставил её в ступор:

— Два раза за сутки?

— Что? — Кира сразу и не сообразила, о чём говорит мужчина.

— В транс входила дважды?

— Да, кажется. Так, где моя одежда?

Пасита пристально посмотрел, медля с ответом, и в его глазах мелькнул странный отблеск:

— Отдал, чтобы почистили.

Кира непроизвольно натянула одеяло повыше.

— Пей.

— Мне нужно что-то надеть.

— Я об этом уже позаботился, но тебе потребуется помощь, — он снова посмотрел на неё так, будто собирался слопать. Кира даже вздрогнула, когд, вторя её мыслям, он добавил: — Голодная?

Есть и правда хотелось, но сбежать хотелось сильнее.

— Я оденусь сама! — возмутилась Кира, втайне надеясь, что выдастся возможность улизнуть.

Она даже украдкой покосилась на окно: «Интересно, какой здесь этаж? Куда оно выходит?».

Но её беспокойство не остался незамеченным, и Защитник усмехнулся:

— Как знаешь.

Приглашающим жестом он указал куда-то назад, не переставая улыбаться. Кира привстала и обернулась, прижав одеяло к груди, да так и замерла. В углу обнаружился изящный диванчик с витыми ножками и резной спинкой, обитый полосатым сукном зелено-жёлтого цвета в тон шторам. На нём было разложено роскошное платье из светло-голубой парчи, расшитое жемчугом и кружевами тонкой работы по лифу. «Видимо, по последней моде», — решила Кира, припомнив красавицу-дочь градоправителя, и не сдержала нервный смешок, заметив висящую на спинке горжетку. Проданные утром шкурки она легко опознала. Теперь они были соединены между собой и украшены застёжкой из большого прозрачного камня: «Горный хрусталь?».

— Что это?..

— Платье. Я думал, ты наблюдательней. Ну так что? Сама справишься со шнуровкой и кринолином? — Пасита пристально посмотрел, будто что-то решая: — Хотя я тебе верю, ведь стоит мне только отвернуться, как ты войдёшь в транс и начнёшь творить чудеса. Верно? — он вдруг подскочил и, больно ухватив за подбородок, зашипел прямо в лицо: — Какого сартога ты это делаешь?! Почему всегда без меня? Издеваешься?

В комнате заметно потеплело, и Кире стало не по себе. Но едва она открыла рот, чтобы что-то сказать в своё оправдание, как Защитник впился в губы жёстким поцелуем, лишая дыхания, безжалостно сминая своей волей. От неожиданности Кира растерялась. Пытаясь оттолкнуть мужчину, выронила кружку с отваром, но это было всё равно что бороться со скалой. Пасита и не заметил её усилий, лишь удвоил напор, больно вцепившись в волосы на затылке, сильнее запрокидывая назад голову, будто мстил за что-то.

Одеяло соскользнуло, обнажая грудь. Как ни странно, именно это и отрезвило Защитника. Он отшатнулся тяжело дыша. Обежав взглядом стены комнаты, вернулся к Кире. Она, сияя пунцовыми кончиками ушей из-под натянутого до самых глаз одеяла, смотрела на него не мигая, будто загнанный зверёк. Защитник невольно опустил глаза, испытал что-то вроде угрызений совести, и вдруг заметил кружку в собственной руке: «И когда только успел поймать?». Залпом допив оставшийся отвар, хлопнул ею по маленькому столику и схватил с вешалки кафтан:

— Жду внизу, поторопись!

С грохотом отворив дверь, Защитник выскочил в коридор, перепугав толпящуюся там прислугу. Проводив его удивлёнными взглядами, в комнату вошли несколько служанок.

— Вы позволите, миледи? — одна потянула из рук одеяло, но Кира вцепилась в него, как гончая в лисицу, не отводя глаз от двери, её била мелкая дрожь.

— Возьмите, — вторая протянула вновь наполненную кружку, — господин Защитник наказал, чтобы вы пили побольше.

Только сейчас Кира перевела взгляд на служанку.

— Миледи, господин вас обидел? — участливо осведомилась та.

— Поменьше болтай, — ткнула её в бок другая.

Как из рога изобилия посыпались вопросы и распоряжения:

— Миледи, что с вашими руками?

— Миледи, позвольте, я помогу вам одеться.

— Миледи, не могли бы вы сесть вот сюда.

— Миледи, разрешите, я займусь вашими волосами.

— Я не миледи.

— Что, вы говорите?

— Я. Не. Миледи! — чётко произнесла Кира, едва удержавшись от рвущегося из горла крика.

Райхо, а точнее, Грейл тин Аллария, обедал в лучшей ресторации Птичьего Терема расположенной неподалёку от храмовой площади.

«Жар-Птица», детище градоправителя стало излюбленным местом бомонда с его же лёгкой руки, не скупясь отмеривающей золото. В просторных залах, ослепляющих роскошью, устраивались пышные балы и приёмы. В маленьких уютных закутках, можно было и плотно пообедать, и просто перекусить, блеснув на входе модными нарядами. По мнению Хепт-тана, все это заведение представляло собой ещё тот гадюшник, но кухня здесь была отменная. В этом не откажешь. Отчасти поэтому, отчасти, чтобы поддержать легенду, он являлся сюда каждый вечер, чтобы поужинать, и непременно к нему подсаживался очередной отец дочери на выданье, который, под предлогом делового разговора, стремился поведать о своём пылящемся сокровище.

Вот и сейчас Райхо расположился за одним из столиков в общем зале, откуда было хорошо видно всех входящих. Напротив него восседал Марро тин Гапатор и уже битых полчаса нахваливал свои каменоломни в Предгорьях, которые отойдут в приданное его красавице-дочери. Марро сетовал, какая Аннара у него умница, да больно разборчивая, уже двадцать три, а она никак с женихом не определится, неизменно забраковывая все кандидатуры, предложенные отцом. Примерно на этом моменте Райхо потерял нить разговора и лишь кивал время от времени, создавая видимость заинтересованности.

— Не может быть! — удивлённый возглас вывел погрузившегося в собственные мысли ассасина из задумчивости. — Это же прохвост тин Хорвейг! Но кто это с ним рядом?

— Что?

Райхо вскинул голову и посмотрел, куда указывал собеседник. Одновременно вернулось то самое ощущение, которое он испытал рядом с Кирраной тин Даррен, но только слабее. Его *сила* завибрировала, окатывая тёплыми волнами с ног до головы, сворачиваясь внутри ласковым котёнком.

— Вы не поверите, но Аннара мне рассказала, как ещё днём он принёс в свой номер какую-то бродяжку! Вы можете себе такое представить? Если бы она не была моей дочерью, я бы ни за что не поверил в подобное. Кстати, Грейл, а вы бывали в «Княжеском полдне»? Прекрасное место!

Спутница Паситы обернулась и Райхо вскочил на ноги, опрокинув бокал вина. Бордовая чуть тягучая жидкость растеклась по белоснежной скатёрке, заливая штаны и камзол тин Гапатора.

— Поосторожней, Грейл! Что это с вами?

Но Райхо не слушал. Глаза Хепт-тана зло сузились, не отрываясь глядя на Защитника.

Неожиданно для себя он испытал сильнейший укол ревности, едва сдерживая руку, так и норовящую скользнуть за лахиром. Едва сдерживая рвущуюся с поводка *силу*.

«Враг! — шептало все его естество. — Убить!» — ассасин нечеловеческим усилием воли подавил желание прыгнуть и всадить клинок в горло тому, кто посмел стоять к Кирране так близко, а затем схватить девчонку и увезти далеко-далеко.

Защитник же, напрягшись, посмотрел в ответ пристально, настороженно, точно так же готовый к битве. Хепт-тану показалось, ещё секунда и в него полетит что-то огненное.

Ничего не подозревающая Киррана тин Даррен повернулась, да так и осталась стоять, рассматривая великолепие зала.

Хепт-тан забыл о Пасите, которого отвлек каким-то вопросом слуга, жадно уставившись на потрясающе прекрасную молодую леди, ничем не напоминающую того растрёпанного воробушка, которому он сегодня днём помог в переулке.

Гордый профиль, чуть смягчённые, но явно угадывающиеся фамильные черты тин Дарренов, интересный голубой цвет глаз. Райхо даже рот приоткрыл, поражённый столь редким и необычным оттенком — будто проглядывает чистое весеннее небо. Ранее он всего этого не заметил, поглощённый иными заботами. Растрёпанные косички исчезли, копна русых, чуть отливающих золотом в солнечном свете волос чисто вымыта и мастерски уложена в высокую, но простую на вид причёску, из которой будто невзначай выбились несколько прядей. Нежно-голубое платье с открытыми плечами по новой столичной моде выгодно оттеняло сливочную кожу. Райхо безумно захотелось попробовать её на вкус, прикоснуться руками, вдохнуть запах тёплого тела, убеждаясь, что она настоящая.

Наряд дополняли митенки в тон, скрывающие сбитые в кровь костяшки. Они предстали перед глазами как наяву, и ассасин был готов целовать каждую ссадинку пока та не заживёт. Плечи прикрывала горжетка из какого-то редкого голубого меха, который Райхо не смог опознать, зато он без труда узнал туманный дамод на застёжке. Один такой камушек стоил баснословных денег. Кто же она для тин Хорвейга, если тот так расщедрился?

Киррана же лишь мазнула по Райхо мимолётным рассеянным взглядом, поселив в сердце щемящую тоску.

«А чего я ждал? Я для неё — незнакомец. Один из многих», — подумал Райхо.

Хепт-тану было до боли обидно видеть её рядом с этим ублюдком. Не хотелось верить, что они вместе. Но как тогда Пасита допустил, чтобы она оказалась в том переулке? Где был Защитник, когда девочка нуждалась в помощи?

«Не время. Не сейчас», — Райхо, наконец, смог взять себя в руки и напустить привычное, чуть растерянное выражение. Даже улыбнулся и, здороваясь, кивнул тин Хорвейгу, ожидаемо не удостоившись ответа. Они были знакомы достаточно давно и не раз сталкивались в княжеском дворце и на иных приёмах. Впрочем, особой любви между ними не было.

— Простите, Марро! Как же неловко, я непременно покрою ущерб. Хотите прямо сейчас отправимся в ателье?

— Меньше надо на милые мордашки заглядываться, — буркнул недовольно тин Гапатор, — хотя, должен признать, эта — чудо, как хороша. Есть в ней что-то эдакое... С вас ужин тин Аллария.

Завтра здесь же.

— Конечно. Вы окажете мне честь лицезреть Аннару?

— Безусловно!

— Это же надо было только додуматься натянуть под платье сапоги! Твоё счастье, что никто не увидел!

Пасита был весьма обескуражен этой выходкой. Ему даже в голову не пришло, что девчонка не будет рада подаркам. Да и как он только сразу не заметил? Надо было

собственноручно все проверить.

Вспомнился вчерашний вечер.

Он не видел, как Кира спускалась по лестнице, так как стоял спиной. Понял: что-то происходит только по восхищенным лицам слуг и постояльцев. Когда обернулся, чуть не ослеп от вида заключённой в драгоценную оправу невинности. Надо признать, это несколько раззадорило, вынуждая снова уделить время самоконтролю. Благо новая схема потоков позволяла предотвращать бесконтрольные выплески с меньшим напряжением воли. Тем не менее посетила мысль: пора задуматься об очередном усовершенствовании.

С платьем он угадал, со всем остальным — тоже. Теперь никто бы не признал в этой прекрасной аристократке деревенскую охотницу, первый раз очутившуюся в городе.

Она была ему нужна любая. Даже если бы оказалась полной уродиной, он не отказался бы от попытки получить желаемое. Но то, что она ещё и красавица весьма льстило самолюбию, а потому в ресторацию Защитник прибыл в наилучшем расположении духа.

Всю дорогу Киррана смотрела в окно, а он разглядывал её гордый профиль — это явно от матери. Даже хорошо, если с возрастом их сходство усилится. Черты лица были чуть более резкие — это уже семейное тин Дарренов.

В общем, устроил он себе ещё то испытание.

Сначала совместная поездка в карете. Кира, напротив, так близко, что он чувствовал нежный аромат её кожи, не перебитый духами.

Потом ужин в отдельном кабинете, обстановка которого настраивала на романтический лад. Многочисленные свечи, тихая игра невидимых музыкантов... Напряжение, разрядила девчонка. Количество приборов вызвало у неё недоумение. Подтрунивая напропалую и высмеивая, Пасите удалось хоть немного расслабиться.

Ночь... О! Ночь тоже выдалась прекрасная, наполненная страстью и стонами...

— Они удобнее.

Запоздалый ответ Киры вырвал Паситу из плена воспоминаний. Сейчас ничто в ней не напоминало вчерашнюю ослепительную светскую красавицу. Привычный, набивший оскомину охотничий наряд — может, приказать ей ходить в сарафане? Косички...

— Твоя бы воля, вообще в штанах заявилась. И с этими своими глупыми косами, — он жестом указал на предмет недовольства. — Позорище! — он вновь взглянул на девчонку и скривился.

Та ехала, глядя прямо перед собой, и разговаривать явно не желала.

Несмотря ни на что, Пасита пребывал в приподнятом настроении. Все произошедшее изрядно его повеселило, да и плевать ему было на желания Киры.

«Нет, с этим явно надо что-то делать», — подумал он, рассматривая девчонку украдкой.

В голове созрел план.

Кира не верила своему счастью: «Киалана, спасибо что все закончилось именно так». Её мысли то и дело возвращались к прошлому вечеру, и она почти не слушала, что говорит Защитник.

После мучительного ужина в этой самой ресторации, она едва не осталась голодной.

Защитник лишь потешался над её неосведомлённостью. А где ей было набраться подобного опыта? Хорошо хоть сжалился и позволил есть, как умеет, не ломая голову над тем, какой прибор следует использовать. Толку, правда, вышло немного, да и от его шуток кусок в горло не лез. Что удалось проглотить — так и упало камнем.

Когда вернулись на постоялый двор, её ждало новое испытание: ночь с Паситой.

Собственно остаток вечера она пребывала в «предвкушении». Даже попыталась сбежать, но в дурацком платье оказалось неподручно. Тогда-то Защитник и заметил сапоги, которые она украдкой натянула вместо узких неудобных туфель. Нагнал в мгновение ока, не успела она пробежать и половины квартала. Больно схватив за руку — даже синяки от грубых пальцев остались, пообещал выпороть по приезду, если ещё раз выкинет что-либо подобное.

Киру трясло от страха — да она Стаи так не боялась, как когда они шли по коридору в номер.

Глаза бегали в поисках пути к спасению. Тогда охотница и заметила, что дверь одного из номеров приоткрылась, и их проводили любопытным взглядом, но не придала значения. На пороге Кира, несмотря на предупреждение, снова попыталась дать деру. Пасита же был настороже. Он попросту схватил, перекинув её через плечо как волк овечку, и втащил внутрь.

В комнате повсюду горели свечи. Постель и пол усыпали лепестки белых роз. От их запаха голова закружилась, или тому причиной было вино? Она не удержалась — выпила в ресторации пару бокалов.

Защитник с преувеличенной осторожностью усадил её на кровать. И Кира, сжав кулаки, решала сложную задачу: как лучше атаковать, чтобы наверняка. Шансов не было, но оставалась надежда. Однажды в лесу она наткнулась на шатуна и смогла выйти из схватки почти невредимой.

Деревенские тогда еле поверили, что ей удалось нанести столь точный удар...

— Сначала снимем платье, — Пасита правильно расценил её взгляд. Он перешёл на шёпот и наклонился совсем близко. — Оно явно мешает.

Горячее дыхание опалило шею. Кира даже порадовалась этой самой неоправданно дорогой горжетке, которая защищала открытые плечи. Впрочем, роскошная безделушка не представляла собой серьёзную преграду. Защитник аккуратно расстегнул застёжку, покрутил между пальцев драгоценный камень, любуясь игрой света на гранях:

— Тебе идут даманды, — он медленно потянул горжетку, лаская мехом плечи, вызывая мурашки по всему телу. Улыбаясь, опустился перед ней на колени, приподнимая подол платья.

Кира всхлипнула, вцепившись в холодную ткань:

— Не надо!

— Что не надо? Ты собираешься спать в сапогах? — он стянул их один за другим и принялся массажировать стопы.

— Господин Защитник, не надо, пожалуйста! — Кира вздрогнула от странных ощущений — щекотно и приятно одновременно, если бы не было так жутко.

— Разве тебе не нравится?

— Нет!

— Ты лжёшь!

Его рука скользнула выше, и Кира дёрнулась, как от удара. Рванулась назад, но помешал кринолин, корсет не позволял нормально дышать, а все то бельё, которое натянули на неё служанки, плотно облегало, сковывая движения. В результате побег обернулся падением на спину. Сверху тут же навалилось тяжёлое тело. Защитник нежно погладил плечи и обжёт шею лёгкими поцелуями и мгновенно отстранился, избегая её кулака.

— Сначала снимем платье, а потом подерёмся, если захочешь.

Похоже было, что он от души веселится. Кира поняла, что проиграла схватку ещё до её

начала.

— Господин Защитник, пожалуйста!

— Господин Защитник, — повторил Пасита смакуя. — Ты стала значительно вежливей, с чего бы это? — он принялся целовать её снова, но теперь удерживая руки — обе своей одной.

Непринуждённо, будто она и вовсе не сопротивлялась. Затем легко поднялся, увлекая следом.

Рывком развернул к себе спиной.

— Не двигайся! — Кира было отшатнулась, но большая горячая ладонь легла на горло, легонько сжала. Шёпот раздался у самого уха: — Не двигайся, повторять не буду.

— Господин Защитник... Пасита! — Кира предприняла новую попытку.

— Дай же мне, наконец, расшнуровать корсет! Или ты видишь здесь кого-то ещё, кто тебе поможет?

Кира придержала платье, не позволяя упасть к ногам, когда Пасита закончил и повернул её к себе. Видя, как она вцепилась в тонкую ткань, усмехнулся. В холодных глазах мелькнуло предвкушение.

— Забыла, что я тебя уже видел? — его улыбка стала шире, когда она залилась краской: — Ах да!

Ты ведь и не знала.

— Нет! Нет! Нет! Нет! — только и повторяла Кира, когда он набросился, толкнув её на кровать.

Принялся бесцеремонно покрывать поцелуями, спускаясь все ниже, стягивая платье, проникая под него руками, жёстко сминая полушария груди, играя языком с торчащими сосками, сжимая ягодицы, пробираясь к самому сокровенному: — Не-ет!

К счастью, неожиданно Защитник сам все прекратил. Отодвинулся, взерошенный и разгорячённый. Воздух с хрипом вырвался из его лёгких, когда он вдруг рассмеялся:

— Похоже, ничего не выйдет. А я надеялся, что хоть это сможет помочь. Но или тебе на самом деле нравится больше, чем ты показываешь. Или попросту два транса за сутки тебя всерьёз измотали. Как ты могла испортить такой великолепный план, а? — его голос прозвучал по-детски возмущённо.

Мужчина отошёл и плеснул себе вина в хрустальный бокал:

— Хочешь? — предложил, и, не дождавшись ответа, выпил сам: — Как хочешь.

Кира снова промолчала, пытаясь хоть как-то прикрыться, завернулась в горжетку. Она не представляла, что в ней и в чулках с поясом она представляла собой весьма пикантное зрелище.

— Я хотел тебе показать, что удовольствие можно получить разными способами, но раз ты так противишься...

Защитник задержал на ней взгляд. Но, тихо зарычав, все же направился к двери, и Кира невольно вздрогнула, когда он проходил мимо.

— Нет, это просто невозможно выдержать! Навещу-ка я миледи Аннару. Она мне кажется сговорчивее некоторых глупышек и сможет оценить мои старания по заслугам.

На пороге Пасита притормозил. Обернулся и пристально, без тени улыбки посмотрел на съёжившуюся охотницу. В его зрачках затаился какой-то отблеск, придавший сходство с диким животным:

— Не вздумай сбежать! Помни про договор.

Как только дверь затворилась, Кира метнулась следом, перешагнув, через платье. Судорожно заперлась трясущимися руками, но этого ей показалось мало. Схватив резную вешалку, она ударом ноги сломала её пополам и вставила одну часть в дверную ручку, так чтобы помешать открыть дверь снаружи. Но и на этом тоже не успокоилась. Шкаф оказался тяжелее, чем она предполагала, но все же ей удалось его передвинуть к дверному проёму.

Все.

С мыслью, что сделала все возможное, Кира устало опустилась на кровать. Это, конечно, Паситу не задержит, но даст ей какое-то время. Охотница, подошла к окну и выглянула наружу.

Оно выходило на внутренний двор, где располагались конюшни и прочие хозяйственные постройки. На земле, вывалив красные языки, развалились два огромных сторожевых пса — на ночь их спускали с привязи. Таких — легко не обманешь. «Вполне ожидаемо, — подумала Кира, — Пасита и это предусмотрел». Да, и у неё по-прежнему не было нормальной одежды, а в этом платье далеко не убежишь, не говоря уже о том, что самой ей его не надеть.

Кира улеглась спать на кровати, предварительно выбросив все лепестки в окно и проветрив комнату. В конце концов не большая разница, где именно спать — здесь, или на диване.

Утром в дверь робко постучали.

— Миледи, Киррана! Позвольте подать завтрак. Господин Защитник ожидает вас внизу через двадцать минут. Просил не опаздывать.

С мельницы Крэгу с Наарроном удалось убраться лишь чудом, ненадолго опередив неожиданных гостей. Те появились гораздо раньше и зачем-то направились по их следу, но, к счастью, на тракте отстали. Верховая езда ожидаемо не пошла на пользу Защитнику, и он ехал, то и дело припадая к шее Ромашки. Изначально взобравшись на ветра, он вскорости пересел на кобылку, у которой ход был мягче.

Вечером того же дня друзья нагнали обоз купца Евпатия, который вёз на продажу в Птичий Терем заморские товары. Всего более двадцати возов, отряд наёмной охраны, да прибившиеся по пути путники — приличная сила, чтобы путешествовать в относительной безопасности.

Сам купец, как половина людей, третий день маялся животом. Ехали то и дело провожая горьким весельем каждого нового бегущего в кусты неудачника — это серьёзно задерживало, и Евпатий злился, понимая, что опаздывает на ярмарку. Средства местного лекаря отчего-то не помогали, и Нааррон со своими целебными отварами пришёлся весьма кстати. Взамен им позволили присоединиться к обозу.

Птичий Терем был последним оплотом цивилизации в Приграничье — дальше располагались одни лишь деревни. Несмотря на удалённость, это был богатый торговый город, в который не гнушались возить товары самые известные купцы и авантюристы. Да и люд там жил охочий до диковинок и золота не жалел, вот и курсировал Евпатий туда-сюда годами.

Обоз, как длинная скрипучая гусеница, источая запах конского пота и навоза, неспешно вползал в городские ворота.

— Проснулся? — Нааррон протянул другу привычную порцию отвара, с него начинался уже который день подряд. Снадобье было горькое, но Крэг не жаловался. Благодарно кивнув, выпил залпом. Поморщился. Осторожно поднявшись, пододвинулся к пологу фургона и,

откинув его, выглянул наружу. Уже две недели, как он стал их временным домом, позволяя раненому Защитнику передвигаться с большим комфортом. Это стало своеобразной наградой за излечение от медвежьей болезни.

— Не думал переквалифицироваться в лекаря? — спросил Крэг, возвращая кружку, — Прямо на глазах легчает.

Он сладко потянулся, и Нааррон отметил, что друг больше не бережёт руку — хороший знак.

— Нет. Какой же из меня лекарь? — скромно махнул рукой.

— Мне кажется — отменный, — Крэг лучезарно улыбнулся.

Они выбрались наружу. Фургоном управлял мальчишка, который слегка подвинулся, освобождая место. Утро выдалось солнечным, обещая ещё один жаркий летний день, но Нааррон только порадовался. Он и не думал раньше, как ненавидит холод, особенно вспоминая, что их путь лежит на север.

Птичий Терем, вопреки ожиданиям, снаружи больше напоминал крепость. Раньше это был первый бастион на пути сартогов или тварей Излома. Даром что ров засыпали много лет назад, а сам он разросся, расстроился вширь, потихоньку занимая окрестные земли. Казалось, случись беде, и старый воин вновь снимет со стены свой меч...

Их накрыла тень, когда фургон нырнул в каменный проём ворот, чтобы вынырнуть уже внутри высоких неприступных стен.

— О боги! — Крэг вдруг ощутил небывалый прилив *силы*. Почти как тогда, когда он выпил отвара приготовленного Наарроном. — Что это? — он завертел головой, новым открывшимся чутьём определяя источник.

Люди, из тех, кто хотел утром покинуть город, да задержался, теперь жались вдоль стен, пропуская их обоз, так некстати попавшийся навстречу в узком проходе. Стража не осматривала каждый воз, но всё равно дело шло небыстро, и путникам оставалось лишь переминаясь, в ожидании.

Взгляд Крэга безошибочно упёрся в пару всадников.

— Кажется мне знакома эта лошадь, — он ткнул Нааррона в бок.

— Не может быть! — откликнулся тот. — Это же Пасита тин Хорвейг. — Нааррон тоже узнал буланого. — Что он здесь делает? Нельзя, чтобы он нас увидел, быстро внутрь, — он скрылся в фургоне. — Чего ты медлишь?!

Крэг его будто и не слышал. Мир вокруг исчез, растворился, осталась лишь незнакомая девчонка на вороной кобыле. Ловкая посадка — она сидела верхом по-мужски, да и одета была, как мужчина. Печаль на миловидном лице. Защитник не понимал, чем она его так привлекла, но знал, что готов отдать за неё жизнь и даже больше...

Девушка подняла голову и Крэга обдало жаром, когда их взгляды на мгновение встретились.

Сила рвалась наружу, разрушая ненадёжную структуру потоков.

— Ты что творишь! — зашипел Нааррон, и Крэг от неожиданности подпрыгнул, получив увесистую затрещину. — Тише-тише! Ты это чего? — друг зачастил шёпотом, и явно был напуган. — Крэг, тут же все замёрзло! Ты меня слышишь? Прекрати сейчас же!

Защитник, сбросив наваждение, осмотрелся — тент изнутри и правда покрылся инеем. Но он, не обращая на друга внимания, жалея об утрате того восхитительного ощущения, перебрался в заднюю часть фургона и попытался спрыгнуть.

— Да постой же!

Заучка упёрся ногами и что есть мочи потянул его обратно за рубаху.

Девчонки уже не было видно, лишь отголосок *силы* мягким пёрышком ласкал его внутренности, постепенно затухая по мере отдаления. Крэг повернулся, окончательно приходя в себя. Его грудь вздымалась, будто он пробежал несколько вёрст.

— Прости. *Сила*, она... вырвалась? — Крэг сам удивился не меньше.

— Не пора ли всемогущему перестроить потоки, чтобы ничего не вырывалось наружу не вовремя? — съехидничал Нааррон. — А то перед девками так недолго опозорится.

— А ведь и правда, я не делал этого с прошлого года. Да и незачем было... Я уже и отчаялся стать сильнее...

— А всего-то стоило за ворота выйти, — продолжил подтрунивать адепт, — так *сила* во все стороны и попёрла.

— Давненько я тебя не гонял по утрам.

— Так я ж только того и жду. Даже зад зудит — пинков просит. Давай уже поскорее приходи в норму, дружище. — Нааррон хлопнул друга по больному плечу и тут же испугался.

Они рассмеялись. На душе у обоих, впервые за долгое время, стало неожиданно хорошо.

Позже они тепло распрощались с Евпатием, обменявшись скромными подарками: Нааррон поделился снадобьями, а купец — подарил им по медальону гильдии. Полезное приобретение — любой торговый обоз без вопросов примет.

После отправились на поиски постоянного двора. Следовало хорошенько отдохнуть перед дорогой на север.

По пути в Золотые Орешки, вопреки надеждам Защитника, в лесу никто не напал. Опасения Киры также оказались напрасными. Не пришлось ни отбиваться, ни спастись бегством. Пасита большую часть времени молчал о чем-то размышляя, а, главное, не распускал рук.

Со следующего дня продолжились тренировки, к которым постепенно добавились уроки грамоты, математики, этикета и иные науки. Новоиспечённый учитель, как из рога изобилия вываливал на неё по вечерам знания. В такие моменты тин Хорвейг даже как-то преображался. Не смотрел, как на дичь, задумчивым взглядом, а если и злился, когда она что-то не понимала, так это было по-иному. Вспылив, тут же успокаивался и терпеливо принимался объяснять сызнова.

Кира жадно поглощала знания, словно навёрстывая упущенное, да и на память не жаловалась. Она училась читать, вести себя за столом, изучала историю, геральдику и родословные. Пасита даже настоял на уроках танцев, объясняя это тем, что придётся бывать при дворе. Поначалу она воспротивилась, опасаясь его близости, но, к слову сказать, танцевать ей понравилось. Да и вёл себя Защитник во время таких уроков не в пример пристойно.

Но в один из дней привычный ритм жизни нарушился появлением конного отряда. Шестеро всадников показались на соседнем холме, спустились в ложбину, а через несколько минут, уставшие лошади, позванивая сбруей, поднимая пыль и всхрапывая, взобрались на самый верх.

Было утро, и Кира как раз заканчивала тренировку. Внизу у подножья неспешно катила свои воды Широкая, поблескивая на солнце. Измотанные дорогой люди то и дело посматривали в сторону противоположного берега, до которого здесь было не меньше четырёх полётов стрелы.

Вид пришельцев внушал тревогу, уж очень он не вязался с радостным солнечным днём — подарком угасающего лета. На головах красовались остроконечные шлемы, на плечах — пропылённые зелено-коричневые плащи, к сёдлам приторочены щиты, луки, в ножнах короткие или длинные мечи — кому как сподручней.

Вперёд выехал сурового вида воин. Из-под шлема выбились словно усыпанные пеплом пряди волос. Шрам делил левую щеку надвое, скрываясь в густой, чёрной с проседью бороде, нос был давно и безнадежно сломан. Несмотря на жару воин был обряжен в пластинчатый доспех, на остальных под плащами серебрились кольчуги.

— Дядька Боян! — Кира с радостным воплем подскочила с земли, куда её только что отправил очередным приёмом Пасита и как в детстве, взлетела на седло по стремени, сжав сотника в объятиях.

— Никак Кира! — удивился тот, — Выросла то как, дочка! — мужчина отстранил её, рассматривая. — А кто этот с тобой? Вижу не Микор, да и не Каррон. Кто таков, назовись? — рокотал низкий бас старого солдата.

— Защитник Пасита, владетель сего места по приказу Великого Князя.

— Пасита тин Хорвейг? А куда же Каррон подевался? Неужто в Ордене? Не думал я, что после стольких лет его вернут обратно.

Кира погрузилась и опустила голову. Тихо ответила, спускаясь на землю:

— Защитник Каррон умер прошлым летом. Теперь Защитник Пасита наш охранитель.

— Как умер?! — удивился сотник. — Неужто убили?

— Не ведаем точно. С виду — заснул и не проснулся.

— Матрена смотрела?

— Смотрела, да ничего так и не обнаружила.

— Как-то это подозрительно, — протянул старый сотник, теребя ус.

Кира пожала плечами. Боян повернулся:

— А почто ты, Защитник, девчонку мутузишь?

— Тренировка у нас. У Киры хорошие навыки, может, путное что и выйдет.

— Что ж путное ты из бабы сделать хочешь? Неужто вместо себя супротив сартога ставить собрался? Не след девчонке вот так один на один со здоровым мужиком бороться. Ей бы вышивать, да приданое себе готовить, и так в девках засиделась, гляжу. Ты, Кира, присмотрелась бы к Мечиславу, — названный воин расправил плечи, подбоченился, лихо погладив пшеничный ус, и сверкнул очами. — Он у нас как раз жонку ищет. Парень хороший, я за него поручусь, а коли понравится друг другу, так и пущай сватов засылает, как раз к осени и свадебку...

— Дядька Боян! — возмутилась Кира.

— А ты это брось, чего тебе за интерес? — сотник неодобрительно покосился на Паситу. — Лучше бы делом каким занялся.

— Попридержи язык, сотник. Ты прав таких не имеешь Защитнику указывать.

— Показал бы я тебе, где твои права, да недосуг, — старый воин моментально проникся неприязнью, да и был наслышан про тин Хорвейга.

— Дядька Боян, я сама попросила, — примирительно объяснила Кира. — Ты же знаешь, меня и Каррон учил. А тут уже, почитай, год без тренировок. Спасибо Защитнику Пасите за то, что вообще согласился, а вы его ругаете.

— Каррон учил, — ворчливо протянул Боян. — И Каррону, видно, делать было нечего. Замуж тебе надо, Кирка, говорю. Детишек нарожала б, и глупости всякие в голову не лезли б. — несмотря на такие слова, в голосе сотника звучала теплота. — И куда только Микор твой смотрит? Как он тебя вообще одну сюда отпустил-то с этим... — он пренебрежительно мотнул головой в сторону Паситы.

Защитник криво усмехнулся, а Кире не хотелось отвечать при нём на этот вопрос, и она неопределённо пожала плечами. Да и не любил Боян Микора, говорил, чует в парне гнильцу.

— Да, Кира, куда всё-таки подевался Микор? Это же тот самый дурачок, которого пришлось учить в день приезда? — вкрадчиво спросил Пасита, внезапно ощутив странную ревность. — Считай все лето его и не видно.

— Он ушёл из деревни, а куда — то мне не ведомо, — соврала Кира и перевела тему: — Дядька Боян, а вы с Дальней заставы идёте? Надолго?

— Да, дочка, оттуда. Почитай, две зимы дома не был, да и ранили меня. Как прибыла смена, так мы домой.

— Дядька Боян, как же так! — воскликнула охотница. — Вы к Матрене-то загляните. Я проверю! — она строго погрозила пальцем суровому воину, и в глазах его спутников промелькнуло веселье.

— Не переживай, всего лишь царапина, — улыбнулся Боян. — А к Матрене-то я загляну, — он красноречиво подкрутил ус. Потом внезапно помрачнел: — Да-а, не думал я уже, что Каррона не застану. Тебя тут точно никто не обижает? — он бросил

многозначительный взгляд на Защитника.

— Нет, дядька Боян, что ты! У нас все хорошо, а как дела на заставе? Спокойно ли у Излома?

— Тревожные вести. Дозорные на дальних рубежах видели гигантский столб пыли у самого горизонта. Похоже на сартогскую орду небывалых размеров. Пока не приближаются, но на виду, почитай, постоянно ходят. Как пить дать что-то замышляют.

— Князю послание отправили? — посерьёзнел Пасита.

— Да уж не запамятовали, — с неприязнью ответил сотник. — Уже и из близлежащих гарнизонов отряды прибывают, Защитникам тоже следуют быть наготове. Тебя тин Хорвейг это прежде всех касается. — Боян крикнул и снова повернулся к Кире, показывая, Защитнику, что разговор окончен. — Как Опорафий, не хворает?

— Здоров он. Да вы сами поезжайте, у него и остановитесь.

Сотник кивнул и чуть тронул поводья.

— Ну, прощай, Кира. В деревне ещё свидимся, а завтра снова в дорогу. Пока болотный путь не закрылся, следует торопиться.

— Продолжим, — скомандовал Пасита, как только улеглась пыль за лошадьями.

Через два часа усталая Кира мерно покачивалась в седле.

Защитник не очень-то её жалел на тренировках, но бил не в полную силу, смягчая удары. Был терпелив. Поправлял, указывал на ошибки, добиваясь безукоризненного исполнения приёмов. Но как бы точно Кира не следовала его науке, задеть Паситу ей почти не удавалось. Слишком уж быстр был Защитник и отвечал жёстко, иначе толку от науки не будет.

Ни Каррон так не делал, ни Микор... «Неужто, жалели?» — это стало своего рода неприятным открытием.

Последнюю неделю в конце тренировки один час посвящался медитации. Серия текучих движений, напоминающий плавный танец, по мере повторения приносила странные ощущения, будто все тело приятно свербит и покалывает. Защитник пояснил: это означает, что все идёт как надо. Медитация и нужна, чтобы пробудить и покорить *силу*. Постепенно она сможет входить в боевой транс не спонтанно, а по собственному желанию, когда понадобится, а заодно контролировать расход *силы*. И если дело и дальше пойдёт так же хорошо, как сейчас, то произойдёт это довольно скоро. В идеале уже зимой, как раз когда болота встанут, и тогда они смогут отправиться в Орден.

Шло время.

Жизнь в Золотых Орешках окончательно вошла в колею. Люди занимались повседневными делами. О сартогах, с тех пор как приезжал дядька Боян, так ничего слышно и не было.

Молодёжь, как и когда-то, снова отваживалась собираться на вечерние посиделки. Песни и смех звучали на улице. Так завершилась жатва, а после наступила пора свадеб.

Деревенские уже и перестали оборачиваться и наблюдать украдкой, как Кира в сопровождении Защитника Паситы выезжает верхом за околицу. Как возвращается обратно усталая, а к ужину уже поднимается на крыльцо его дома. Только одного человека это все ещё интересовало — Глафиру. Она всё время крутилась где-то поблизости.

В один из дней Кира с утра отметила, что Пасита какой-то не такой, как обычно. Чуть сильнее захваты, чуть дольше удержания, чуть больше ругани, да ещё этот неприятный отблеск в глазах, напоминающий прежде... Все это поселило на сердце новую тревогу.

Отворяя дверь в избу Защитника, Кира привычно поймала на себе взгляд полный ненависти.

Оглянувшись, заметила Глашку, которая на этот раз стояла у дома Опорафия. Кира, не здороваясь, со вздохом вошла внутрь, она не могла простить Глафире убийство Тумана, а то что надумала себе глупая девка — её собственные проблемы. Не до неё сейчас, Кире и своих хватает.

Защитник посмотрел в окно. Увидев Глафиру, раздражённо подумал: «Не надоело же маячить?». Он совсем забыл про неё, да и, вообще, о женщинах не думал, увлечшись занятиями с девчонкой тин Даррен. А ещё ему будто что-то исподволь мешало, отвлекая наяву от плотских мыслей, поворачивая их в иное русло, но он этого и не замечал, списывая на усталость. Ложился по вечерам в кровать сразу, как уходила Кира, все реже работая над книгой Излома. Похоже, все что мог, он уже сделал, а на большее у него не хватает знаний. После ухода Кирраны, торопился в кровать и мгновенно засыпал.

Дверь тихо хлопнула.

— Явилась, наконец! — Пасита повернулся к вошедшей и потёр руки от нетерпения. — Надевай поскорее.

— Что это? — Кира застыла в недоумении: «Он шутит?!»

На постели Защитника было разложено платье. Не такое роскошное, как — то голубое, в которое её наряжали в птичьем тереме, а довольно простое: серого цвета с голубыми оборками по краю и такой же шнуровкой на лифе.

— Ты повторяешься! — Пасита закатил глаза.

— Зачем оно? Мне и без него удобно. — Кира бросила опасливый взгляд на мужчину. А ну как прямо при нём переодеваться заставит?

— Ты неплохо освоила этикет, но носить пристойные вещи не умеешь. Я решил, пора и этому учиться, времени остаётся всё меньше и меньше. — он поднял платье и сунул ей в руки: — Надевай!

— Пасита, — Кира сглотнула, припомнив ярмарку, — господин Защитник! — теперь после всех тренировок она очень хорошо понимала, что ей с ним не тягаться, но вот так просто сдаваться она не собиралась. Конечно, лучше было решить вопрос мирным путём, и Кира попыталась объяснить, что она не справится с этим платьем самостоятельно: — Пасита, я не могу...

— Конечно, ты не можешь! — Защитник раздражённо пролетел мимо и выскочил на улицу.

Раздался крик:

— Глафира!

Пасита, тяжело дыша, сел на постели. На окне тлели занавески. Защитник подскочил, сорвал занявшиеся было куски ткани, бросил их в печь. Внимательно осмотрелся, но больше ничего не заметил. Успокоившись, подошёл к окну. Снаружи светила полная луна.

— Снова сон... — усмехнулся Защитник.

Молния высветила мужественный профиль, обнажённое развитое тело, будто доспехами покрытое буграми мышц. Тело воина.

Защитник повернулся одновременно с ударом грома. Его зрачки чуть мерцали в темноте мягким голубоватым светом — не ярость. Страсть.

Губы растянулись в улыбке, хищной, как оскал зверя.

В горнице царил полумрак, не считая слабого света лучины. Но и этого было

достаточно, чтобы озарить устланное волчьими шкурами ложе и сжавшуюся на нём фигурку в самом уголке.

Новая вспышка молнии ослепила, скрыв момент, когда Пасита приблизился. Создалось впечатление, будто Защитник только что стоял у окна, и вот уже совсем рядом.

— Кир-ра, — прорычал не то он сам, не то почудилось в последовавшем раскате. — Девчонка тин Даррен! — он протянул руку и поднял конец цепи. Той самой, которая осталась от убитого пса. Широкий кожаный ошейник, красовался на шее обнажённой Кирраны, являясь её единственным украшением и одновременно одеждой.

Кира вздрогнула и схватилась за цепь обеими руками, но он её сопротивления даже не заметил.

— Тебе не понравилось платье? Не страшно. Теперь ты будешь носить только это.

Он потянул ошейник вверх, вынуждая девушку встать на колени. Медленно окинув взглядом торчащие девичьи груди, с обещанием посмотрел в глаза, а затем грубо поцеловал, проникая языком в рот, кусая губы, вырывая невольный стон боли. Нехотя оторвался, когда понял, что она сейчас задохнётся.

— Станешь моей, будешь носить его постоянно. Я собираюсь часто наезжать в поместье.

Там с твоим появлением, станет гораздо интереснее.

Он выпустил ошейник, чтобы тут же вцепиться в распущенные шёлковые волосы, заставляя опуститься ниже.

— Помнишь, я говорил, что удовольствие можно получить и иным способом? — Пасита усмехнулся, глядя на её округлившиеся не то от удивления, не то от ужаса глаза. — Сейчас я покажу один. Тебе тоже понравится со временем, — короткий вздох вырвался, когда он почувствовал на себе её губы.

— Я буду делать с тобой все что мне вздумается до тех пор, пока будет на то желание. До тех пор, пока это мне будет доставлять удовольствие. Или до тех пор, пока не понесёшь. Тебе придётся сильно стараться. Ты родишь мне наследника! Помни, меня никто не остановит, слышишь? Не посмеют.

Он сжал волосы крепче, добиваясь приглушённого вскрика. Потянул и задвигался, задавая ритм её движениям. Ускорившись, задышал чаще. Запрокинул голову, жмурясь от удовольствия.

Из приоткрытых губ вырвался сдержанный стон. Пальцы сжались, сминая звенья намотанной на кулак цепи. — Кир-р-ра...

— Прекрасный сон... — прошептал Пасита, обращаясь к луне, его глаза лихорадочно блестели.

Сегодня Кира не могла поднять взор на Защитника. Стоило столкнуться с пытливым взглядом серых глаз, как щёки тут же вспыхивали краской, и она проклинала себя за это. Как же тренироваться-то в таком случае? Так никуда не годится! Вдруг он расценит её волнение, как-то неправильно? Задумавшись, охотница снова пропустила удар.

Кулак двинул в солнечное сплетение, лишив возможности нормально вдохнуть. Она едва смогла откатиться в сторону, когда Пасита нанёс следующий. Рывком, вскочив на ноги, случайно встретилась с холодными насмешливым взглядом и, замешкавшись, вновь оказалась на земле.

— Что такое, Кира? — голос Защитника звучал не раздражённо, скорее вкрадчиво. Его пыливый взгляд, казалось, примечает каждую мелочь.

— Не выспалась, — буркнула Кира, поднимаясь на ноги.

Косы растрепались, в волосах запутались хвоинки. Пасита по какой-то причине перенёс тренировки на другое место, туда, где они раньше занимались с Микором и Карроном, и Кира испытывала двоякие чувства по этому поводу. С одной стороны — привычное место, родные сосны и ели, удобная площадка для спаррингов... С другой — чудилось, что здесь витает дух отца. Иногда от этого было хорошо, а порой, наоборот, грустно... Микора же, она запретила себе вспоминать, стараясь не таить обиду на сердце.

— Говоришь, не выспалась? И в чём же причина? Неужто ухажёр какой объявился? Если так, то смелый, видно, парень. — Защитник хохотнул.

— Просто сон дурной привиделся. Нет у меня ухажёра, и не было...

— Плохой сон? И часто тебе такие снятся? — вопрос прозвучал весьма подозрительно, и Кира снова почувствовала, как запылала щёки.

Ночью она и правда проснулась от собственного немого крика, да так и просидела до зари не смыкая глаз, боясь, что наваждение вернётся. Это сон Кира видела уже не первый раз. Он с небольшими изменениями повторялся почти каждую ночь, но сегодня было особенно плохо. Как ни силилась охотница забыть липкий кошмар, как назло, помнила каждую мелочь. Невероятно, но даже отголоски запахов и ощущений чудились, стираясь только с первыми лучами солнца. От этих сновидений становилось жутко. На память приходили байки времён Излома, когда на землю лезла всякая нечисть, смущая людей, чтобы украсть у них душу, но рассказать об этом кому она попросту стеснялась.

— Кира, ты меня совсем не слышишь?! — раздался раздражённый голос над ухом. — Ты где витаешь?

Пасита больно ухватил руку, оставляя жёсткими пальцами отметины на запястье. Дёрнув к себе, крепко прижал за талию.

— Кир-ра, — прошептал, обдавая дыханием, с рычащими нотками в голосе, будто смакуя её имя, — противник не станет ждать если тебе помечтать вздумается.

Глаза Защитника приняли до боли знакомое выражение, но самое ужасное: появилось ощущение, что он все знает! В лицо бросилась краска, и Кира, не дожидаясь поцелуя, резко присела, выворачиваясь из объятий. Не вставая, хитрым приёмом, который он сам ей и показал, умудрилась-таки уронить мужчину на землю. Мелькнуло подозрение, что Пасита поддался. В следующее мгновение она поняла — не ошиблась.

Тин Хорвейг бросился следом, будто степная змея, с лёгкостью подмял под себя, не давая пошевелиться. Кира задёргалась, попыталась скинуть, да не тут то было — всё равно что пытаться сдвинуть мельничный жёрнов. Её попытки лишь веселили Паситу, и пришло осознание, что все приёмы работают, только если противник не тренированный и готовый ко всему Защитник.

— Кира, ты никчёмный боец. Я удивлён, как те разбойники не пустили тебя по кругу.

— У меня проснулась *сила*. Я справилась, — процедила сквозь зубы охотница, не оставляя тщетных попыток высвободиться.

— Так, пускай и сейчас проснётся! — заорал и чувствительно приложил её об землю, заставляя успокоиться.

Оглушённая, она и правда прекратила дёргаться, удивлённо моргая. Взгляд Защитника заледенел, губы сжались в тонкую полоску, ноздри расширились. Не успела Кира осознать, что все это ей не нравится, как его руки грубо зашарили по телу. Пасита не сдерживался и не церемонился, срывая застёжки, раздирая ткань рубахи...

Кира поняла, то что было в её снах сейчас случится. У неё пытались отнять сокровенное.

Безжалостные пальцы проникли под одежду, до боли сминая грудь. Вернулись, в попытке вытряхнуть её из штанов. Кира вцепилась в этот последний оплот целомудрия. Забилась, закричала. Плач перешёл в надрывный вой. Она ревела в голос, съёжившись в комочек. Не осознавая, что её больше никто не держит и не трогает.

Пасита, отвернувшись, стоял на краю площадки. Не обращая внимания на истерику, сухо бросил:

— Жду к ужину. Не забудь про урок этикета. Да, и избавься, наконец, от этих дурацких кос.

Чтобы я их больше не видел!

Пайшан разжала пальцы с лахиром, вознося хвалу Саршан-хо.

Хорошо, что Защитник ушёл. Ещё чуть-чуть и она нарушила бы приказ Тана. Юная асс-хэпт не выносила насилия.

Кира дралась хорошо, даже очень. Пайшан бы с ней пришлось ой как туго при случае. Но любая схватка с тин Хорвейгом для неё заведомо проигрышная. Это же всё равно как если бы она, Пайшан, вздумала выйти против Райхо!

Девушка не могла забыть, как Хепт-тан забрал её полумёртвую, сломанную, прямо с тренировочного поля, разогнав толпу тех, кто издевался, и тех, кто просто наблюдал за её страданиями. Клань жестоки. Если ассасин не может защититься сам, это только его проблемы. Первые месяцы Пайшан сидела и тупо пялилась перед собой, желая умереть и механически выполняя простые действия: поест, умыться, лечь спать...

Асс-хэпт Сафуил, единственный ученик, не мог на это спокойно смотреть и однажды спросил у Райхо, зачем им лишний рот? Хепт-тан ему не ответил. Он попросту подошёл к ней и задал лишь один вопрос: «Ты хочешь отомстить?». И Пайшан неожиданно для себя кивнула, удивлённая до глубины души его поступком.

Междоусобицы в кланах карались смертью. Но она отомстила каждому. Память сохранила имена и лица. Её мастерство, благодаря Райхо, дало превосходство над всеми в честной схватке лицом к лицу. После этого Хепт-тан стал единственным мужчиной, кому она доверяла и была готова умереть по приказу.

Девчонка ещё некоторое время после ухода Защитника сидела и тихо плакала. Пайшан едва подавила желание подойти и успокоить. Нельзя. Она должна выполнить задание. Вдобавок, у асс-хэпт закрадывались подозрения: не водит ли её за нос Харила, этот тупоголовый сын верблюда и ослицы. Уж очень долго он не может раздобыть Книгу Излома.

Кира встала, обхватив себя руками. Медленно на трясущихся ногах побрела в сторону деревни, стараясь унять бившую крупную дрожь.

«Боги!»

Вспомнился первый визит к Защитнику. Какая же она дура! Думала, что ей тогда было страшно... Когда соглашалась на все это, толком и не знала чего ожидать. Надеялась, как-нибудь справиться. Теперь знает...

Вдобавок эти сны... Будто все наяву происходит. Каждую ночь она оказывается во власти Паситы. Сознание будто раздваивается, делая её одновременно и участником и наблюдателем.

Нет сил убежать. Она не может сопротивляться, и лишь покорно выполняет его желания.

Кира вдруг заметила, что невольно потирает саднящее бедро, на котором во сне Защитник, натешившись, каждый раз вырезал кончиком ножа своё имя: Тин Хорвейг.

Что же делать? Это следует прекратить! Так больше не может продолжаться. Да и сам Пасита ведёт себя странно. Стал нервным и вспыльчивым, а в глазах появился лихорадочный блеск. Так выглядят люди, пристрастившиеся к траве-лихоманке, что растёт на подступах к Излому — однажды Кире довелось такого увидеть. Эта мысль превратила ужасную догадку в реальность: они смотрят эти сны вместе!

Но разве такое возможно?

«Горящие занавески — тревожный знак. Стоить побольше медитировать».

Сила больше не росла, но чувствовал он себя не так, как обычно. Настроение бесконтрольно менялось. Ему хотелось то выдрать девчонку по заднице, то обладать ею, то попросту убить. Это сильно мешало, когда она находилась рядом.

С тех пор как пришли эти сны, Киррана просто сводила его с ума. Постоянно донимало желание взглянуть на её бедро, проверить: есть ли надпись? Претворить в жизнь все, что видится ночами... Сегодня он едва не сорвался. Позволил чуть больше, в надежде спровоцировать выплеск. Бил сильнее, чем обычно. Решил припугнуть и едва смог остановиться...

Продолжать в том же духе нельзя. Нужно взять себя в руки, иначе легко податься прихоти и всё испортить!

— Почему? Боги, ну почему она не может призвать *силу*, когда я рядом? Не может? Или просто не хочет?

Пришла мысль, не кроется ли причина его странного настроения в воздержании? Пасита вдруг осознал, что Леди Аннара последняя, с кем он удовлетворял похоть, а с тех пор прошло несколько месяцев — небывалое дело! Решено. После вечерних уроков не стоит прогонять Глафиру, когда та придет помочь Кире с платьем. С ней можно хотя бы часть видений превратить в явь.

Пасита покосился на висящий на стене ошейник с длинной цепью. Подошёл и взял конец в руки. Сжал звенья. Те — не поддавались...

Вечером Кира вернулась с чувством облегчения и надежды. Когда шла к ужину дрожала, но Пасита вёл себя предельно вежливо. Она же, несмотря на расшатанные нервы, почти не делала ошибок. Лишь однажды перепутала приборы, но тут же исправилась, вежливо извинившись.

Кажется Защитник остался доволен...

Церемониальные поклоны, чопорные жесты... Как же это все раздражало!

Раздражала Глафира.

Она пришла и, по традиции молча опалив ненавидящим взглядом, помогла надеть платье, а затем и снять в конце урока. Все остальное время девушка просидела в уголке тихо, как мышка.

Лишь черные глаза блестели, пожирая Паситу.

Дома Кира, устало опустилась на лавку, застеленную свежими простынями, от которых успокаивающе пахло лавандой. Выудила из внутреннего кармана куртки маленький пузырёк.

Налила из кувшина воды в кружку и отмерила из флакона три капли — ни больше ни меньше, как наказала Матрена. Знахарка не обещала, что сны исчезнут, но гарантировала — больше Кира их не будет помнить.

С тех пор как Кира начала принимать снадобье, которое дала Матрена, сны ей больше не снились. Никакие. Ни обычные, ни те — странные. Это радовало. Наконец она смогла вздохнуть с облегчением, хотя смотреть на Защитника все равно было как-то неловко.

Пасита же на неё будто за что-то злился. Рычал всё время, зыркал недовольно.

Это казалось вдвойне странным, учитывая, что на тренировках она, наконец, начала делать успехи.

Теперь далеко не каждый удар попадал в цель, Кира блокировала, уворачивалась и частенько успевала дать сдачи. Хотя, конечно, для тренированного Защитника её удары были, что комариный укус, но охотница помнила его прежние слова, о том, что Защитники дополняют приемы *силой*.

— Передохни и продолжим. — Пасита, хмурясь, посмотрел на низкое серое небо.

Уж больно не любил вот такое вот преддверие зимы.

Порыв северного ветра взметнул листву и бросил в лицо водяную взвесь, через минуту превратившуюся в колючие снежинки. Он невольно поёжился, хотя и не чувствовал холода так, как его чувствуют обычные люди.

Погода нагоняла тоску, вдобавок те сны ему больше не снились, и это отчего-то злило. Будто у него украли сокровенное. Что-то, что принадлежало только ему одному.

«Не только», — он опроверг сам себя, покосившись на Киру. Теперь ничто больше не отвлекало от мыслей о возвращении в столицу, а Затолан не спешил его призвать обратно: «Чего же этот змей тянет время?».

Пасита надеялся добиться от девчонки выплеска и с чистой совестью отправится обратно в Орден: «Махаррон, ты без сомнения все знаешь, старая сартогская собака. Не даром же твой выродок Каррон провел столько лет здесь, в глуши. Тогда-то ты не сможешь выставить меня идиотом. Любой Защитник увидит отпечаток её проснувшейся *силы* на моей ауре. Прямо как в старые добрые времена», — тин Хорвейг усмехнулся.

Из Книги Излома он узнал, что когда-то Настоятели рыскали по всему Княжеству в поисках новых членов Ордена. Жили рядом с таким ребенком, в ожидании выплеска, а уж только потом тащили нового адепта на обучение. Не то что сейчас, Орден дает приют, кормит и поит любого ублюдка рождённого от семени Защитника, пока тому не исполнится пятнадцать, надеясь, что драгоценный отпрыск не подойдет от нелепой случайности и не окажется за пределами страны. Лишь потом следует Церемония определения — раньше артефакт попросту не сработает. После сего знаменательного события половина получит пинок под зад, потому как совсем не имеют *силы*. ещё треть слабаков станет носить гордое имя Хранителей Знаний.

Пасита сплюнул, раздражаясь. Запасной план оказался на грани провала. Теперь уже поздно отправляться в дорогу. Должно быть пройдет не меньше месяца, прежде чем расквашенные дождями топи не замерзнут. За оставшееся время следует добиться результата, чего бы это не стоило. Он не может ждать вечно, пока дядя ведет собственную игру — в том что Затолан именно этим и занят, Пасита не сомневался.

Он покосился на Киру, и новая волна противоречивых чувств окатила с ног до головы. Девчонка сидела на земле в позе лотоса и, безмятежно улыбаясь, подставляла лицо ледяному ветру. Снежинки таяли на её порозовевших щеках и чуть обветренных губах, превращаясь в

маленькие капельки. Розовый язычок, мелькнув, слизнул одну.

Кира прикрыла глаза и втянула носом воздух, будто принюхиваясь.

Желание обладать ею сейчас же спорило по силе с раздражением: «Пока я как баба ломаю руки в поисках выхода из сложившейся ситуации, она вздумала наслаждаться погодой!».

Глаза Защитника нехорошо сузились.

Кира радовалась первому снегу. Неповторимый запах свежести и обновления будоражил душу. Мечталось тропить русака [выслеживать на охоте зайца-русака. Прим. автора] утром по первому снегу, как в прежние безмятежные времена. Она вздохнула, и улыбка чуть померкла: «Да разве ж Пасита отпустит? Вон даже всю учебу отменил, теперь с утра до ночи только и делаем, что деремся...»

Неожиданный удар в плечо опрокинул на бок. Ошеломленная Кира еле успела откатиться в сторону, поднимаясь на ноги.

* * *

Кира едва смогла приподнять веки, но не увидела ничего такого, что ей не подсказали бы запахи и ощущения. Мерно покачивало. Пахло кожей и мужским потом.

Чуть меньше лошадью. Пальцы на босых ногах онемели от холода, но сил пожаловаться не было. Тело отозвалось болью на попытку отодвинуться подальше от ненавистного ей человека. Крепкая и тяжелая рука лишь чуть напряглась, прижимая крепче.

— Прости, — раздался едва слышный хриплый шепот. Щетина уколола голову, и сознание, пожалев, покинуло охотницу снова.

Пасита зарылся носом в русые волосы. Свои эмоции к такой вот беззащитной Кире он не мог объяснить. На поле не чурался загонять её до полусмерти. Бил не жалея, не давая подняться, как бил бы любого курсанта тщетно добиваясь выброса силы.

Потом вез домой, а сердце затапливала непривычная нежность пополам... с чувством вины?! Дома же Защитник впадал в злую хандру, испытывая... Муки совести? Эта мысль стала открытием.

Успокаивало лишь то, что девчонке все нипочем. *Сила* её защищала даже получше, чем его самого. Ночь. День. Она снова на ногах. Ни один из курсантов Ордена на такое не способен.

Захотелось выпить чего-нибудь покрепче. подошёл бы «Сагалийский Ханаретто», от которого пресекается дыхание и слезятся глаза. Его принято разбавлять ягодным соком, но сейчас он употребил бы чистый.

Пролетел уже целый месяц с тех пор, как земля укуталась белым пушистым покрывалом и ударили трескучие морозы. Вечера Защитник коротал в одиночестве сидя у горячей печки и заливая тяжелые думы вином. Изредка его покой нарушала Глафира. Робко входила и, если не гнал её сразу, молча клала ему руки на плечи, одаривая неспешной лаской. Все это в полной тишине. Говорить он ей запретил, лишь закрывал глаза, представляя на её месте другую.

Брякнула калитка. Тявкнул разок и тут же трусливо умолк Рыжик. Бабке Матрене не нужно было гадать, кто пожаловал. Знахарка выпрямилась и вытерла мокрые руки о передник. Дверь отворилась и внутрь, не говоря ни слова, ввалился Пасита. Он нес на руках

безвольно обмякшую Киру, замотанную в его подбитый мехом плащ. Положив девушку на лавку, он обернулся:

— До завтра сможешь её поставить на ноги? — заметив тревожное выражение на лице знахарки, добавил: — Два дня. Не больше.

— Лучше б насильничал! — в сердцах буркнула Матрена, но осеклась под обжигающе холодным взглядом. Защитник, однако, ничего не добавил и вышел.

Матрена, выглянув в окно, злорадно отметила, что и сам Пасита выглядел несколько изможденным. Не считая красовавшегося на щеке кровоподтека, при ходьбе он слегка припадал на правую ногу.

— Сеня! Вскипяти воду! — крикнула Матрена.

Кира слабо застонала, приходя в себя. Знахарка подскочила, развернула плащ и всплеснула руками:

— Совсем озверел! Да что же это делается? — и добавила уже почти богохульно: — Где твои глаза, Киалана?

Вбежала Есения.

— Боги, Кирочка! — девушка прижала руки к щекам. — Почему она в исподней рубахе? Зима ведь!

— Чего застыла? Воды неси!

— Так уже нагрела.

Матрена разрезала ткань. Оценив степень повреждений, вздохнула:

— Бедное дитя, будто стадо быков пробежало!

Не смотря на сплошь покрытое ссадинами и ушибами тело, все было не так страшно, как казалось. Матрена проверила ноги, не удивляясь отсутствию обморожения. То что Кира не простая девочка, знахарка узнала, ещё когда той было всего три зимы. Она споро принялась за дело, ворча под нос:

— И чего привязался? Колотит и колотит! Да и сама хороша, сколько уже говорила — текай!

— Не сбегу... — одними губами едва слышно прошептала Кира.

— Помолчи! — Матрена кинулась к полкам со склянками и пузырьками. Вынула одну, посмотрела на свет тусклой масляной лампы, кивнула и отмеряла часть в ложку: — На-ка, вот — выпей.

Кира с трудом проглотила снадобье, поперхнулась и закашлялась. кашель перешёл в стон, и из уголков глаз выкатились слезинки.

— Тихо, девочка, тихо. Потерпи, — Матрена принялась ощупывать ребра.

— Мама... — шепнула Кира, и ещё одна слёза прочертила дорожку по виску. — Не... говори ей. — слова давались с трудом.

— Не скажу, — помрачнела Матрена, в душе радуясь, что Анасташа уехала погостить к родственникам в Вороньи Гнезда, да из-за метелей задержалась. — Неча Анасташе ещё больше сердце рвать...

Кира ничего не ответила, потому что уснула, не смотря на горящие огнем пальцы ног, не смотря на саднящее тело, не смотря на каждый вдох, отдающийся болью.

Сказалась усталость. Организм был на пределе, да в тепле вконец разморило.

Впервые за долгое время ей приснился сон, вернувший в реальность:

— *Раздевайся!* — голос Паситы прозвучал резко и отрывисто.

— *Зачем?*

Вместо ответа последовал прямой удар. Кира ушла классическим «шагом назад», но схитрила, ответив «кошкой» — подлым приемом, нацеленным лишить противника зрения. Била по настоящему, не жалея, за что и поплатилась. Тяжелый кулак обрушился на ребра, затем в живот прилетело колено, и тут же её отбросили в сторону.

Кира не то что не смогла сгруппироваться, она дышать в этот миг разучилась. Шлепнулась плашмя, разбив нос об утоптанную до состояния льда площадку. Попыталась отползти, но пронзившая грудь резкая боль не позволила этого сделать.

— Вставай и раздевайся, — повторил Пасита.

Упрямо сжав зубы, стараясь не стонать, загоня боль подальше, Кира все же поднялась и встала в стойку.

— Если ты сейчас же не скинешь одежду, я её сожгу прямо на тебе. — угроза прозвучала ровно.

Когда штаны затлели, Кира обречённо сорвала их первыми. Вскоре рядом упала куртка, следом — теплая поддевка.

— Сапоги. — Пасита оставался непреклонным.

Оказавшись в одной исподней рубахе, Кира подняла глаза на Защитника. В них горели вызов и негодование, но не холодный огонь силы...

— Рубаху тоже снять? — ноздри девчонки раздувались от гнева.

Пасита залюбовался наблюдая, как порывы ветра играют с тонкой тканью, то обрисовывая контуры продрогшего тела, то скрывая их очертания. Мгновение помедлил, принимая решение, но, покосившись на Харилу, который притопывая и хлопая себя руками бродил в ожидании по краю площадки, понял, что не хочет чтобы ублюдок смотрел на его девку своими масляными глазами.

— Так сойдет, — он встал в стойку, — Продолжим.

Хариле порядком опостылело принимать участие в этом непонятном действе. Раз за разом одно и то же. Он засопел наблюдая, как охотница снова упала, не в состоянии дать отпор, но упрямо поднялась, шатаясь.

Босые ступни чуть оскользнулись, изо рта вырвался не то стон не то хрип.

Девчонка больше не пыталась атаковать, лишь защищалась. В какой-то момент она снова пропустила удар. Второй. Третий вышиб из неё сознание и охотница упала, как тряпка.

Пасита стоял над ней и тяжело дышал.

— Почему?! — внезапно заорал Защитник, подняв голову к небу. — Почему ничего не выходит?! — в его глазах вспыхнуло пламя.

Серия мощных ударов обрушилась на ствол ни в чем не повинной березы, которая одиноко торчала на краю площадки. Пасита, не жалея, разбивал кулаки в кровь. Затем бедное дерево подверглось потоку ледяного ветра, а через минуту от него остался только обгорелый пенек.

Харила замер возле лошадей и старался дышать тихо-тихо. Казалось ещё чуть-чуть и он тоже примется фыркать и жевать сено, чтобы не выделяться.

Взгляд Паситы погас и прояснился. Грудь вздымалась, будто он пробежал несколько верст кряду.

— Одень её! — Защитник указал себе за спину.

Тин Шноббер, не медля, метнулся было к лежащей на снегу девчонке: «И так вон пот прошиб, или это не пот? Но портки сменить стоит...», как его остановил новый окрик:

— Не трогать! Я сам.

Харила едва не упал, поскользнувшись.

Пасита, пролетев мимо, задел его плечом, лишив равновесия: «Да чтоб тебя сартоги драли вечность!» — выругался мысленно тин Шноббер, отбив зад при падении. Его терпение было на пределе.

Защитник одернул бесстыдно задравшуюся рубаху. Чуток повожился, тщетно пытаясь натянуть штаны, но, свирепея, плюнул на это дело.

— Захвати её вещи, — приказал он Хариле и поднял Киру на руки.

Один кошмар плавно перетек в другой. Судя по окружавшей обстановке, Кира была у Матрены. Пасита сидел рядом и держал её за руку. Он что-то тихо шептал, но она не могла разобрать ни слова. Затем Пасита принялся целовать её пальцы, прижимать ладонь к своему лицу. Кира хотела выдернуть руку, но не смогла пошевелиться.

Когда она снова открыла глаза, уже наступило утро. Или это был день? Она действительно находилась у Матрены в избе, но даже не удивилась этому. Привыкла.

Надо было идти домой, вдруг мама уже вернулась и будет волноваться? Кира попыталась подняться с постели.

— Ну и куда ты? — Матрена осторожно уложила её обратно, сопротивляться знахарке у охотницы не было сил.

— Кирочка, все хорошо, — подскочила Есения и взяла за руку, — я сходила к тебе домой утром, Анасташа ещё не приехала. Не волнуйся, мы тебя вылечим. — ловкие пальцы тем временем бегали по телу, проверяя повязки.

Есения отошла, взяла склянку с отваром и вопросительно посмотрела на Матрену. Знахарка одобрительно кивнула и, прихватив ушат, вышла из горницы.

Есения, отмерив, несколько капель разбавила их водой.

— Выпей, — черпачок коснулся растрескавшихся губ, — оно, правда, противное, но потерпи немного.

Кира покорно проглотила горький настой и без сил опустилась на подушку:

— Мне сон приснился. Станный, — она непроизвольно вытерла руку об одеяло.

Есения тревожно обернулась, убеждаясь, что бабушка не слышит. Наклонившись к Кире, шепнула:

— Кирочка, это не сон. Я сама видела, как Пасита приходил ночью. Шептал тебе слова всякие, целовал... Прощения будто даже просил.

— Разболтала-таки, простая твоя душа! — девушки вздрогнули, когда неслышно вернулась Матрена.

Кира сморщилась от боли, а Сеня залилась румянцем до корней светлых, как спелый колос, волос.

— Глупости все это! — ненатурально рассмеялась знахарка. — Не вздумай забивать себе голову. Если бы он тебя целовать намеревался, не колотил бы, как сотник рекрута.

— Разве же я могу о таком думать?! — удивилась подобному предположению Кира: «Неужели Матрена подозревает, что между нами может что-то возникнуть?!».

— Хорошо, если так. Но есть и другие. Те, которые не против быть поближе к Защитнику.

— Ты хочешь сказать?..

— Именно!

— Но как можно? Пасита — чудовище!

— Их манит богатство, власть, надежда на особые милости. Да и поговаривают, что Защитники хороши, как мужчины.

— Бабушка! — воскликнула Есения и покраснела.

— Киалана Заступница!.. — прошептала Кира. Мысли заметались зайцами. Нет подобием Глафиры она становиться не собирается. Если Пасита возьмет её силой, при первой возможности убьет его и уйдет в леса. Не важно, что потом будет. А с Харилой мужики и без неё управятся...

* * *

— Дрянная девчонка! — Защитник бессильно метался по комнате. — Что ещё я должен сделать, чтобы ты проявила *силу*? Спалить всю деревню по одному жителю? — он вдруг остановился, осознав, насколько близко подобрался к этой грани. Положим, сжигаемый огнем собственной ярости, он именно это и сотворит. Да только что потом?

Останется лить слёзы по несбывшейся мечте? «Такие, как она не сдаются, — Пасита отхлебнул вино прямо из горла, — Да она скорее сдохнет, чем родит мне ребёнка».

И все же ему грезился иной вариант развития событий. Хотелось покорить и приручить, а не растоптать и уничтожить. Выбранный им путь не верный, хорошо, что он начал это понимать. Защитник грязно и витиевато выругался.

Эти думы не давали уснуть. В итоге он вернулся к знахарке и просидел рядом с Кирой половину ночи, мысленно моля Киалану, чтобы не случилось страшного. Пора было себе признаться, что девчонка ему не безразлична.

Привлекала её необычность. Её стойкость — другая такого бы не выдержала.

Сдалась, как и прочие, или ещё тогда во время первого ужина, или позже на ярмарке, ослепленная подарками и невысказанными обещаниями.

Привлекала остервенелая жажда знаний — Кира прилежно учится всему, что он ей предлагает, несмотря на всю свою к нему ненависть.

Быстрая, гибкая как лоза, агрессивная в бою, как дикая кошка, она дерется яростно, изо всех сил. И это ещё совершенно не познав свою *силу*. Куда до неё светским дамочкам в кружевном белье? Пасита потер колено, осознавая с восхищением, что Киррана уж способна дать фору любому курсанту первого, да пожалуй и второго курса.

Прекрасно! Значит по приезду она сможет сдать экзамены за два круга обучения и церемонию инициации возможно будет провести намного раньше.

Пасита снова приложился к бутылке, но в рот ничего не попало. Перевернул её вверх ногами, потряс. На пол упало несколько капель. В сердцах Защитник размахнулся и запустил неповинный сосуд в дверь. Мелкие осколки брызгами вернулись к его ногам.

— Проклятое захоlustьё! — взревел Пасита и, сапогами превращая битое стекло в крошку, подошёл к двери. Отворив её отпрянул в сторону, спасаясь от ворвавшегося в горницу пара. Совсем нервы расшатались. — Харила! — позвал, но снаружи никто не отозвался. Защитник, пошатываясь вывалился на крыльцо. На дворе тин Шноббера тоже не было и он пробормотал себе под нос: — Где этот ублюдок пропадает?

Грязно выругавшись в который уже раз, Защитник, как был без тулуп в одном кафтане бродячим псом потащился по улице, безо всякой цели. Привычный порядок вещей был нарушен, и виноват в этом только он сам. Виноваты его сила и похоть. Эта смесь ощущений

сводила с ума, не давая покоя. Пасита засмеялся и заговорил сам с собой:

— Махаррон всегда считал меня капризным избалованным мальчишкой, у которого совершенно нет самоконтроля. Посмотрел бы я на него, окажись он на моем месте. Да я просто бог самоконтроля! — его повело в сторону, но он все же удержался на ногах, выписав зигзаг.

Выпивка кончилось. Может вернуться и допить «Вино откровения»? Что с того, что оно дорожущее? Зато не хуже иного поможет скрасить вечер... ещё, пожалуй, стоит позвать Глашку...

С этими мыслями Пасита поднял голову и расплылся в улыбке. Перед ним на дороге в нерешительности остановилась та самая девка, которую он когда-то не тронул.

— То что надо, — Защитник растянулся в довольной улыбке и припомнил имя красавицы, — Ламита!

Мороз украсил щёки девушки здоровым румянцем. Пухлые губки немного приоткрылись в растерянности. Пар от дыхания осел белой изморозью на пушистых ресницах и выбившейся из под платка темной прядке. Отчего-то именно эта прядка навела Паситу на мысль о восхитительном разврате.

— Доброго дня, господин Защитник, — испуганно пролепетала девушка, и по спине строем побежали приятные мурашки.

Нет. Точно не надо звать Глафиру. Её желание угодить приелось и стало напоминать религиозный экстаз, а он никогда не был излишне набожным.

— И тебе доброго дня, Ламита, — Пасита едва не облизнулся, шагнув ближе.

Что-то в его тоне насторожило девушку. Она попятилась, непроизвольно оглянувшись по сторонам в поисках поддержки. Как назло вокруг никого не было.

— Хорошо выглядишь. Вижу, от того маленького недоразумения следов не осталось? — Я рад. — пальцы мужчины легонько коснулись высокого лба, заскользили по щеке, невзначай проникнув под платок. Большой палец задержался на нижней губе.

Ламита отшатнулась, но крепкая рука, обвившая талию не позволила сбежать, горячее дыхание Защитника выдавало количество выпитого вина.

— Не надо, господин... — Ламита задрожала всем телом, меховые рукавички уперлась в грудь Паситы, пытаясь оттолкнуть, но лишь разжигая азарт. — Не надо, пожалуйста! — она закрутила головой, уворачиваясь от поцелуя, — Я закричу... — голос девушки прозвучал обречённо. Раньше, чем успела договорить, Ламита осознала: что бы не случилось, она не станет звать на помощь Лютобора. Вообще никого не позовет.

Не имеет права.

Из глаз хлынули слёзы, когда Пасите надоела эта игра и он, легко преодолев сопротивление, завладел её губами. Платок свалился с головы, полушубок оказался растегнут, а Ламита просто безвольно стояла, не препятствуя гуляющим по телу горячим рукам.

Вдруг какая-то сила оторвала от неё Защитника, и тот полетел в сугроб. Ламита проводила его взглядом, забыв закрыть рот от удивления. всё это время она мысленно молилась Киалане. Неужели богиня услышала?

— Чего стоишь? Домой беги! — это Кира пришла ей на помощь. Бледная, осунувшаяся, растрепанная, в кожаной куртке и с непокрытой головой, не смотря на погоду. Ледяной ветер трепал её не убранные в косы волосы.

Из сугроба донесся смех, от которого стало ещё холоднее. Девушки разом повернули

ГОЛОВЫ.

— Ламита, беги! Ну пожалуйста! — в голосе охотницы прозвучала мольба.

— А как же ты? — не решалась Ламита, не хватало совести оставить охотницу одну. Но увидев выражение глаз Киры, она шепнула: — Прости! — сорвалась с места и побежала что есть мочи домой, не оборачиваясь.

— Ки-ир-р-р-а! — раздалось из сугроба, и Кира, сглотнув, замерла в боевой стойке.

Пасита медленно поднялся на ноги, не спуская с неё взгляда пылающих огнем глаз.

Снег был везде: в сапогах, в рукавах кафтана, на плечах и в коротко стриженных волосах Защитника. Снег таял там, где касался обнаженной кожи и это не улучшило настроения Паситы. Он встряхнулся, как пес и зарычал: — Кто тебя просил вмешиваться, девчонка? — каждое слово упало ледяной глыбой.

— Ты чуть не нарушил обещание!

— А я-то было решил, что прибил тебя вчера... — он коротко хохотнул. — Думаешь, сможешь со мной справиться?

— Я попытаюсь, — ответ прозвучал глухо, будто Кира говорила себе, но Защитник расслышал и снова засмеялся, шагнул навстречу, и остутился, когда его повело в сторону.

— Да ты же пьян, Пасита!

— Я пьян? О да, я пьян! И выпил бы ещё столько же, но все когда-нибудь заканчивается. Выпивка. Терпение. Самоконтроль. — он развел руками и сделал ещё один шаг.

Кира отступила.

— Пасита, не надо!

— Повтори ещё раз. Мне нравится, как это звучит из твоих уст.

На руке Защитника появился маленький огненный шарик, который, бешено вращаясь, рассыпал вокруг ворох искорок, постепенно увеличиваясь в размерах.

— Защитник Пасита, не надо! — в голосе Киры зазвучало отчаянье. Это уже не назовешь честной схваткой, а тугая повязка до сих пор стягивает ребра. — Ты пьян.

Давай я отведу тебя домой?

— Я думал, ты собралась со мной подраться? — Пасита задумчиво взглянул на огненный шар. — Но твое новое предложение мне нравится больше, — сжав ладонь, он заставил шар исчезнуть, а после, стряхнув что-то невидимое, протянул её Кире и вдруг широко беззлобно улыбнулся: — Веди.

Вот так просто? Кира удивилась настолько сильно, что даже не почуяла подвоха.

Взяла протянутую руку, и та тотчас сжалась на запястье. Защитник рухнул в сугроб, увлекая её следом. Он радостно смеялся, подминая её под себя, наваливаясь сверху, зарываясь носом в волосы. Ухо обожгло горячее дыхание:

— Кира, Кира, — повторял шепотом Пасита, — Киррана...

Охотница попыталась выбраться, но рыхлый снег не позволил. Пасита же прижался теснее. Вцепился рукой в её волосы, приник к губам, как умирающий от жажды. Поцелуй оказался не в пример нежным, не смотря на запах и привкус вина.

Кира больше не сопротивлялась, но и не отвечала, исполнившись мрачной решимости.

Он слишком пьяный, а ну как разозлится и спалит? Умирать не хотелось, было страшно за деревенских.

А ещё, хоть Кире и не хотелось в этом себе признаваться, от ласк Защитника так закружилась голова, что впору было сдать, подчинившись порывам молодого тела.

Даже невольно припомнился утренний разговор с Матреной.

Наконец Защитник прервался и, глядя помутневшим от страсти глазами, хрипло произнёс:

— Веди меня домой Киррана.

Он откатился в сторону, давая ей свободу, и лег на спину, раскинув руки, улыбаясь низкому небу.

Ветер стих. Упали первые снежинки. Кира неловко поднялась и отряхнулась, отмечая наметанным глазом шевелящиеся в окнах занавески, мелькающие в сумерках тени, торчащие из-за плетней любопытные носы. Наконец, поймала на себе выжидательный взгляд серых глаз, блестящих от неприкрытого веселья.

Защитник снова протянул руку, и Кира едва сдержалась, выбирая между желанием её сломать или, на худой конец, хотябы грязно выругаться. Но просто подала свою. Морщась от боли, помогла ему подняться, пребывая в уверенности, что Пасита бы и сам прекрасно справился: «Сартог дери! Да он мог бы донести её саму верхом на Полночи, хоть до околицы!».

Так за руку Кира вела его по улице, тянула за собой, будто теленка. Пасита, шёл пошатываясь и блаженно улыбался, не отводя от неё взгляда.

Подходя к площади Кира вздохнула: «Вот только Глафиры мне не хватало!».

— Дочь сартогской собаки! Да как ты посмела?! — начала та ещё издали, ловко спускаясь по ступеням. — Я что говорила? Псину твою отравила, и тебя изведу!

Больше Глашка ничего не успела сказать. Пасита в одно мгновение оказался рядом, схватив за шиворот, встряхнул, как шкодливого котенка, зло прошипел:

— Только попробуй хоть что-нибудь сделать, и я сожгу тебя, как порождение Излома! Все ясно? — он тряхнул девушку снова. — Не слышу!

Глафира часто-часто закивала. Пасита, удовлетворенный ответом, оттолкнул девушку в сторону, и та едва не упала. Из её глаз хлынули слёзы обиды. Пасита повернулся к Кире. Помедлил, пристально разглядывая, тяжело вздохнул и выдал:

— Иди домой, Киррана.

Кира не заставила себя упрашивать дважды. Молча развернулась и зашагала прочь. В душе боролись чувство вины и облегчение. Немного успокоила мысль, что она все ещё зла на Глафиру за пса, да и сил продолжать эту игру не осталось.

Дни в дороге потихоньку сливались воедино, становились похожими один на другой, как близнецы. Холодало. Леса постепенно потеряли свое золото, потускнев под затяжными выматывающими тело и душу дождями.

Путники достаточно удалились от столицы, и теперь не избегали жилья, стараясь скоротать непогоду под крышей, то помогая по хозяйству одинокой вдове, то греясь у очага в обнаруженной охотничьей избушке. Болота набухли влагой, сделав непроходимыми гати и тропы. Друзья неспешно продвигались на север, в ожидании, когда они замерзнут.

За время путешествия Нааррон значительно изменился и уже не походил на того щедедушного заучку, который выехал из Ордена, пугаясь собственной кобылы. Все свободное время он посвящал тренировкам. Когда Крэг окреп, то стал учить его драться. Конечно, до идеала было далеко, но Нааррон все равно радовался своей форме, наблюдая, как окрепли руки и пресс. За всю дорогу на них пытались напасть дважды, но к счастью это были простые разбойники, которые обломав зубы благоразумно убирались восвояси.

Преодолев, наконец, болота друзья продолжили идти на север навстречу зиме, и вскоре та расстелила под ногами белоснежное покрывало. Заселенные места закончились и на ночь приходилось ставить шалашик, спасаясь от холода. Защитник не мог так расточительно тратить свой невеликий резерв, а адепт мерз также, как и все прочие люди. Но вскоре погода изменилась. По мере приближения к Излому становилось теплее. В какой-то момент они снова вернулись в осень.

Мрачные хвойные леса закончились, будто кто ножом ломоть отрезал. Перед взором расстелились пустоши. Эта земля не родила ни травинки, с тех пор как её отравили ядовитые испарения. Бурая непрсыхающая грязь, местами сменялась серым крошащимся камнем, расстилаясь, куда глаза глядят. Близость к Излому вызывала безотчетную тревогу, не покидая даже ночью. В сны постоянно вторгались кошмары, которые не запоминались, но оставляли неприятное послевкусие по утру. Особенно страдал Защитник. Он с криком просыпался по несколько раз за ночь и, порой, больше не ложился, сидя до утра и вороша палкой угли. Нааррон лишь качал головой, отмечая его осунувшийся вид, отвары и травы, которые он для Крэга готовил почему-то не действовали...

Монастырь они увидели однажды утром. Как и дымку у самого горизонта — Излом.

— Крэг, дружище, тебе плохо? — Нааррон подхватил Защитника, когда тот медленно сползал с коня, заваливаясь на бок.

— Все нормально, — встрепенулся Крэг, — я попросту задремал. Проклятые кошмары!

— Нужно тебя осмотреть. слезай. — Нааррон остановил Ромашку.

— Не за чем терять время.

— Я сказал слезай! — адепт был не преклонен. — Давай, давай! Слушай, что говорит Хранитель.

— Хранитель Знаний? — Крэг улыбнулся, но послушался.

— Хранитель одного конкретного Защитника, — ответил Нааррон на полном серьезе.

Крэг со вздохом сполз с коня, но как только его ноги коснулись земли, понял, что они не держат. Нааррон уже спешил и снова успел его подхватить, окинув укоризненным взглядом. Усадил прямо на землю, выбрав местечко посуше.

— На вот выпей, — адепт сунул фляжку с укрепляющим отваром, запас которого

постоянно пополнялся. А сам принялся водить над ним руками, его ладони засветились жёлтым.

Нехорошие подозрения подтвердились.

— Да ты на грани истощения! Будто что-то тянет твою силу... Идиот! — Нааррон заорал и хлопнул себя по лбу. — Я полный придурок!

— Ну да, иногда на то похоже, — кивнул Крэг с серьёзной миной, только в золотистых глазах играло веселье.

— Так. Я запомнил одну важную вещь, и ты можешь меня за это поколотить...

— Я бы с удовольствием, — перебил, хохотнув, Защитник, но адепт остался серьёзным и продолжил свою тираду:

— ...но позже! Делай как я скажу: садись на коня, и скачи обратно, как можно быстрее. Встретимся... — он задумался, вспоминая что-то приметное. — Помнишь те сломанные сосны, где мы однажды ночевали? — Защитник кивнул, ещё не до конца понимая, — Значит жди меня на том самом месте.

— Послушай, если ты не заметил, то мы ещё не дошли. Да и храм уже близко, — он указал рукой вперёд, туда где виднелись очертания большого строения, — К вечеру доберемся. Я смогу отдохнуть там, а ты меня полечишь. Как тебе план? — Крэгу совершенно не хотелось оставлять Нааррона одного. Да и не было такого приказа.

— Если ты не заметил, — передразнил его адепт, — Ты раньше подохнешь. Пока мы тут болтаем что-то по капле тянет твои силы, которых, меж прочим, почти не осталось. И у меня есть серьёзные подозрения, что причина в близости Излома. Так что чем дальше ты уберешься, тем лучше. И моли Киалану, чтобы это случилось до того, как ты отрубись.

— Ты серьёзно? — Крэг побледнел, поднимаясь, и тут же, будто в подтверждении слов друга, пошатнулся тяжело привалившись к теплому боку Северного ветра.

— Серьезней некуда.

— А как же ты? На тебя это не действует?

— Я должен выполнить свою часть задания, — Нааррон прислушался к своему организму, — да и чувствую себя как обычно, разве что немного не выспался.

Крэг с видимым усилием влез обратно в седло. Нааррон отметил, что не вспотел и дышал, как будто на гору влез, а не на лошадь. Стыдясь своей слабости, друг улыбнулся:

— Как же наши предшественники здесь воевали? Я слаб как котенок, и *силы* нет — даже огненный шарик не создам.

— Я постараюсь это выяснить, — пообещал Нааррон и мысленно добавил: «Теперь это станет делом моей жизни».

* * *

Нааррон добрался до храма Киаланы вечером. Громадина возвышалась над пустошью, как перст нарушая, окружающую безликость. Облупившиеся стены, потемневшие от времени, но все ещё на удивление крепкие на вид ворота. Не смотря на запустение твердыня внушала благоговейный трепет. Никакой привычной ажурности и легкости конструкции.

— Как может храм богини быть настолько суровым и мрачным? — Нааррон разговаривал вслух, эта привычка вернулась, как только они расстались с Крэгом.

Адепт поёжился, покосившись в сторону Излома. До него все ещё было не близко, но в

клубящемся тумане мерещились чудовища. Они, меня очертания, перетекли из одной формы в другую, приобретая четкость, стоило чуть дольше задержать на них взгляд.

Нааррон поспешно отвернулся, когда воображение нарисовало маленькую детскую фигурку. Довольно! Он судорожно дернул огромную дверь за кольцо. Затылок будто обдало холодком, совсем как в детстве, когда проходишь мимо темной комнаты, и кажется, что там притаились твои страхи.

Дверь не поддавалась.

Нааррон, начиная паниковать заколотил руками и чуть не упал, когда та бесшумно и легко отворилась внутрь. Умная Ромашка, фыркнув протопала внутрь, аккуратно перешагнув, через его ноги. Бедной скотинке тоже было не по себе снаружи.

— Храни Киалана! — вознес мольбу Нааррон, закрывая за собой дверь на засов, и почувствовал, насколько весомы эти слова, когда, обернувшись, уперся взглядом в гигантскую статую богини, хмуро взиравшей на посмевшегося потревожить покой обители. Завороженный её непривычным обликом — эта Киалана держала в руках щит и меч, что придавало ей сестринское сходство с Керуном — Нааррон не заметил, как подошла пожилая жрица.

— Приветствую, Хранитель! — адепт подпрыгнул и едва не заорал, обнаружив подле себя низенькую укутанную с ног до головы фигурку. — Здесь тебе нечего бояться, богиня бережет свои владения.

— З-здравствуйте, — Нааррон чуть поклонился, успокаивая колотящееся сердце.

— Мы ждали. Ты пришёл вовремя. Идем. — жрица повернулась и направилась ко входу в храм.

— Ждали? — удивился Нааррон. — Я пришёл...

— Тс-с-с! Мы все знаем. Ты получишь ответы на свои вопросы завтра. Сегодня уже поздно.

— Моя лошадь...

— О ней позаботятся, не беспокойся.

Больше жрица не разговаривала, лишь сопровождала его в одну из келий, которая почти не отличалась от его собственной в Ордене. Разве что была ещё меньше и скромнее. Каменные стены, маленькое окно-бойница, прикрытое плотным куском ткани, чтобы не дуло. Деревянная лавка в углу, небольшой столик рядом. У двери скамеечка, да пара прибитых к стене крюков.

Нааррон умылся теплой водой, съел простой ужин состоящий из ломтя черствого хлеба, большой кружки обжигающего травяного отвара, да куска козьего сыра. Глаза его к этому моменту слипались. С удовольствием вытянув ноги на твердой лавке, он моментально уснул сном без сновидений.

Утром разбудил стук в дверь. Быстро одевшись, Нааррон отпер. На пороге стояла все та же жрица.

— Пора. Провидица готова к беседе. Ищи её во дворе, как позавтракаешь.

Жрица отступила в сторону, и внутрь вошла вторая, на вид немногим моложе.

Она, не говоря ни слова, поставила на стол поднос накрытый тряпицей. Завтрак, как две капли воды походил на ужин, но адепт с аппетитом все съел.

После незатейливых утренних процедур и коротенькой зарядки, которой он больше не пренебрегал, Нааррон вышел во двор когда-то замощенный каменными плитами. Время их не пощадило, многие растрескались, в промежутках торчали пучки жухлой травы.

Провидицу он нашёл за статуей Киаланы, та меланхолично скребла метлой, сгоняя неизвестно откуда взявшиеся листья в одну кучу.

— Из сада, — ответила она на незаданный вопрос и улыбнувшись добавила: — На то я и провидица.

— Здесь есть сад? Доброе утро!

— Да прямо за храмом.

— Какая же, вы, провидица? — пошутил Нааррон как-то сразу проникнувшись симпатией к старухе. — Из них же слова не вытянешь, а если и ответят, то сплошь загадками, а вы — прямо по делу.

— Никогда не любила пускать пыль в глаза, — скрипуче рассмеялась жрица, подняв на адепта сморщенное, покрытое старческими пятнами лицо. — Здесь нет того, что ты ищешь.

— Ну вот, а я уж было в вас засомневался.

— Да, все верно. Книга Излома — в Орешках. Ведь именно туда, тебя так тянет и последнее время?

— Откуда вы это узнали? — прошептал Нааррон, он даже Крэгу ещё не признался, что хочет навестить мать. Старуха лихо заломила бровь. — Ну да, конечно. Вы же — провидица. — Нааррон почувствовал себя идиотом. Он так привык в Ордене кичиться наукой, подвергая сомнению все сверхъестественное.

— Про книгу-то? её забрал твой отец. — она пристально взглянула на адепта и добавила: — У тебе есть вопросы о нем. Задавай, тут нет секрета.

— Отчего погиб Защитник Каррон? — Нааррон вдруг почувствовал, что ладони вспотели.

— От промедления одного, от нетерпения второго, от незнания многих. — Нааррон наморщил лоб, но жрица тут же исправилась: — Извини, старая привычка.

Порой забываюсь, что в этом храме нет нужды в замысловатых фразах. Дед твой долго не решался разобраться в том, что произошло, отец — не вытерпел и пришёл сюда сам.

Это его и убило. Он забрал Книгу Излома, но не знал, что обрёл сам себя, проделав это путешествие. Ты прав в своих догадках. Излом тянет силу всех живых существ поблизости. Правильно сделал, что отослал своего друга подальше. Защитников Излом любит особенной любовью. Здесь их сила оборачивается во вред.

— Но... Как же вы тогда прожили здесь все эти годы?

Старуха неожиданно звонко рассмеялась.

— Как думаешь сколько мне?

— Девяносто? — Нааррон покраснел, осознав, что ляпнул непристойность.

— Сорок четыре, дурашка. Девчонкам — и того меньше. Самой младшей — всего двадцать. Год-два у Излома, и тело превращается в рухлядь. Я провела в храме уже почти десять. Мне не долго осталось...

— А я?.. Я теперь тоже умру? — Нааррон побледнел.

— Все когда-то умирают, ты не исключение. Но не бойся — улыбнулась старуха. — Твоя сила Хранителя хорошо тебя защищает от влияния Излома, да и пробыл ты здесь не долго. Ты слышал ответы. Возвращайся и поторопись, вы должны раньше стаи прийти в Золотые Орешки.

— Раньше Стаи?

Жрица вдруг потеряла к нему интерес и зашаркала прочь, волоча метлу ослабевшими руками. Нааррон понял, что на этом разговор окончен.

К поваленным соснам Нааррон вышел спустя два дня. Уже смеркалось. Снова повалил снег, и большие резные снежинки плавно опускались на конскую гриву.

— Долго же ты дружище! — Крэг появился из-за деревьев, неожиданно.

— Заплутал. Не сразу нашёл тропу, по которой мы шли.

— Как ночевка?

— Замерз и проголодался. Ты же знаешь, охотник из меня никудышный, — улыбнулся Нааррон, обнимая Защитника.

— Ты был прав, заучка. Как только я вошёл в лес, стало легче. Похоже я обязан тебе жизнью. Идем скорее ужинать. Я подстрелил и зажарил зайца. Жёсткий зараза, но лучше, чем ничего.

— Крэг... — Нааррон, положил руку на плечо, останавливая друга. — Мой отец...

Защитник Каррон. Он погиб, потому что был здесь.

— Что ты говоришь? — Крэг побледнел. — Я... тоже теперь умру?

— Нет! Провидица сказала, тебе нечего бояться. Отец был не молод, к тому же его потенциал... Он был поистине огромен, по сравнению с другими. Это сыграло против него. Излом присосался к его *силе*, как к антикварному вину, а Каррон проделал путь до храма и обратно, да ещё и переночевал в нем ночь. — это Нааррон выяснил, расспросив провожавшую его жрицу.

— Ужас! — Защитника искренне передёрнуло. — Спасибо, что уговорил меня вернуться. Тебе удалось выполнить поручение?

— Нет. У них больше нет Книги Излома.

— О чем ты?

Нааррон махнул рукой.

— Думаю теперь ни к чему все эти тайны. Я должен был убедиться, что Книга Излома существует и привезти её в Орден. Старинная инкунабула содержит забытые ныне знания Ордена. Когда-то её нарочно упрятали сюда, но теперь она вдруг понадобилась деду.

— Но почему сюда? Ведь библиотека есть и у вас — в Южной башне.

— Наверное здесь надёжней. Не каждый Защитник сможет вернуться обратно, да и тот будет обречён. А простого человека сюда палкой не загонишь, — адепт усмехнулся.

— Так мы возвращаемся в Орден?

— Нет. Мы идем в Золотые Орешки. Книгу забрал отец, значит она где-то в его доме.

Кира вернулась в пустую избу и теперь не знала, куда себя деть. Утром привычно отправилась на тренировку, наплевав на увещевания Матрены — Пасита странный в последнее время, ну как рассердится? Мало ли чего от него ждать? Но, к её радости и облегчению, Защитника дома не оказалось, о чем поведал на удивление приветливый Харила. Оказалось, Пасита рано утром отбыл по делам в Птичий Терем и обещал вернуться только завтра к обеду.

И вот охотница впервые за долгое время оказалась предоставленной сама себе.

Анасташа ещё не вернулась, и Кира почти решила навестить за ней в Вороньи Гнезда.

Дороги правда не знала, но это не беда. Можно выпросить у соседей. Её остановили мысли о погоде. Если завьюжит, она не сможет вовремя вернуться. А ну как Пасита решит, что сбежала? Нет. Лучше остаться дома. Тут посетила другая идея:

— Давненько я не охотилась, — на лице Киры сама собой расплылась улыбка.

Охотница выхватила нож и сделала несколько резких движений.

Остаток дня Кира посвятила домашним делам, коих не мало накопилось.

Хорошо хоть за козой и коровой в отсутствие Анасташы приглядывали Лютобор с Ламитой. Новым псом они с матерью так и не обзавелись.

Уже спускались сумерки, когда она подъехала к заснеженному охотничьему дому. В глаза бросились расчищенные тропинки поднимающийся из трубы дымок. В загоне переминались с ноги на ногу кони. Спешившись, Кира привязала Полночь в сторонке и крадучись направилась к туда. Надо было взглянуть на лошадей. Своих она опознает, а коли чужие — нужно осторожно выяснит, кто это здесь обосновался без спроса. Хорошо, если избушка служит приютом для добрых людей, а ежели нет — то им здесь не место. Не хватало, чтобы кто из деревенских, ни о чем не подозревая, напоролся на разбойничий клинок.

Увидев лошадей Кира невольно прыснула.

— За что тебя так? — прошептала, погладив бархатные губы статного коня очень странной масти.

Обрезанные по самое некуда грива и хвост едва отрастали, являя первозданную черноту у корней. Остальная шкура покрыта пятнами, происхождение которых явно далеко от естественного. Вторая лошадка казалась вполне обыкновенной.

«Может конокрады?», — предположила Кира, — «Увели жеребца, да замаскировал, как смогли, а по весне на ярмарку сведут в тот же Терем?» — честно говоря она понятия не имела о том, как действуют конокрады. В Орешках лошадей на её веку не крали.

Послышался хруст снега и Кира затаилась.

Долговязый парень нес охапку поленьев, от расположенного по другую сторону избушки дровника. День выдался солнечным и морозным. Чужак шёл подслеповато шурясь, и забавно вышагивая длинными ногами, будто боялся споткнуться о возможную преграду.

Кира будто рысь выпрыгнула из загона. Поленья рассыпались. пришелец очутился снегу. Охотница оседлала его, зажав одной рукой рот, а другой приставила нож к горлу. Убивать его она не собиралась, но чужаку не обязательно об этом знать. В глазах парня — вблизи он оказался гораздо моложе, чем она думала — плескался страх и недоумение.

— Сейчас я буду задавать вопросы, а ты отвечай. Если меня устроит, то что ты скажешь, разойдемся мирно. всё понял?

Парень часто закивал, даже не пытаясь сопротивляться.

Крэг вышел наружу:

— Дружи... — он оборвал себя на полуслове, увидев примечательную картину.

Верхом на развалившемся Наарроне восседала какая-то девица. — Нет! Ну стоило на минуту его оставить, а он уже с девками развлекается! Куда это годно? — Защитнику удалось подпустить в голос искреннего возмущения. Одновременно он оторвал девчонку от друга, аккуратно перехватив руку с ножом.

Но та оказалась неожиданно прыткой. Удар затылком пришёлся бы точно в переносицу, если бы Крэг не был готов к такому повороту событий. И все же девчонка выскользнула,

оставив в его руках нож и подбитую волчьим мехом куртку. Шапка с её головы слетела ещё раньше.

Защитник вдруг ошарашенно уставился и перевел взгляд с неё на Нааррона, но сказать ничего не успел. Девчонка налетела фурией, и пришлось спешно отражать град ударов. Крэг не понимал, что происходит. Она была всерьез, используя знакомые приемы, вдобавок оказалась быстрой и ловкой, что кошка.

Но и это не все, что поразило Защитника.

От чего так сладко каждое прикосновение к её коже? *Сила* при каждом контакте отзывалась тягучей волной, пульсировала, наполняя сердце радостью. Крэг и не заметил, что глупо улыбается, отступая назад и механически блокируя удары. После того, как кулак впечатался ему в лицо, раздался крик адепта:

— Немедленно прекратить! Это нападение на Защитника! Ответишь по всей строгости!

Девчонка и Защитник разом повернули головы.

— Защитник? Я думала — вы воры.

Крэг, встрепенувшись, извлек наружу и продемонстрировал, скрытый доселе под одеждой громовик.

— Это Защитник Крэг, — Нааррон решил, что нет больше смысла маскироваться и представился по форме: — А я — Хранитель Знаний Нааррон тин Даррен. Ты из местных?

— Кто ты? — переспросила Кира, сомневаясь, не послышалось ли? — Ты сказал тин Даррен?

Тот, кого называли Защитником подошёл и встал рядом с тем, кто назвался её родовым именем. Кира невольно задержала взгляд на своем противнике, наконец, удусужившись его рассмотреть: «Симпатичный... И стать для Защитника подходящая...

Вот только смотрит на меня... Так же вчера глядел Пасита!», — она мысленно поежилась.

— Нааррон тин Даррен. Хранитель Знаний Южной башни Ордена Защитников, — повторил парень.

— Тин Даррен, — повторила Кира чуть растерянно.

— Тебе знакомо это имя?

— И что вам нужно в Золотых Орешках? — проигнорировала охотница вопрос.

— Ты знала здешнего Защитника Каррона? Он мой отец. Мы пришли, чтобы расследовать причину его смерти.

Она никогда не видела брата, но что-то внутри неё подсказывало, что перед ней именно он. Внезапно ноги подкосились, будто что-то, что давало силы держаться всё это время, сломалось.

— Что с тобой? — Защитник вмиг очутился рядом, подхватил на руки, и Кира не стала противиться помощи. — Нааррон захвати дрова.

Внутри избы он уселся на лавку, не отпуская её с рук. Следом гулко протопал по деревянному полу брат, с грохотом свалил поленья возле печки. Покосился недовольно на счастливого без причины друга и со вздохом принялся кидать их в топку.

— Ну! Или мне зажигать? — проворчал он с деланным недовольством, — Только тогда ещё часик придётся померзнуть.

Защитник встрепенулся, щелчком пальцев лихо отправил в топку маленький пульсар. Дрова тут же занялись и изба наполнилась уютным треском.

Кира заерзала, попытавшись слезть с колен мужчины. Ошеломление отступило, и на

смену пришла неловкость: два незнакомца, и она у одного из них на коленях, словно беспутная девка в таверне.

— Сиди. Лавка холодная. — сильная рука прижала крепче.

— Эй! — возмущилась Кира: — Как там тебя, Крэг? Хоть ты, Крэг, и Защитник, я тебе все равно врежу, будешь руки распускать!

— Врежешь, это точно, только я даже про руки то не думал, спасибо, что подсказала, — усмотрев негодование в её глазах, он поспешно добавил, убирая горячую ладонь с её талии: Шучу, шучу! Погоди только... — он прикрыл глаза, и Кира кожей почувствовала, как воздух вокруг стал теплее. — Готово! Садись. — он похлопал рядом с собой по лавке. Кира осторожно присела, обнаружив, что дерево теплое.

— Вот за что девки Защитников любят, — вырвался отголосок старой родительской шутки, и Кира зарделась, испугавшись, что её не так поймут. Непроизвольно стрельнула глазами и умудрилась встретиться с Крэгом взглядом, отчего покраснела ещё сильнее.

— Не только за это, хотя и за это тоже, — хохотнул парень.

Смущенная охотница вскочила с лавки, но Защитник мягко положил руку на её запястье:

— Сиди уж, попрыгушка.

Ситуацию разрядил неожиданный вопрос Нааррона:

— Кстати, а ты так и не представилась. — он пристально, чуть шурясь, посмотрел на и внезапно выдал: — Ну конечно! Ты же та самая. Мы видели тебя рядом с тин Хорвейгом осенью в Птичьем Тереме.

Тут уже и Крэг уставился на Киру, вновь вогнав её в краску странным выражением необычных золотистых глаз.

— Точно! Она! Та самая девушка! — он перевел ошарашенный взгляд на Нааррона и вдруг захихикал.

— Совсем слетел, убогинький? — участливо осведомился адепт, приподняв брови.

— Меня зовут Кира. Киррана тин Даррен. Защитник Каррон и мой отец тоже.

Ответ охотницы заставил обоих ошарашенно замолчать.

* * *

— Сестра! У меня есть сестра! Кто бы мог подумать? — наверное в сотый раз за последние полчаса всплеснул руками адепт.

— Скажи это ещё раз, и я за себя не ручаюсь. — Крэг делано закатил глаза, и тут же бросил игривый взгляд на Киру.

За окном воцарилась тьма, а в избушке царили тепло и уют. Новый знакомец и обретенный родственник оказались приятными людьми и как-то сразу принялись её опекать. Невольно вспомнились времена, когда был жив отец и в душе поселилась надежда. Теперь Пасита ей не указ, да и творить недоброе он больше не посмеет. Вот и брат подтвердил. Эх, если бы она заранее знала эти тонкости, все могло бы быть совсем по иному.

После разговоров стало понятно, что охота отменяется и завтра нужно возвращаться в деревню. Нааррон о расследовании ляпнул нарочно, с ходу решив, что это даст им с Крэгом право невозбранно попасть в дом, где жил Каррон и поискать там Книгу Излома. Теперь же

скрывать причину он не видел смысла и признался, когда понял, что она была близка с отцом.

— Паситы сейчас нет. Вернется только завтра. Если мы его опередим сможем взять книгу. Я знаю, где он её прячет. — Кира мысленно корила себя за то, что тогда выбрала нож. Нужно было забрать и книгу тоже. — Его прихвостень Харила — нам не указ, — при этих словах она непроизвольно окинула взглядом внушительную фигуру Защитника и в который уже раз покраснела: «Да что это такое! Сижу глазки строю весь вечер, будто на гулянках!»

А посмотреть было на что. Крэг казался пониже ростом, чем Пасита, но чуть шире в плечах. Коротко стриженные по обычаю Ордена волосы, отросли за время путешествия. Чуть светлей, чем у Микора, и на вид не такие жесткие они контрастировали с удивительным цветом глаз, какого она ещё никогда не встречала.

Лучезарная открытая улыбка, каждый раз озаряла лицо Защитника, стоило ему на неё посмотреть.

— Чего пялишься? — буркнула Кира, поймав его взгляд.

— Это я пялюсь?! — искренне возмутился парень, — Это ты на меня всё время пялишься. Я будто зверушка какая?

— Ты тоже на меня смотришь! — пришла очередь Киры возмущаться.

— Понравилась, вот и смотрю, — развел руками Защитник. — Ничего не могу с собой поделаться.

— И когда же успела? — Кира и сама не поняла, откуда в её голосе взялась эта игривость.

— Да сразу. Я, когда увидел, что Нааррон валяется, так и понял, что ты — свой человек. Обрадовался, что ты его прибила — достал он меня уже. Бабах и влюбился.

— Даже влюбился? Вот так прямо сразу?! — Кира покраснела не то от смущения, не то от возмущения.

— Эй, друг, полегче! — Нааррон обнял Киру за плечи. — Это моя сестренка!

— Керун, Как ты мог так странно перемешать этих людей? — Крэг, паясничая, воздел рук к потолку. — Это надо же! Дева-воин и брат-заучка. Вы же похожи, как две капли, — тут он явно преувеличил для пущего эффекту, — Тебе косичек не хватает, а тебе — щетины... — договорить ему не дали.

Брат с сестрой, не сговариваясь, обрушили на Защитника град шуточных тумачков, и он нарочито визжа полез под лавку, заставив друзей покатиться со смеху.

Отсмеявшись, они разошлись по лавкам. У мужчин выдалось непростое путешествие. Последние три дня они почти не спали, спешно уходя от настигающей Стаи. Мороз и голод выгнали хищников из леса, и вой слышался каждый раз все ближе.

К счастью, они удачно свернули и набрали на эту вот самую охотничью избушку, где и решили перевести дух — сил ни у людей, ни у лошадей почти не осталось. Все это за ужином поведал Крэг в своей обычно полушутливой манере. Теперь Кира лежала, глядя в темноту и прислушиваясь к шорохам за окном: «Идет Стая. Что-то будет...».

Вдруг подумалось, что она так и не открыла им своей тайны. Не сказала, что Пасита её тренирует, и что она, похоже, Защитница. А никто из них не поинтересовался, что её связывает с Защитником Золотых Орешков, будто намеренно избегая скользкой темы. Кира гадала — почему так поступила? Не выдалось подходящего момента или же просто испугалась? Ладно, на разговоры ещё будет время.

Кира полежала ещё чуть-чуть, предаваясь размышлениям и, улыбнувшись, решила:

— Крэг? — позвала шепотом. — Спишь?

— М-м?

— А я тебе и правда понравилась бы со щетиной?

Последовала короткая пауза, а затем предельно серьезный ответ:

— Правда. Даже лысая, — он ещё немного помолчал и добавил, — даже горбатая. ещё через мгновение оба прыснули.

— Да тише вы! Дайте поспать наконец! — проворчал Нааррон. — Первая ночь, когда никто над ухом не воеет, а вы тут все портите.

— И правда не воеет. Странно... — пробормотал засыпая Защитник.

Кира уснула с улыбкой на губах.

Она снова забыла принять Матренино зелье и увидела сон. В нем странно переплелись три образа: Микор, со смехом отправляющий её сеять репу. Пасита, с презрительным выражением лица ругающий её косички, а потом умоляющий о прощении. И Крэг, который бросил в них охапку дров, заставив раствориться в дымке, а затем обернулся и проникновенно сказал: «Даже горбатая!». Его глаза пожелтели, превращаясь в волчьи. Вокруг стало темно и вот уже перед ней вместо Защитника сидит крупный зверь. Волк поднял голову к усыпанному звездами небу и протяжно завыл.

Стая! — Кира подскочила на постели.

Харила застыл посреди горницы, обхватив голову руками, закружился, издав не то рык, не то вой отчаянья.

— Где! Где, сартог меня дери, эта книга?

Он сходил с ума, наверное, уж в сотый раз простукивая половицы, каждую подковырнул ножом, нажал, попробовал сдвинуть в сторону. Стены, потолок, притолоку, лавки, стол, постель тин Хорвейга — он проверил все. Книги нигде не было.

Харила даже пошарил в печи, хотя это было глупо — он собственноручно её растапливает каждый день.

— Думай тин Шноббер! Думай!

Пасита может быстро её достать и спрятать, значит на деле ничего сложного. Он снова лихорадочно обвёл комнату взглядом, но никаких новых идей в голову не пришло.

— Прав Мордан. Я — тупица.

Вспомнив о брате Харила испытал новую волну разочарования. Кузен ни разу не написал с тех пор, как уехал. Обиделся? Наверное, дядя и правда заслал его в «Болотное поместье». Но это тоже не повод для молчания. Написать можно оттуда угодно.

Мысли сделав круг, плавно вернулись к первоисточнику проблем. Нарisha стала терять к нему интерес. Не улыбалась, почти не ласкалась, как прежде. Уворачивалась от его поцелуев и надувала свои шаловливые губки, едва позволяя чмокнуть. Казалось с наступлением зимы замерзли и её чувства. На последнем свидании, кутаясь в богато украшенную сободем шубку, она назначила день и час новой встречи. Сказала, чтобы смел явиться только с книгой, или не приходил вовсе...

Неужели Защитник забрал книгу с собой? Но ведь он был в стельку пьян накануне. Да и с тех пор, как ушла Глафира, Харила не спускал с него глаз. Проснулся тин Хорвейг, когда он растапливал печку, молча оделся. Буркнул с порога, что вернется завтра к обеду и все...

Мысль, что у него в запасе осталась всего пара часов приводила в отчаянье.

Заревев как раненый бык, Харила смел с полки книги, которые Пасита накопил для Киры.

— К сартогам эту дыру! Паситу! Мордана! Всех капризных баб вместе взятых!

Дверь хлопнула, и Харила резко обернулся.

— Не это ищешь? — на пороге стояла Глафира. Она протянула ему сумку.

Это была та самая сумка, в которой Защитник вози книгу с собой. Не веря в происходящее, Харила вырвал её из рук девушки. Заглянул внутрь: «Она родимая! О боги!». Перекинув лямку через голову, тин Шноббер выскочил в сени. Там уже лежала собранная загодя котомка с вещами — возвращаться он не собирался. С него довольно.

В сердце поселилась радость: «Нарisha будет моей! Теперь ей не отвертеться».

У выхода он все же обернулся:

— Спасибо!

Глафира криво усмехнулась и ничего не сказала.

— Стая!

Сотни глоток огласили окрестности воем, слившимся в кошмарное крещёно.

Крэг подскочил как ужаленный.

— Боги! И часто тут такое?

— Бывает, но так близко в последние годы не часто, — Кира уже торопливо надела куртку, и принялась прилаживать ножны.

— Куда ты?

— Мне срочно надо в деревню.

— Что происходит? — всклокоченный Нааррон проснулся последним, адепта сильно вымотала дорога.

— Стая идет. — коротко бросила Кира.

— Мы с тобой! — Крэг принялся натягивать штаны. В отличие от остальных, на ночь он разделся. Кира поспешно отвернулась:

— Тогда поспешите, я пока оседлаю лошадей.

— Ветер... Он у меня с норвом.

— Не беспокойся, мы уже подружились.

* * *

Всхрапывая и теряя клочья пены, лошади проскакали через деревню и вылетели на площадь.

Повсюду царил суматоха. Раздавались крики. Кто-то кого-то звал. Кто-то ревел в голос. Кто-то истово молился. Кто-то спешно запирает ставни и двери. Кира осознала — люди не готовы. Столько лет Стая обходила их деревню стороной...

Среди общего гвалта выделялся крик Опорафия:

— Защитник Пасита! Где Защитник?

— Опорафий, Защитник вернулся? — Кира придержала гарцующую на месте Полночь.

— Сами ищем, — староста лишь развел руками, в его поблекших глазах отразилась безысходность.

Волчий вой раздался совсем близко — похоже, Стая уже на берегу Широкой.

Люди разом умолкли. В наступившей паузе особенно жутко прозвучал трусливый скулеж, которым ответили деревенские псы, достаточно смысленные, чтобы понять, что с этой силой им не тягаться.

— Крэг? — Кира повернулась к Защитнику. Растерянность на лице парня боролась с решимостью.

— Сделаю что смогу, но мой потенциал невелик... — он нахмурился.

Кира кивнула и не медля дала шенкелей лошади. Измученное животное рвануло с места. Крэг с Наарроном поспешили следом.

— Заучка, останься! — крикнул Крэг на ходу.

— Я с вами!

Защитник не стал тратить время на уговоры, увидев выражение глаз друга.

Вылетев с противоположного конца деревни, они некоторое время скакали почти вровень. Затем дорога превратилась в тропу по обе стороны которой возвышались сугробы. Тропа, извиваясь, взбиралась вверх по склону холма, того самого, на котором

тренировалась Кира, когда приезжал дядька Боян.

Почувяв волков так близко, Ромашка с Ветром заартачились, наотрез отказавшись идти дальше. Полночь, более привычная к запаху зверя, внесла хозяйку на самый верх, прежде чем протестуя взвиться на дыбы.

Кира не стала её мучить, бросила поводья и спрыгнула. За последние несколько дней шёл выпало много снега, и по эту сторону холма тропу замело. Бежать было тяжело, ноги тонули, порой, по колено. На середине склона она поравнялось с одинокой фигуркой. Узнала Фению, жену Аккария. Та лишь несколько месяцев назад разродилась очередной девочкой.

— Алинка, Степан! Киалана! — женщина металась и заламывала руки, разрываемая материнским инстинктом, который не позволял ни броситься на помощь одному ребенку, ни вернуться обратно к остальным.

— Беги домой! — рывкнула, поравнявшись, Кира.

Внизу у подножья суетились две маленькие фигурки. Восемилетняя Алинка громко ревела, Степка тщетно тянул подружку за руку, а прямо на них неслись волки.

Звери рычали, мощными прыжками обгоняли друг друга, самые шустрые вырвались вперёд, желая раньше остальных заполучить добычу.

Кира сбавила шаг, на ходу сдергивая лук. Вынула стрелы — две за раз. Обе выпустила почти в одно и то же мгновение. На снег под ноги товарищам упали два трупа. Кто-то неприхотливый, подгоняемый голодом, тут же набросился на свежее мясо.

Другие желали более нежной добычи.

Кира выстрелила ещё дважды, а затем отбросила лук в сторону — все равно на всех стрел не хватит. В руке очутился нож. Охотница не думала, что станет делать, когда окажется там внизу. Она просто старалась успеть и бежала что есть мочи, наблюдая, как готовясь к страшной смерти, обнялись дети, спрятали лица на груди друг друга. До неё доносился их тихий сдавленный плач.

От стремительного бега болела грудь. Подавив кашель, Кира, не останавливаясь взвилась в воздух одновременно с серой тушей. Зверь погиб в прыжке. Приземляясь, Кира одним точным ударом убила второго. Оттащила за хвост от детей ещё одного. Тот развернулся, скаля клыки, в звериных глазах плескалась голодная ярость. Кира зарычала в ответ, когда мощные лапы ударили в грудь, опрокидывая её на спину. Волк коротко взвизгнул. Горячая кровь брызнула из горла, заливая ей лицо. Отцовский нож не подвел...

* * *

Перед самой вершиной Крэг обернулся, Нааррон сильно отстал и сейчас едва плелся далеко сзади, держась за бок, следом от деревни бежали похожие отсюда на муравьев люди. Защитник поднажал, отчаянно боясь опоздать. На вершине холма он на миг остановился:

— Храни Киалана! Керун дай мне силы! — он побежал вниз.

Пасита нагнал его, когда Крэг преодолел примерно треть склона:

— Сопляк, ты-то здесь откуда? — казалось Защитник даже не задохнулся.

Крэг, не останавливаясь, процедил сквозь зубы:

— Тин Хорвейг? Разве не ты должен быть на её месте?

Пасита сузил глаза и, оттолкнув его в сторону, что есть мочи рванул вперёд. Крэг, не

желая отставать, пустился следом.

У подножья уже валялось больше десятка трупов. Снег из белого превратился в алый. Оставшиеся в живых волки обступили маленькую фигурку с ножом в руках. Они переминались, скулили, рычали, взлаивали от возбуждения, но, наученные горьким опытом, не спешили расставаться с жизнью.

Один решился.

Прыжок. Взметнулись косы.

Крэг практически сам почувствовал, как нож, преодолевая сопротивление, входит в сердце. Как рука, касаясь жесткой шерсти, отводит в сторону оскаленную морду. Как вязкая слюна пачкает пальцы. Услышал, как капкан челюстей щелкнул смертельно близко над ухом.

Впустую.

Дальше время потекло, будто его заморозили, хотя Защитник в жизни так быстро не бегал.

Стая была совсем рядом. Оставшиеся, взбодренные близкой подмогой, напали одновременно. Один на Киру, другой на кого-то за её спиной — Защитник видел лишь две теплящиеся точки: «Дети?!»

Кирана стремительно развернулась. Лицо и волосы — все сплошь покрыто кровью. На фоне страшной маски нереальным синим цветом сияют глаза.

Крэг с Паситой одновременно вздохнули, сбившись с шага. Почувствовав, как мощным толчком всколыхнулась в груди *сила*.

Внезапно во все стороны от Киры разошлись волны уплотнившегося воздуха, подобно миражу искажая пространство. Когда они достигли Защитников, их будто молотом в грудь ударило, отбросив обоих назад на десяток шагов.

Здесь снега намело по пояс и Крэг, барахтаясь, пытался выбраться, когда засмеялся Пасита. Тин Хорвейг хохотал все громче и не мог остановиться. Крэга передёрнуло:

— Вот кто точно поехал.

* * *

Кира так отчаянно билась, что не могла позволить себе проиграть или сдаться.

— Керун! Киалана!

Не слова — короткая мольба, в которую она вложила всю себя, готовая раствориться, превратившись в непреодолимую преграду, но спасти невинные жизни.

Так нельзя! Она уже подарила детям надежду. Нельзя же теперь её отнять?

Что-то случилось. Волки, взвизгнув, разлетелись в стороны.

Кира же не могла сойти с места. Замерла, раскинув руки, и не видела, что твориться вокруг, лишь чувствовала, как отдает себя по капле, ведомая лишь безудержным желанием спасти.

Опустошенная, наконец, смогла вернуть контроль над отчего-то застывшим в странной позе телом и осознала — транс закончился. Рука с ножом предательски дрожала. Ноги наливались болью, предупреждая, что вот-вот перестанут держать.

Сознание будто плавало, грозя померкнуть в любое мгновение. Кира медленно моргнула и пошатнулась.

Волков, словно жухлую листву, разбросало в стороны. Вокруг в радиусе пятидесяти шагов от неё бродили оглушенные, потерявшие ориентацию звери. Другие медленно приходили в себя, встряхиваясь и мотая лобастыми головами. Некоторым повезло ещё меньше — такие не шевелились вовсе. Но все равно их оставалось ещё много, со всеми не совладать.

— Могута! — закричала Кира так громко, насколько хватило охрипшего от рыка горла и горящих легких.

Снова повело и она на секунду прикрыла глаза, борясь с тошнотой — невыносимо пахло мокрой псиной и кровью. Когда открыла глаза — перед ней стоял огромный седой волк.

— Вожак, так ты держишь слово? — не сказала, прокаркала.

Она не видела, как тот изменился, но мгновение и вот уже перекидень-воин склонился к самому её лицу. Поросшее шерстью тело с очертаниями мужского торса и все та же волчья морда — клыки, что твой кинжал. Густой тяжелый запах зверя, перебив все остальные, чуть не свалил с ног. Влажные ноздри втянули воздух:

— Волчонок Кар-р-рона? — он указал длинной рукой с когтистыми пальцами на валяющиеся вокруг тела. — Ты их убила.

Речь вожака была понятной, но Кира этому даже не удивилась. Отвечая, она постаралась, чтобы голос прозвучал твердо:

— Я защищала детей.

— Вижу. Потому пр-рощаю. — вожак выпрямился и посмотрел в даль. — Моя Стая пройдет мимо и в этот раз, но бер-регись др-р-угую.

— О чем ты? — насторожилась Кира.

— Вы их зовете сар-ртоги. Они задумали дур-рное. Разбудят то, что др-ремлет.

Внезапно горячий язык слизнул кровь с лица Киры.

Темнота.

* * *

Когда Нааррон, наконец, достиг вершины холма его обогнали даже деревенские. Десятка два мужиков из тех, кто посмелее, вынув мечи, спешили на верную смерть. Впрочем она, как теперь видел адепт, явно откладывалась.

Стая уходила.

Волки по льду пересекая Широкую устремились к противоположному берегу.

Когда Нааррон смог оторвать взгляд от этого зрелища, он увидел следы форменного побоища. Участок у подножья холма казался одним красным пятном. Повсюду валялись серые туши. Навстречу по склону поднимались люди.

Нааррон не смотря на свою близорукость, хорошо видел вдаль и сразу понял, что вторая фигура рядом с Крэгом это Пасита тин Хорвейг, а на руках у него... тело Киры.

— А этот ублюдок откуда здесь взялся? — тут Нааррона обдало жаром: — Кира! — он, спотыкаясь, побежал навстречу: — Кира! Киррана! Кира! Сестренка!

* * *

Харила спешился и повёл лошадь в поводу, вскоре деревья расступились и он оказался на маленькой идеально круглой полянке, обрамленной молодыми елями.

Сейчас их ветки были присыпаны искрящимся на солнце снегом. Тин Хорвейг осмотрелся: «Да, это то самое место». Однажды они с Нарией здесь уже были, ошибиться он не мог.

Припомнился разговор:

— *Это ведьмин круг. Верить?* — *Нария весело рассмеялась.*

— *Глупости все это. Ведьм не бывает. Бывают уродливые старухи с обвислыми грудями и мерзким характером.*

— *А как же танцующие в полнолуние обнаженные красотки о которых рассказывают сказки?*

— *На такую ведьму я бы посмотрел с удовольствием.*

Нария надула губки.

— *Значит тебе без разницы на кого тарачиться? А ещё говорил, что любишь...*

— *Я бы с удовольствием и на тебя потарачился.* — *Харила обнял её сзади, почувствовав горячее упругое тело через тонкую ткань.*

— *О чем мечтаешь?*

Харила вздрогнул, возвращаясь из воспоминаний и улыбнулся:

— *О тебе.*

— *Ой ли?*

— *Выйдешь за меня? Я принес книгу.*

Лицо девушки просияло. Она шагнула ближе, потянулась будто за поцелуем, но остановившись на волосок от его губ прошептала, глядя в глаза:

— *Покажи.*

Харила вздохнул и хотел притянуть её ближе, но Нария уперлась:

— *Сначала покажи мне книгу.*

Тин Шноббер снял и протянул ей сумку. Девушка резко выхватила её, заглянула внутрь. Губы расплылись в холодной ухмылке, сделав лицо красавицы хищным.

— *Ты справился. Прими награду,* — она шагнула к нему.

Сердце мужчины затрепетало. Все существо затопило сладкое тепло. Он протянул руки навстречу, заключая любимую в объятия, потянулся к губам за поцелуем.

Клинок вошёл в печень практически незаметно. Харила не сразу понял, почему в глазах Нарии не отражается его счастье и лишь потом почувствовал, как слабеют ноги.

Пайшан отступила на пару шагов.

— *На...риша...* — *Харила не осознавал, что уже мертв.*

— *Меня зовут Пайшан.*

— *За... что?* — он опустился на колени, и только тогда догадался прижать ладони к ране. Темная кровь капала на снег, просачиваясь сквозь пальцы. Харила моргнул, осознавая, что сегодня на любимой мужская одежда.

— *Ты падаль, как и твой брат. Мир без вас стал чуть чище.*

— *Чудовище!*

— *Я знаю.*

Последнее, что увидел Харила был капюшон скрывающий в тени глаза той, которую он полюбил по настоящему, и кривящиеся в презрительной ухмылке кроваво-красные губы.

Пасита шёл впереди и нес на руках бесчувственную Киру. И это было как-то правильно и привычно.

— Дай её мне!

— Тебе ещё не надоело, сопляк?

У Крэга заходили желваки, он буравил тин Хорвейга взглядом и едва сдерживался, чтобы не набросится. Пасита гнусно усмехнулся, прекрасно понимая метания парня. Если этот молокосос чувствует то же, что и он сам, то его впору пожалеть.

— Давай попробуй, курсант. — голос Защитника прозвучал вкрадчиво, будто он только и ждал первого шага. — Сначала я отделаю тебя так, что родной наставник не признает, а потом ты ещё и ответишь за нападение на Защитника в его владениях.

— Ублюдок, — Крэг в сердцах сплюнул, вызвав новую улыбку Паситы.

— Это моя сестра! — попытался в очередной раз Нааррон.

— Мозгляк, сестра, конечно, твоя. Кто же спорит? Но ты и себя донести не в состоянии, так что заткнись и перебирай ногами молча, — у Паситы было просто чудесное настроение, и он не удержался от шутки. — Эй, молокосос, — обратился он к хмурому Крэгу, — Почему бы тебе не потащить свою подружку для разнообразия? — он указал головой на адепта и засмеялся над собственной шуткой. Ожидаемо его никто не поддержал. — Ребята, у вас вместе с мозгами и чувство юмора напрочь отсутствует?

Позади чуть поодаль шли деревенские, ставшие свидетелями страшной схватки.

На руках несли перепуганных, все ещё всхлипывающих детей. Рядом, едва переставляя ноги, шла зареванная Фения, которую под руку держал какой-то бородач.

Так и подошли к дому знахарки.

— Ранена? — Матрена встретила их за воротами.

— Не сильно. Вот он, — Защитник указал на Нааррона, — ей уже помог. Нужен восстанавливающий отвар.

Матрена протянула фляжку.

— Тут концентрированный, надо развести.

Пасита кивнул и зашагал к дому.

— Куда ты её несешь? — не выдержал Нааррон.

— Домой.

— Ты знаешь, где её дом?

— Представь себе. За год как-то сподобился выяснить, — хохотнул тин Хорвейг и добавил издевательски: — Но несу я её к себе домой. А вас — не приглашал.

— А вот и ошибаешься! — тут уже Нааррон постарался гаденько улыбнуться, — Мы направлены Орденом, чтобы провести официальное расследование в доме, где жил Защитник Каррон. И ты обязан оказывать нам всяческое содействие. Защитник Пасита, ты ведь не хочешь ещё больших проблем с руководством?

— Думаешь уел меня, мозгляк?

— Думаю, тыпустишь нас внутрь и не посмеешь чинить препятствий.

Пасита не ответил. Хмыкнув, зашагал бодрее. А вскоре принялся насвистывать веселую мелодию, крепче прижимая к себе драгоценную ношу. Пасита тин Хорвейг был счастлив. Теперь можно беспрепятственно отправиться в столицу и сделать новый шаг к своей мечте.

И даже двойное недоразумение, которое вышагивает сзади, ему не помеха.

Больше книг на сайте — Knigolub.net